

Ю. А. Тарасов

**ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ:**

проблемные вопросы, гипотезы, выводы

Благовещенск
Издательство БГПУ
2013

УДК 94(571.61)
ББК 63.3(2-4Аму)612,14
Т 19

Тарасов, Ю. А.
Т 19 **Партизанское движение в Амурской области: проблемные вопросы, гипотезы, выводы** / Ю. А. Тарасов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – 238 с.

ISBN 978-5-8331-0268-8

Книга посвящена наиболее проблемным вопросам истории партизанского движения в Амурской области и охватывает весь период от его начала в январе 1919 года до полной победы партизан в феврале 1920 года. Написана она достаточно простым, понятным языком и может быть интересна не только профессиональным историкам, но и самому широкому кругу читателей.

УДК 94(571.61)
ББК 63.3(2-4Аму)612,14

ISBN 978-5-8331-0268-8

© Издательство БГПУ, 2013

Оглавление

Стр.

Введение	4
Историография темы	6
<u>Раздел I.</u> Крестьянские восстания зимы-весны 1919 года	
Глава 1. Предпосылки и причины партизанского движения в Амурской области. Его подготовка	11
Глава 2. Проблемные вопросы хода крестьянских восстаний	37
Глава 3. Проблема оценки Мухинского восстания и соотношения в нём сил и потерь сторон	69
<u>Раздел II.</u> Проблемные вопросы партизанского движения	
Глава 4. Организационный период	96
Глава 5. Период крупных партизанских операций	128
Глава 6. Решающие успехи партизанского движения	155
Глава 7. Дополнительные вопросы, касающиеся партизанского движения в Амурской области	169
Заключение	194
Приложения	196

Введение

Партизанское движение в Амурской области, как и на всём Дальнем Востоке, началось после падения здесь первой Советской власти и установления режима белогвардейщины и интервенции. Исходя из этого факта, во многом под давлением партийно-государственной идеологии, в советской исторической науке с начала 30-х годов в качестве аксиомы утвердилось мнение, что падение Советов и стало главной причиной партизанского движения, начавшегося, якобы, сразу после занятия области войсками интервентов и белогвардейцев осенью 1918 года. При этом подчёркивалось, что оно было организовано и возглавлено партией большевиков. Основной целью и, одновременно, причиной этого движения называлось стремление трудящихся помочь Красной армии разгромить белогвардейщину, изгнать интервентов и восстановить на территории области и края Советскую власть. Научная аргументация такого утверждения опиралась на известные факты преобладающего порой участия коммунистов в руководстве партизанским движением и часто довольно значительного присутствия в рядах партизан пролетарских и полупролетарских элементов населения города и деревни.

Между тем, до начала 30-х годов среди советских историков господствовала несколько иная точка зрения по этому вопросу. Не отрицая наличия у партизан советских лозунгов, они признавали стихийный и по существу не партийный характер начального периода партизанского движения на Дальнем Востоке, рассматривая его как реакцию крестьянства на жестокости белых властей при попытках силой разоружить деревню и по максимуму использовать её материальные и людские ресурсы для борьбы с большевизмом. Сторонники этой точки зрения исходили из свидетельств многих участников крестьянских восстаний, указывающих на зверства и грабежи карателей как основную причину их выступлений, а также из фактов наличия среди руководителей партизан, помимо коммунистов, представителей других революционных партий и множества беспартийных, которые тоже участвовали в организации партизанских отрядов.

Анализ причин расхождения указанных точек зрения показывает, что обе они, в конечном счёте, основываются на смешении двух разных понятий - «крестьянское восстание» и «партизанское движение». В советской исторической литературе о гражданской войне в Амурской области между ними нет чёткого разграничения. Между тем, это два самостоятельных явления, каждое из которых обладает своим собственным содержанием и, следовательно, собственными причинами, при наличии, разумеется, и общих для них причин.

Восстания крестьян имели, как правило, значительно более узкую пространственную и временную локализацию. Они ставили своей целью немедленное свержение существующего правительства и замену его более справедливой «народной» властью, учитывающей интересы основной массы крестьянства. Соответственно, тактикой действий повстанцев было стремление к организации как можно более многочисленных вооружённых сил для быстрого разгрома правительственных войск и занятия важнейших административных центров своего уезда или области. При этом, начиная восстание, они стремились, как правило, обеспечить благожелательный для себя нейтралитет интервентов, хорошо понимая трудности открытого военного противостояния с ними.

Партизанское же движение, по определению, представляет собой подрывные и диверсионные действия в тылу врага относительно небольших вооружённых отрядов и групп, базирующихся, как правило, в лесных массивах и глухих отдалённых от центров деревнях. Цель таких действий — разрушение системы стратегических коммуникаций и управления на занятой противником территории, и недопущение пополнения и снабжения им своих войск за счёт местного населения. В период гражданской войны эта цель чаще всего определяла и состав партизанских отрядов в белогвардейском тылу, и партийное

руководство ими. На практике, в условиях Амурской области, партизанская война иногда сопутствовала и даже сливалась с повстанческой, особенно на первой и завершающей стадиях борьбы.

Исходя из такого разграничения этих двух основных понятий данной работы, повстанческое и партизанское движение представлены в ней отдельными разделами. В то же время, и повстанческое и партизанское движение являются разными видами движения одного и того же типа, которое по традиции тоже назовём партизанским, но в более широком смысле этого слова. Под партизанским движением в широком смысле следует понимать любую продолжительную вооружённую борьбу в тылах противостоящих друг другу на фронте сил. В таком смысле указанный термин использован и в заголовке данной книги.

Высокая степень идеологизации советской исторической науки, ограниченный доступ к архивам и довольно пренебрежительное отношение к методам зарубежной и дореволюционной отечественной историографии, привели к накоплению весьма значительного количества ошибочных положений и трактовок в отношении партизанского движения 1918-1920 годов на Дальнем Востоке. На это в российской исторической литературе было обращено внимание вскоре после устранения в конце 80-х годов прошлого века тотального идеологического контроля, многие десятилетия довлывшего над наукой в нашей стране. В частности указывалось на то, что, несмотря на проведённое за прошедшие 70 лет довольно большое количество научных исследований по теме гражданской войны на Дальнем Востоке, так и не были выяснены следующие вопросы:

1. Имела ли партия большевиков сколько-нибудь широкую поддержку со стороны дальневосточного крестьянства в начале гражданской войны;
2. Какова была позиция крестьянства, особенно среднего, в условиях колчаковской диктатуры;
3. Роль крестьянства в партизанском движении¹.

Не получил пока соответствующего научного анализа и ряд других вопросов. В частности, до сих пор отсутствует удовлетворительная датировка большинства событий партизанской войны. Не выяснена роль в ней так называемых «советских партий», то есть левых эсеров, максималистов и анархистов. Накопилось много ошибочных положений, обусловленных слабой методологической подготовкой историков на ранних этапах развития советской исторической науки и ограниченностью используемого ею формационного подхода. Без анализа и исправления этих ошибок невозможно дальнейшее научное исследование не только истории партизанского движения, но и других смежных с ней разделов истории гражданской войны.

В данной книге автором сделана попытка более тщательно чем в прежних работах на эту тему, с учётом уже достигнутого сегодня уровня исторического знания, проанализировать причины и ход партизанского движения в Амурской области, опираясь не только на уже опубликованные ранее научные труды и источники, но и на неисследованные ещё историками архивные материалы.

Историография темы

Изучение данной темы началось ещё до полного окончания гражданской войны на Дальнем Востоке с опубликования в начале 1921 года в «Амурской правде» статьи В.Замяткина* «Партизанское движение в Амурской области (историческая справка)»². В 1923 году под эгидой центрального Истпарта вышел сборник «Революция на Дальнем Востоке», в котором были опубликована статья С.Серышева, касающаяся партизанского движения в Амурской области³.

Прекращение работы Дальистпарта в 1926 году несколько затормозило, но не парализовало дальнейшее исследование истории партизанского движения в Амурской области. В 1929 году на прилавках магазинов появилась книга о партизанской борьбе в Амурской области⁴, написанная одним из её непосредственных руководителей С.С.Кургузовым. Правда, считать научным исследованием её нельзя. Написана она была без достаточной опоры на документальную базу, что сыграло затем злую шутку с последующими поколениями уже профессиональных историков. Допущенные в книге фактические ошибки на многие десятилетия укоренились в официальной исторической науке, а некоторые из них продолжают оставаться там и по сей день. С конца 20-х годов большинство историков и многие авторы новых воспоминаний о партизанском движении в Амурской области, не имея под рукой достаточного количества архивных материалов, ориентировались на описание и датировку событий, сделанные в книге С.Кургузова.

В дальнейшем, в самом конце 20-х – начале 30-х годов относительно быстро оформляется единая ортодоксальная точка зрения по всем проблемным вопросам истории страны, в том числе и по истории партизанского движения в Амурской области. В организационном плане это совпадает с возобновлением на качественно ином уровне деятельности Дальистпарта осенью 1929 года, который теперь являлся уже не полуизолированным от научных центров страны учреждением, а фактически местным подразделением Института В.И.Ленина, поглотившего собой к тому времени Истпарт со всеми его отделениями на местах. Благодаря этому обстоятельству с начала 1930 года в штат Дальистпарта впервые были включены два научных сотрудника, имевших почти настоящее историческое образование (А.П.Шурыгин окончил факультет общественных наук Московского университета, а С.А.Цыпкин — Ленинградский коммунистический университет)⁵.

Большой вклад в изучение истории амурского партизанства на этом этапе внесло также созданное в 1929 году Дальневосточное землячество при Центральном музее РККА в Москве. На его заседаниях заслушивались доклады и сообщения бывших партизан, значительная часть стенограмм которых землячество передавало в дальнейшем Дальистпарту⁶. В 1932 году землячество выпустило сборник статей и воспоминаний «Борьба за Советы на Дальнем Востоке», в котором уже с новых партийных позиций трактовалась роль большевиков и рабочего класса в партизанском движении края.

Новизна, в данном случае, выражалось в следующих основных положениях, ставших с этого времени совершенно непререкаемыми догмами:

1. Восстание против режима Колчака на Дальнем Востоке крестьянская беднота подняла под руководством пролетариата, в лице расселившихся по сёлам после поражения первых Советов рабочих и красноармейцев, а также его авангарда — местных комитетов коммунистической партии.
2. Только коммунисты с самого начала руководили всем партизанским движением и оказывали ему всемерную поддержку своими подпольными организациями. Все мелкобуржуазные партии, так или иначе, играли контрреволюционную роль в гражданской войне, отвлекая народные массы от бескомпромиссной борьбы с белогвардейщиной и интервенцией, или даже открыто сотрудничая с последними.

* Изданный в предыдущем году в Благовещенске сборник документов и материалов «Красная голгофа» не имел прямого отношения к этой теме.

Для вышедших в том же году книг И.Г.Безродных⁷ и П.Е.Вшивкова⁸ о партизанском движении на Амуре уже характерно чёткое соблюдение принципа коммунистического руководства партизанской борьбой. Правда, в других отношениях эти работы, с точки зрения партийной цензуры, не были абсолютно чисты. Их авторы, являясь непосредственными участниками некоторых из описываемых событий, старались быть максимально искренними в деталях, что подчас шло вразрез с идеологическими установками партии по этому вопросу в целом. Данное обстоятельство и послужило, видимо, одним из поводов для прекращения переиздания этих книг после середины 1930-х годов.

Первым научное изучение событий гражданской войны непосредственно в Амурской области начал в 50-е годы прошлого века местный историк, преподаватель Благовещенского педагогического института В.П.Малышев. Согласно его докторской диссертации движение партизан здесь началось уже в середине октября 1918 года, то есть менее чем через месяц после падения первых Советов. При этом развивалось оно, по его мнению, под постоянным руководством и контролем областной партийной организации большевиков. Остальные левые партии если и упоминаются им вскользь, то исключительно как досадная помеха на её трудном, но верном пути. Чрезмерный схематизм изложения событий и обилие фактических ошибок в изданной через несколько лет монографии В.П.Малышева станут позднее предметом критики со стороны некоторых местных учёных-историков уже следующего поколения⁹.

Критика сталинских методов управления наукой, прозвучавшая на XX съезде КПСС из уст самых высоких руководителей партии и страны, а также начавшийся процесс реабилитации многих репрессированных в годы сталинизма граждан, особенно оставшихся в живых авторов исторических работ 20-х — 30-х годов, придало новый импульс развитию всей советской исторической науки, в том числе и историографии партизанского движения 1918-1920 годов на Дальнем Востоке.

Первым из послевоенных историков мысль о фактическом начале партизанского движения в Амурской области не в сентябре или октябре, как утверждала официальная историография, а лишь в январе-феврале 1919 года, высказали в конце 60-х годов авторы коллективной монографии «Героические годы борьбы и побед». Период с октября по февраль они считали подготовительным к началу партизанской борьбы. В числе причин последней они, впервые после 20-х годов, назвали оскорбление национального достоинства амурских крестьян японскими интервентами, проводившими откровенно экспансионистскую политику на Дальнем Востоке России. Борьба партизан, с их точки зрения, была, по сути, патриотическим движением трудящихся против интервентов и связанных с ними белогвардейцев¹⁰.

Авторы данной монографии даже позволили себе высказать ранее совершенно еретическую мысль, что в движении этом участвовали не только большевики, и что «в условиях Дальнего Востока блок коммунистов с левыми эсерами не разрывался»¹¹. Правда, сразу после этого они не забыли вставить в текст ошибочную, но всё ещё обязательную тогда для историка-коммуниста фразу о том, что партизанское движение здесь повсюду возникло и развивалось под руководством большевистских организаций¹².

Авторы же остальных работ (отчасти за исключением книги Н.Авдеевой и Г.Чечулиной «Пять лет героической борьбы»¹³, фактически развивавшей и дополнявшей основные положения книги «Героические годы борьбы и побед») датируя события партизанской войны, безнадежно путались в противоречивых свидетельствах партизанских воспоминаний и написанных ранее на их основе книг и статей. Одной из главных причин этой путаницы, наряду с подсознательным желанием многих историков не отступать от идеологически правильных догм, и созданных на их основе исторических мифов, было недостаточно хорошее состояние дальневосточных архивов того времени.

Нехватка помещений пригодных для хранения архивов, непригодность этих помещений для работы исследователей, невозможность быстро скопировать нужный

документ, сохраняющиеся на практике ограничения доступа к ним, чрезвычайно затрудняли работу историков, не давая им возможности в жёстко ограниченные сроки подготовить в полном объёме источниковую базу для своих исследований. Большинство, поэтому, шло по линии наименьшего сопротивления, переписывая необходимые фактические данные из уже опубликованных воспоминаний и предыдущих работ на ту же тему. Неудивительно поэтому, что почти все книги и статьи, действительно двигавшие вперёд изучение вопросов партизанского движения 1918-1920 годов на Дальнем Востоке, в те годы писались в Москве, где состояние архивов было не в пример лучше, а двери их открыты значительно шире.

Немногие исключения из этого правила были сделаны работавшими на местном материале историками Амурской области А.В.Агеевым¹⁴ и Н.А.Шиндяловым. Первый, являясь сам в прошлом бойцом одного из партизанских отрядов Амурской области, решительно оспорил давно устоявшуюся догму официальной историографии о том, что партизанское движение на Амуре с самого начала развивалось под прямым руководством существовавшего в Благовещенске обкома РКП(б). По его мнению, в начале движения коммунистическое руководство было лишь косвенным, поскольку настоящих коммунистов среди организаторов первых партизанских отрядов было немного, а основную организующую роль сыграли активисты из местного населения - бывшие солдаты первой мировой войны, распропагандированные большевиками ещё в 1917 году и усвоившие от них идею Советов, как единственно возможную форму справедливого общественного устройства в России. Опираясь на опубликованные и неопубликованные воспоминания бывших партизан, А.В.Агеев также утверждал, что связь с представителем Амурского обкома РКП(б) Ф.Н.Мухиным подпольщики области установили уже после организации во многих сёлах местных штабов и боевых групп.

Н.А.Шиндялов¹⁵, изучив новые, ставшие к этому времени доступными материалы дальневосточных архивов, пришёл к выводу, что первоначально подпольная группа, возникшая вокруг вернувшегося в Благовещенск после падения первых Советов бывшего председателя Амурского Совнаркома Ф.Н.Мухина была чисто большевистской по составу. Однако очень скоро произошло её объединение с группами левых эсеров, максималистов и анархистов в единую подпольную организацию, которая и приступила к подготовке крестьянского восстания в области.

Некоторые из бывших руководителей подпольной и партизанской борьбы в других районах дальневосточного края (М.И.Губельман и П.М.Никифоров) попытались в этот же период самостоятельно описать её историю и в Амурской области. Однако считать действительно научными эти труды никак нельзя. Особенно это касается книги П.М.Никифорова¹⁶. Не имея навыков работы с источниками, совершенно не владея никакими методами исторической науки, слабо зная географию районов где происходили описываемые им события, этот автор умудрился полностью исказить историю партизанского движения 1918-1920 годов в Амурской области. В несколько меньшей степени таким же образом можно оценить и книгу М.И.Губельмана¹⁷.

Приоткрыв свои двери перед историками в конце 50-х годов, архивы позволили им использовать в своей работе значительно большее количество источников, чем это было возможно на предыдущих этапах развития советской историографии. Благодаря этому обстоятельству исторической литературой второй половины 50-х — 70-х годов было введено в научный оборот немало новых фактов, касающихся партизанского движения на Дальнем Востоке. В то же время теоретическое обобщение их историками оказывалось делом довольно рискованным, поскольку почти неизбежно приводило к «еретическим» с точки зрения официальной идеологии выводам. Так известный дальневосточный историк А.И.Крушанов, в одной из первых своих опубликованных работ в начале 60-х годов написал, что среднее крестьянство на Амуре стало активно поддерживать идею Советской власти лишь под влиянием побед партизанской армии¹⁸, и что только осенью 1919 года «рабочие, крестьяне и казаки Амурской области пережили

момент окончательного разрыва с колчаковщиной»¹⁹. Данное положение в корне противоречило основополагающему тезису партийной идеологии и пропаганды о безусловной поддержке трудящимися советской власти с самого начала её возникновения в 1917 году.

Правда во всех остальных аспектах традиционной для советской историографии трактовки данной темы, А.И.Крушанов строго следовал устоявшимся догмам, что особенно проявилось в позднейших его работах по истории гражданской войны в дальневосточном крае²⁰. Большинство же других историков того времени старались вообще не допускать никаких опасных с идеологической точки зрения отклонений от заданного ранее образца даже в мелочах²¹. Всё это приводило к неизбежному нарастанию противоречий между свидетельствами уже опубликованных источников и общепринятым изложением истории партизанского движения на Дальнем Востоке в соответствующих исторических трудах.

В целом, вторая половина 50-х и 60-е годы XX века стали наиболее благоприятным периодом для дальнейшего накопления исторического знания по многим вопросам партизанского движения 1918-1920 годов в Амурской области. Даже книгу А.В.Агеева можно отнести к работам этого времени, поскольку рукопись её создана была в 1961-1967 годах, хотя издана, по настойчивым пожеланиям ветеранских организаций, в существенно отредактированном виде, лишь в 1974 году.

В дальнейшем, по верному замечанию И.В.Наумова²², интерес учёных к истории партизанского движения на Дальнем Востоке заметно ослабел. Исторические труды, опубликованные во второй половине 70-х — середине 80-х годов не внесли ничего нового в её изучение (за исключением книги Н.А.Шиндялова о Ф.Н.Мухине), а исследование данной темы практически приостановилось. Более того, по мнению того же И.В.Наумова, в изучении проблем партизанского движения на Амуре был сделан шаг назад, по сравнению с лучшими работами 60-х — начала 70-х годов²³. Он же признаёт, что вплоть до середины 80-х годов историкам так и не удалось преодолеть догматический, упрощённый подход к истории гражданской войны²⁴. С середины 70-х годов фактически прекратился даже выпуск новых сборников документов и воспоминаний на тему партизанского движения 1919-1920 годов на Дальнем Востоке.

Политика перестройки положила начало постепенному формированию условий для перехода к современному этапу изучения истории данного вопроса. Первым шагом стало обусловленное политикой гласности значительное смягчение цензурной политики государства в отношении новых исторических работ. Последовавший затем относительно быстрый, в течение всего трёх лет, слом старой советской партийно-государственной машины объективно способствовал устранению идеологических и политических препятствий для свободного развития отечественной исторической науки, особенно — истории советского периода.

К сожалению, непосредственно истории партизанского движения 1919-1920 годов в Амурской области новые веяния поначалу почти не коснулись. В течение последующих полутора десятков лет по данному вопросу не было опубликовано ни одной монографии или научной статьи. Фактическое прекращение научного изучения этого раздела истории к концу 60-х годов, продолжало по инерции оказывать своё негативное воздействие и на следующем этапе развития отечественной историографии. Среди молодых историков сложилось ложное убеждение, будто бы данный вопрос за прошедшие 70 с лишним лет изучен вдоль и поперёк, и найти в нём почву для серьёзных научных исследований уже нельзя.

В то же время наблюдается бурный рост исследований по всем остальным проблемам истории гражданской войны на Дальнем Востоке, которые объективно создавали необходимые предпосылки для последующего прорыва также и в изучении краевой истории партизанства 1918-1920 годов. Главную роль, при этом, сыграла смена методологической парадигмы, выразившаяся в отказе от монополии упрощённо

понимаемого формационного подхода, многие десятилетия сковывавшего действительно научное исследование истории нашей страны.

Всё это позволило во второй половине первого десятилетия XXI века вплотную подойти к решению давно назревших проблем истории партизанского движения 1918-1920 годов в Амурской области. Не случайно в последние годы уже начинают появляться статьи, авторы которых, на основе анализа уже опубликованных ранее работ, пытаются осветить эту проблему без использования прежних стереотипов и идеологических догм²⁵. Однако заметное у этих авторов некоторое пренебрежение к работе с непосредственными источниками значительно ограничивает их возможности в полноценном исследовании данного вопроса.

Раздел I Крестьянское восстание в Амурской области

Глава 1 Предпосылки и причины восстания. Его подготовка.

I. Общие причины и предпосылки партизанского движения

В социальных явлениях причинность установить довольно трудно, так как она складывается из взаимодействия многих социальных и естественных факторов, образующих своеобразные узлы и фокусы и находящих своё выражение в событиях, развивающихся в конкретных пространственно-временных условиях. В силу этой сложности причины партизанского и повстанческого движения можно различать по различным логическим основаниям. Они могут быть, например, постоянными или временными, внешними или внутренними, общими или локальными, объективными или субъективными, а также, в соответствии со сферами общественной жизни, экономическими, социальными или политическими.

Попробуем совместить разные варианты причинности в рамках единой классификации. За основу возьмём деление причин на объективные и субъективные, поскольку это позволяет сразу же определить важное с цивилизационной точки зрения культурно-личностное измерение исторических событий. Внутри группы объективных причин, по мере необходимости, будем выделять внутренние и внешние, общие и локальные, а также экономические, социальные и политические.

Взяв за основу анализа цивилизационный подход, начнём классификацию с группы субъективных причин, а точнее - предпосылок, являвшихся постоянной частью сознания людей той эпохи и, в этом своём качестве, существенно влиявших на ход исторических событий. Под субъективными предпосылками, в данном случае, понимаются господствующие в тот период устойчивые коллективные представления (ментальности) и временно действующие настроения, подготовившие сознание определённых групп населения края к восприятию необходимости вооружённого противодействия режиму Колчака и интервенции. В число субъективных предпосылок партизанского движения можно включить также и те особенности сознания сторонников колчаковского режима, которые становились причиной действий, так или иначе способствовавших дискредитации его в глазах населения или подталкивавших последнее к сопротивлению властям.

1. Субъективные предпосылки:

1). Просоветская позиция большинства вернувшихся домой солдат мировой войны.

Побудительные мотивы такого рода настроений вполне понятны. Во-первых, Советы ещё в период службы фактически освободили солдат от подчинения офицерам, дав при этом право участвовать во власти (в тех же Советах) через своих выборных представителей и самим распоряжаться своей судьбой.

Во-вторых, форма организации Советов, как органов власти, позволяла бывшим солдатам, не связывая себя строгими формальностями выборной процедуры, взять власть на местах в свои руки, отстранив от неё прежнюю элиту — антисоветскую часть сельской интеллигенции, наиболее зажиточных крестьян, и приходских священников, просто путём лишения этих категорий населения права голоса как «паразитов и эксплуататоров трудового народа». Полученное при демобилизации от той же советской власти оружие, в условиях фактического распада государственной организации на местах, делало бывших солдат, объединённых групповыми интересами и сознанием своих новых возможностей, решающей силой на селе.

В третьих, советская власть первоначально фактически позволила крестьянской общине самой регулировать наболевший земельный вопрос, который доминирующие теперь в деревне бывшие солдаты могли решить в свою пользу за счёт государственных, частных, церковных и тех наиболее зажиточных надельных хозяйств, которые не пострадали или даже укрепились в условиях войны.

В четвёртых, земские учреждения местного самоуправления были созданы на Дальнем Востоке ранней осенью 1917 года, то есть без участия призванных в армию большинства взрослых мужчин села. Привыкшие к активной политической деятельности в последние революционные месяцы своей службы солдаты уже не могли мириться с отстранённостью их от участия в делах местного управления после возвращения домой. Поэтому почти все они приняли участие в организации Советской власти в области и крае. После свержения первых Советов, осенью и зимой 1918 года, колчаковское правительство не разрешило провести на большей части территории края перевыборы земских органов, оставив у власти их первоначальный состав. Это дополнительно способствовало успеху советской пропаганды среди бывших солдат и членов их семей.

2). Популярность социальной политики первых Советов среди беднейших слоёв населения деревни. Особую благодарность к советской власти вызывали у них проводимый ею в деревне уравнительный передел земли и стремление обеспечить бедняков бесплатно или на льготных основаниях хлебом, семенами и рабочим инвентарём.

3). Преимущества в глазах большинства крестьян советской организации власти на местах, сложившейся в Амурской области при первых Советах, перед насаждаемыми белыми властями земскими учреждениями. Главным из этих преимуществ было финансирование советских учреждений и школ из государственного бюджета. Освободила сельское население Советская власть и от обязанности содержать церковь и её причт.

4). Преобладание в настроениях офицеров-белогвардейцев чувств мстительности и реваншизма, часто служивших главной причиной крайних жестокостей по отношению к реальным и мнимым сторонникам советской власти, которые, в свою очередь, толкали последних на путь вооружённой борьбы с белым режимом.

Подобные настроения офицерства объясняются целым рядом причин как общероссийского, так и местного происхождения. К первым можно отнести унижения и оскорбления, которые вынуждены были перенести со стороны солдат многие офицеры после начала «демократизации» армии в 1917 году, а также сопровождавшиеся большими жертвами среди офицерства поражения восстаний против советской власти в ряде городов России. Случилось подобное и в Благовещенске, во время подавления Гамовского мятежа, в ходе которого погибло, по свидетельству С.С.Кургузова, до четырёх тысяч защитников и жителей города. При этом, местное крестьянство не только обмануло их ожидания получить в борьбе с большевизмом поддержку зажиточной амурской деревни, но и само сыграло решающую роль в разгроме мятежа, добровольно выставив против него несколько тысяч закалённых в боях солдат-фронтовиков, под руководством офицеров, вышедших из крестьянской среды.

5). Значительные антияпонские настроения среди русского, китайского и корейского населения Дальнего Востока России.

Предпосылками таких настроений являлось:

а) участие многих жителей края в русско-японской войне 1904-1905 годов, особенно из числа оставшихся здесь после демобилизации солдат; б) широкая на Дальнем Востоке антияпонская пропаганда периода той же войны; в) большое различие культурных стереотипов у одетых в военные мундиры японцев и русских жителей края.

Важность культурных предпосылок для развития партизанского движения подтверждается принятой в декабре 1919 года 7-м (Таёжным) Областным съездом Советов резолюцией, осуждавшей Колчака, в частности, «как предателя, призвавшего

чуждые нам по духу, обычаям и религии войска японских империалистов²⁶...».

г) близкое знакомство корейских жителей края с солдатами микадо в оккупированной последними Корее, откуда они вынуждены были бежать на российскую территорию, а китайских - в Манчжурии, юг которой трижды за последние четверть века разоряли японские войска, в результате чего от Китая была отторгнута южная часть полуострова Ляодунь.

б). Бунтарские традиции большинства переселенцев из центральных районов Российской империи на Дальний Восток. Основаниями для этих традиций были следующие факторы:

а) Местом выхода большинства переселенцев на Дальний Восток были бывшие казацкие земли Украины, исторически служившие базой повстанческого движения против польских панов в 16-м и 17-м веках, а также воспетой Тарасом Шевченко «гайдамаччины» 18-19-го веков. С середины 17-го и вплоть до 80-х годов 18-го столетия земли левобережной «слободской» Украины не знали крепостного права, которое на этой территории Российской империи просуществовало менее 80-ти лет, не успев полностью изменить свободолюбивую психологию бывших казаков.

б) Основная масса «стольпинских» переселенцев прибывала в край из районов в наибольшей степени охваченных массовыми сельскохозяйственными беспорядками и бунтами в годы русской революции 1905- 1907 годов. Самое большое участие в этом бунтарском движении принимала крестьянская беднота, которая, в основном, и устремилась, после поражения революции, за лучшей долей на Дальний Восток.

7). Сложившийся в течение нескольких предшествующих десятилетий особый менталитет местного старожильского населения. Оно отличалось такими социально-психологическими качествами как смелость, смекалка, независимость характера, значительно большее, чем у крестьян центральной России, чувство собственного достоинства. Все эти черты сформировались под влиянием особенностей освоения дальневосточного края, наложивших свой отпечаток буквально на все стороны жизни крестьян. Имея такие качества, местные старожилы не могли смириться с прямым и откровенным нарушением своих, ставших для них уже традиционными, прав со стороны белых властей. Особенно сильный гнев и возмущение вызывали у них жестокие методы, применяемые белогвардейцами при проведении своей политики в деревне: массовые порки, расстрелы и сжигание жилищ крестьян.

8). Довольно широкое распространение среди русских рабочих Дальнего Востока социалистических идей разного толка, особенно социал-демократических, что обусловило неприятие значительной их частью открыто буржуазной колчаковской диктатуры и поддержку всех сил, реально борющихся против неё, в первую очередь — большевиков. Предпосылками для успехов социалистической пропаганды среди рабочих масс в крае были:

а) Возвращение в Россию значительного количества политических эмигрантов-социалистов после Февральской революции, которые большей своей частью осели в городах дальневосточного края и вошли в руководящий состав местных социалистических партий, серьёзно укрепив их в организационном и идеологическом отношении.

б) Наличие на многих частных и земских предприятиях области и края бывших активных участников революции 1905-1907 годов, укrywшихся здесь от преследований царской охранки, а также политических ссыльнопоселенцев.

9). Обострённое чувство патриотизма, распространённое среди широких масс русскоязычного населения Дальнего Востока вследствие крайне уязвимого пограничного положения его по отношению к таким сильным империалистическим державам как Япония и США, а также к многомиллионному Китаю. Абсолютная невозможность местного дальневосточного населения обойтись своими силами в случае возникновения необходимости отражения любой внешней угрозы занятой им территории, препятствовала сколь либо серьёзному проявлению сепаратизма и породила стремление к поддержке

как можно более прочной политической и экономической связи с центром страны. Отчасти именно эти настроения дальневосточников позволили сторонникам советской власти воспользоваться поддержкой большей части населения края после того, как оно узнало о решающих успехах Красной армии на Восточном фронте.

2. Объективные причины и предпосылки

Под ними подразумеваются факторы хотя и не обязательно являвшиеся частью сознания действительных участников партизанского движения и их противников, однако в значительной степени определявшие их поведение. К ним относятся сложившиеся в обществе социальные, экономические и политические отношения, а также воздействие на последние природных и географических факторов.

1) Внутренние причины:

а) Социально-экономические:

В составе внутренних постоянных причин перечислим в качестве первоочередных социально-экономические, обусловившие в материальном плане тот самый конфликт интересов разных социальных групп, который и привёл, в конце концов, к многообразному расколу общества в условиях революции и гражданской войны, облегчив, тем самым, победу наиболее радикальных сил. Они имеют в своём основании экономические противоречия между различными социальными группами населения. Важнейшими из этих противоречий являются капиталистические, порождённые разделением крестьянства на три основных социальных слоя - зажиточную верхушку, среднее крестьянство, и бедноту.

Такое расслоение среди амурского крестьянства действительно имело место, хотя точного расчёта соотношения социальных слоёв в нём произвести пока не удалось. По свидетельству современных дальневосточных историков Е.А.Лыковой и Л.И.Проскуриной, сложность вопроса состоит в том, что до сих пор не выработаны единые критерии оценки социальных групп и методика их определения²⁷. М.И.Старков, которому по его собственному признанию не удалось найти никаких объективных критериев для классификации амурского крестьянства, ещё почти 50 лет назад вынужден был констатировать, что точно определить классовые группы внутри крестьянства очень сложно, так как между ними нет строгих границ, существуют переходные слои и, к тому же, не имеется ни одного социально-экономического признака, достаточно универсального для такой разбивки²⁸.

Тем не менее, он всё же сделал попытку обозначить процентное соотношение различных социальных групп в амурской деревне, которую, по изложенной выше причине, нельзя считать достаточно обоснованной, так же как и все остальные подобные классификации советских историков, среди которых ни одна полностью не совпадает с другой. Общим местом для них было стремление максимально повысить долю бедняков среди сельского населения края (до 30 - 50 %), поскольку именно прямой поддержкой последними советской власти они объясняли саму возможность начала партизанского движения на Дальнем Востоке.

Помимо противоречий вызванных капиталистическим расслоением крестьянства, можно выделить и противоречия внутри самих крестьянских хозяйств между старшими членами (большаками) и младшими, уже имеющими свои семьи и стремящимися к разделу. При отделении молодым семьям, как правило, доставались участки поменьше и похуже, что, естественно, вызывало у них чувство социального протеста и стремление к общему переделу земли. Имели место и противоречия переселенческого характера, связанные с тем, что вновь прибывающие крестьянские семьи почти всегда оказывались в худшем положении, чем уже живущие здесь, поскольку лучшие земли были заняты, а на обзаведение хозяйством в самое короткое время требовались определённые средства,

которых часто не хватало.

К социально-экономическим противоречиям можно отнести и столкновения разновремененно образованных крестьянских селений по поводу надельной земли. Раньше основанные крестьянские общества часто захватывали себе лучшие земли, что создавало экономически неравное положение для позже образовавшихся соседних общин. В этой связи особенно чётко обозначилось неравноправие селений, наделенных из расчёта 100 десятин на каждую семью, и селений, составленных из хозяйств, получивших по 10-15 десятин на душу мужского пола. Сложное положение последних становится понятным, если учесть, что душевые наделы получили, в подавляющем большинстве, так называемые «столыпинские переселенцы», в массе своей – бедняки, семейный состав которых почти всегда насчитывал очень мало мужских рабочих рук (последнее обстоятельство отмечал, в частности, А.Меньшиков в 1914 году²⁹).

Немалое раздражение крестьян вызывали и соседние частные землевладения, многие из которых не разрабатывались их собственниками, а сдавались ими в аренду или вообще пустовали³⁰. Подобный тип противоречий часто возникал также между крестьянскими обществами и казачьими станицами, владевшими лучшей по качеству и большей частью не используемой землёй вдоль границы с Китаем. Помимо этого, существенную роль сыграло исчерпание уже к 1910 году на отведённой для крестьян-переселенцев территории Амурской области запасов пригодных для ведения эффективного земледельческого хозяйства почв, что неизбежно вело здесь к росту земельных противоречий.

Немаловажной предпосылкой обострения социально-экономических противоречий в амурской деревне стали последствия первой мировой войны. В результате многочисленных мобилизаций людей и лучших лошадей на войну большинство крестьянских хозяйств оказались к началу 1918 года в крайне тяжёлом положении. Из-за нехватки рабочих рук и рабочего скота резко сократились в таких хозяйствах площади обрабатываемых земель. Значительная часть бывших середняцких хозяйств перешли по своему социально-экономическому статусу в разряд бедняков, а середняками стали многие прежде вполне зажиточные хозяева. Соответственно резко повысился процент неимущих и малоимущих крестьянских хозяйств, а процент зажиточных наоборот существенно сократился. Следствием этого стал значительный рост социальной напряжённости внутри дальневосточной деревни к концу первой мировой войны.

Запутанная сеть социальных противоречий порождала стремление большинства дальневосточных крестьян разрешить их путём общего уравнительного передела земель, что и помогла им сделать, в первое время, Советская власть. Отказ белогвардейских властей утвердить уже в значительной степени состоявшийся раздел³¹ не мог не привести их к серьёзному конфликту с основной массой крестьянства по всему Дальнему Востоку.

б) Социальные:

Помимо социально-экономических противоречий в деревне, целесообразно выделить в качестве причин партизанского движения и группу противоречий чисто социального свойства. Это противоречия, вызванные напряжённостью в отношениях между социальными группами одного уровня, различающимися между собой в культурном отношении. Соотношение таких групп в социологии принято называть гетерогенностью или горизонтальной дифференциацией населения. Известно, что чем выше уровень гетерогенности общества (то есть больше количество таких групп) тем меньше возможностей достижения общественного согласия и больше вероятность социальных конфликтов.

Население Амурской области к моменту начала гражданской войны представляло собой очень разнородный в культурном, национальном и религиозном отношении конгломерат социальных групп. Русское население, например, по религиозному принципу чётко разделялось на представителей официального православного

исповедания, старообрядцев и так называемых сектантов (в основном баптистов и молокан). Причём старообрядчество тоже делилось на признающее священство и не признающее его (беспоповцы). Особую культурную группу представляла собой атеистически настроенная часть интеллигенции. Да и сама российская интеллигенция в культурном отношении резко отличалась от носителей традиционной сословной культуры крестьян и мещан. То же самое можно сказать и о представителях потомственного дворянства.

Национальный состав населения края также был чрезвычайно сложен. Кроме русских, весьма значительный процент его составляли украинцы, белорусы, молдаване, китайцы, корейцы и более мелкие национальные группы со всех концов российской империи и зарубежного Дальнего Востока. Вместе они значительно превышали процент собственно русского населения края. Особенно много было выходцев из Украины. Однако и они в этническом отношении не представляли собой определённого единства. Уроженцы Полесья, северных районов Черниговщины, остального днепровского левобережья, правобережной Украины и Новороссии сильно отличались между собой в культурном и, даже, в языковом отношении. То же самое можно сказать и о белорусах, ещё не имевших в то время даже общего национального самосознания и литературного языка.

Этнические и религиозно-культурные границы разделяли тогда жителей большинства волостей, сёл и деревень Амурской области и всего Дальнего Востока, что сильно затрудняло достижение общественного согласия даже на самом низшем уровне социальной организации населения. Как отмечал в своих статистических исследованиях А.Меньшиков, «... Повсеместно ... в общинах, где сошлись выходцы из разных губерний, население каждой из них обособляется в группы, нередко враждующие между собой. При обсуждении на сходках вопросов общественного характера, каждая такая группа отстаивает свои партийные интересы, не считаясь с мнениями и желаниями других односельчан. ... На почве разногласий возникают тяжбы, ссоры, драки и т.п. Весьма вероятно, что этнографическая рознь населения мешает установить основы земельных переделов...»³².

Видимо, именно данная проблема и стала одной из причин практической невозможности создания системы эффективно действующих органов демократической власти в большинстве амурских сёл и волостей во второй половине 1917 и осенью 1918 года, что в значительной степени предопределило в первом случае победу наиболее радикальных элементов в деревне, а во втором - провал попыток организовать альтернативную Советам демократическую государственность силами партий эсеров и меньшевиков.

в) Социально-политические: противоречия между крестьянской общиной и государством

Такие противоречия имели место в самых разных видах взаимодействия властей с жителями дальневосточной деревни:

Существенной причиной недовольства дальневосточных крестьян стало введение белыми правительствами края поземельного налогообложения. Дело в том, что государственных налогов за землю на Дальнем Востоке крестьяне до революции не платили. Правда существовали различные виды местных платежей (земские сборы, церковная руга и др.), а также натуральные повинности (участие в строительстве и поддержании в исправном состоянии дорог, предоставление транспорта для государственных нужд и т.п.), которые тоже тяготили крестьян. Советская власть ввести здесь дополнительное налогообложение не успела.

Немало трений в отношениях между крестьянами и государством породила и деятельность таможи, особенно в годы первой мировой войны (до 1913 года допускался свободный привоз китайских товаров в 50-вёрстной приграничной с Китаем полосе³³

Дальнего Востока). Для необразованных или вообще безграмотных дальневосточных крестьян, давно привыкших к порто-франко (существовавшему в крае до 1901 года), была непонятна сама идея ограничения свободы торговли, и любые действия властей, препятствующие ей, воспринимались жителями деревни как посягательства на естественное состояние вещей. Большинство из них не обращало особого внимания на запреты и охотно участвовало в контрабандной торговле (главным образом – спиртом), или же пользовалось её плодами, укрывая преступников от преследования государства.

Победа советской власти была воспринята сельским населением как освобождение от всех видов государственного вмешательства в дела крестьян, в том числе и от ограничения торговых связей с границей. Сильно запоздавшие попытки краевого и областных советов восстановить деятельность пограничной таможенной системы не привели к практическим результатам из-за противодействия жителей приграничных районов и местных советских властей. Стремление последующих белых правительств наладить таможенный контроль также встретило активное неприятие со стороны крестьян.

в) Политико-экономические:

Кризис финансовой системы.

Важнейшей политико-экономической предпосылкой партизанского движения в крае был колониальный характер его экономики, не способной функционировать в отрыве от метрополии с одной стороны и мирового рынка с другой. Уменьшение экономических связей с центром страны в ходе мировой войны и революций, а затем и полный разрыв их после начала гражданской войны привели к росту товарного дефицита и, как следствие, к бурному развитию контрабанды и спекуляции на Дальнем Востоке. Это обстоятельство дополнительно способствовало развалу государственных финансов на всей территории края и ещё большему снижению уровня жизни населения, окончательно подрывая, тем самым, социальную базу белогвардейского политического режима.

Кроме того, острая нехватка валюты и золота в амурской казне в условиях экономической разрухи не позволила белогвардейской администрации области обеспечить хотя бы временную и относительную устойчивость выпущенных ранее в обращение местных денежных единиц. Это повлекло за собой стремительную девальвацию последних и прогрессирующую инфляцию в экономике, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для реального положения народных масс.

Падение закупочных цен на зерно.

В силу климатических и ряда других причин себестоимость дальневосточной продукции значительно превышала уровень произведённой в соседнем Китае, Японии или в развитых странах Запада. Особенно это касается сельскохозяйственной продукции, которая без поддержки государства не выдерживала конкуренции более дешёвого маньчжурского мяса и зерна. Понимая это и желая обеспечить снабжение расквартированных на Дальнем Востоке воинских частей отечественным продовольствием, царское правительство осуществляло закупку его в первую очередь у дальневосточных российских крестьян, причём по сильно завышенным ценам, искусственно поощряя, тем самым, быстрый рост товарного земледелия в крае. Менее крупные скупщики зерна (торговцы и промышленники в городах, приисках и рабочих посёлках) были вынуждены ориентироваться в своей ценовой политике на казну.

Крушение российской империи, а затем и роспуск армии привели к прекращению интендантских закупок зерна и, тем самым, резко понизили закупочные цены на него до рыночного уровня³⁴ (почти в два раза). Рыночный же уровень закупочных цен на Дальнем

Востоке формировался в Манчжурии, обладавшей во много раз большим объёмом поставок зерна на рынок и более низкой его себестоимостью³⁵. В результате крестьяне были вынуждены продавать хлеб себе в убыток, что не могло не вызвать у них раздражения экономической политикой правительства.

Поскольку цены на зерно при белых режимах диктовали уже хозяева крупных паровых мельниц, а цены на необходимую селу промышленную продукцию – спекулянты и владельцы промтоварных магазинов, это обстоятельство резко осложнило отношения между основной массой крестьянства и городской буржуазией, с самого начала разведя их по разные стороны баррикад гражданской войны. Та часть кулачества, которая участвовала в спекулятивной торговле промышленными товарами между городом и деревней, также вызывала враждебное отношение к себе у большинства крестьян.

Кризис в промышленности и на транспорте.

Начало этого кризиса было связано, в основном, с отвлечением ресурсов (людей, денег, сырья и материалов) на ведение мировой войны. Оборонных предприятий в Амурской области было немного, и их относительное процветание не могло компенсировать общий упадок местной промышленности, в значительной степени зависимой от притока капиталов извне. Нехватка рабочей силы, в связи с массовым призывом в армию, в первую очередь ударило по предприятиям и промыслам, использующим в основном ручной труд. За годы первой мировой войны заготовки леса и кустарный лесной промысел, например, сократились в крае более чем в два раза. Такой же упадок, впрочем, наблюдался и в капиталистической лесной промышленности. Она резко сократила переработку леса. Часть заводов и мастерских была закрыта³⁶.

Серьёзный кризис переживал и речной транспорт. Правда, главной причиной этого была не мировая война, а прекращение строительства Амурской железной дороги, резко сократившее объём заказов на перевозку по рекам строительных грузов и материалов. Да и само количество казенных грузов из-за этого сильно упало. Так в 1914 году грузов на строительство было доставлено в 5 раз меньше, чем в предыдущем³⁷. Кроме того, сама железная дорога, после вступления в строй, отвлекла на себя значительную часть общего грузопотока. В результате, многие крупные судовладельцы, не говоря о мелких, были разорены. За 1914 – 1917 годы число несамостоятельных судов в Амурском бассейне уменьшилось на 87 единиц, а самостоятельных – на 15. За это же время грузоперевозки речным транспортом сократились почти в 2 раза³⁸.

Последовавшие после окончания мировой войны социалистические эксперименты в промышленности и транспорте Амурской области не улучшили, а только ещё более ухудшили ситуацию.

Экономические последствия политики первых Советов в крае (исчерпание финансовых запасов, резкое сокращение частного капитала, значительное снижение золотодобычи, рост инфляции, разрыв экономических связей, сокращение импорта и правильной внутренней торговли, расцвет контрабанды и спекуляции).

г) Политические причины и предпосылки:

Советские историки ставили на первое место в числе политических предпосылок партизанского движения **работу подпольных большевистских комитетов и групп** по организации борьбы за восстановление Советской власти. Такая работа действительно имела место, но её успех был подготовлен и дополнен наличием здесь ряда других предпосылок партизанского движения среди крестьянства, таких как:

Наличие в амурской деревне значительных запасов нарезного огнестрельного оружия, пригодного для употребления в современном бою. Это, в первую очередь, трёхлинейные магазинные винтовки Мосина, принесённые с собой солдатами

распушенной старой русской армии, а также однозарядная винтовка Бердана, которой царское правительство вооружало на Дальнем Востоке крестьян-переселенцев для защиты от крупных хищников и хунхузов. Множество нарезного оружия (в том числе и иностранного происхождения) попало сюда после ликвидации красногвардейских фронтов летом-осенью 1918 года. Немало его было куплено крестьянами для охоты и на свои собственные деньги в течение всего предыдущего периода освоения края.

Достаточно высокий уровень боевой подготовки взрослого мужского населения амурской деревни вследствие двух обстоятельств: а) мобилизации в армию большей части боеспособных крестьян мужского пола в годы первой мировой войны; б) большого процента уже отслуживших в армии мужчин среди переселенцев на Дальний Восток. Причём многие из последних остались тут после службы в армии, получив на льготных условиях земельный надел и перевезя сюда свои семьи.

Значительная степень большевизации центральных аппаратов основных кооперативных объединений. В Амурской области кооперативное движение до падения первых Советов даже возглавлял коммунист Сюткин. Но и правоэсеровское руководство кооперативами, после фактического перехода своей партии в оппозицию режиму Колчака, сквозь пальцы смотрело на деятельность большевиков и их союзников в этой организации. В результате, многим бывшим советским деятелям удавалось под чужими фамилиями получать должности в аппарате кооперации и использовать её сначала для налаживания связи между подпольными ячейками, а позже и для снабжения партизан оружием, деньгами, одеждой и продовольствием.

2) Внешние причины:

а) Экономическая зависимость области от импорта сельхозмашин из США. Прекращение ввоза американских сельскохозяйственных машин и необходимых для их работы комплектующих элементов и запасных частей, после национализации их сбыта и резко ускорившейся в результате действий первых Советов деградации финансовой системы области, привело к увеличению доли ручного труда в сельском хозяйстве. С другой стороны советская власть всячески препятствовала широкому применению наёмного труда в деревне. Всё это вместе не могло не привести к кризису осуществляемых по низким ценам хлебозаготовок летом 1918 года и, раздражая крестьян-производителей хлеба, способствовало падению здесь советской власти.

Однако и после ликвидации на Дальнем Востоке первых Советов финансовый кризис продолжал прогрессировать, препятствуя нормальному товарообмену с границей и получению так необходимых сельскому хозяйству края машин и их комплектующих. Тем самым, кризисное состояние сельского хозяйства сохранялось здесь на протяжении всей гражданской войны, вызывая острое недовольство крестьян экономической политикой теперь уже белогвардейских правительств.

б) Интервенция держав Антанты на Дальнем Востоке. Начавшись под предлогом недопущения использования Германией ресурсов России для ведения мировой войны, она, тем не менее, продолжилась и после её завершения, вызывая у российского населения края страх возможного отторжения этой территории от России, и создавая, таким образом, для сторонников советской власти имидж защитников национальных интересов страны.

в) Скопление в Амурской области значительных масс отходников и иммигрантов из Китая и Кореи, становившихся социальной базой для хунхузничества, а также национальных и революционных освободительных движений этих стран, сторонники которых часто принимали участие в гражданской войне на стороне партизан.

г) Внешней по отношению к Амурской области причиной партизанского движения следует считать и само существование Советской республики в центре страны, успехи и неудачи которой на Восточном фронте оказывали прямое воздействие на настроения и активность просоветски настроенных политических сил в регионе.

II. Причины и предпосылки крестьянского восстания в Амурской области

1. Субъективные:

1) **Успешный опыт массового вооружённого выступления крестьянства в период подавления Гамовского мятежа.** Взятие Благовещенска в марте 1918 года породил в умах амурских крестьян убеждённости в возможности решения проблемы конфликтных отношений с политической властью на областном уровне вооружённым путём.

2) **Категорическое неприятие многочисленными сектантами области идеи принудительной мобилизации молодёжи на военную службу.** Все три основных направления нетрадиционного христианства в Амурской области - молокане, баптисты, старообрядцы – отрицательно относились к военной службе государству вообще. Стремление колчаковской власти, во что бы то ни стало, принудительно поставить под ружьё их молодёжь, как минимум лишила белогвардейский режим поддержки этих враждебных большевизму, экономически сильных и довольно многочисленных религиозных общин.

3) **Популярность самого руководителя восстания Ф.Н.Мухина среди значительной части крестьян области, базировавшаяся на следующих основаниях:**

а) Во время первой мировой войны Мухин был призван в дружину ополчения, находившуюся в составе Благовещенского гарнизона, и состоявшую в основном из амурских крестьян старших возрастов. Именно ему удалось в 1917 году распропагандировать ополченцев и убедить их поддержать советскую власть. И именно крестьяне-ополченцы, вместе с бывшими солдатами-фронтовиками в деревне и частью рабочих Благовещенска, обеспечили его приход к власти в области в феврале-марте 1918 года.

б) Преобладание в денежном обращении области (даже при белом режиме зимой 1918-1919 гг.) знаков, выпущенных за его подписью, в условиях финансового кризиса делало Мухина в глазах мелких производителей основным гарантом их денежных сбережений и, следовательно, наиболее легитимным представителем политической власти.

4) **Ошибки и просчёты официальных белых властей.**

Несмотря на тяжёлое экономическое положение в области, массового восстания крестьян зимой 1918-1919 годов можно было избежать, если бы в этот период не было допущено множество политических ошибок представителями белых властей.

Первой и самой главной такой ошибкой было нежелание пойти на компромисс со средним и зажиточным-трудовым амурским крестьянством, представленным в политике Временным исполкомом Песчаноозёрского съезда. Именно оно составляло основную военную силу в области, поскольку являлось самым многочисленным слоем амурского крестьянства, имело экономические ресурсы для ведения длительной борьбы, и было довольно хорошо вооружено. Понимая это, большевики в своё время не решились на прямое военное противостояние с ним. Основным политическим требованием этой части крестьянства было тогда областное или общесибирское учредительное собрание, способное решить вопрос о власти и о земле в пользу, как оно надеялось, крестьян-хлеборобов. Пренебрежение интересами зажиточного трудового крестьянина и середняка предопределило бесславный конец белогвардейского режима на Амуре и во всём крае.

Другие ошибки были уже следствием первой, поскольку стали возможны только в результате отсутствия политической договорённости в масштабе всей области между основной частью населения и властью. Внешне они кажутся вынужденными, порождёнными определёнными политическими обстоятельствами и экономической обстановкой в крае.

Вторая, например, по времени, ошибка – сокращение численного состава милиции в области, после ликвидации ряда её поселковых и волостных отделений и резкого уменьшения финансирования, была вызвана стремлением оказавшейся у власти Областной земской управы ввести режим строгой экономии государственных средств в условиях жёсткого финансового кризиса в ноябре 1919 года. Земство явно недоценило тогда угрозу со стороны рассеявшихся по области мелких групп бывших советских работников и красногвардейцев, готовых при первой же возможности возобновить борьбу за Советскую власть.

Той же финансовой причиной объясняется и настойчивое стремление Областной земской управы изъять у волостных самоуправлений переданные им на различные организационные и социальные нужды Советом Народных Комиссаров денежные средства. Такая, внешне вполне законная политика не могла не подорвать последние остатки уважения крестьян к земской организации власти.

Имея столь слабую экономическую базу, земство Амурской области быстро утрачивало в соперничестве с властью белогвардейской военщины одну политическую позицию за другой. Сначала оно вынуждено было смириться с передачей милиции в ведение центральных колчаковских властей³⁹, а затем уже полностью потеряло возможность контролировать политику областного военного руководства в деревне, в том числе и рассылку по области карательных отрядов, состоящих из офицеров и казаков.

Окончательным ударом по авторитету земства, как организации местного народного самоуправления, стала отмена колчаковским правительством в декабре 1918 года перевыборов гласных волостных и областных земских собраний. Это решение, также было вызвано вполне понятным желанием не допустить проникновения в земские учреждения большевиков и других сторонников Советской власти. Между тем, большая часть амурских крестьян, даже в декабре 1918 года, вряд ли была настроена на продолжение социалистических экспериментов, и создание власти, облечённой их доверием, могло существенно изменить политическую ситуацию в области не в пользу большевиков.

Ещё одной ошибкой белых властей стало стремление полностью изъять оружие у крестьян. Таким путём предполагалось, по-видимому, убить сразу трёх зайцев: предотвратить сопротивление крестьян планируемой мобилизации, вооружить армию отечественным оружием и обезопасить её тылы. Тем не менее, и это решение оказалось очередным крупным просчётом колчаковских стратегов. Во-первых, данная акция имела совершенно противоправный характер, поскольку большая часть нарезного оружия попала в руки крестьян вполне законным путём. Поэтому попытки такого рода должны были поставить вне закона в глазах всех крестьян саму белогвардейскую власть.

Во-вторых, винтовки выдавались крестьянам ещё царским правительством для защиты от китайских разбойников-хунхузов, и часто были в глухих деревнях единственным средством отстоять свою жизнь и нажитое добро. Кроме того, утрата этого оружия не позволяла заниматься охотой, являвшейся тогда важным источником пропитания для многих жителей таёжных деревень. Так представитель Домиканской волости указывал на заседании представителей волостных управ Амурской области, «что у крестьян отобрано нарезное оружие, между тем, как жители деревень занимаются охотничьим промыслом и таким образом лишены возможности пропитания. Аналогичное заявление делают представители Томской и Серебрянской волостей»⁴⁰.

И, наконец, самым важным с политической точки зрения явилось то обстоятельство, что изъятие оружия у антибольшевистски настроенной зажиточной части амурского крестьянства, лишило её возможности в дальнейшем самостоятельно оказывать сопротивление сторонникам Советской власти в своих сёлах и волостях, вообще не собиравшимся сдавать оружие белогвардейским властям.

Особенно сильное возмущение деревни вызвали сами методы изъятия оружия. Посланные для этого в деревню правительственные отряды пороли нагайками и

шомполами правых и виноватых, не разбирая степень лояльности своих жертв в отношении правящего режима. Многих увозили в тюрьму. Нередко и убивали. Пострадало немало зажиточных крестьян и, даже, представителей местных выборных органов власти и общественных организаций.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения крестьянства, стало начало принудительной мобилизации молодёжи в армию Колчака. С точки зрения колчаковского правительства это решение было вполне оправданным. Для успешной борьбы против массовой регулярной армии Советской республики нужна была такая же массовая регулярная белая армия, а создать её без мобилизации было невозможно. На желание самого крестьянства власти внимания не обращали. Правда, самостоятельной причиной восстания мобилизация стать не могла. Она послужила лишь поводом к нему, подготовленному предыдущими действиями правительства в отношении крестьян.

5) Организаторская работа большевиков и их союзников.

Уже в ноябре 1918 года в Благовещенске был восстановлен большевистский комитет, который вскоре объединился в общую организацию с местными партийными группами левых эсеров, максималистов и анархистов-коммунистов. Между ними была достигнута договорённость – взаимно прекратить собственно партийную деятельность и все усилия направить на восстановление в области Советской власти. Был создан объединённый Коллектив, который и начал подготовку к вооружённому восстанию против белогвардейских властей⁴¹.

Тем не менее, первые подпольные ячейки появились во многих сёлах независимо от Благовещенского штаба, и лишь затем установили с ним связь. В январе-феврале 1919 года на их сторону перешли многие бывшие участники и сторонники Песчаноозёрского съезда, убедившиеся во враждебности правящего режима даже завоеваниям Февральской революции 1917 года.

2. Объективные:

а) Политико-экономические:

1) Трудность железнодорожного сообщения с соседними территориями Дальневосточного края, обусловленная плохим техническим состоянием Амурской железной дороги⁴². Эта однопутная магистраль была построена в самом общем виде непосредственно накануне первой мировой войны, и нуждалась в многочисленных доработках на местах. Часть пути была, к тому же, выведена из строя советскими частями в период их отступления к центру области в сентябре 1918 года, с целью помешать быстрому продвижению преследующих их интервенционистских войск.

Денег на проведение ремонтных и строительных работ необходимого масштаба в Амурской казне не было, поэтому пропускная способность дороги в тот период была очень невелика. Этот фактор не только затруднял внешнеторговый обмен⁴³, но и делал практически невозможной быструю переброску значительных воинских контингентов по территории Приамурья и, самое главное, их снабжение, что существенно ограничивало численность японских интервенционистских сил и их возможности в борьбе с вооружёнными формированиями повстанцев. Кроме того, относительно небольшая численность японских войск на территории области давала многим организаторам восстания надежду на то, что эти силы не смогут и, главное, не решатся помешать массовому вооружённому выступлению здесь крестьян и рабочих.

2) Нежелание администрации генерала Хорвата возвращать золото, вывезенное в дни Гамовского мятежа из Благовещенского государственного банка в Харбин⁴⁴. В условиях, когда собственных запасов золота у пришедшего к власти в результате свержения первых Советов в Амурской области белогвардейского Временного правительства было крайне недостаточно, а отдача от приисков близка к нулю, данный фактор стал одной из главных причин финансового кризиса в области, повлекшего за собой общую экономическую и политическую слабость режима.

3) Раздражение крестьян юга центральной части Зейско-Бурейской равнины стремлением Областного земства отнять у них возможность собственного помола зерна. Дело в том, что летом 1918 года, при Советской власти, из неработающих мастерских в с. Ивановка был передан бедной переселенческой деревушке Нижняя Завитинка, расположенной в Михайловской волости, между сёлами Ильиновка и Красный Яр, локомобиль (паровая машина) для использования в качестве двигателя к механической молотилке. Зимой крестьяне приспособили его к водяной мельнице для помола зерна. В результате получилась единственная в этой части области негородская паровая мельница, куда могли свозить своё зерно крестьяне не только Михайловской, но и соседних с ней Борисоглебской, Завитинской и Райчихинской волостей. Стоимость помола здесь выгодно отличалась от принятой на мельницах города Благовещенска, да и расстояние до неё было в несколько раз меньше, чем до Областного центра.

3 февраля 1919 года Земское собрание приняло решение о возвращении локомобиля в мастерские села Ивановки. После протеста гласного от Завитинской* волости Лавриненко, Земское собрание выразило 5 февраля довольно циничное согласие оставить локомобиль на 2 месяца Нижней Завитинке в пользование за 2100 рублей в месяц⁴⁵. Выплачивать такую сумму жители села конечно же не могли. Возможно, что как раз это решение и стало последней каплей, переполнившей чашу терпения крестьян указанных волостей. Не случайно восстание вскоре началось и получило наиболее массовый характер именно здесь.

б) Политические:

1) Начавшаяся частичная эвакуация японских войск из области.

Вывод из Амурской области части японских сил был обусловлен, по-видимому, желанием сократить расходы на их содержание в чужой стране. Ведь выводились те части и подразделения, которые японское руководство считало ненужными для выполнения поставленной перед ними задачи – охраны порядка в зоне своей ответственности на русском Дальнем Востоке. Вывод начался в октябре, а к началу февраля на родину из Амурской области уже были отправлены обозы, парки, часть горной и вся тяжёлая артиллерия 12-й пехотной дивизии⁴⁶. Плохо информированное амурское крестьянство восприняло это передвижение солдат и тяжёлого вооружения как начало полного вывода войск Японии с территории области. Поскольку японские части население считало главной опорой белогвардейской власти на Амуре, их предполагаемый уход послужил дополнительным стимулом к восстанию против ненавидимого почти всем крестьянством режима.

2) Наличие в области значительного количества красногвардейцев и советских работников со всего края и из Восточной Сибири, отступивших сюда и рассеявшихся по области после поражения Уссурийского, Забайкальского и Прибайкальского фронтов. Общее их количество в отечественной историографии принято оценивать более чем в 10 тысяч человек. Хотя часть из них успели выловить или уничтожить белая милиция, карательные отряды и враждебно настроенное поначалу местное население, большинству всё же удалось либо покинуть Амурскую область, либо найти приют и работу в разбросанных по отдалённым районам области мелких частных промышленных заведениях, приисках, хозяйствах крестьян, или же спрятаться по лесным заимкам в тайге.

III. Предпосылки и причины собственно партизанского движения

(с апреля 1919 по февраль 1920 гг.):

1. Сохранение в области распыленных остатков повстанческой армии.

* Официально Михайловская волость в феврале 1919 года ещё не существовала, а её территория входила в состав Завитинской волости.

Белым властям и интервентам не удалось полностью разгромить и уничтожить боевые силы повстанцев. Последние просто самораспустились, то есть разошлись с оружием по своим домам, лесным заимкам или глухим таёжным деревням. Именно из этого контингента в основном и формировались впоследствии партизанские отряды Амурской области.

2. Репрессии белых властей и интервентов против бывших участников повстанческого движения.

Несмотря на обещание не трогать разошедшихся по домам рядовых участников повстанческого движения, белая милиция, каратели и интервенты развернули затем настоящую охоту за ними, подталкивая тем самым многих из них к уходу в тайгу, к партизанам.

3. Успехи Красной Армии на Восточном фронте.

Успехи контрнаступления Южной группы Восточного фронта в апреле-мае 1919 года и начавшегося в июне общего наступления всего красного Восточного фронта поднимали дух сторонников Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, вдохновляя их на вооружённую борьбу с белым режимом.

IV. Подготовка крестьянского восстания.

Подготовительный этап восстания заключается в подготовке сознания широких масс амурского крестьянства к участию в нём. Это происходило, с одной стороны, под воздействием жестокой карательной политики белых властей в деревне, а с другой – под влиянием агитации и пропаганды со стороны формирующихся в ней подпольных организаций. Разберём по очереди оба этих фактора.

1. Вопросы карательной политики властей в деревне

Эта тема также осталась крайне слабо изученной отечественной исторической наукой. Датировка действий карательных отрядов в научных трудах, как правило, либо вовсе отсутствует, либо сильно искажена. Между тем, почти все они связаны по времени с первыми вспышками недовольства населения белогвардейским режимом и интервенцией в разных районах области. Без определения дат этих событий невозможно составить ясного представления об истории зарождения подпольного и партизанского движения на её территории.

Первые репрессивные меры против местного населения были предприняты японским командованием чуть ли не с самого начала интервенции в Амурской области. Уже 22 сентября Временный исполком Песчаноозёрского съезда хлеборобов (далее - ВИКСХАО*) получил сообщение из станицы Игнашинской о попытке японцев разоружить там казаков. Тогда же он отмечал на своём заседании, что жалобы на действия японских войск уже поступали к нему неоднократно⁴⁷.

Отсутствие в сельской местности активности в этот период (до конца сентября) правительственных отрядов объясняется ещё не завершившимся тогда процессом формирования единой областной власти. До сих пор принято считать, что последняя была установлена уже 18 сентября, после образования возглавляемого эсером Алексеевским

* Временный исполнительный комитет съезда хлеборобов Амурской области. Этот съезд, состоявшийся 25 августа 1918 года в с. Песчаноозёрке, отразил недовольство значительной части амурского крестьянства политикой областного Совнаркома и поддержал интервенцию войск Антанты на русском Дальнем Востоке. Созданный на съезде исполком потребовал от Совнаркома передачи себе всей власти в Амурской области, а в случае невыполнения этого требования призвал крестьян к вооружённому сопротивлению советским властям. Созданные им отряды крестьянского ополчения в сентябре 1918 года приняли участие в обстреле пароходов отступающего из Благовещенска советского каравана на реке Зее.

Временного правительства Амурской области. Между тем, содержащиеся в архивных документах сведения противоречат такому выводу.

Во-первых, решение о создании Временного правительства области Амурская областная земская управа (далее – АОЗУ) приняла только 19 сентября. Тогда же ею было решено принять участие «в соединённом совещании демократических организаций Амурской области» (далее - Демократическое совещание), назначенном на 20 сентября «для разрешения вопросов об образовании и составе Временного правительства»⁴⁸. Таким образом, учреждение Правительства области произошло лишь 20 сентября. Тогда же было принято решение сделать Демократическое совещание контрольно-наблюдательным органом области⁴⁹.

Однако до конца этот вопрос тогда решён не был, поскольку даже 23 сентября ВИКСХАО всё ещё обсуждало вопрос о том, какие требования правительству на этом совещании предъявить. В частности было постановлено «на 1-м демократическом совещании контрольно-наблюдательного органа власти вынести вопрос о выяснении сферы деятельности Временного исполнительного комитета и требовать от Правительства, чтобы оно работало в контакте с Демократическим совещанием»⁵⁰.

Судя по всему, достичь полного соглашения с Временным правительством Амурской области (далее – ВПАО) по этим вопросам ВИКСХАО в дальнейшем так и не удалось. С прибытием же к началу октября отрядов забайкальских казаков, во главе с представителем атамана Семёнова полковником Шемелиным, сторонники ВПАО приступили к активным действиям по всей области. После назначения Шемелина командующим войсками Амурской области в ней было объявлено военное положение, что дало ему возможность поставить милицию и само ВПАО под свой контроль, а в сёла и деревни двинуть карательные отряды, состоявшие в основном из офицеров и казаков «особого Амурского отряда». Одновременно, по линии железной дороги действовали команды семёновских бронепоездов, творя свой суд и расправу над населением станций и посёлков. Тем же самым, по месту своего расположения, занимались и японские гарнизоны, усердно вылавливая там «большевиков».

АОЗУ фактически самоустранилась от защиты политических прав рядовых граждан на местах, хотя некоторые члены этого органа входили тогда в состав правительства. В её протоколах данного периода нет никаких упоминаний о деятельности карательных отрядов. Политику АОЗУ того времени по отношению к военным властям очень метко охарактеризовал И.Безродных: «Ради бога, не трогайте нас, а уж мы вас и подавно не тронем; мы даже поможем вам в ваших делах»⁵¹.

Роль же ВИКСХАО, как органа власти, с этого времени постепенно сходит на нет. Он потерял всякую возможность влиять на деятельность правительства, а его требования и протесты последнее просто пропускало мимо ушей. Белая власть терпела его и связанные с ним Демократические совещания лишь как ни к чему не обязывающий, но необходимый ей до поры до времени внешний признак демократизма, слегка маскирующий откровенную террористическую диктатуру контрреволюционной военщины.

Тем не менее, это был фактически единственный оппозиционный демократический орган, обладавший правом вести от имени крестьянства открытый диалог с Правительством области. После вступления в его состав представителей от рабочих организаций (22 сентября), «Союза союзов» (21 октября) и горнорабочих (30 октября)⁵², он стал выразителем интересов всех слоёв трудового населения области.

Первые сведения о зверствах карателей на железной дороге поступили в ВИКСХАО 3 октября, когда им был сделан запрос Правительству «о расстрелах на ст. Магдагачи, арестах и насилиях со стороны японских и правительственных отрядов, и о том, почему не исполняются Правительством соглашения, принятые на демократических совещаниях»⁵³. С 5 октября карательные офицерские и казачьи отряды появляются и в

Зазейском районе области. 5-7 октября они посетили Комиссаровку, 6-го – Толстовку, 7 – Троицкое, творя грабежи, насилия и убийства крестьян⁵⁴.

Примерно в это же время или в последующие ближайшие дни каратели вошли в селения Тамбовской и Ерковецкой волостей. 16 октября в Ерковецкой волости был составлен особый протокол о произошедших в ней событиях, отправленный затем в ВИКСХАО, а 17 октября ВИКСХАО потребовало от Правительства «возвращения вещей, отобранных отрядом Лопушинского в Тамбовской волости и вообще всех отобранных в области собственных вещей и произвести следствие над виновными в насилиях и расхищениях крестьянского имущества»⁵⁵.

Первое время каратели обходили стороной главный оплот ВИКСХАО село Ивановку, власть в которой принадлежала возглавляемому местными меньшевиками и открыто оппозиционному военным властям Комитету общественной безопасности (КОБ). Оппозиционность последнего всячески поддерживала и поощряла подпольная организация с. Ивановки, зародившаяся, по утверждению И.Безродных, уже в момент первого посещения села офицерским отрядом⁵⁶ (в конце сентября 1919 года – Ю.Т.), но организационно оформившаяся, как свидетельствует Н.М.Гранкин, в конце октября⁵⁷. Попытки АОЗУ организовать в Ивановке полноценный земский орган власти успешно проваливались искусной работой местных подпольщиков под руководством М.Бочко⁵⁸.

Первые расправы карателей в с. Ивановке, по воспоминаниям местных подпольщиков, произошли в октябре. Поскольку все даты они, как правило, приводят в старом стиле, это случилось, скорее всего, во второй половине октября. Тогда, по доносу одного из крестьян, были расстреляны два заподозренных в большевизме жителя села: К.Бабич и И.Сугак⁵⁹. Судя по тому, что данная акция не нашла отражения в протоколах ВИКСХАО, она не была результатом действий белогвардейского карательного отряда. По свидетельству Н.М.Гранкина, это случилось после занятия села отрядом японцев⁶⁰.

Первые расстрелы в Ивановке состоялись, по-видимому, почти одновременно со вторым походом карательного отряда в Среднебельскую волость. 30 октября в ВИКСХАО поступило заявление от представителей Средне-Бельской волости «об отобрании у них отрядом вещей, оружия и патронов»⁶¹. Согласно жалобе М.А.Пятышина, конный карательный отряд во главе с офицером прибыл в с. Троицкое этой волости 21 (8) октября и произвёл там обыски, сопровождавшиеся грабежом, и аресты⁶².

В некоторых книгах по истории гражданской войны на Дальнем Востоке это событие подаётся как разгром 19 октября восставшими крестьянами прибывшего в с. Средне-Белое карательного отряда, а затем и подоспевшего подкрепления к нему⁶³. Между тем, в протоколах ВИКСХАО крестьяне представлены в нём пострадавшей стороной и ни о каком бое упоминаний нет. Бывший ивановский подпольщик Н.М.Гранкин прямо называет сообщение об этом бое вымыслом⁶⁴. 29 октября каратели «отметились» и в Томской волости, где «на косе реки Томи были расстреляны за организацию несдачи оружия белогвардейцам три человека. Не сдавать оружия было решено на сходке в д.Бочкарёво»⁶⁵.

Возможно, эта новая волна террора со стороны военных властей была их ответом на протесты крестьян против приказа ВПАО о возвращении земельной собственности её владельцам, вышедшем, по утверждению историка В.П.Малышева, 11 октября⁶⁶. 19 октября представители Ивановского КОБ сделали заявление в ВИКСХАО о том, что данный приказ «нарушает Закон Учредительного собрания о социализации земли»⁶⁷. С таким же протестом обратился в АОЗУ 22 октября и волостной сход с.Верхнеполтавка⁶⁸. Видимо не случайно, в том же октябре, в Ивановке областной властью была учреждена волостная милиция⁶⁹.

Деятельность карательных отрядов вконец обострила к концу октября взаимоотношения между ВИКСХАО и ВПАО. 23 октября на заседании ВИКСХАО было фактически предложено Демократическому совещанию предъявить ультиматум Правительству по вопросам посылки отрядов и созыва в конце ноября Учредительного

съезда Амурской области, а в случае невыполнения этих требований, отозвать из него своих представителей.

28 октября состоялась очень резкая дискуссия в ВИКСХАО о его дальнейшей политике по отношению к белогвардейским властям. Лохэ, в частности, предложил вообще «прекратить работу в городе и разъехаться на места для осведомления населения о создавшемся положении и невозможности осуществлять задания Песчаноозёрского съезда в ситуации, когда некоторые члены ВПАО единолично управляют областью, прикрываясь именем всего Правительства». Костыря даже решил выйти из состава ВИКСХАО, объясняя это тем, что «правительственные отряды в области подрывают авторитет исполкома и подталкивают народ к большевизму». Остальные всё же считали необходимым сохранить ВИКСХАО для сдерживания уклона Правительства вправо⁷⁰.

Следующее посещение Ивановки карательным отрядом состоялось, по воспоминаниям подпольщиков, в ноябре⁷¹, а согласно одному из них – даже в конце ноября⁷². В переводе на новый стиль это будет первая половина декабря. Теперь жертвами японских и белогвардейских карателей стали А.А.Матыцин, И.В.Журбин и Л.Ф.Кошелёв⁷³. Почти одновременно состоялась карательная экспедиция в Тамбовскую и Гильчинскую волости отряда поручика Лопушинского. Востриков, правда, относит её к 15-19 ноября⁷⁴, однако все его датировки в этих воспоминаниях, хотя и довольно точны, но сделаны в старом стиле, поэтому настоящая дата этого события – 28 ноября – 2 декабря. Косвенно такая датировка подтверждается свидетельством Г.Н.Яковенко о том, что зверства отряда Лопушинского в Гильчине произошли в начале декабря, а расстрелы в Ивановке – вскоре после них⁷⁵. Примерно к тому же времени К.Бреус⁷⁶ и Е.Галыгин⁷⁷ относят разгул карательных отрядов в Серебрянской и Томской волостях.

Интенсификация и ужесточение действий карательных отрядов в конце ноября – начале декабря, также как и затишье в их деятельности на протяжении двух предыдущих недель ноября, конечно же, не случайны. Всё это было связано с довольно резким изменением политической обстановки в области в течение данного периода времени. Образование Директории в качестве всероссийского правительства привело к ликвидации ВПАО, чем сразу же воспользовалась АОЗУ, объявив 11 ноября о принятии на себя функций Областного комиссара до его назначения Омским правительством. Это давало возможность серьёзно ограничить фактически бесконтрольную власть в области белогвардейской военщины в лице семёновского ставленника Шемелина и его клики, поскольку сам атаман Семёнов признал власть Директории. Однако новое изменение политической ситуации опрокинуло эти расчёты земцев.

18 ноября к власти в Омске приходит адмирал Колчак, после чего Семёнов, находившийся с ним в сложных отношениях, взял всю полноту гражданской и военной власти в Забайкальской и Амурской областях на себя. 22 ноября этот его приказ был опубликован в Амурской прессе вместе с приказом самого полковника Шемелина от 20 ноября, в котором тот «предлагал» по всем делам Гражданского управления, подведомственным Амурскому областному комиссару, «временно» обращаться к нему⁷⁸. С этого момента вся реальная власть в области фактически оказалась в руках Шемелина, что привело к небывалому до этого всплеску политического террора по отношению ко всем, кто казались ему и его ставленникам сторонниками или пособниками большевиков.

К тому времени ВИКСХАО, как единственного политического органа хоть как-то сдерживавшего репрессивную политику амурских властей, уже не существовало. Поскольку главной целью своего существования ВИКСХАО декларировал скорейший созыв областного, а затем и сибирского учредительных собраний (или съездов)⁷⁹, установление диктатуры адмирала Колчака положило конец деятельности этой организации.

Однако, с момента установления в области фактической диктатуры полковника Шемелина, в открытую оппозицию к нему переходят АОЗУ и городское самоуправление Благовещенска. С начала декабря они начинают «подковёрную» борьбу с ним за власть.

1 декабря на их совместном заседании «обсуждался вопрос «о незакономерных действиях командующего войсками области полковника Шемелина, выразившихся в присвоении ему функций областного комиссара и в прекращении деятельности Следственной комиссии, учреждённой согласно постановлению Временного сибирского правительства». Решено довести до сведения Шемелина, что АОЗУ приняла на себя гражданское управление областью и может быть освобождена от несения этой обязанности только распоряжением Временного всероссийского правительства, после назначения им областного комиссара в Амурской области. Следственная комиссия, как законная правительственная организация, может быть упразднена лишь распоряжением Центральной власти»⁸⁰.

Такая смелость областного земства и городского самоуправления базировалась, по-видимому, на поддержке их руководством амурских казаков и командованием японских интервенционистских войск. 9 декабря «по требованию союзного командования и в согласии с Войсковым атаманом казачьего войска М.Гамовым» полковник Шемелин был смещён с поста командующего войсками области⁸¹, а на его место был назначен атаман Гамов. Хотя гражданская власть в области формально вновь перешла к АОЗУ, военное положение не было отменено, и командующий войсками по-прежнему единолично распоряжался вопросами карательной политики в деревнях. Только благодаря относительно либеральным политическим взглядам самого Гамова, деятельность карательных отрядов в области была временно прекращена.

Между тем, амурское крестьянство на местах не смогло понять этих верхушечных перестроений политической власти, да и не заметило их. Взбудораженное действиями Шемелинских карателей, оно продолжало глухо роптать и местами выражало открытое неповиновение белогвардейским властям. Одной из таких запоздалых вспышек крестьянского бунта, как реакции на действия карательных отрядов, стали события в Борисоглебской волости, которые бывшие их участники Г.Н.Яковенко и Ф.И.Безлепкин датировали 18-19 декабря⁸². Однако газеты того времени сообщают иную дату - 16 декабря⁸³. Видимо, она и является наиболее достоверной.

В ответ на этот бунт в Борисоглебскую и соседнюю с ней Михайловскую волости был вновь отправлен карательный отряд. Правда, вместе с ним отправился и уполномоченный представитель АОЗУ Е.А.Данилов, которому было поручено не допустить эксцессов со стороны воинских чинов и разъяснить политику правительства крестьянам бунтующих деревень. Казаки же за участие в экспедиции получили денежное вознаграждение. В результате, на этот раз обошлось без порок, расстрелов и грабежей. Население сдало отряду оружие добровольно⁸⁴.

Относительное затишье в деятельности правительственных карательных отрядов продолжалось вплоть до Мазановского восстания. Это, впрочем, не касается действий японских подразделений в отдалённых от Благовещенска районах области, где фактически не было правительственных войск. В декабре состоялось несколько мелких экспедиций этих отрядов, подавлявших, по заверениям японского штаба, выступления «большевиков». Из числа последних только два, состоявшиеся в начале декабря, то есть ещё в период правления Шемелина, действительно можно считать попытками части населения оказать вооружённое противодействие агентам белых властей на местах.

Самым реальным из этих выступлений были события в д. Абрамовке Завитинской волости, где местное население отказалось сдать оружие прибывшему отряду милиции из 5 человек. Произведённый на следующий день обыск ничего не дал, после чего милиционеры начали грабить имущество заподозренных в укрывательстве оружия крестьян и даже арестовали несколько человек. В ответ небольшая группа жителей деревни (7 человек) напала на милиционеров и перестреляла их. На следующий день большинство участников нападения бежали в другую волость, а сельский сход постановил донести властям, что убийство милиционеров совершили неизвестные лица. Прибывший через некоторое время в деревню японский отряд арестовал 5 человек, которые были отправлены затем в Благовещенскую тюрьму⁸⁵.

Востриков датирует начало этих событий 20 ноября (3 декабря н.ст. – Ю.Т.). Эта дата подтверждается сообщением японского штаба, что гарнизон ст. Завитой получил просьбу о помощи от окружённого в Абрамовке начальника милиции с 4 милиционерами 4 декабря, а 6 декабря три взвода японцев «разбив неприятеля» уже вернулись в Завитую с захваченными ружьями и патронами⁸⁶.

В это же время была сделана попытка восстания в Томской волости. Японский штаб официально сообщал в январе 1919 года, что указанное событие произошло 3 декабря 1918 года⁸⁷. Выступление, как вспоминает Е.Галыгин, началось в д. Васильевке, где возникла «колыбель» партизанского отряда. Из кого состоял этот отряд, Е.Галыгин не уточняет. Вероятно, костяк его составили бывшие советские работники и скрывавшиеся здесь красногвардейцы. Затем этот отряд двинулся в д. Новосергеевку. Там (видимо на сходе всех крестьян и повстанцев – Ю.Т.) «обсуждался вопрос о наступлении на с. Александровку (теперь г.Белогорск – Ю.Т.) как на гнездо белых». Большинство голосов этот вопрос был решён положительно, после чего началась организация отряда «среди крестьян». Командиром отряда был выбран Е.Галыгин⁸⁸.

Однако довести дело до конца его организаторы и не успели. Как писали тогда газеты, «3 декабря, по получении известия, что красноармейцы силой в 500 человек с 2 орудиями и 5 пулемётами идут от Дарбогатая (Тарбогатая – Ю.Т.) ... к югу на Александровское, от гарнизона в Бочкарёво (теперь станция Белогорск – Ю.Т.) отправлена одна рота пехоты с пулемётным взводом, но важных стычек не было, отряд вернулся обратно с полпути; большевики разбежались, оставив 6 пленных и 25 ружей»⁸⁹. Е.Галыгин в ночь на 6 декабря был карателями арестован, но вскоре, по ходатайству крестьян д. Паруновки, освобождён⁹⁰.

Конечно, сообщение газеты о наличии у восставших пулемётов и артиллерии можно считать сильным преувеличением. Такого вооружения у них тогда быть не могло. Вообще, в изложении сути того, что происходило тогда в области, сообщаемая прессой информация японского штаба не отличалась объективностью. События в ней освещались крайне тенденциозно, с явным намерением выдать самые незначительные конфликты в деревнях и станицах за восстания большевиков и, тем самым, оправдать присутствие в Амурской области японских войск и их участие в карательных экспедициях. На самом же деле остальные декабрьские экспедиции японских отрядов по области не были связаны с выступлениями местных жителей против белых властей.

В январе, помимо подавления Мазановского восстания, карательные отряды использовались также и в, так называемых, Ивановских событиях, под которыми понимается отказ ивановцев от признания власти земства и от мобилизации унтер-офицеров в армию Колчака. Правда, И.Безродных относит решение Ивановского схода о непризнании земства к октябрю⁹¹ или к концу ноября 1918 года⁹², но документы АОЗУ свидетельствуют, что это произошло 20 января по новому стилю⁹³. Да и упоминаемый И.Безродных в связи с ним волостной комиссар Александров был назначен на свою должность только 11 декабря⁹⁴. Кроме того, мобилизация унтер-офицеров, ставшая одним из поводов этого выступления, была назначена в Приамурском крае на 15 января.

Впрочем, и датировка И.Безродных может быть частично верна в том смысле, что первые три месяца после разгрома Советов в Ивановке отсутствовали земские учреждения самоуправления, а власть принадлежала КОБ. Только во второй половине декабря в Ивановке формально установилась власть Земства в лице волостного комиссара. Однако организовать здесь среди крестьян сбор средств на содержание волостной земской управы ему так и не удалось, а АОЗУ отказало в выдаче ссуды на эти цели⁹⁵, поэтому в действительности земство в селе числилось только на бумаге.

«Ивановские события» заключались в следующем. 20 января ивановцы попытались восстановить власть КОБ, отказав в доверии существующему в области правительству и АОЗУ и вернув из волостного земства своих гласных⁹⁶. В ночь с 26 на 27 января из Благовещенска выступил смешанный русско-японский карательный отряд под

командованием атамана Гамова и майора Хори. Рано утром он оцепил село и стал прочёсывать его в поисках «большевиков». Два дня продолжались обыски и аресты. Среди арестованных оказались и несколько членов подпольной организации, часть из которых была расстреляна, а часть отправлена в Благовещенскую тюрьму. Остальным удалось укрыться на заимках и в ближайших деревнях⁹⁷.

2. Работа подпольных организаций:

а) Появление первых подпольных организаций и Благовещенского штаба

Согласно всем воспоминаниям бывших руководителей восстания оно планировалось заранее, и проводилась определённая работа по его подготовке. Вопрос состоит в том, когда именно началась эта работа. Первые подпольные ячейки в некоторых населённых пунктах области появляются очень рано. Так, например, подпольная группа в д. Весёлой, неподалёку от Свободного, образовалась, согласно воспоминаниям Кутового, уже к 20 сентября 1918 года, а в конце сентября подобная ей была создана на материальном складе Амурской ж.д. в самом Свободном⁹⁸.

В конце сентября появилась и подпольная организация на Кивдинских угольных копях (Райчихинское месторождение), после того как туда из Благовещенска выехал специально для организации партизанского отряда Ф.Д.Мельников с вооружённой группой из 12 скрывавшихся от белых властей черемховских шахтёров и нескольких иркутских красногвардейцев. Все они устроились работать в забое. Однако боевая дружина из местных шахтёров здесь была организована лишь в ноябре⁹⁹.

Продолжали существовать в области и отдельные группы красногвардейцев, прятавшиеся с оружием по таёжным заимкам в ожидании сигнала к возобновлению вооружённой борьбы. Партизанской деятельностью они в этот период не занимались и старались ничем не выдать своего присутствия белогвардейским властям. Партизанский отряд из пришлых красногвардейцев и местных подпольщиков в Паникском лесном урочище Песчаноозёрской волости был сформирован, по воспоминаниям Г.Бойко, только в середине ноября 1918 года (очевидно по старому стилю), то есть не ранее конца ноября по новому стилю¹⁰⁰. Впрочем, он тоже никакой активности в тот период не проявлял.

Однако сохранение нескольких вооружённых отрядов и образование первых подпольных ячеек ещё не означает начала работы по подготовке восстания. Для такой работы необходимо, во-первых, поставить эту задачу, а во-вторых, создать достаточно разветвлённую подпольную организацию, способную вести в этих целях широкую пропагандистскую работу среди как можно большей части населения области и собирать силы для вооружённой борьбы. Когда же перед подпольщиками была поставлена задача вести подготовку к вооружённому восстанию?

Воспоминания многих бывших руководителей восстания свидетельствуют, что ни в сентябре, ни даже в октябре 1918 года крестьянство в массе своей ещё не было готово поддержать идею восстания против белых властей. Да и поставить такую задачу перед ними было тогда некому. Какой либо революционной организации в Благовещенске, способной возглавить эту работу, ещё не было. Не было таких организаций и в других частях области. Хотя небольшие подпольные группы уже существовали в ряде сёл и деревень, они ещё не успели стать центрами, объединяющими вокруг себя более-менее значительную часть недовольного режимом населения своих волостей.

Согласно «Летописи Амурской области» большевистский комитет в Благовещенске был восстановлен 4 ноября 1918 года¹⁰¹. Однако воспоминания одного из активных участников данного события К.Э.Кидала заставляют сдвинуть эту дату ещё на несколько дней вперёд. По его утверждению 4 ноября произошла лишь беседа между ним и Ф.Н.Мухиным, во время которой Мухин признался, что комитета ещё не существует, и пока только проводится работа по его созданию. Далее он пишет, что 6 ноября прошло первое нелегальное собрание оставшихся в городе коммунистов и лишь «вскоре» после этого состоялось первое партийное собрание представителей от партийных десятков и

известных партработников, в количестве 25 человек, на котором и был избран подпольный комитет. Основная работа среди крестьянства была возложена комитетом на Мухина¹⁰².

И всё же не этот комитет начал работу в области по подготовке вооружённого восстания. Мухин прекрасно понимал, что у его организации слишком мало сил, чтобы самостоятельно провести такую большую и сложную работу. Поэтому по его инициативе и на его деньги¹⁰³ (средства Совнаркома, положенные на счет Мухина в Китайском банке) на паритетных началах вскоре была создана единая подпольная организация – Объединённый революционный комитет из представителей всех партий, выступающих за Советскую власть (или Объединённый Коллектив¹⁰⁴). Задачей этой организации стала «концентрация всех революционных сил области, стоящих за Советы», и «объединение партийной и революционной работы по борьбе с контрреволюцией и интервенцией»¹⁰⁵. Я.И.Яковлев в своём самом раннем воспоминании даёт и официальное название этого органа - Исполнительный комитет коммунистических лево-социалистических партий¹⁰⁶.

Таким образом, восстановление большевистского партийного комитета могло произойти не раньше конца первой декады ноября. Объединённый же революционный комитет был создан не ранее середины ноября. По взаимному соглашению, входившие в него партии на время борьбы с белогвардейщиной отказывались от собственной партийной деятельности¹⁰⁷. Следовательно, с момента создания объединённого комитета, большевистский комитет, как рабочий орган партии, должен был вновь прекратить своё существование*. Видимо этим и объясняется тот факт, что комитет РКП(б) официально был создан в Благовещенске только 27 мая¹⁰⁸.

Проблемным вопросом является также и время образования крупных разветвлённых подпольных организаций в сельских районах области. Создание одной из таких организаций с центром в с. Жариково Востриков относит к ноябрю 1918 года¹⁰⁹. Другой член штаба той же организации И.Ф.Матвеев, не называя конкретных дат, указывает, что настоящая организационная работа подпольщиков этого района началась вскоре после поездки карательного отряда поручика Лопушинского по Тамбовской и Гильчинской волостям. Именно после этого рейда карателей крестьянам, по утверждению Матвеева, «стало понятно, что это не власть, а банда». «Отсюда,- пишет он, - началась наша работа, начало нашей организации, создание революционных ячеек»¹¹⁰. Таким образом, это могло произойти только после 2-го декабря.

Ивановская организация, по свидетельству одного из её участников Н.М.Гранкина, организационно оформилась в конце октября. Именно тогда был выбран её председатель (М.Бочко) и распределены обязанности между членами штаба¹¹¹. Правда другой ивановский подпольщик П.В.Куликов утверждал, что это совещание состоялось 15 октября¹¹², однако все даты в его воспоминаниях даны в старом стиле, следовательно, по новому стилю организация была сформирована 28 октября. К моменту Ивановского выступления против мобилизации, начало которого датировано в официальных документах того времени 20 января 1919 года¹¹³, данная организация была уже достаточно сильна, чтобы сыграть в этих событиях ключевую роль. Однако «основное движение», по словам И.Безродных, развернулось только начиная с этого выступления¹¹⁴.

Труднее определить время образования единой подпольной организации в Томской и Тарбогатаевской волостях. Е.Галыгин относит её оформление к октябрю. Центр её находился в д. Васильевке¹¹⁵. Связи с более крупными подпольными организациями у Васильевских подпольщиков вплоть до попытки декабрьского восстания, видимо, не было. Наиболее же благоприятные условия для возникновения мощного советского подполья существовали тогда в Мазановской и смежных с ней волостях. Именно там укрылись по новосельческим деревням наибольшее число красногвардейцев и немало

* Попытки объяснить его исчезновение арестом Ф.Н.Мухина не состоятельны, поскольку арест одного человека или даже нескольких не может стать причиной роспуска целой организации.

советских работников областного и регионального масштаба. Первой, по-видимому, была создана небольшая организация в селе Сохатино.

Член благовещенского комитета Волкодав, пишет, что после второго заседания нескольких оставшихся в Благовещенске членов большевистской партии, на котором было решено разыскать уцелевших товарищей, он был послан с этой целью в Сохатино, где обнаружил уже организованный штаб в составе Жугова, Растрьгина и др.¹¹⁶. Если учесть, что упоминаемое Волкодавом последнее совещание уцелевших членов партии в Благовещенске, предшествовавшее образованию комитета, состоялось 6 ноября 1918 года, то штаб в Сохатино был создан не позднее начала ноября этого года.

Эти сроки в основном подтверждаются и свидетельством И.Г.Голика, в то время крестьянина д. Каменки Мазановской волости. По его словам, организация в д. Сохатино была создана шестью неизвестными, пришедшими в деревню в октябре (видимо по старому стилю – Ю.Т.) 1918 года и попросившими сельское общество позволить им открыть веялочную мастерскую. Разрешение было дано и вскоре мастерская превратилась в революционный штаб во главе с т. Кулинич¹¹⁷.

1 декабря (вероятно по старому стилю, или 14 декабря н.ст. – Ю.Т.) 1918 года в с. Сохатино, по свидетельству С.Кургузова, состоялось совещание делегатов подпольных организаций 3-х волостей. Всего в нём участвовало 36 человек. Были решены общие организационные вопросы и отправлен для установления связи с Мухиным один из членов штаба¹¹⁸. Впрочем, один из участников сохатинской подпольной организации Б.Файнберг утверждал, что ему удалось связаться с Мухиным ещё в ноябре «и получить от него ряд практических указаний о развёртывании агитационной работы среди крестьян»¹¹⁹.

б) Образование штаба 1-го района

Однако будущий центральный штаб всего первого повстанческого района образовался всё же не в Мазановской волости, а несколько южнее, в окрестностях нынешней станции Бузули (в то время – разъезд Черновский). Поскольку этот штаб базировался первоначально на надельной территории села Черновка, он получил название Черновского штаба. Первоначальными организующими центрами его стали хутор Шатковского вблизи станции Ледяной, а также дом и заимка Шестаковых в с. Черновке, семья которых активно участвовала в советском движении, а Алексей Шестаков даже занимал в Совнаркоме должность заведующего золотосплавочной лабораторией.

Однако к реальной организационной работе эта группа приступила, вероятно, не раньше ноября 1918 года. По свидетельству К.Бреуса, примерно в это время с бывшими советскими работниками на заимке Шестаковых связались несколько комиссаров, скрывавшихся в окрестностях д. Маркучи. Он же утверждает, что сначала все они «были заняты как бы самосохранением, а когда слухи о расстрелах вошли в привычку, начали пускаться в кое какие путешествия с целью разведки»¹²⁰. К.Бреус попытался отыскать самого Ф.Н.Мухина, что ему удалось сделать «после долгих скитаний» лишь во второй половине ноября 1918 года, поскольку, судя по его воспоминаниям, к тому времени прошло уже два месяца с момента падения на Амуре советской власти¹²¹. Правда, тогда Бреус ещё не был представителем Черновского штаба, поскольку, по утверждению С.Кургузова, покинул своих соратников-комиссаров неподалёку от Маркучи¹²².

Первое ответственное совещание местных советских работников 1-го района, при участии В.Патрушева и некоторых товарищей из Читы и Владивостока состоялось, по свидетельству И.Ракова, лишь в 1-х числах декабря 1918 года. Именно на нём было принято постановление немедленно связаться с Зазейским районом, а также разыскать Мухина и других товарищей.¹²³ Под этим событием Раков имел в виду, скорее всего, упоминаемое в воспоминаниях С.Кургузова совещание в д. Белые Криницы. Правда, по словам Кургузова, Патрушев проинформировал тогда участников совещания, что уже имеет связь с Мухиным¹²⁴.

Раков утверждал также, что по установленной вскоре связи Черновский штаб получил от Ф.Н.Мухина директивы о работе среди крестьянства Свободненского района и организации боевых дружин; и тогда же, в 1-х числах декабря, этот штаб издал постановление об организации в спешном порядке боевых летучих отрядов из числа скрывавшихся среди крестьянства красногвардейцев и местного населения, а также о созыве районного съезда Советов¹²⁵. Между тем, и здесь С.Кургузов в значительной мере передаёт пальму первенства В.Патрушеву, утверждая, что именно он предложил на совещании в Белой Кринице найти разбежавшихся солдат и начать собирать приговоры с деревень о поддержке ими власти Советов. Это и стало началом агитационно-пропагандистской работы данной подпольной организации в деревне¹²⁶.

Оценивая эти разногласия двух свидетелей, можно отдать некоторое предпочтение С.Кургузову, поскольку именно он был бесспорным участником указанного совещания, тогда как участие И.Ракова на нём остаётся под вопросом. В то же время дату данного события Кургузов в своих воспоминаниях вообще не указывает, поэтому остаётся довериться в этом отношении Ракову.

Есть, правда, и ещё один ценный свидетель истории штаба 1-го района – М.Круглов, датировка событий в воспоминаниях которого плохо укладывается в схему И.Ракова. По его мнению, собирать приговоры крестьян подпольщики начали ещё в октябре, а уже в конце ноября (возможно по старому стилю, или в начале декабря по новому) они организовали съезд в Серебрянке, на котором был избран волостной штаб. После этого – пишет Круглов - члены организации стали налаживать связь с окружающими деревнями. В декабре ими были проведены Ольгинский и Черниговский волостные съезды¹²⁷.

В условиях белогвардейской диктатуры и репрессий, съезды эти могли быть, на самом деле, только совещаниями представителей подпольных ячеек сёл и деревень волости. Что же касается их датировки, то само участие местных крестьян в деятельности подпольной организации Круглов объясняет их реакцией на действия казаков, которые «самовольно организовались в банды и выезжали в ближайшие деревни». Там они производили обыски, связывали и пороли плетью людей, расстреливали¹²⁸.

Между тем, согласно расчетам времени, содержащимся в воспоминаниях К.Бреуса, он получил известие о том, что «казаки д. Талали во главе с бандитом Орловым ездят по деревням, грабят, порют, расстреливают крестьян» только в ноябре 1918 года¹²⁹. Следовательно, сбор крестьянских приговоров не мог начаться ранее этого срока. Если же Раков прав, и работа среди крестьянства началась только с первых чисел декабря, то эта дата оказывается сдвинутой у Круглова на целый месяц назад.

Районный съезд Советов, о котором писал И.Раков, был, конечно, тоже всего лишь съездом представителей подпольных организаций района. Состоялся он, как свидетельствуют С.Кургузов и М.Круглов, в селе Черновке¹³⁰. Именно на этом съезде, по словам С.Кургузова, В.Патрушев предложил выбрать штаб 1-го района¹³¹. Дату этого съезда помогает установить событие, случившееся сразу после заседания, и оставившее заметный след в памяти его участников. Это было нападение на Съезд японцев и белой контрразведки, которое произошло, по утверждению С.Кургузова, 4 января 1918 года¹³² (вероятно по старому стилю). Принимая во внимание, что нападение было сделано на второе утро после собрания¹³³, Черновский районный съезд начался 2 января 1918 года (то есть 15 января н.ст.).

Не противоречит этой дате и утверждение Ю.Шестаковой*, что съезд состоялся уже после того, как в начале января штаб направил И.И.Шестакова и С.И.Ворожцова к

* Ю.А.Шестакова, известная Дальневосточная писательница и журналистка, родилась в с.Черновка в 1914 году. Именно её отец, дядя и дед стали одними из организаторов Черновского подпольного штаба. В их доме проводились подпольные съезды и совещания, находили приют многие советские работники и красногвардейцы. Семейная хроника написана Ю.Шестаковой на основе воспоминаний её матери, старшей

Мухину с заданием установить связь и привезти оружие, деньги и пишущую машинку¹³⁴. Круглов, правда, считал, что Черновский съезд был «приблизительно» в декабре¹³⁵, но, как уже было сказано выше, даты этого периода у него могут быть искусственно «удревлены».

Депутатам съезда, пользуясь темнотой, удалось бежать от карателей и скрыться в лесу. К вечеру они собрались на одной из заимок вблизи д.Черновки. Там вновь продолжился съезд, на котором и был, по словам Круглова, избран штаб 1-го района, начальником которого стал А.И.Шестаков¹³⁶. С.Кургузов, правда, утверждал, что его главой остался В.Патрушев¹³⁷. Факт вынужденной перемены места данного съезда и стал, по-видимому, причиной появления в источниках ещё одного районного съезда-близнеца, состоявшегося в конце декабря на заимке Ляпунова, в 4-х километрах от д. Черновки¹³⁸. Судя по всему, речь в обоих случаях идёт об одном и том же событии. Поскольку данный съезд закончил свою работу на следующий день после нападения на него карателей, то это случилось 18 января по новому стилю. Именно эта дата съезда указана и в Летописи Амурской области, со ссылкой на документы Амурского областного архива¹³⁹. Итак, можно считать установленным, что Черновский съезд работал с 15 по 18 января 1919 года.

в) Образование штаба 2-го района

А когда же Мухину удалось установить связь с Зазейским районом? И.Безродных свидетельствует, что связь крестьянских организаций с большевиками-подпольщиками Благовещенска первые два-три месяца совершенно отсутствовала. В этот период крестьянские подпольные ячейки и целые организации работали разобщённо, вразброд. Так же протекала деятельность и Ивановской организации¹⁴⁰.

Жариковская организация, по воспоминаниям П.Вострикова, связалась с Мухиным в ноябре 1918 года, сразу после того, как увеличила свою численность до 34 человек, разбилась на пятки, и повела пропагандистскую работу в своём селе, а также начала организовывать ячейки в окрестных сёлах и деревнях¹⁴¹. Однако, более глубокий анализ данного источника заставляет усомниться даже в такой дате.

По свидетельству того же П.Вострикова, одновременно с первыми попытками установить связь с Мухиным, от Жариковской организации были посланы представители и в д. Ильиновку, где, по его словам, уже была организована рота самообороны во главе с Шалопатским¹⁴². Согласно воспоминаниям одного из организаторов этой роты Ф.Безлепкина, создана она была по решению волостного схода Борисоглебской волости, постановившего также не выполнять приказа о сдаче оружия и обратиться за поддержкой к крестьянам других ближайших волостей¹⁴³.

Сход этот, получивший в 20-е годы громкое название «1-й политический Борисоглебский съезд Амурской губернии», состоялся, по свидетельству его организаторов Ф.Безлепкина и Г.Н.Яковенко, 19 декабря по новому стилю¹⁴⁴, а по данным газет, не позже 16 декабря¹⁴⁵. Сразу после «съезда» Ф.Безлепкин и Яковенко отправились в качестве делегатов пропагандировать его решения по окрестным волостям. Данная поездка заняла у них около недели. За это время в Борисоглебской волости успел уже побывать карательный отряд (17-18 декабря н.ст.¹⁴⁶), которому удалось на время восстановить покорность населения Амурским белым властям¹⁴⁷. Вернувшиеся делегаты застали отряд самообороны разбежавшимся по заимкам, да и сами вынуждены были первое время скрываться там же от преследования милиции и местных «кулаков»¹⁴⁸.

Таким образом, упоминаемое Востриковым совещание делегатов Жариковской организации с ильиновскими подпольщиками, на котором, по его словам, участвовали и Безлепкин с уже командиром роты Шалопатским, могло состояться либо 16-17 декабря, либо в самом конце этого месяца. Наиболее вероятен первый вариант. Судя по воспоминаниям Вострикова, Ф.Н.Мухина на этом совещании ещё не было, а решено там

сестры, отчима, а также некоторых других участников этих событий и документов. Данная работа может, поэтому, считаться таким же свидетельством очевидцев, как и воспоминания Кургузова, Ракова и Круглова.

было, до приезда с директивами от Мухина посланного в город члена Жариковского штаба, постараться втянуть в организацию окружающие деревни¹⁴⁹. Первому делегату добиться личного свидания с Мухиным не удалось. Только после возвращения посланцев Жариковской организации из Ильиновки, в Благовещенск был направлен ещё один член её, которому и удалось получить от Мухина директиву созвать совещание подпольных групп данного района¹⁵⁰.

По свидетельству Ф.Безлепкина, Мухин приехал в Ильиновку спустя не более недели после того, как ильиновские подпольщики получили сообщение, что он жив и обещал прислать для связи своего человека. Безлепкин считает, что это произошло в начале декабря¹⁵¹, что совершенно невозможно, поскольку, следуя логике его собственного изложения событий, Мухин приехал в село намного позже 1-го Борисоглебовского съезда. В другом своём воспоминании Ф.И.Безлепкин относит это событие даже к началу ноября¹⁵², что доказывает весьма слабую ориентировку его в датах, относящихся к периоду подготовки восстания. Можно предположить, что совещание в Ильиновке с участием Мухина произошло где-то в последнюю неделю декабря 1918 года.

На этом совещании, как свидетельствует Ф.Безлепкин, был проработан подготовительный план всеобщего восстания в области и для его организации Мухин предложил в течение недели созвать районный съезд¹⁵³. Местом его проведения были определены заимки в 10 верстах от Ильиновки¹⁵⁴. Востриков, в отличие от Безлепкина, называет местом этого съезда не заимки, а саму Ильиновку. Данное обстоятельство заставляет предположить, что в сообщениях этих двух свидетелей речь идёт о разных событиях. Безлепкин говорит о съезде в Красном Яру (куда переехали из заимок делегаты съезда), являвшемся, согласно показаниям Вострикова, уже вторым по счёту, который собственно и дал сигнал начать непосредственную подготовку восстания. Первый же съезд состоялся в Ильиновке, и именно на нём произошло образование 2-го (Зазейского) района области, а также избран районный революционный комитет из 5 человек¹⁵⁵. Время этого съезда (Ильиновского – Ю.Т.) Безлепкин опять определил очень неточно – 5 декабря¹⁵⁶. Значительно ближе к истине дата, указанная Востриковым – 10 января¹⁵⁷. Если она дана по старому стилю, то по новому – это 23 января.

Впрочем, И.Г.Безродных в своей книге утверждал, что указанный съезд состоялся 25 декабря 1918 года, на рождество¹⁵⁸. Однако в данном случае И.Безродных, видимо, спутал дату Ильиновского съезда с датой совещания подпольщиков в этом селе, на котором присутствовал Ф.Мухин и которое действительно могло состояться именно 25 декабря, то есть в день празднования католического рождества. Православное рождество здесь не подходит, так как по описаниям И.Безродных вскоре после отъезда Мухина состоялось посещение карательным отрядом села Ивановки, а по сообщениям прессы это произошло уже 26 января. К тому же, заимка, в которой И.Безродных и Ф.Мухин на обратном пути побывали за рождественским столом, принадлежала Землянским. Судя по фамилии с окончанием «-ий», они вполне могли быть поляками, а значит католиками по вероисповеданию. На эту же дату указывает и временной промежуток между совещанием и съездом в селе Ильиновке. И Безлепкин и Безродных* сообщают, что второй состоялся через месяц после первого, а между 25 декабря и 23 января (дата, указанная Востриковым, в переводе на новый стиль) как раз почти 30 календарных дней.

Несмотря на путаницу в датировке, сведения И.Г.Безродных, касающиеся хода самого Ильиновского съезда и поставленных им задач, более достойны доверия, поскольку в основном совпадают со свидетельствами Вострикова и Безлепкина (видимо, воспоминания об этом съезде смешались в его памяти с подробностями предыдущего совещания или даже полностью заместили их). По его словам, сначала была заслушана

* Безродных, правда, говорит здесь о времени между Ильиновским и Красноярским съездами, что явно не совпадает со свидетельствами других источников. Поскольку приведённая им датировка Ильиновского съезда, на самом деле относится к предшествовавшему ему совещанию в данном селе, то и указанный им интервал между съездами является, видимо, отрезком времени от совещания до съезда в с. Ильиновке.

информация о политическом положении и состоянии Благовещенской подпольной организации. Выяснилось, что «городская организация ещё не развила свою работу и находится в зачаточном состоянии». Был выработан единый план действий и единая структура организации. «Съезд признал, что сделано пока очень мало: сеть недостаточно развита, общая численность организации едва достигает 5 тысяч человек, актива маловато и т.д. ... Решено областного центра не создавать, а избрать штаб 2-го Зазейского района ..., усилить связь между организациями ... и работу в массах»¹⁵⁹.

Впрочем, были на съезде и сторонники немедленного восстания. Об этом, в частности, упоминают в своих воспоминаниях И.Безродных и участница подпольной организации Благовещенска О.Иогансон¹⁶⁰. По мнению одного из таких решительно настроенных депутатов И.Матвеева, именно этот съезд положил начало восстанию, поскольку доклад Мухина по текущему моменту он расценил как прямой призыв к поголовному участию в нём¹⁶¹.

По свидетельству П.Вострикова на съезде в Ильиновке было решено созвать следующий, уже областной конспиративный съезд 19 января (очевидно по старому стилю) на одной из заимок села Красный Яр¹⁶². Эта дата фигурирует и в свидетельствах И.Т.Воронцова, записанных в 1937 году¹⁶³. Переведя её в новый стиль, получим 1 февраля 1919 года. Однако это вовсе не означает, что съезд состоялся точно в назначенный срок. Тот же Воронцов несколькими годами ранее писал в своих воспоминаниях*, что он проходил в Красном Яру 5 февраля¹⁶⁴ (видимо уже нового стиля). Практически подтверждает вывод Воронцова и другой известный автор партизанских воспоминаний А.М.Кремез, утверждающий, что 4 февраля он был избран на подпольном съезде Советов членом комитета и членом штаба. Далее он пишет, что именно этот штаб 10 февраля объявил о начале восстания в области¹⁶⁵. Учитывая, что съезд в Красном Яру начался вечером и продолжался всю ночь¹⁶⁶, можно сделать вывод, что он проходил с 4 на 5 февраля 1919 года. Анализ следующих за ним событий показывает, что именно эта дата и является наиболее точной.

Первоначально делегаты собрались на Сушинских заимках¹⁶⁷ вблизи села Красный Яр. Были среди них представители и от 1-го района (Емельянов, В.В.Патрушев, В.Алексеев и много товарищей из деревень)¹⁶⁸. Однако уже первая ночёвка показала, что заимки слишком малы для такого количества участников¹⁶⁹, поэтому все они днём переехали непосредственно в село Красный Яр.

Именно на этом съезде было дано начало массовой подготовке вооружённого восстания. Избран революционный штаб, который должен был заниматься группировкой военных сил в виде подчинённых общему командованию местных боевых дружин¹⁷⁰, составить к назначенному дню план выступления и возглавить его¹⁷¹. Делегатам же было поручено, разъехавшись после съезда по своим местам, выяснить количество оружия у крестьян, разоружить колчаковскую милицию и начать открыто призывать население к восстанию¹⁷². Правда, по другим источникам, инструкции эти звучали несколько иначе, - взять на учёт всех вооружённых односельчан и не предпринимать никаких

* Данные воспоминания И.Т.Воронцова не датированы, но находятся в одной архивной папке с воспоминаниями 1927-1930 годов. Следовательно, написаны они были в переходный период от непрофессиональной, но искренней историографии 20-х годов к насквозь фальшивой Сталинской историографии истории гражданской войны. И.Т.Воронцов жил в это время на Камчатке, занимаясь кооперативной работой, то есть в почти полной изоляции от новых веяний исторической науки и от своих бывших соратников по партизанской борьбе. Это в значительной степени избавило его воспоминания от какого-либо влияния со стороны другого коллективного или частного мнения того времени. Книгу С.Кургузова о партизанах Амурской области, вышедшую в 1929 году он, видимо, прочесть ещё не успел. В результате, эти воспоминания И.Воронцова стоят как бы особняком не только от воспоминаний других партизан-амурцев, но и от его собственного творчества более позднего времени. В них есть оригинальные суждения, оценки и свидетельства, которых нельзя встретить ни в одном другом документе подобного рода. Причём некоторые из них оказываются самыми точными из всех существующих на сегодняшний день. Несколько искажены лишь описания Чудиновского и Павловского боёв под явным влиянием статьи И.Ракова в сборнике воспоминаний «В огне революции», вышедшем в 1927 году.

самостоятельных выступлений, ожидая соответствующих распоряжений штаба¹⁷³. И.Т.Воронцов в своих ранних воспоминаниях указывал даже, что все должны были выступать только по извещению через нарочного от оперативного штаба¹⁷⁴.

Этим событием и заканчивается организационная работа по подготовке Мухинского восстания. Она включает в себя следующие этапы:

1. Предварительный этап - Возникновение первых подпольных групп в некоторых населённых пунктах области (сентябрь – октябрь 1918 года).
2. Образование крупных разветвлённых подпольных организаций, включающих в себя множество подпольных групп действующих под руководством штабов разного уровня (ноябрь – декабрь 1918 года).
3. Постепенное объединение подпольных организаций в единую систему областного масштаба и формирование на базе подпольных групп и организаций боевых дружин (декабрь – начало февраля 1919 года).

Глава 2

Проблемные вопросы хода крестьянских восстаний зимы-весны 1919 года.

1. Мазановское восстание

Это событие произошло в середине завершающего этапа подготовительного периода к всеобщему восстанию против колчаковского режима в Амурской области. Данное обстоятельство наложило свой отпечаток на его начало, ход, особенности и результаты. Несмотря на довольно большую историографию данного вопроса, достаточно полного и достоверного описания Мазановского восстания до сих пор ещё не было создано. Особенно нуждается в исследовании сам ход вооружённой борьбы, который известен сегодня меньше всего.

Дата восстания – 7 января н.ст. не вызывает у историков никаких вопросов. В этот день, на православное рождество, в с. Мазаново произошло столкновение японского патруля с подвыпившими крестьянами в доме Якименко, спровоцированное вызывающим поведением интервентов. В ходе последующих репрессивных действий японского гарнизона и милиции были схвачены и некоторые участники местной подпольной организации, в том числе её руководитель Коновалов.

Сразу же получив просьбу о помощи от Мазановской подпольной организации, межволостной штаб в д. Сохатино, после недолгого колебания, через связанные с ним сельские подпольные группы, призвал к вооружённому выступлению население Мазановской, Завидненской и Верненской волостей. Если действия повстанцев северной части Мазановской волости, благодаря опубликованным воспоминаниям В.Аксёнова и других участников Сохатинской организации, достаточно известны, то об участии в восстании остальных отрядов в исторической литературе ничего не написано. Свет на эти события проливает рукописное жизнеописание одного из руководителей восстания в Завидненской волости В.С.Сапронова, сделанное его братом и соратником в 1929 году.

Согласно этому описанию, лидер завидненских подпольщиков В.С.Сапронов получил через нарочного сообщение из Сохатинского штаба о начале восстания в 8 часов вечера, и уже к 11 часам вечера вся деревня Завидное была готова к выступлению в поход на Мазаново. Некоторые «кулаки», правда, пытались возражать, но были бессильны отговорить крестьян. К утру «вся волость» была уже в Белоярово, где образовался штаб наступающих на Мазаново с юга крестьянских дружин, руководство которым В.С.Сапронов взял на себя. Штаб предполагал уже к обеду справиться с японцами, а затем в боевом порядке двинуться по деревням, призывая народ к восстанию.

В обороне Мазаново приняло участие около 100 японских солдат, а также небольшой отряд местной милиции и часть жителей села, всего около 150 человек.

Несмотря на незначительную численность, этот отряд имел пулемёт и успел занять удобную для обороны линию речки Топтушка, используя русло её как естественный окоп.

В непосредственное командование образовавшимся фронтом вступил П.Иванов. Общая численность отрядов повстанцев здесь достигала 2-х тысяч человек, однако половина из них была без оружия. Отсутствие дисциплины и тяжёлого вооружения (пулемётов и артиллерии), а также наличие среди повстанцев значительного числа «попутчиков», пришедших только для того, чтобы не быть обвинёнными в неучастии в восстании, не позволили достичь какого-либо успеха. К вечеру отряды повстанцев начали беспорядочно отступать и рассеиваться по своим волостям. Дополнительным поводом к этому послужила весть о появлении крупного японско-белогвардейского карательного отряда в тылу, который уже занял село Красноярово.

Почти сразу же после того, как провалился штурм Мазаново с юга, со стороны Сохатино в село ворвалась другая группировка повстанцев. Её опоздание объяснялось тем, что весть о начале наступления Белояровской группы Сохатинский штаб получил лишь под вечер. Сыграла свою роль в задержке выступления и возня с захватом милицейского отряда поручика Торболова, как раз в этот день возвращавшегося из карательной экспедиции в верховья реки Селемджи. Японский гарнизон и милиция Мазаново, оставив около 50 трупов, разбежались (по другим воспоминаниям – потеряв около 25 человек убитыми бежали ночью в г. Свободный¹⁷⁵). Заняв вечером Мазаново, повстанцы сразу же объявили о восстановлении в нём Советской власти¹⁷⁶.

Информацию Сапронова значительно корректируют газетные сообщения того времени. В них, в частности, говорится, что японский гарнизон оставил село из-за нехватки патронов ещё до прибытия второго отряда, «после чего на пустой пункт началось наступление из Сохатино, и обстрел пустого пункта продолжался с 6 часов до 9 часов вечера. После взятия ... пункт был разграблен»¹⁷⁷. В другой газете на основе японских источников излагалась несколько иная датировка всех событий, согласно которой гарнизон Мазаново был атакован повстанцами с юга в два часа дня 10 января. Уже через час к месту событий выступил из г.Свободного взвод японских солдат (и отряд казаков – Ю.Т.) под командованием самого начальника Свободненского японского гарнизона капитана Маеда*, который к полуночи уже был в Красноярово. Мазаново было занято японцами в 11 часов утра 11 января, где был деблокирован окружённый в казармах японский гарнизон, а в ночь на 13 января японцы атаковали д. Сохатино¹⁷⁸.

Указанная датировка явно не совпадает с остальными источниками, в том числе с заслуживающим доверия свидетельством представителя амурского земства, согласно которому уже 10 января в Мазаново был проведён сельский сход, закрепивший победу белых властей¹⁷⁹. Вероятно, по какой-то причине, японские даты оказались сдвинуты на один или даже на два дня вперёд. Таким образом, объединив газетные сведения японского штаба и информацию Сапронова, можно предположить, что Мазаново было взято повстанцами только вечером 8-го января и продержались они в нём менее суток, до утра 9 января, то есть более чем втрое меньше времени, чем принято было считать до сих пор.

На подступах к Сохатино, повстанцы вновь заняли оборону и, по утверждению Ракова, уничтожили небольшой отряд белогвардейцев (по-видимому – разведку). Вслед за тем к селу был выслан другой, более крупный отряд¹⁸⁰. По сообщению японского штаба, в бою за Сохатино трое японских солдат были убиты, семеро ранены, и ещё шесть получили обморожения¹⁸¹. Сохатино было занято японцами, видимо, в ночь на 11 января.

Когда каратели ещё находились в Мазаново, туда была выслана жителями д. Сохатино делегация для мирных переговоров. Японцы арестовали делегатов и, направившись поздно вечером к этой деревне, взяли их с собой. Заметив приближение

* Капитанское звание начальника Свободненского японского гарнизона само по себе говорит о его численности. По-видимому, он не мог превышать одной, максимум двух, рот. Большее количество рот возглавил бы сам командир батальона, который в японской армии носил обычно звание майора.

карателей, сторожевые посты повстанцев обстреляли их, а затем, не принимая боя, весь отряд отступил и рассеялся по таёжным деревням и заимкам. Японцы открыли по деревне ответный огонь, стали жечь постройки и арестовывать всех попавшихся им жителей. Всего было сожжено 15 домов, а один из арестованных убит. Ещё один житель деревни погиб, пытаясь в одиночку оказать вооружённое сопротивление карателям в своём доме.

14 января Сохатино вторично посетил карательный отряд, который сжёг ещё 25 домов, хозяева которых находились в бегах, а также расстрелял ещё 2-х местных крестьян¹⁸². Газета «Наше дело» сообщала в целом о 42 сожжённых здесь домах, причём поджоги, по её утверждению, совершали японцы, и казакам «больших трудов стоило» остановить их. В с. Мазаново каратели сожгли 5 или 6 домов, в которых были обнаружены японские вещи ... арестовано около 60 человек¹⁸³. По другим данным, там было сожжено 4 дома и расстреляно несколько человек, в том числе казнён руководитель подпольной организации Кулинич¹⁸⁴. В 1930 году, в братской могиле с. Мазаново значилось похороненными 14 жертв атамановщины и интервенции¹⁸⁵.

Впрочем, следует признать, что массовых насилий по отношению к мирному населению тогда, по-видимому, допущено не было. Ставшие же известными случаи жёстко пресекались командованием. В газетах даже сообщалось, что были расстреляны два японских солдата, покушавшиеся на изнасилование учительницы в селе Сохатино. Кроме того, в Мазаново было арестовано по обвинению в насилии два милиционера. «Оба ... при аресте были избиты казаками и переданы военно-полевому суду»¹⁸⁶.

Тем не менее, восстание с самого начала было отмечено крайними жестокостями с обеих сторон, ставшими характерной чертой гражданской войны на Амуре, как, впрочем, и по всей стране. Так, по сообщению Е.Галыгина, повстанцы Верненской волости, арестовав в селе Сосновый Бор (Верное) белогвардейских милиционеров, живьём сожгли их на костре. Захваченные же восставшими 8 января в д. Угловой милиционеры из отряда Торболова, шедшие с верховий Селемджи, почти все, вместе с пленёнными в Мазаново японцами, всего 32 человека, были живыми спущены под лёд реки близ Сохатино¹⁸⁷. Правда, в газетах сообщалось, что 11 из них, во главе с прапорщиком Добротворским, были не утоплены, а расстреляны на острове против с. Сохатино¹⁸⁸.

2. Мухинское восстание

Начало восстания

Все оставившие свои воспоминания участники Мухинского восстания едины во мнении, что решение о начале восстания принял съезд подпольщиков и членов боевых дружин в Красном Яру. Востриков и Безлепкин поясняют, что это был уже второй Красноярский съезд, спровоцированный появлением во 2-м районе карательных отрядов.

Поводом же для активизации действий карателей стали убийства подпольщиками милиционеров, а также явных и предполагаемых сторонников правительства в некоторых волостных сёлах и деревнях. Первой была ликвидирована группа милиционеров в Тамбовке, причём старшего милиционера повстанцы увезли с собой и расстреляли за д. Татьяновкой¹⁸⁹. Судя по всему, это нападение было произведено жившим здесь И.Ф.Матвеевым (в то время эсером-максималистом) и его группой. По его собственным воспоминаниям, он немедленно после съезда (1-го Красноярского) отправился в волости, чтобы «снять белогвардейскую милицию». По одному из воспоминаний И.Матвеева, это ему удалось сделать «в одну ночь»¹⁹⁰, по другому – «на следующий день»¹⁹¹. Если попытаться соединить обе эти расплывчатые датировки, с учётом простонародного характера речи И.Матвеева, то данное событие произошло, предположительно, в ночь с 6 на 7 февраля.

Правда хабаровская газета (амурских газет этого времени найти не удалось – Ю.Т.) за 13 февраля сообщала, что военный отряд прибыл в Тамбовку для расследования этого нападения рано утром 6 февраля, но «большевиков в деревне уже не застал», успев арестовать только двух человек¹⁹². Однако Востриков относит прибытие данного отряда к утру 8 февраля, что более правдоподобно, поскольку даже если бы убийство милиционеров в Тамбовке произошло в ночь на 6 февраля, белые власти не успели бы и получить сведения об этом и прислать отряд уже к раннему утру того же дня (расстояние от Тамбовки до Благовещенска по карте – не менее 40 километров). По-видимому, данные сведения были получены по телеграфу в Хабаровске с ошибкой в датировке.

В с. Михайловском уже на вторую ночь после первого красноярского съезда его участники убили кулака с сыном и местного попа¹⁹³, которые, по данным колчаковской милиции были сожжены живьем на костре¹⁹⁴. В ночь на 8 февраля, восставшие арестовали служащих Михайловской почтово-телеграфной конторы¹⁹⁵ (там было взято 61 тысяча рублей и всё оружие¹⁹⁶)*. В Борисоглебке делегаты съезда тогда же расстреляли 4-х приехавших сюда накануне милиционеров¹⁹⁷, а в д. Нижней Завитинке были арестованы и расстреляны подпольщиками два учителя, заподозренных в доносительстве и шпионаже¹⁹⁸.

Такие нападения стали следствием нетерпения подпольщиков, а возможно даже сознательного желания некоторых из них спровоцировать восстание как можно скорее. Ведь сторонников немедленного восстания и на Ильиновском и на 1-м Красноярском съездах, по данным И.Безродных и О.Иогансон, было едва ли не большинство. И.Т.Воронцов так описывает их тогдашние настроения: «Возвратившиеся на места участники съезда, имея за собой уже какую-то организацию, которая должна руководить восстанием, не могли переносить варварских действий находящихся у них агентов белогвардейщины (колчаковская милиция, шпионы, попы, некоторые учителя из офицеров, гимназисты, кулачье-торговцы)»¹⁹⁹.

Утром 26 января (по старому стилю, или 8 февраля нового стиля – Ю.Т.) в Жариково и Тамбовку прибыли два карательных отряда и захватили некоторых членов организации. И хотя оба отряда, произведя несколько порок, в тот же день получили распоряжение вернуться обратно, само их появление вызвало бегство подпольщиков и членов боевых дружин этих и окрестных сёл и деревень с оружием к штабу восстания, который, по плану, должен был находиться в д. Татьяновке²⁰⁰. Туда же отправилась и вся Жариковская подпольная организация (видимо в ночь на 8 февраля – Ю.Т.). Однако штаб, узнав о появлении карателей, сразу же перебазировался в с. Красный Яр²⁰¹.

Там, в Красном Яру, – как утверждает Востриков - в 1-й половине дня 10 февраля состоялось собрание сбежавших сюда членов подпольных организаций и местных жителей²⁰², которое в большинстве воспоминаний и в исторической литературе именуется обычно съездом. И.Ф.Матвеев, впрочем, считал, что данный съезд состоялся 9 февраля²⁰³. Вполне возможно, что правы они оба: съезд мог начаться ещё 9-го и продолжиться утром 10 февраля. Этот съезд и принял, наконец, после долгих ожесточённых споров, решение о начале восстания. Со стороны Мухина и ряда других членов штаба, считавших, что восстание недостаточно организовано, это было вынужденное согласие с мнением большинства²⁰⁴. Дело в том, что по плану восстания, выработанному в основных чертах ещё на Ильиновском съезде и дополненному в речи Мухина на 1-м Красноярском съезде, предполагалось соединить крестьянское восстание в области с выступлением рабочих города.

Согласно плану, восстание должно было начаться одновременно в обоих районах и быстро охватить большинство сёл и деревень Амурской области, препятствуя, тем самым, попыткам белогвардейцев и японцев удушить его в самом начале. Необходимо было начинать восстание по сигналу городской организации, которая определяла срок

* Впрочем, возможные погрешности в датировке допускают предположение, что все эти события в Михайловке произошли за одну ночь.

готовности к нему городских дружин примерно 2-й половиной марта или началом апреля²⁰⁵. То, что восстание ожидалось именно весной, подтверждают и газеты того времени, сообщая об этом как о слухах, ещё до его начала ходивших среди крестьян²⁰⁶.

Упорство на съезде сторонников немедленного восстания вполне понятно. Нападениями на милицию и агентов правительства в своих сёлах и деревнях, а также открытой агитацией за восстание члены многих подпольных организаций полностью раскрыли себя и не могли теперь просто так вернуться назад. В такой же ситуации оказались и жители Красного Яра, не надеявшиеся получить прощение белых властей за то, что дважды приняли у себя съезды их непримиримых врагов.

Проблема периодизации восстания

Советская историография даже не пыталась всерьёз поставить этот вопрос. По мнению историков, писавших об этом событии, восстание с самого начала развивалось по восходящей линии, и только опасность весенней распутицы, да приближение сезона полевых работ заставили его руководителей распустить повстанческую армию и перейти к партизанским методам вооружённой борьбы. Между тем, свидетельства источников позволяют выделить в истории этого восстания, в зависимости от места действия, его характера и поставленных перед ним целей, как минимум пять основных этапов:

1. Формирование повстанческой армии и боевые действия в Зазейском районе (8-20 февраля). На этом этапе целью повстанцев было немедленное овладение Благовещенском. Цель не была достигнута из-за неготовности в тот момент к восстанию подпольной организации города.
2. Отступление повстанческой армии от Благовещенска и боевые действия в 1-м районе (21 февраля – 3 марта). Цель на этом этапе – увеличить армию за счёт 1-го района, пополнить её арсенал оружием, оставшимся здесь после разгрома Зейского каравана, овладеть Свободным и Бочкарёвкой и, тем самым, отрезать Благовещенск от Приморья, Забайкалья и золотых приисков. После этого, во взаимодействии с рабочими дружинами в городе, взять областной центр. Несмотря на некоторые частные успехи, ни одна из этих целей не была достигнута полностью.
3. Отступление повстанцев снова в Зазейский район после тяжёлого поражения в бою под Павловкой (4-12 марта). Цель движения – пополнить силы восставших, восстановить боеспособность армии и вновь попытаться овладеть Благовещенском. Ни того, ни другого добиться не удалось из-за дезорганизации повстанческой армии и разочарования крестьян. Повстанческая армия отступила в прибурейскую тайгу.
4. Последняя попытка повстанцев перехватить инициативу у японских войск путём захвата узловой железнодорожной станции Бочкарёво (Белогорск) и разрушения железной дороги (13-16 марта). Удалось лишь на время вывести из строя линию железной дороги между Бочкарёво и Екатеринославкой. Основная же цель так и не была достигнута.
5. Самоликвидация повстанческой армии в результате массового дезертирства и организованного самороспуска (17 марта – начало апреля). Цель – избежать окончательного распада повстанческой армии, сохранив её костяк путём частичного вывода его в Забайкалье, где восстание ещё продолжалось. Вывести армию из Амурской области в Забайкалье не удалось. Разойдясь по тайге, наиболее активная часть повстанцев стала летом основным материалом для формирования партизанских отрядов.

Проблема маршрута движения повстанцев и датировки событий на I этапе восстания

1) Формирование первых отрядов. Согласно принятой историками версии, опирающейся на воспоминания И.Т.Воронцова, костяк повстанческой армии сформировался в с. Красный Яр сразу после съезда (второго Красноярского – Ю.Т.), объявившего о начале восстания. Затем, разделившись пополам, армия разошлась в разные стороны. Один из отрядов направился через с. Михайловку к станции Завитая, а другой, во главе с Мухиным, - в общем направлении на с. Ивановку. Однако версия об одновременном уходе обоих отрядов из Красного Яра опровергается воспоминаниями Вострикова и И.Безродных.

И.Безродных, в частности, пишет в своей книге, что в самый разгар прений (по-видимому, 10 февраля – Ю.Т.) на съезд прибыл вестовой от отряда Лашкевича с сообщением о разгроме японского отряда в 150 человек и о том, что численность самого отряда Лашкевича достигает двух рот²⁰⁷. Конечно, упоминание здесь И.Безродных данного столкновения с японцами, под которым легко угадывается Демьяновский бой, является анахронизмом. Никаких боёв ни 9, ни 10 февраля в Амурской области ещё не происходило. Однако само утверждение, что отряд Лашкевича (точнее И.Черемисина) в момент съезда находился за пределами села Красный Яр, вряд ли можно отнести к числу многочисленных ошибок данного автора. По-видимому, вестовой передал тогда съезду сообщение о действительно состоявшемся к тому времени соединении отряда Черемисина с отрядом повстанцев Райчихинской волости под командованием Дьяченко.

Вострецов, в свою очередь, описывая уход повстанцев из с. Красный Яр, говорит в этой связи только об отряде Мухина. Отряд же И.Н.Черемисина «с Лошкевичем, Овчинниковым и Лавриненко – по его утверждению - ... вышел ранее по направлению Завитая»²⁰⁸. По-видимому, отряд И.Черемисина ушёл на сутки раньше, ещё до появления членов Жариковской подпольной организации в Красном Яру. Это предположение вполне подтверждается и источниками официального происхождения.

Так, согласно объявлению командующего Приамурским военным округом, комендант ст. Завитой уже утром 10 февраля доносил, «что восставшие большевики из района Михайловской волости отрядом, силою до 400 человек двинулись на север для захвата ст. Завитой»²⁰⁹. Между тем, телеграфная контора в с. Михайловке была разгромлена повстанцами ещё 8 февраля, следовательно, получить все эти данные комендант станции мог только через своих разведчиков или от сбежавших оттуда в Завитую сторонников белых властей. В любом из этих случаев на передачу информации потребовалось бы зимой, с учётом неизбежных остановок в деревнях, не менее 10 часов (от Михайловки до Завитой более 50 километров пути). Следовательно, вечером 9 февраля отряд повстанцев уже находился в Михайловке, а это означает, что из Красного Яра он выступил не позднее середины дня 9 февраля.

Между тем, сам И.Воронцов, в воспоминаниях, написанных в конце 20-х годов, утверждал, что оба отряда были сформированы в с. Красный Яр в течение суток²¹⁰. Таким образом, их организация началась ещё 8 февраля. Эту дату подтверждают и официальные источники того времени. Так, по информации из японского штаба в г. Хабаровске, согласно полученным от атамана Гамова сведениям, уже 8 февраля «в местечке Красный Яр, замечено большое скопление большевиков ... прервавших телеграфное сообщение между Красным Яром и Поярково. Население Поярково готовилось покинуть его»²¹¹.

По сообщениям той же газеты, «в настоящее время (с 8-го до утра 10-го февраля) деревни, окрестные Красному Яру, под влиянием большевистской агитации комиссара Мухина начали собирать силы, выставляя от каждой деревни от 50 до 100 человек в среднем», а «в д.Михайловке большевики призвали мужское население ... от 18 до 45 лет. Общее число призванных доходит до 2000 человек»²¹². Последняя цифра в данном случае

относится, конечно же, не к Михайловке только, а ко всему этому району восстания и к тому же, по-видимому, сильно преувеличена.

2) Демьяновский и Кутиловский бои.

История обоих этих боёв неплохо представлена в историко-публицистической литературе (в основном в опубликованных воспоминаниях Воронцова), но очень слабо затронута научной историографией. В газетах того времени сохранились официальные комментарии японского штаба, позволяющие более детально изучить эти события. Согласно информации японского происхождения, первые сведения о сосредоточении сил повстанцев в с. Иннокентьевке были получены командованием интервентов не позднее 9 февраля. Японцы считали тогда, что именно эта деревня является центром движения, и именно в ней находится сам Мухин, во главе отряда из 150 большевиков²¹³.

В д. Иннокентьевке действительно располагался в тот момент отряд повстанцев, но не Мухина, а Дьяченко – руководителя восстания крестьян в Райчихинской волости. По-видимому, 10 февраля туда же подошла и красноярская рота из Михайловки²¹⁴. По данным японцев, большевики из Иннокентьевки собирались на рассвете 11 февраля атаковать ст. Завитую. Поэтому японским командованием было принято решение предпринять в том направлении военную экспедицию.

Экспедиционный отряд (видимо, неполная рота) выступил в 3 часа утра 11 февраля и в 1 час дня столкнулся с повстанцами в окрестностях д. Демьяновки²¹⁵, а точнее на полпути между Демьяновкой и Камышовкой. Ещё до боя японцы захватили командира Райчихинского отряда Дьяченко, выехавшего в Завитую в качестве парламентаря. Силы повстанцев японцы оценивали в 300-400 человек. Конечно, японское командование благоразумно скрыло от читающей публики факт поражения и бегства своего отряда. В прессе было отмечено лишь, что, взяв «1-ю линию укреплений на возвышении ... отряд Ионатани с наступлением темноты вернулся на Завитую»²¹⁶. Дьяченко был убит японцами в самом начале боя.

К этому времени штаб японцев уже разработал «операцию охвата большевистского гнезда», проведение которой было поручено отряду (то есть бригаде – Ю.Т.) генерала Ямада. План операции заключался в том, что 12 февраля отряд Такахаси, в который вошли отряды Ионатани, Суэмацу (видимо, тоже рота) из Бочкарёвского гарнизона и часть дивизиона полевой артиллерии (два 75-мм орудия), должны были наступать из ст. Завитой на Иннокентьевку, а отряд майора Хори (примерно такого же состава, плюс отряд милиции) - из Благовещенска на Михайловку. По прибытии на место к ним присоединялись выдвинутые сюда в целях разведки ещё 9 февраля милицейский отряд прапорщика Бартенева со стороны Благовещенска и отряд казаков из ст. Поярково. К тому времени, штабом дивизии в Хабаровске был срочно сформирован вспомогательный отряд и немедленно отправлен на помощь Ямаде. В подкрепление своей Завитинской группировке выехал из Благовещенска по железной дороге и сам Ямада с ещё одним отрядом²¹⁷.

Отряд Такахаси вышел из Завитой в 9 часов утра 12 февраля и к вечеру достиг Демьяновки, где и остановился на ночлег²¹⁸. Руководству обоих располагавшихся в Иннокентьевке отрядов повстанцев, видимо, так и не удалось договориться о создании единого штаба и о плане дальнейших действий. В результате, по свидетельству Вострикова, на следующий день после Демьяновского боя, то есть 12 февраля, вследствие паники, возникшей из-за случайного взрыва трофейной японской гранаты, образовавшийся в Иннокентьевке объединённый отряд распался. Красноярцы и часть присоединившихся к ним местных повстанцев организованным порядком ушли в Арсентьевку²¹⁹, где соединились с ожидавшими их земляками, вернувшимися из отряда Мухина²²⁰, образовав, таким образом, единый отряд – 1-ю красноярскую роту.

В 3 часа утра 13 февраля японский отряд выступил из Демьяновки и, подойдя к Иннокентьевке на 1500 метров, открыл по ней артиллерийский огонь²²¹. В завязавшемся

бою японцы рассеяли оставшиеся группы местных и райчихинских повстанцев, которые не пошли на соединение с Мухиным и, в конце концов, просто разошлись по домам. Впрочем, сам этот бой, возможно, ограничивается только артиллерийским обстрелом деревни японцами, так как других относящихся к нему фактов в источниках нет.

14 февраля к Иннокентьевке из Завитой подошёл отряд самого генерала Ямада с присоединившейся к нему частью вспомогательного отряда, прибывшего из Хабаровска. К вечеру этот отряд продвинулся до д. Шумиловки. В тот же день, отряд Хори занял с. Михайловку. На следующее утро, получив сведения, что находившиеся в соседней деревне Арсентьевке красные ночью покинули её и направились в д. Кутилово, отряд Хори двинулся по их следам²²². По воспоминаниям И.Воронцова, красноярская рота в ночь на 2 (15) февраля действительно покинула Арсентьевку и утром была уже в Кутилово²²³. Указанные время и дату выхода повстанцев из Арсентьевки подтверждает в своём рапорте и Станьковский²²⁴.

В д. Кутилово красноярцы вынуждены были принять свой второй бой. Непосредственный участник этого боя Воронцов относит его начало на 10-11 часов утра 2 февраля²²⁵ (старого стиля, следовательно 15 февраля по новому стилю). Правда, Станьковский пишет, что бой произошел вечером 16 февраля²²⁶. Однако в этом случае он явно не прав. Самого его не было на месте события, поскольку в эти дни он, во главе своего отряда милиции, производил «очистку» Михайловки и села Красный Яр²²⁷ от «большевиков». По свидетельству Воронцова Кутиловский бой закончился только вечером, когда отряд сумел оторваться от японцев и казаков под прикрытием темноты²²⁸.

Необходимую ясность в описание этого боя Востриков*, отмечая, что сопровождавшие японский отряд казаки действительно атаковали отряд И.Черемисина вскоре после 10 часов утра. Японцы же медленно шли за ними двумя развёрнутыми цепями при поддержке артиллерийского огня. Потеряв при этом обстреле сразу 7 человек убитыми, повстанцы покинули свои позиции и стали постепенно отступать к д. Максимовке, около которой имелась сопка, покрытая дубняком. Во время этого отступления их неоднократно пытались догнать и атаковать казаки, но каждый раз получали достойный отпор. Затем часть отряда, увлекая за собой японцев ушла в д. Панино, а другая (основная) – в с. Песчаноозёрское, откуда на подводах (своего заранее отступившего туда обоза²²⁹) отправились в Андреевку²³⁰.

Описание Вострикова в основном подтверждается и информацией японского командования, по данным которого отряд Хори в 1 час 30 минут атаковал около 200 красных на сопке в окрестностях д. Кучерово (Кутилово – Ю.Т.) и «после 30 минут боя, при помощи артиллерии, прогнали большевиков. В 3 часа 30 минут сопка была занята японцами». Красные отступили в направлении Песчаноозёрки²³¹.

3) Маршрут отряда Мухина.

Описание маршрута из Красного Яра второй половины повстанцев, чрезвычайно затруднено многочисленными противоречиями в свидетельствах разных источников, причём часто содержащихся в написанных в разное время воспоминаниях одних и тех же лиц. Тем не менее, эту путаницу всё же можно преодолеть, ориентируясь главным образом на показания официальных источников, в данном случае - рапорт начальника уездной милиции Станьковского и метрические книги Ивановской церкви, а также протокол допроса Ф.Н.Мухина и те части воспоминаний, которые в наибольшей степени

* Данные воспоминания одного из организаторов Мухинского восстания П.Вострикова являются свидетельствами очевидца только при описании им своего участия в событиях. Остальная часть его работы построена, видимо, на рассказах других бывших партизан. Таким образом, рукопись П.Вострикова можно считать одной из самых первых попыток исторического описания этого восстания, сделанного по относительно свежим следам событий. Данная работа выгодно отличается от других подобных попыток некоторых его соратников по партизанской борьбе. П.Вострикова выделяют среди остальных авторов сохранившихся воспоминаний значительно большая грамотность, компетентность, честность и умеренность в оценках и выводах. Правда, и он тоже не смог избежать некоторых преувеличений.

соответствуют им. В других случаях можно брать за основу совпадающие части разных воспоминаний, либо принимать в расчёт преимущественно свидетельства непосредственных участников описываемых событий.

Эта часть повстанцев выступила из Красного Яра почти сразу же после завершения съезда, в 3 часа дня 28 января²³² ст. ст. (10 февраля н. ст.). Во главе её стоял сам Мухин и все созданные подпольными съездами органы управления восстанием, которые представляли собой теперь некое аморфное целое – штаб повстанческой армии, в который вошли не только члены районного, областного и оперативного штабов, но и ряд других бывших известных советских работников областного масштаба. Сначала отряд пошёл прямо на юг, к ничего не значащей маленькой деревушке Коршуновке.

Объяснение этому манёвру содержится только в одном из воспоминаний И.Ф.Матвеева, написанном в 1932 году. По его утверждению повстанцы двинулись тогда не на Коршуновку, а на Поярково, имея целью разоружить эту казачью станицу, но до конца свой замысел не довели²³³. Смысл данного похода вполне понятен. Его успех позволял не только пополнить арсенал повстанческой армии, но и в значительной степени обезопасить её тыл. Неясно только почему это движение не было доведено до конца. Все авторы воспоминаний тщательно обходят этот вопрос стороной. Возможно, в последний момент среди командования повстанцев взяла верх точка зрения Мухина, стремившегося как можно скорее вывести армию на подступы к Благовещенску.

Так или иначе, но от Коршуновки отряд резко взял северо-западное направление и к вечеру вышел к селу Ильиновка, намереваясь на следующий день продолжить своё движение по территориям Полтавской, Гильчинской и Тамбовской волостей. Однако утром 29 января (11 февраля н. ст.) прискакал вестовой из Верхней Полтавки, который сообщил штабу, что в Полтавской волости появился японско-белогвардейский карательный отряд²³⁴. В действительности, вероятно, это был небольшой конный отряд милиции под командованием прапорщика Бартенева, отправленный (возможно, вместе с конным подразделением японцев - Ю.Т.) в охваченные восстанием волости для разведки ещё 9 февраля²³⁵. Настоящих карательных отрядов здесь в тот момент ещё не было.

4) Дальнейшие маршруты движения отрядов.

Тем не менее, под влиянием этого сообщения маршрут движения повстанцев, по свидетельству П.Вострикова, был резко изменён. Отряд опять был разбит на части. Основная часть, во главе с Мухиным и его штабом двинулась на север, через всю Борисоглебскую волость к Песчаноозёрке, вторая пошла на восток, по направлению к Иннокентьевке, а третья – направились в северо-западном направлении, на Козьмодемьяновку и Чуевку. Задачей каждого отряда было поднимать восстание в сёлах своего маршрута и не допускать окружения противником основной группировки повстанцев. Сборным пунктом для них было назначено село Андреевка Ивановского района²³⁶.

В этих свидетельствах Вострикова есть одна маленькая неясность. Начальником третьего отряда он называет И.Ф.Матвеева, тогда как тот, ничего не пишет об этом в своих воспоминаниях, создавая впечатление, что он всё время находился при штабе Мухина. Вообще, если судить по воспоминаниям, в штабе повстанческой армии находились тогда почти все наиболее известные их авторы. Этим обстоятельством и объясняется отсутствие в исторической литературе упоминаний о наличии других маршрутов движения войск повстанцев. Воспоминания же П.Вострикова не были опубликованы, видимо потому, что, судя по разоблачительным высказываниям в его адрес И.Т.Воронцова в 1937 году²³⁷, он был репрессирован вскоре после их написания. Факт присутствия «красных» через день в Чуевке подтверждает начальник Амурской уездной милиции Станьковский, указывая, что именно там формировался красногвардейский отряд и именно туда, а не в Ильиновку ушли 30 добровольцев-повстанцев Тамбовки после сельского схода днём 12 февраля 1919 года²³⁸.

Что же касается второго отряда, то его действия не совсем ясны. Дело в том, что по одному из воспоминаний И.Т.Воронцова, рота красноярцев встретилась с этой группой, тоже состоявшей в основном из жителей с. Красный Яр и окрестных деревень, в д. Арсентьевке 30 января (12 февраля н. ст.), а затем весь отряд двинулся к д. Кутилово²³⁹. Получается, что отряд Черемисина пробыл в Арсентьевке более двух суток. Можно предположить, то он задержался там не случайно, а прикрывал пути возможного отхода повстанцев из Михайловской и Райчихинской волостей на соединение с главными силами повстанческой армии.

Маршрут главного отряда известен гораздо лучше, но и он оставляет немало вопросов. По свидетельству одного из организаторов Ивановской подпольной организации и члена повстанческого штаба М.Бочко, в Борисоглебке отряд опять разделился. Основная часть, во главе с Мухиным, пошла на Песчаноозёрку, а остальные, возглавляемые, по-видимому, М.Бочко, - через Лазаревку на Андревку. Оба отряда опять сошлись в Анновке, откуда Мухин отправился в Ивановку, а штаб обосновался в Андреевке²⁴⁰.

Большинство бывших участников этого похода подтверждают, что штаб и главные силы повстанцев следовали от Ильиновки через Борисоглебку, Кутилово, Песчаноозёрку и Варваровку. Далее показания этих свидетелей расходятся, что косвенно подтверждает правоту М.Бочко. Большинство из них прослеживают дальнейшее движение штаба и армии в направлении: Лазаревка, Андреевка. Сам же Ф.Н.Мухин утверждал на допросе, что его отряд проследовал через Анновку сразу на Ивановку²⁴¹. По словам П.Вострикова, правда, план занятия Ивановки штаб повстанцев разработал уже в Андреевке²⁴².

Дату занятия Ивановки ни Востриков, ни другие свидетели не указывают, но её можно установить другим путём. Согласно метрической книге Ивановской церкви, священник Паргачевский и милиционер Легкоступ были убиты 30 января по старому стилю, или 12 февраля по новому. Однако «банда красных», по данным белогвардейской милиции, выступила из Андреевки в сторону Ивановки в ночь с 12 на 13 февраля²⁴³. Такое несовпадение объясняется тем обстоятельством, что ещё накануне прибытия отряда местные подпольщики захватили власть в своём селе. Именно они, по свидетельству П.В.Куликова, разоружили милицию, а затем арестовали и расстреляли священника, старшего милиционера и старика Бабича. «В это время на телеграфе сидел свой человек, который говорил, что в Ивановке всё спокойно»²⁴⁴.

Итак, в Ивановке Мухин с частью штаба повстанческой армии появился 13 февраля, после чего там началась мобилизация в повстанческую армию²⁴⁵, и были отправлены два её представителя в городской штаб восстания.

По свидетельству бывшего ивановского подпольщика и участника восстания Н.М.Гранкина, 1 февраля (видимо по старому стилю – Ю.Т.) в Министерской школе села Ивановки было созвано «совещание делегатов Красноярского совещания и актива, где был поставлен вопрос организационный о строении ... армии». Большинство участников этого совещания высказалось за то, чтобы основными подразделениями армии считать роты, а батальонов и полков не создавать. Роты было решено формировать в основном из односельчан, а где не хватает людей – делать сводными из двух-трёх сёл.²⁴⁶ Таким образом, штаб закрепил стихийно сложившийся с самого начала восстания принцип организации отрядов на местах.

Получив сведения, что 1-2 февраля (по старому стилю) из города вышли карательные отряды, штаб вернулся в с. Андреевку²⁴⁷. Это случилось, таким образом, 15 февраля (2 февраля по ст. ст.), что подтверждается также воспоминаниями Г.П.Садчикова, посланного в этот день в Ивановку к Мухину от городской подпольной организации, но штаба здесь уже не заставшего²⁴⁸. Правда, И.Безродных утверждает, что штаб из Ивановки прибыл не в Андреевку, а в Лазаревку, где стояли тогда главные силы повстанцев, и не 15, а во второй половине дня 16 февраля²⁴⁹. Эта информация отчасти подтверждается воспоминаниями И.Ф.Матвеева, где он пишет, что с Песчаноозёрки они

«пошли в Ивановку и Лазаревку»²⁵⁰. Можно предположить, таким образом, что, после возвращения 15 февраля части штаба из Ивановки в Андреевку, весь штаб (или другая его часть) на следующий день передвинулся в д. Лазаревку, где располагались основные силы повстанческой армии.

Информация же о движении карательных отрядов на Тамбовку оказалась, видимо, слишком запоздалой. Один такой отряд (отряд Хори) действительно вышел из города, но не 14, а 12 февраля, и, оставив заслон милиции у д. Толстовки, к 15 февраля находился уже в Михайловке, готовясь преследовать повстанцев на территории Борисоглебской и Ивановской волостей. После его ухода из этого села, Михайловку в полдень 15 февраля занял отряд Такахаси, который затем двинулся к Ильиновке, получив сведения, что там вновь находится отряд повстанцев²⁵¹.

Вероятно, в Ильиновку к этому времени просто вернулось покинувшее её перед приходом отряда Хори население. Подойдя к селу японцы открыли по нему артиллерийский огонь, после чего жители Ильиновки бросились бежать в направлении с. Борисоглебки. Как вспоминал бывший партизан из Борисоглебки Е.И.Давыдов, «мы услышали оружейную стрельбу ... немедленно организовали отряд человек до 200 и сделали засаду за селом. Всё население Ильиновки отступило к нам в деревню, а молодёжь с оружием в руках присоединилась к нашему отряду».

На следующий день образовавшийся здесь таким образом повстанческий отряд, насчитывавший уже около 300 человек, направился в с. Николо-Александровку. Японцы же двинулись из Ильиновки на Красный Яр²⁵². Как писали тогдашние газеты, «по окончании дела под Ильиновкой, отряд Такахаси оперировал в долине р. Завитой»²⁵³. Отряд самого Ямада, к этому времени, видимо уже вернулся на станцию Завитая.

5) Расположение отрядов и маршруты движения накануне Виноградовского боя.

Ко времени возвращения штаба в д. Андреевку (или Лазаревку) там собрались уже довольно значительные силы повстанцев, однако далеко не все. Расположение войск повстанческой армии на 15 февраля было следующим: Помимо главных сил в д. Андреевке (или в Лазаревке), имелись также боевые отряды в районе Толстовки, в Николо-Александровке и Петропавловке (откуда последний через два дня совершит замеченный белой разведкой переход в Черемхово²⁵⁴). Кроме того, уже формировался отряд в Семиозёрке²⁵⁵, а 1-я красноярская рота вела в этот день бой с карателями в д. Кутилово.

Отряд в районе Толстовки образовался после того как штаб повстанческой армии, получив сообщение о движении из города карателей, отправил из Ивановки к д. Толстовке для организации засады роту Оскина, а также отдал приказ передвинуться туда отряду, занимавшему Чуевку и Козьмодемьяновку. Правда, обнаружив в Толстовке заслон карателей, командование повстанцев сразу отвело свой отряд к д. Андреевке²⁵⁶.

В Николо-Александровке сосредоточились отряды, отступившие 13-15 февраля из Борисоглебки, Ильиновки, Кутиловки, Максимовки и Зеньковки²⁵⁷. 16 февраля этот сводный отряд повстанцев получил приказ штаба перебазироваться в д. Андреевку и прибыл туда к четырём часам этого же дня²⁵⁸. Вечером туда отступили и основные силы армии из д. Лазаревки, в которую к тому времени уже входили японские войска. В тот же вечер в Андреевке состоялось совещание штаба, на котором Ф.Н.Мухин объявил о своём отъезде в Благовещенск, для организации восстания внутри города. Сразу после совещания он выехал туда на «американке» с конной охраной, которая сопровождала его до д. Васильевки²⁵⁹. Своё прибытие в Благовещенск именно 16 февраля подтвердил и сам Мухин во время его допроса после ареста белой контрразведкой²⁶⁰.

Тогда же, вечером 16 февраля, в Черемхово сосредотачивались довольно большие силы повстанцев под командованием Ф.Кошкина (являвшегося одновременно начальником разведки повстанческой армии²⁶¹) для прикрытия главных сил повстанческой армии от предполагаемого наступления белых и японцев из г.

Благовещенска, которое тогда, правда, так и не произошло²⁶². В 22 ч. 45 мин. 16 февраля была опять разорвана телеграфная связь между Благовещенском и ст. Березовской. 17 февраля, по сообщению начальника 4-го участка милиции, повстанцы и крестьяне Семиозёрки, Петропавловки и Березовки провели собрание в д. Березовке. В тот же день отряд повстанцев из Петропавловки направился к д. Черемхово²⁶³.

16 февраля в Андреевке появился и отряд красноярцев (Безродных называет их воскресенцами). Ночью они, однако, отправились оттуда в Ивановку, куда прибыли на рассвете, 4 февраля²⁶⁴ ст. ст. (17 февраля н. ст.). Согласно П.Вострикову, это было сделано по приказу штаба²⁶⁵. Возможно, красноярцы составили часть резерва армии, или должны были присоединиться к отряду Кошкина в Черемхово.

В это же время, по свидетельству Н.М.Гранкина, завершилось формирование самого штаба повстанческой армии. 3 (то есть, видимо, 15 – Ю.Т.) февраля Ф.Н.Мухин отправил командира «комендантско-разведывательной роты» Н.Гранкина и Рудометова в Ивановку, «чтобы они привезли в с. Андреевку Брезона* – это офицер старой армии, но в 1918 году служил в Красной гвардии и проживал в с. Ивановка». Мухин предложил Брезону командование армией, но тот отказался, согласившись стать лишь начальником штаба²⁶⁶.

В ночь на 17 февраля, вняв просьбам Андреевских крестьян не проводить боя в их селе, главные силы повстанческой армии передвинулись на заимки братьев Виноградовых, расположенные по дороге между Андреевкой и Ивановкой. Здесь и произошёл самый крупный бой 1-го этапа восстания. Во время Виноградовского боя Краснояровская рота вернулась на место его проведения, но подоспела лишь к концу этого события, обеспечив безопасное отступление основных сил. В остальном, маршрут движения главных сил повстанцев накануне и в ходе этого боя, а также его дата на сегодняшний день выяснены историками достаточно хорошо. Проблемой остаётся только передвижение отрядов после него, а также датировка выхода повстанческой армии в свой северный поход.

б) Маршруты движения после Виноградовского боя.

Ещё накануне Виноградовского боя, сразу после получения донесения разведки о выступлении японцев из Лазаревки (то есть на рассвете 17 февраля), штаб назначил командующим Г.Дрогошевского и, поручив ему руководство боем, выехал в село Ивановку²⁶⁷. Дальнейший маршрут штаба известен только из воспоминаний И.Т.Матвеева, назначенного адъютантом Дрогошевского накануне Виноградовского боя. Когда левый фланг повстанческой армии в конце боя стал отступать, командующий послал своего адъютанта в Ивановку, поторопить с выходом из этого села задержавшихся подкреплений.

В своём выступлении на заседании дальневосточного землячества партизан в 1932 году И.Ф.Матвеев довольно откровенно описал смятение, охватившее членов штаба после прибытия в Ивановку первых толп отступающих с Виноградовской заимки повстанцев. По его словам, думая, что повстанческая армия разбита, штабные работники «повскакивали в свои тележки» и уехали в Богородское. В Ивановке же, после этого, началась настоящая паника. Население кинулось спасаться бегством. С большим трудом Матвееву удалось через некоторое время остановить сумятицу в селе²⁶⁸.

Воспоминания тех, кто вернулся после боя в Ивановку в числе последних, в частности И.Воронцова, уже не содержат никаких упоминаний о какой-либо суматохе. Видимо, к тому времени, порядок был уже восстановлен, и эти части разместились на ночёвку в том же селе. Более ранние же беглецы, осели вместе со штабом в Черемхово и Богородском. О том, что штаб повстанцев находился 17 февраля в Черемхово, упоминает в своём рапорте и Станьковский. В Богородском же, по его мнению, оказался в это время

* По другим данным, кадровый русский офицер латышского происхождения Эберт Бризон был назначен начальником штаба ещё в Ивановке.

сам Мухин²⁶⁹. Поскольку Мухин на самом деле был в это время уже в Благовещенске, под ним, в данном случае, следует понимать, видимо, командира неизвестного отряда, прибывшего туда в тот же день из деревни Петропавловки. Данный факт зафиксировали и белогвардейские газеты, сообщавшие со слов бежавших в город крестьян, что в с. Богородское отряды красных вновь пришли из Ивановки, правда не 17-го, а 18 и 19 февраля²⁷⁰ (некоторое несовпадение дат может объясняться ошибкой журналистов).

Дрогошевский, по-видимому, прибыл в село уже после восстановления там порядка И.Матвеевым. Таким образом, повстанческая армия оказалась фактически разделённой на две части. В Черемхово и Богородском располагались штаб, отряд Кошкина, Петропавловский отряд, а также отступившие первыми роты левого фланга Виноградовской позиции и вся вторая линия повстанцев. В Ивановке же сосредоточилась вся остальная часть основных сил армии во главе с Г.Дрогошевским. Вскоре эти силы из Ивановки переместились в Анновку (около 30 км к западу от Ивановки).

Между тем в воспоминаниях бывших партизан нет ни слова о разделении армии. Не упоминал о нём даже Г.Дрогошевский на допросе в белогвардейской контрразведке в мае – июне 1919 года. Причиной этого молчания могло быть желание оставить в тайне постыдные обстоятельства бегства штаба и части повстанческой армии из Ивановки после боя на Виноградовских заимках. Установить факт разделения можно только исходя из места расположения сил повстанцев, указываемого в каждом конкретном воспоминании, поскольку перемещения своего отряда или штаба практически любой из их авторов считал перемещениями всей армии.

Уход армии Г.Дрогошевского в Анновку Н.Гранкин первоначально неверно датировал 9 февраля²⁷¹, однако в 1967 году исправил эту дату на 19 февраля²⁷². В Анновке отряд Драгошевского соединился с отступившим сюда сразу после Виноградовского боя отрядом Артёма Пакатая. Это произошло «на второй день» после Виноградовского боя²⁷³, что ещё раз подтверждает дату 19 февраля.

План 1-го этапа восстания и причины его невыполнения

Принято считать, что главной первоначальной целью повстанцев было овладение г. Благовещенском хотя бы на одни сутки, чтобы воспользоваться его финансовыми средствами, запасами оружия, боеприпасов, обмундирования и фуража. О том, что цель тогда стояла именно так, историки узнали из книги И.Безродных, вышедшей ещё в 1932 году²⁷⁴. Реализация этой цели позволила бы посредством мобилизации населения в охваченных восстанием районах создать боеспособную повстанческую армию, готовую противостоять находящимся в области войскам интервентов.

Один из членов подпольной организации г. Благовещенска и хозяин квартиры, в которой часто скрывался Ф.Н.Мухин И.Янисов подтверждает, что главной своей целью штаб повстанцев ставил захват государственного банка в Благовещенске, где, по расчетам Ф.Мухина, находилось 45 миллионов рублей. Деньги эти предполагалось использовать «на развёртывание нашего фронта». В связи с этим город Ф.Мухин планировал взять вовсе не на три дня, как утверждал И.Безродных, а на 5 или 6 месяцев²⁷⁵.

Для достижения этой цели (взятия города) необходимо было иметь вооружённую группировку достаточно сильную, чтобы справиться с гарнизоном Благовещенска при поддержке выступивших внутри него рабочих дружин и некоторых распропагандированных белогвардейских воинских частей. Этого предполагалось достичь путём стягивания воедино всех подпольных организаций Зазейского района, а также призыва добровольцев. Притоку последних, помимо энтузиазма и пропаганды, способствовало повсеместно действовавшее правило, по которому те, кто не принимали личного участия в восстании, обязаны были сдать повстанцам своё оружие, а также предоставить отрядам транспорт, продовольствие и фураж.

По свидетельству И.Безродных, для реализации обеих этих промежуточных целей штабом был разработан маршрут похода по наиболее населённым волостям Зазейского района, чтобы собрать всех членов местных подпольных организаций в последнее на пути село, где и произвести разбивку массы повстанцев на воинские части²⁷⁶. Несмотря на то, что из-за противодействия высланных в район восстания карательных отрядов, Мухину и его штабу выполнить этот план в полной мере не удалось, они всё же смогли стянуть под единое командование достаточно большое количество вооружённых бойцов. Кроме того, в район юго-западнее станции Поздеевки был послан штабом М.Бочко, который сумел организовать здесь ещё несколько отрядов добровольцев, присоединившихся к армии ещё до Виноградовского боя²⁷⁷.

Оставалось привести в действие вторую составляющую общего плана восстания – поднять на выступление против белых властей и интервентов рабочих города Благовещенска. Но именно эта задача неожиданно оказалась подпольщикам не по плечу. Официальная точка зрения советской историографии на причины этой неудачи базируется на опубликованных свидетельствах одного из членов подпольной большевистской организации города, а затем и её руководителя Я.Яковлева. Он пишет, что выступление не удалось из-за того, что «мы не учли своих сил и возможностей. Наиболее активные рабочие ушли в тайгу, в партизанские отряды, или были арестованы. Приехавшего в Благовещенск Ф.Н.Мухина выследила и схватила вражеская контрразведка»²⁷⁸.

Это объяснение Я.Яковлева на самом деле никакого ответа на вопрос о причинах неудачи восстания в городе не даёт. «Наиболее активные рабочие» ушли в тайгу в составе красногвардейских отрядов ещё осенью 1918 года, то есть задолго до создания городской подпольной организации. Между тем, последней удалось организовать к моменту начала восстания в области довольно значительную часть рабочих Благовещенска. Согласно докладу делегата от Амурской подпольной организации на III Всесибирской подпольной конференции РКП(б), к началу февраля в Благовещенске имелось 1200 надёжных бойцов и не менее двух украденных у японцев пулемётов, причём к моменту восстания революционный коллектив мог опереться на поддержку до 10 тысяч человек (видимо по всей области – Ю.Т.). Кроме того, к восстанию должна была присоединиться ещё и пулемётная команда белых²⁷⁹. Аресты же начались только после частичного провала организации в самом конце 2-й декады февраля, а Ф.Н.Мухин был арестован лишь 8 марта 1919 года.

Таким образом, 15-18 февраля в городе было достаточно сил, способных оказать поддержку наступающей на Благовещенск повстанческой армии изнутри. В чём же была настоящая причина не выступления подпольной организации Благовещенска? Частично её пониманию может помочь самое первое воспоминание того же Я.Яковлева, написанное ещё во второй половине 20-х годов. В нём он приводит следующие причины неудачи восстания в городе: 1. Отсутствие связи с армией (имея в виду, видимо, большую часть белого гарнизона) так как Колчак имел в это время успех в Сибири; 2. Малая активность рабочих и отсутствие у них вооружения²⁸⁰.

Первая из этих причин действительно могла сыграть, в данном случае, решающую роль. Разложение белых частей было возможно лишь при серьёзных неудачах армии Колчака на фронте, чего в тот момент ещё не наблюдалось. Видимо по этой причине Мухин и его ближайшее окружение на Красноярских съездах так настойчиво пытались предотвратить преждевременное выступление.

Что же касается рабочих, то они, понимая невозможность удержания Благовещенска повстанческой армией, вряд ли горели желанием подвергать себя и свои семьи угрозе репрессий белогвардейских властей после неминуемого возвращения последних в город. Ссылка же на отсутствие оружия у рабочих, учитывая приведённые выше данные Всесибирской партийной конференции, вряд ли правомерна.

Итак, у подпольной организации г. Благовещенска не было в тот момент желания, а вовсе не возможности поддержать восстание амурских крестьян. П.Востриков, в своих

воспоминаниях, прямо обвинял городскую организацию в отсутствии с её стороны какой-либо работы по организации восстания. Это, по его утверждению, и заставило Мухина покинуть повстанческую армию и возвратиться в город, чтобы ускорить и возглавить восстание в нём²⁸¹. По свидетельству И.Т.Воронцова, Мухин хорошо понимал, что другого выхода, кроме взятия Благовещенска у повстанцев нет, поскольку длительное движение восставших в тех условиях (зима, громоздкость отрядов, плохое вооружение, недостаток патронов и подготовка к весеннему севу) было невозможно²⁸². Но и Ф.Н.Мухину переубедить своих коллег по подпольной организации не удалось.

По данным Н.А.Шиндялова, 18 февраля 1919 года в Благовещенске для рассмотрения вопроса о восстании было собрано экстренное заседание Коллектива, на котором присутствовали и посланцы повстанческой армии В.С.Саяпин и В.В.Васильев. На нём было принято компромиссное решение: «Принимая во внимание превосходство городских сил противника, и считая, что выступление в настоящий момент обречено на безусловное поражение, ... вопрос о выступлении оставить открытым». Более определённые указания были высланы чуть позже непосредственно в районные штабы восстания. Первому району было предложено воздержаться от выступления, а второму – ликвидировать его²⁸³.

Однако воспоминания одного из непосредственных участников указанного заседания И.Янисова позволяет представить его итоги несколько иначе. По его свидетельству, за восстание выступали на этом заседании Ф.Мухин, И.Янисов, Гриднев и оба делегата от повстанческой армии. Все же остальные члены Коллектива были настроены против. В числе аргументов против восстания назывались такие обстоятельства, как отсутствие связи с центром (с Москвой – Ю.Т.) и невозможность после захвата города подержаться здесь более трёх дней. Тем не менее, по утверждению И.Янисова, сторонники восстания не согласились с мнением большинства и решили поднять восстание «в ближайшие дни». Лишь провал на следующий день, по вине провокатора «Пашки Сизова», ряда подпольных конспиративных квартир в городе заставил их отказаться от этого плана. «Вместо восстания – пишет И.Янисов – нам пришлось куда-попало прятаться»²⁸⁴.

Как бы там ни было, в повстанческие районные штабы были посланы решения, принятые большинством членов Коллектива. Правда до самих штабов эти указания вовремя, по свидетельству П.Вострикова, так и не дошли²⁸⁵. Провалилась и попытка Ф.Н.Мухина вечером 20 февраля известить штаб повстанческой армии об обстановке в городе и решениях Коллектива в 5 письмах, переданных посланцу штаба крестьянину И.В.Дымову. Эти письма были найдены у него при обыске казачьим патрулём²⁸⁶. В это время японские части и казаки начали наступление с трёх сторон на места сосредоточения повстанческой армии²⁸⁷. Причём карательные отряды двигались таким образом, что для отступления повстанческой армии оставался только один путь – в тайгу²⁸⁸.

В результате, командование повстанцев, после истечения трёх суток, данных ему при отъезде самим Мухиным на ожидание восстания в городе, приняло на заседании в с. Богородском²⁸⁹ решение временно отказаться от штурма города и перейти в 1-й район. Мотивами такого решения, помимо отсутствия сведений о восстании в г. Благовещенске, послужили: а) активные действия казаков и интервентов по окружению повстанческой армии; б) стремление пополнить армию подпольными организациями новосельческих деревень; в) надежда найти в призейских деревнях 1-го района уцелевших красногвардейцев и оружие с разгромленного осенью 1918 года советского каравана; г) желание выиграть время для организации восстания в Благовещенске.

Проблемы маршрута движения и датировки событий на 2-м этапе восстания

1) Датировка и маршрут движения повстанческой армии в 1-й район.

Дата выступления повстанческой армии в 1-й район в воспоминаниях, как правило, отсутствует. Однако её легко установить на основе газетной информации того времени. В газетах чётко сообщалось тогда, что «неприятель ... опасаясь оказаться зажатым между отрядами Хори и Такахаси, в ночь 20 февраля отступил по направлению г. Алексеевска»²⁹⁰ (г. Свободный). То, что здесь имелась в виду ночь с 20 на 21 февраля подтверждается следующим сообщением той же газеты: «Начиная с 21 февраля главные силы красных мобилизовывали мужское население в деревнях по берегу р. Зеи между Благовещенском и Алексеевском». Из прессы было известно также, что японский отряд вошёл в Ивановку 21 февраля н.ст., и застал там только стариков, женщин, детей и одиночных мужчин. Остальные либо ушли с Красной Армией, либо разбежались по заимкам²⁹¹.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью утверждать, что поход повстанческой армии в 1-й район начался в ночь с 20 на 21 февраля. Той же точки зрения придерживался один из амурских историков А.В.Агеев²⁹². Однако Г.Дрогошевский на допросе утверждал, что его армия вышла из Анновки через двое суток после прибытия в неё²⁹³. Следовательно, это произошло утром 21 февраля. То, что повстанцы выступили в поход утром, свидетельствует в своих воспоминаниях и И.Т.Воронцов²⁹⁴ (в других воспоминаниях время суток не указывается). Последнее тоже не исключено, ведь армия двинулась в путь отдельными отрядами из разных пунктов своей дислокации, и разница в несколько часов здесь большого значения не имеет.

Каким же был маршрут, а точнее маршруты повстанческой армии? То, что пути движения отдельных её частей не были одинаковыми, свидетельствуют отличия в описании маршрута авторами разных воспоминаний. Судя по свидетельствам И.Безродных, часть повстанцев, находившихся в Ивановке, перед самым появлением здесь противника отступили первоначально в Анновку, но там встретились с беженцами из Варваровки, которые сообщили, что эта деревня уже занята японцами. Только после этого, решив выбраться из вражеского кольца, повстанцы взяли Зейское направление²⁹⁵. Таким образом, часть повстанческой армии, стоявшая в Анновке и Ивановке, двинулась в 1-й район не по приказу своего Богородского штаба, а исключительно в стремлении избежать угрожающего ей окружения и разгрома.

Г.Дрогошевский также свидетельствует, что решение о переходе армии в 1-й район было принято непосредственно в Анновке, после получения донесений о движении японских отрядов²⁹⁶. Косвенно сведения И.Безродных подтверждает и С.А.Обиденко, который указал, что из Ивановки повстанцы вышли не утром, а ещё ночью²⁹⁷. По пути из Анновки отряд Дрогошевского успел ещё раз посетить Ивановку до прихода туда японских войск. Затем он проследовал через Березовский разъезд и с. Троицкое к д. Москвитино и далее на Свободный²⁹⁸. Один из командиров Борисоглебской роты Е.И.Давыдов добавляет к этому перечню д. Андреевку (сейчас Новоандреевка) и Большую Сазанку²⁹⁹, которые вполне вписываются в указанный Г.Дрогошевским маршрут.

По свидетельству Н.М.Гранкина, армия Г.Дрогошевского прошла из Анновки к Березовскому разъезду через Ивановку, Дмитриевку и Богородское³⁰⁰. Такой значительный крюк можно объяснить только попыткой соединиться с Богородско-Черемховским отрядом. Однако последний, по-видимому, отсюда к этому времени уже ушёл. Объединение обоих отрядов произошло позже, уже в 1-м районе.

В с. Троицком колонну Г.Дрогошевского догнал Семиозёрский отряд, созданный на базе местной подпольной организации, включавшей подпольные группы сёл Семиозёрка, Троицкое, Комиссаровка, Великокнязевка, Прядчино и некоторых других. Из этого отряда были сформированы 12-я и 13-я роты повстанческой армии³⁰¹. Именно командир одной из них Шолохов наиболее подробно описал маршрут дальнейшего

движения этой части повстанческой армии. По его утверждению, путь её проходил через Новоандреевку, Великокнязевку, Светиловку, Наеновку, до Казанки, где отряд сделал остановку. Простояв здесь сутки, пошли далее через Большую Сазанку и Бардагон на Свободный.

Другой маршрут указывает член штаба повстанческой армии И.Ф.Матвеев, который пишет, что армия двигалась от Богородского (через Петропавловку) по линии железной дороги, а затем по льду реки Зеи до самого Бардагона³⁰². Примерно также (только от с. Черемхово) описывает его и начальник армейского лазарета Ф.И.Безлепкин³⁰³. Ясно, что штаб, лазарет, а также стоявшие в обоих указанных сёлах отряды повстанцев избрали для своего движения именно этот путь.

Ф.Безлепкин, правда, называет лишний промежуточный пункт на пути повстанцев – с. Ключи на реке Томи, находящееся довольно далеко в стороне от основного маршрута движения армии. То, что это не было случайной опиской автора, говорит сообщение благовещенской газеты «Наше Дело», в котором отмечалось, что «один из отрядов ... в 1200 человек, имевший намерение наступать на Благовещенск с севера, ... отступил ... в направлении на д.Троицкое – Ключи, что на 25 вёрст западнее Бочкарёво»³⁰⁴. Из данного описания ясно, что речь в нём может идти только о Богородской группировке повстанцев. Именно она до 20 февраля нависала над Благовещенском с севера и готовилась к наступлению на него. По-видимому, первоначальной целью движения своей колонны штаб армии ставил выход в Бочкарёвский район (очевидно рассчитывая на восстание, которое должен был поднять там В.Бородавкин), и только получив сведения о том, что группа Г.Дрогосhevского находится в Большой Сазанке, штаб изменил маршрут, чтобы присоединиться к ней.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что решение о переходе в 1-й район было принято командованием обеих группировок повстанцев вынужденно и независимо друг от друга. Повстанческая армия шла в 1-й район, как минимум, тремя колоннами, которые по мере дальнейшего движения постепенно слились в одну. К г. Свободному подошла одной большой массой уже вся армия целиком с единым командующим и одним штабом.

2) Проблема датировки событий восстания в 1-м районе.

Датировка событий в 1-м районе в исторической литературе запутана несколько не меньше чем во 2-м. Виной тому легкомысленное отношение к этому важному вопросу авторов первых опубликованных работ по истории партизанского движения в Амурской области И.Ракова и почти полностью скопировавшего его датировку С.С.Кургузова. Точкой неверного отсчёта дат, видимо, послужило неправильно определённое время начала восстания в 1-м районе – 10 февраля.

Действительно, «вооружённое выступление всех трудящихся сил в области», согласно хранящемуся в архиве постановлению объединённого заседания сельских (Маркучинского и Малопёрского), волостного и районного штабов 1-го района, должно было начаться в ночь на 10 февраля по старому стилю, то есть 23 февраля н.ст.³⁰⁵. Очевидно отталкиваясь от этого документа, Раков определяет и все остальные даты восстания, ориентируясь на сохранившуюся в его памяти временную последовательность событий.

В ночь на 13 февраля, пишет он ниже, повстанческая армия 2-го района вступила на территорию 1-го района, а 14 февраля заняла д. Малая Пёра (Сукромли)³⁰⁶. Однако здесь датировка И.Ракова вступает в явное противоречие с документами официального характера, в частности, рапортом начальника уездной милиции Станьковского. По данным последнего (донесения местного отдела милиции), повстанческая армия появилась в окрестностях Свободного утром 24 февраля, а в д. Сукромли расположилась 25-го числа³⁰⁷. По старому стилю – это 11 и 12 февраля. Получается, что датировка этих двух событий у И.Ракова, даже рассчитанная по старому стилю, сдвинута на 2 дня вперёд.

Да и предыдущие даты тоже оказываются совершенно нереальными, начиная с самого дня начала восстания в 1-м районе.

Кстати другой руководитель Серебрянских повстанцев и один из авторов постановления объединенного заседания штабов в д. Маркучи М.Круглов утверждал в своих воспоминаниях, что восстание это было назначено на 22 февраля, то есть на 9 февраля по старому стилю³⁰⁸. Ещё меньшая цифра (вечер 21 февраля) фигурирует в рапорте Станьковского при описании разгрома «красными карателями» Серебрянской волостной управы³⁰⁹. Вероятно, уничтожение волостной управы должно было предварить собой восстание и облегчить мобилизацию «сил трудящихся» на территории волости в ночь на 22 февраля. То, что данное совпадение не случайно, доказывает тот факт, что сразу после разгрома управы отряд повстанцев направился к д. Малая Пёра³¹⁰, где по диспозиции восстания был намечен сборный пункт для всех мобилизованных в Серебрянской волости³¹¹.

Итак, восстание в 1-м районе началось не 23 (10 ст.ст.), а 22 февраля н.ст. Таким образом, возникают серьёзные сомнения в подлинности самого постановления объединённого заседания подпольных штабов в д. Маркучи. Этот документ, возможно, является не подлинником, а грубой копией, восстановленной, подобно Постановлению Борисоглебского политического съезда Амурской губернии, кем-либо из его авторов после гражданской войны. Определённое недоверие вызывает, в частности и то, что в заголовке документа волостной штаб назван Маркучинским, а не Серебрянским, по названию волости, в то время как в 4-м разделе того же документа, в перечне волостей 1-го района Маркучинская волость отсутствует³¹² (в то время её действительно не существовало).

Делаем вывод: отряды повстанцев 1-го района должны были сосредоточиться на подступах к Свободному к 6 часам утра не 11 (24) февраля, как это представлено у И.Ракова, а 23 февраля, но не успели этого сделать. Тогда было назначено другое время штурма – ночь на 24 февраля. По свидетельству Станьковского, первые разведывательные отряды повстанцев, численностью в 10-15 человек, стали появляться в окрестностях Свободного вечером 23 февраля. Такие же конные заставы, согласно рапорту Станьковского, были обнаружены тогда милицией в Бардагоне и Дубовке³¹³.

Кстати, С.Кургузов, объясняя причины провала данного наступления, утверждал, что одной из них явилось запоздание прихода повстанческой армии Зазейского района, по сравнению с местными отрядами, на 6 часов³¹⁴. Учитывая, что последняя вышла на подступы к Свободному на рассвете 24 февраля, отряды повстанцев 1-го района появились в районе Новоивановки ещё до полуночи 23 февраля. Таким образом, выдвижение повстанческих отрядов Серебрянской волости к Свободному происходило вечером 23 февраля.

Другой руководитель Серебрянских повстанцев М.Круглов, описывая распад своего отряда, не пытался придать этому событию некоторую долю организованности и свалить всю вину на Ольгинских повстанцев, как это сделал И.Раков. Причиной неудачи он считал преждевременность восстания и связанную с этим поспешность мобилизации населения в повстанческие отряды, позволившую проникнуть в ряды восставших враждебным элементам. «Мобилизовали всех, кого попало - пишет он, - и поэтому сюда попали и меньшевики и кулаки.... В это время они создали панику, не доходя до Ивановки (Новоивановка)...»³¹⁵.

Итак, даты начала восстания в 1-м районе у И.Ракова опережают истинные на 1-2 суток. Но можно ли говорить о неточности также и указанных им предыдущих дат? По его утверждению, поддержанному позже С.Кургузовым, заседание штаба, на котором было принято постановление о начале восстания и мобилизации трудящегося населения 1-го района, состоялось 7 февраля, то есть 20 февраля по новому стилю³¹⁶. Затем, как свидетельствуют И.Раков и М.Круглов, диспозиция о начале наступления на г. Свободный была выслана штабу 2-го района в Ивановке³¹⁷. По утверждению И.Ракова это случилось

через один - два дня после Виноградовского боя³¹⁸ (Виноградовский бой И.Раков датирует 8-9 февраля³¹⁹), то есть примерно 19-20 февраля.

Между тем, по свидетельству П.Вострикова, до выступления армии в поход, из 1-го района не были получены сведения о состоянии его боевых сил, да и посланный туда ранее представитель штаба с призывом к выступлению и присылке подкреплений, ещё не вернулся³²⁰. Учитывая расстояние (около 200 километров), отделяющее д. Маркучи - место нахождения штаба 1-го района, от Ивановки, посланное им сообщение действительно могло не достигнуть своего адресата в тот же день, то есть 20 февраля. Отсюда следует, что заседание в д. Маркучи вряд ли могло состояться ранее этой даты, что косвенно подтверждает её правильность.

Заседание 20 февраля являлось вынужденным. Это была реакция подпольного руководства на разгром белой контрразведкой районного штаба на хуторе Шатковского в окрестностях станции Ледяной. Тогда были убиты три члена штаба района и ещё двое легко ранены. Все документы районной подпольной организации, в том числе планы намеченной работы, протоколы сельских обществ почти всех прилегающих к Свободному волостей с указанием фамилий намеченных кандидатов в состав временного правительства, списки активных революционных работников среди местного крестьянства и делегатов на предстоящий районный съезд советов, сведения о боеприпасах и вооружении деревень, а также о численности подлежащих призыву бойцов попали в руки белых властей.

Понимая, что произошедшая катастрофа угрожает гибелью всей подпольной организации района, оставшиеся в живых члены штаба, собравшись через два дня в окрестностях деревни Маркучи, вынуждены были принять решение о немедленном вооружённом выступлении, тем более что тут же получили известие о начале восстания в Зазейском районе. Одновременно в состав районного штаба были введены взамен выбывших три новых члена: М.Круглов, Н.Осипов и И.Раков³²¹.

Учитывая прямую смысловую и временную связь этих двух событий, можно предположить, что и дата гибели работников районного штаба тоже указана И.Раковым правильно, то есть 5 февраля по старому, или 18-го по новому стилю.

3). Проблема датировки боёв в Свободненском районе.

Общепринятой датировки этих событий в исторической литературе нет до сих пор. Сознвая этот факт, авторы дальневосточных обобщающих исторических работ последнего времени³²² вообще, как правило, стараются обходить этот вопрос стороной, избегая упоминания каких-либо конкретных дат. Только Летопись Амурской области содержит такие сведения, хотя и не всегда точные.

Сосредоточившись в Дубовке для наступления на Свободный, зазейские повстанцы неожиданно обнаружили, что обещанной председателем штаба 1-го района В.Патрушевым поддержки со стороны сил этого района не будет, так как его отряды исчезли неизвестно куда. Осознание этого факта, а также получение известия о невозможности восстания в городе и наступление японцев, выгрузившихся на станции Суражевка (Михайло-Чесноковская), заставило командование повстанческой армии отвести свои отряды к селу Малая Пёра³²³ (Сукромли), являвшемуся на тот момент местом сбора мобилизованных штабом 1-го района крестьян Серебрянской волости³²⁴.

Согласно воспоминаниям непосредственных участников данного события, передовые части повстанцев достигли д. Малая Пёра вечером того же дня, а последние отряды – в ночь на 25 февраля³²⁵. Там и произошёл следующий по времени бой с японским отрядом и казаками, точнее даже два небольших боя, следовавших один за другим около полудня 25 февраля.

Первый из них спровоцировал маленький отряд японцев, неожиданно оказавшийся на окраине села со стороны реки и своим огнём наделавший поначалу немало паники среди повстанцев. Однако очень скоро они пришли в себя и (усилиями в основном

красноярской роты³²⁶) полностью уничтожили врага. Второй бой начался, сразу после окончания первого, с противоположной стороны деревни, и был вызван появлением казачьей разведки ещё одного японского отряда, преследовавшего повстанческую армию от г. Свободного. После короткой перестрелки казаки отступили к д. Новоивановке³²⁷.

Правильной датировки боя в д. Малая Пёра в исторической литературе до сих пор не было. Долгое время советские историки, вслед за И. Раковым и С. Кургузовым датировали его 14³²⁸ или 15 февраля³²⁹. Более современный историк Амурского партизанского движения А. В. Агеев отнёс его к 26 февраля³³⁰. Летопись Амурской области объединяет этот бой с Чудиновским и Черновским под датой 26-27 февраля³³¹. Точная дата – 25 февраля, определяется на основании рапорта Станьковского, поскольку это случилось на следующий день после выхода повстанческой армии к г. Свободному.

Оказавшись в окружении японских и казачьих отрядов, повстанческая армия направилась из Малой Пёры по просёлочной дороге к разъезду Черновский (теперь ст. Бузули), чтобы, перейдя там железнодорожную линию, вновь вырваться на оперативный простор. На этом пути, не доезжая 4-5 вёрст до д. Чудиновки, на рассвете произошло столкновение её с шедшим ей навстречу японским отрядом. В ходе последовавшего затем четырёхчасового боя японцы были окружены и полностью уничтожены. Во второй половине того же дня повстанческая армия вынуждена была вновь вступить в бой с ещё одним отрядом японцев на подступах к Черновскому разъезду, а затем и на нём самом. Бой этот также закончился удачно для повстанцев, которым удалось поздно вечером перейти линию железной дороги и, через Нижние Бузули и Новоострополь, выйти к с. Желтоярово на берегу реки Зеи.

Оба этих боя И. Раков относит к 16 февраля³³², то есть отводит повстанческой армии на стоянку в Малой Пёре целых два дня, видимо потому, что сам появился там лишь незадолго до её выхода из села³³³. Причину данных ошибок И. Ракова, как и всех последующих многочисленных ошибок в его описании похода повстанческой армии, можно объяснить неучастием данного автора в этих событиях. По его собственному признанию, штаб армии ещё в Малой Пёре, перед самым выступлением на Черновку, отправил И. Ракова собирать свои разбежавшиеся отряды с наказом присоединиться к армии в Чудиновке на следующий день³³⁴.

Выполнить этот приказ всего за одну ночь было, конечно же, совершенно невозможно. А после ухода повстанческой армии за линию железной дороги, - тем более. Повторить её прорыв своими силами отряд был, естественно, не в состоянии. Собранный И. Раковым (и М. Кругловым) с большим трудом небольшой отряд через несколько дней двинулся на соединение с армией Дрогошевского, находившейся тогда в районе ст. Бочкарёво, но уже за д. Рогачёвкой Серебрянской волости был окружён казаками. Выскользнув ночью из кольца, отряд распался. Его руководители после этого скрывались в своей волости до возвращения туда остатков повстанческой армии в марте 1919 года³³⁵.

Что же касается мнения современных историков о времени проведения Чудиновского и Черновского боёв, то А. В. Агеев датирует их сначала тоже 16³³⁶, а позднее 27 февраля³³⁷. Настоящую же дату можно установить по свидетельству Станьковского, который указывает, что данные бои состоялись 26-27 февраля. Из всей опубликованной за последние 70 лет исторической литературы, дата 26 февраля указана только в книге «Памятники истории и культуры Амурской области», вышедшей в 1991 году³³⁸. Однако впервые она была точно установлена ещё в 1938 году первыми дальневосточными историками гражданской войны А. Шурыгиным и З. Карпенко³³⁹.

Определённой проблемой является указание Станьковского на то, что события эти продолжились и 27 февраля. В опубликованных исторических работах и воспоминаниях, как правило, говорится только об одном дне боёв. Данная загадка разрешается лишь на основе неопубликованных воспоминаний участников этих событий. Выясняется, в частности, что советская историография практически игнорировала их заключительную фазу, которая состояла в следующем:

Заняв Черновский разъезд, главные боевые силы повстанческой армии не стали удерживать его до прохода своих тылов (обозы, штаб, лазарет, тыловые подразделения, невооружённые добровольцы), а сразу направились по маршруту: Нижние Бузули, Новоострополь, Желтоярово. Воспользовавшись уходом армии, японцы поздно вечером вновь заняли разъезд, через который успела проскочить лишь небольшая часть обоза повстанцев.

Наткнувшись на японский заслон, тыловая часть повстанческой армии ночью вернулась в Чудиновку. Японцы последовали за ней. Не имея возможности оказать серьёзное сопротивление противнику, большей частью безоружная масса разбежалась в разные стороны. Большинство тяжелораненых, при этом, оказались оставленными в наскоро приспособленной под лазарет местной школе, в которой они и были зверски зарублены и сожжены ворвавшимися в Чудиновку японцами.

4) Датировка событий и маршрут движения повстанцев перед Павловским боем.

Следующая серия загадок, связанных с Мухинским восстанием, относится к переходу повстанческой армии из окрестностей Свободного в район станции Бочкарёво. Сразу после Чудиновских боёв армия повстанцев сосредоточилась в Желтоярово и какое-то время пробыла там. Загадкой является дата выхода её из этого села. В одном из опубликованных воспоминаний И.Т.Воронцова, например, утверждается, что армия простояла там целую неделю³⁴⁰, что в принципе невозможно, поскольку следующий Павловский бой произошёл, по официальным данным белогвардейской стороны, всего через пять дней после Чудиновского³⁴¹. В одном из ранних своих воспоминаний тот же И.Т.Воронцов говорит только о трёх днях стоянки в Желтоярово³⁴². Ту же цифру называет и Е.И.Давыдов³⁴³.

И всё же наиболее точным нужно считать мнение Ф.А.Безлепкина, П.Вострикова и А.С.Обиденко, которые утверждают, что выступление армии из Желтоярово произошло через два дня³⁴⁴, то есть 28 февраля. Эта дата подтверждается официальным сообщением штаба японских войск, в котором ясно говорилось, что «в полночь 28 февраля они (красные – Ю.Т.) в Красном Яре (Красноярово, находящееся в 7 км от Желтоярово, на другом берегу р. Зеи – Ю.Т.) вторично переправились через реку Зею»³⁴⁵. Имелась в виду, конечно, ночь с 28 февраля на 1 марта, поскольку предыдущий номер той же газеты извещал, что японский отряд майора Такахаси начал преследовать повстанческую армию на левом берегу Зеи 1 марта³⁴⁶.

Следующим проблемным вопросом является маршрут повстанческой армии. Принято считать, что она следовала к Павловке через сёла Красноярово, Верное, Фроловку и Паруновку. Это, действительно, кратчайший путь к месту данного боя. Именно на него указывает в своих показаниях и Г.Дрогошевский³⁴⁷. Казалось бы, какие тут могут быть вопросы? Однако они всё же есть.

Во-первых, с показаниями Г.Дрогошевского резко расходится свидетельство А.Ф.Гольдфингера, указывающее на совсем другой маршрут армии: через Паутовку на Воскресеновку, Новую и Старую Листвянку, и далее вниз по реке Томи³⁴⁸. Во-вторых, И.Т.Воронцов упоминает в числе пройденных тогда армией деревень Широкий Лог³⁴⁹, находящийся почти на 30 километров выше Паруновки по течению реки Томи. В третьих, согласно воспоминаниям Ф.Безлепкина и И.Матвеева, следующим пунктом остановки армии после с. Верное стала деревня Васильевка³⁵⁰. Казалось бы, ничего особенного, если не знать, что расположена она всего в 10 километрах от станции Бочкарёво (современное название — Белогорск). Оба автора пишут, что именно оттуда, якобы, повстанческая армия направилась к Бочкарёво и в селе Павловке столкнулась с наступающим отрядом японских войск³⁵¹.

Нелепость данного описания буквально бросается в глаза. Ведь Павловка находится на восемь километров дальше от Белогорска, чем Васильевка. К тому же сам Ф.Безлепкин указывает, что до Бочкарёвки от указанного села около 30 вёрст пути³⁵². На таком

расстоянии от этой станции располагалось тогда село Рождественка, однако она явно не годится для исходного пункта движения армии, поскольку от Павловки до неё всего 12 километров, то есть два часа пути на подводах. Безлепкии же пишет, что вышли они из Васильевки в ночь, а прибыли только перед рассветом³⁵³.

Ночи в начале марта ещё длинные, и ночное путешествие повстанцев могло занять не менее восьми часов, а это примерно 40-50 километров езды. Наиболее точно подходит под такое расстояние деревня Воскресеновка, являвшаяся тогда предпоследним населённым пунктом вверх по реке Томи. Именно это село указывает и Гольдфингер в качестве промежуточной остановки отряда Дрогошевского³⁵⁴.

Каким же образом армия повстанцев попала туда? Ответ подсказывает И.Матвеев. Он пишет, что из Верного «вся армия стала направляться по реке Томи в сторону Бочкарёвки», и далее продолжает, что рано утром она была в деревне Васильевке³⁵⁵ (то есть — в Воскресеновке. - Ю.Т.). Глядя на карту, уточним, что движение вниз по реке Томи действительно могло начаться от д.Воскресеновки, которая до сих пор связана с селом Верное зимней лесной дорогой. Именно по ней, судя по всему, и следовали подводы с повстанцами к реке Томи.

Но как же быть с показаниями Гольдфингера? Насколько можно им доверять? Других свидетельств, подтверждающих маршрут отряда Дрогошевского через Паутовку, нет. Однако теоретически он вполне объясним. В таежных лесах верхнего течения реки Бирмы и вокруг них скрывалось тогда довольно большое количество бывших красногвардейцев Уссурийского и Даурского фронтов. Чтобы собрать их всех, а также местных сочувствующих крестьян под знамёна повстанцев, командующий, с главными силами своих войск, мог отправиться из с. Верное в Воскресеновку более длинным путём через тайгу, а обоз, тыловые службы и штаб, вместе с остальной частью армии, двинуть по накатанной зимней дороге напрямик.

Красноярская рота, как и некоторые другие подразделения, могли, при этом, направиться прямо на д.Широкий Лог, значительно срезав основной маршрут. В то же время, один из организаторов восстания в Бочкарёвском районе Галыгин свидетельствует, что первым в Паруновку пришёл отряд Богданова, к которому сразу же примкнули возглавляемые Галыгиным местные повстанцы³⁵⁶. По-видимому только этот отряд повстанческой армии, и подошедший следом за ним отряд П.Иванова, двигались к Томи от с. Верного самым коротким путём, через с. Фроловку.

Итак, анализ свидетельств непосредственных участников данного похода показывает, что повстанческая армия, скорее всего, следовала от Желтоярово единой колонной только до с. Верного. Затем армия разделилась на три части. Одна, во главе с самим Г.Дрогошевским, направилась к реке Томи кружным лесным путём, через Каничи и Паутовку, для сбора скрывавшихся там красногвардейцев и оружия. Другая – двинулась к д. Васильевке на р. Томи, где должна была дожидаться отряд Дрогошевского. В д. Державинке от неё отделились некоторые боевые части для следования сразу на Широкий Лог. И, наконец, третья часть, составлявшая отряды Богданова и П.Иванова, устремилась из с. Верного прямо на юг, к д. Паруновке через с. Фроловку.

5). Павловский бой

В настоящее время можно считать уже установленным, что Павловский бой состоялся 3 марта 1919 года. Однако этому бою предшествовали события, во многом определившие его исход, но оставшиеся, при этом, плохо изученными историками. В числе таких мало известных событий можно назвать дискуссию в штабе армии о направлениях и способах дальнейших действий повстанцев. Согласно свидетельствам С.Кургузова, М.Бочко и Е.Галыгина, главным вопросом на ней было - заключать или не заключать соглашение с эсерами и меньшевиками о «социалистическом блоке» против Колчака. Признаёт этот факт и историк В.П.Малышев³⁵⁷.

С.Кургузов утверждает, что это соглашение было предложено повстанцам представителями самого бывшего главы Временного Амурского правительства Алексеевского. Штаб обсуждал это предложение целых два дня³⁵⁸. Неясно, где именно происходило данное обсуждение. С.Кургузов и Е.Галыгин называют д. Новую Сергеевку, однако, исходя из расчёта времени движения армии по маршруту, штаб повстанцев мог находиться там только в ночь непосредственно перед Павловским боем.

Ф.И.Безлепкин свидетельствует, что дискуссия среди руководителей повстанческой армии началась в д. Васильевке (то есть в Воскресеновке), но это было ещё за день до Павловского боя³⁵⁹. Полностью соответствует срокам С.Кургузова только стоянка армии в с. Верное. Возможно, именно там в штаб повстанцев прибыли посланцы правых социалистов, а затем, вместе с армией проследовали до д. Новой Сергеевки, расположенной всего в 3-4 километрах от Паруновки и Павловки. Правда, Н.Гранкин пишет, что переговоры произошли ещё в Желтоярово³⁶⁰, но его описание этого события настолько расходится с показаниями С.Кургузова и Е.Галыгина и настолько соответствует расхожим пропагандистским штампам советской историографии, что заставляет предположить некомпетентность его в данном вопросе.

Итак, в Новосергеевской сельской школе закончился политический спор в штабе повстанческой армии, на котором, по выражению Е.Галыгина, «в постановке вопроса говорилось за земство или за совет»³⁶¹. Как свидетельствует С.Кургузов, «в 1-й день (то есть, очевидно, в с. Верном или в Воскресеновке) мы не могли ни до чего договориться. Во 2-й день ... решили ... договор ... не заключать. Делегацию в Благовещенск не посылать и ... сказать, что считаем их предателями Советской власти, и если они не будут воевать за Советскую власть, то мы их будем расстреливать»³⁶². Одним из доводов против заключения этого договора, по свидетельству М.Бочко, было опасение предательства со стороны меньшевиков: «чтоб они нас не перевешали»³⁶³.

Параллельно с этой дискуссией и, возможно, в связи с ней в штабе возник спор о дальнейших действиях повстанческой армии. Как свидетельствуют И.Ф.Матвеев и Ф.И.Безлепкин, на расширенном за счёт командиров рот и отрядов заседании в д. Васильевке (Воскресеновке) спорили о том, наступать армии на Бочкарёво или отойти в верховья Томи, в леса севернее ст. Екатеринославка, чтобы оттуда наносить удары по японским войскам. Победила точка зрения сторонников наступления³⁶⁴, целью которого было облегчить проведение ожидаемого восстания в г. Благовещенске³⁶⁵.

Оставшись по обоим обсуждаемым вопросам в явном меньшинстве, начальник штаба армии Э.Брезон подал в отставку со своего поста и уехал из армии в неизвестном направлении. Штаб эту отставку принял и назначил вместо него В.Аксёнова³⁶⁶. Впрочем, Е.Галыгин свидетельствует, что начальником штаба на этом заседании стал не Аксёнов, а Ф.Кошкин³⁶⁷, что более логично, поскольку последний имел раньше отношение к регулярной военной службе. Столь же естественно и исчезновение этой фамилии из списков руководителей повстанческой армии в конце 20-х годов. Ведь Кошкин был известным в Амурской области лидером партии анархистов. В любом случае, уход Э.Брезона, как единственного среди повстанцев кадрового офицера, нанёс серьёзный удар по боеспособности повстанческой армии.

Другим важным событием, повлиявшим на ход и исход Павловского боя стал Паруновский бой. Этот бой многие историки почему-то никак не хотели замечать. Может быть, это происходило потому, что большинство опубликованных источников также ничего не сообщают нам об этом событии. Наиболее подробные сведения о нём содержатся в воспоминаниях Е.Галыгина, единственного оставшегося в живых на момент их написания командира повстанцев из числа непосредственных участников этого боя.

Странно, но почти никто из членов штаба армии не оставил воспоминаний об этом бое. Лишь С.Кургузов коротко упоминает о нём, причём под другим названием. По его мнению, это была засада, организованная Богдановым в селе Святогорском³⁶⁸. То, что в данном случае речь идёт именно о Паруновском бое, говорит время его проведения — за

день до Павловского боя. Что же касается наименования, то оно явно неточное. Автор, плохо знавший топонимику долины реки Томи, видимо имел в виду упоминаемый Галыгиным хутор Златоус (или Златоусовка), в трёх-четырёх километрах к юго-западу от Паруновки, около которого и произошёл данный бой.

Есть и ещё одно упоминание об этом событии, и тоже под другим названием, - Белогорский бой. И.Т.Воронцов даже отнёс его к 20 марта³⁶⁹, очевидно случайно узнав о нём из воспоминаний других партизан. Возможно из того же источника взята информация о бое около с. Белогорка и составителями Хроники гражданской войны на Дальнем Востоке А.Шурыгиным, Ципкиным и Булыгиным. Это событие не было соотнесено ими с определённой датой и помечено концом февраля 1919 года³⁷⁰. Данное название действительно соответствует месту боя, который произошёл как раз перед участком Белая гора, расположенном в полутора верстах к западу от д. Паруновки³⁷¹.

Неосведомлённость об этом бое членов штаба может быть объяснена тем обстоятельством, что в тот момент все они находились почти в 50 километрах от места его проведения, и были заняты дискуссиями о дальнейших путях движения армии. Ведь спор в Воскресеновке и бой у Паруновка происходили почти одновременно, 2 марта 1919 года. Участие в бою принимали не основные силы армии, а отряды Богданова и Иванова³⁷², присоединившиеся к ней уже после Черновского боя. Именно они первыми подошли к Паруновке, очевидно, со стороны с. Фроловки.

Головная красноярская рота армии Г.Дрогосhevского подоспела к месту событий лишь вечером этого дня и сразу же была брошена командующим на д. Васильевку³⁷³, куда отошёл разгромленный в Паруновском бою японский отряд. Судя по воспоминаниям Е.И.Давыдова, Г.Дрогосhevский пытался использовать в этом наступлении также и отряд Богданова, вместе с только что подошедшей Борисоглебской ротой, но отсутствие должной дисциплины в армии не позволило добиться своевременного выполнения этого распоряжения³⁷⁴. Наткнувшись на сильный огонь свежих сил японцев, и не получив подкрепления, красноярская рота через час, по приказу Дрогосhevского, отступила в Павловку³⁷⁵, куда до рассвета подтянулись и все остальные подразделения повстанческой армии³⁷⁶. А в 6 часов утра начался знаменитый Павловский бой.

Этот бой можно разделить на два основных этапа. Вначале повстанцам удалось значительно потеснить атакующий их отряд полковника Такахаси. Правый и левый фланги повстанческой армии даже приступили к охвату японцев для окружения их в д. Васильевке, но выполнить этот свой манёвр не успели. В решающий момент боя со стороны Фроловки появился преследовавший армию от Красноярово отряд майора Такахаси, при котором находился тогда сам генерал-майор Ямада. Этот отряд неожиданно ударил в тыл правому флангу повстанческой армии, что вызвало панику в её тылах, быстро перекинувшуюся и в боевые подразделения³⁷⁷.

Отличительные черты 3-го этапа восстания

Данный этап похода повстанческой армии, так же как и оба последующих, отличается крайней неполнотой его изучения историками. Некоторые из исторических трудов по истории дальнего Востока вообще игнорируют его. Другие довольствуются указанием одного-двух пунктов, на пути повстанческой армии, никак не выделяя этот этап в истории всего Мухинского восстания. Между тем, отличия его от двух предыдущих очевидны.

Этот и оба последующих этапа Мухинского восстания можно с полным правом охарактеризовать как агонию повстанческого движения в Амурской области. Вот как описано состояние повстанческой армии в этот период в наиболее раннем воспоминании И.Т.Воронцова: «Павловский бой, своим отрицательным исходом, уже заранее предопределил систематическое разложение и распад этого большого повстанческого

движения восставших крестьян. Из Павловского боя наш отряд вышел в полупанике, почти небоеспособным. ... Масса восставших ... превратилась ... в развалину, имеющую в своём составе дезертиров, мародёров и даже провокаторов. ... Часть крестьян стала тайком отставать от отряда и возвращаться домой³⁷⁸».

Примерно такую же оценку дал в том же 1927 году и А.С.Обиденко: «Павловский бой для отряда был роковым. ... Отряд превратился в панически странствующий обоз. Люди разбежались кто куда ... Дальнейший исход был уже predetermined. И фактически отряд, как таковой, боевой силы уже не представлял. Отряд оперировал ещё некоторое время и был распущен в 1-х числах марта³⁷⁹» (по старому стилю). Вторил этим авторам и М.Бочко: «Дальше сражаться с таким отрядом немыслимо. Отряд вполне можно считать небоеспособным»³⁸⁰. Упадок духа, деморализацию и падение дисциплины в армии отмечал для того времени и П.Востриков³⁸¹.

С точки зрения цели, данный этап восстания можно разделить на два временных отрезка. Если на первом из них основные силы повстанцев стремились не только оторваться от противника, но и как можно ближе подойти к Благовещенску, надеясь на уже подготовленное Мухиным восстание в городе, то на втором они пытались лишь избежать своего окружения и окончательного разгрома неотступно преследующими их отрядами японцев и казаков. В результате, движение повстанческой армии потеряло целенаправленный характер и стало определяться исключительно стремлением выиграть время в поисках выхода из сложившейся ситуации.

В целом же основными отличительными чертами 3-го этапа Мухинского восстания можно считать начавшийся упадок боевого духа в рядах повстанцев вследствие крупного военного поражения и отсутствия свидетельств готовности поддержать восстание со стороны городских подпольных и рабочих организаций.

Датировка и маршрут движения отрядов на 3-м этапе восстания

Маршрут отступления повстанцев от Павловки во 2-й район до сих пор по настоящему не был известен. А.В.Агеев, описывая этот путь армии, видимо, совершенно не обращал внимания на карту, поскольку проложенный им маршрут слишком напоминает весьма запутанный лабиринт³⁸². В.П.Мальшев более детален в своём описании, но тоже не смог избежать некоторых противоречий. Что же говорят об этом источники?

Так же, как и для 1-х этапов восстания, авторы воспоминаний описывают пути своего движения по-разному, что позволяет достаточно точно выявить основные маршруты движения отдельных отрядов. Вследствие беспорядочного отступления армии с поля боя под Павловкой, сразу организовать правильное движение колонн было невозможно. Вплоть до линии железной дороги отдельные части и группы повстанцев продвигались собственными маршрутами, вытекавшими из их положения к концу боя.

Описания Матвеева³⁸³ (штаб) и Безлепкина³⁸⁴ (лазарет) на этом этапе движения совпадают. Да и предыдущие описания этих участников восстания свидетельствуют, что и штаб и лазарет всегда следовали в одной колонне повстанцев. Таким образом, маршрут отступления этих и, видимо, других тыловых подразделений повстанческой армии, располагавшихся во время боя в селе Павловка, а также части бойцов, успевших догнать свои повозки, пролегал к разъезду Короли через село Тарбогатая и д. Васильки.

Правый фланг (красноярская рота) и основная часть центральной группировки повстанцев, во главе с самим Г.Дрогошевским, последовали за ними только до села Круглое, откуда свернули на юг, по направлению к Верхнебелой, а затем через д. Кузьмичи тоже вышли к разъезду Короли³⁸⁵. Составлявшие же левый фланг отряды Иванова и Богданова, а также примкнувшая к ним группа местных повстанцев под руководством Галыгина, вероятно, вообще не рискнули отступить через Павловку и сразу направились к станции Возжаевка, стремясь, очевидно, перейти на ту сторону рельсового пути как можно быстрее. Между тем, что-то помешало им прорваться в этом месте через

линию железной дороги, и они направились вдоль неё на восток, где в районе Верхнебелая³⁸⁶ - Короли, судя по всему, воссоединились с отрядом Г.Дрогошевского и тыловой частью армии. В то же время часть повстанцев Свободненского района во главе с В.Патрушевым отступили не на юг, а на север, после чего ушли обратно в свой район.

Железную дорогу повстанцы пересекли, по-видимому, уже единой колонной в районе разъезда Короли и также вместе, через д. Григорьевку, дошли до деревни Ефимовки (Рогозовка), где от армии отделилась 3-я рота, двинувшаяся дальше по маршруту: Ерковы, Константиноградка, Анновка, Андреевка, Чуевка, Тамбовка, Жариково, с дальнейшей задачей пройти Гильчин, а затем Верхний и Нижний Уртуй³⁸⁷. Поскольку описание Ф.И.Безлепкина фактически совпадает с этим маршрутом³⁸⁸, то можно предположить, что лазарет армии следовал той же колонной, развозя местных раненых и больных по родным домам.

Села Жариково эта часть повстанцев достигла, по данным белогвардейской милиции, уже 4 марта³⁸⁹, то есть на следующий день после Павловского боя. Целью дальнейшего движения 3-й роты, по свидетельству П.Вострикова, было вовлечение в восстание сёл, ещё полностью не затронутых им. Однако, получив сведения о наличии в с. Гильчин казаков и местной вооружённой дружины, выступившей против повстанцев, отряд ночью перебрался в с. Верхняя Полтавка, после чего запросил в штабе подкрепления одной ротой для наступления на Гильчин и Верхний Уртуй³⁹⁰.

Штаб и основные силы армии в это время (5 марта) находились уже в с. Новоалександровке³⁹¹, пройдя, по утверждению И.Т.Воронцова, через Преображеновку, Песчаноозёрку, Зорино, Максимовку, Кутилово, Борисоглебку и Татьяновку³⁹². Правда, Г.Дрогошевский указывает другой конечный пункт – д. Чуевку³⁹³. Возможно, там разместился штаб и часть сил его армии. Данный маршрут подтверждает и белогвардейская пресса, сообщавшая, что «группа отступивших большевиков ночевавшая 4 марта у с. Песчаноозёрки, рано утром ушла на юго-запад и ночевала в д. Чуевке»³⁹⁴.

В тот же день (5 марта) главная часть повстанческой армии отошла к д. Ильиновке. Ночью за ней последовала 3-я рота. 6 марта обе части армии снова воссоединились в Ильиновке, а на следующий день она единой колонной продолжила своё движение на восток. За ней, на почтительном расстоянии (с опозданием на одни сутки) двигался преследующий её японский отряд. Пройдя через Михайловку и Воскресеновку, вечером 8 марта повстанческая армия вошла в с. Райчиху³⁹⁵.

Правда, в некоторых исторических работах приводится явно ошибочное сообщение о появлении всей повстанческой армии 7 марта в районе хутора Куприяновского³⁹⁶, то есть на берегу Амура. Источником этой ошибки послужил рапорт Станьковского, в котором было помещено данное донесение сразу под предыдущим, помеченным 7 марта³⁹⁷. Возможно, это сообщение не было датировано, или же была допущена ошибка в названии хутора – «Куприяновский» вместо «Кавказский». На последний, по свидетельству С.Кургузова, действительно был совершён налёт повстанцами во время движения их армии к Райчихе³⁹⁸.

Да и само это донесение составлено логически нечётко, допуская двойное толкование. Для выявления ошибки необходимо привести его дословно. Вот как это было в тексте: «из Поярковой получены сведения, что у хутора Куприяновского была перестрелка с красными; у казаков убито три лошади и отстал один казак. Разведкой установлено, что красные потеряли пять человек убитыми, отряд их достигает до 5500 человек...»³⁹⁹.

Бесспорным выглядит здесь только то, в данном районе произошла небольшая стычка между казаками и группой повстанцев. Что же касается приведённой численности «красных», кстати говоря, сильно завышенной, то она может быть отнесена только ко всей повстанческой армии, разведка которой, по-видимому, и приняла участие в данном инциденте. Армия, при этом, вовсе не обязательно должна была находиться именно в этом месте.

Если данный инцидент действительно имел место у хутора Куприяновского, то сам факт высылки разведки к берегам Амура не может не вызывать вопросов. Уж не собиралось ли командование повстанцев, распустив армию, укрыть актив её на китайской территории и спасти его тем самым от преследования белых властей? К тому времени оно уже прекрасно понимало, что военная компания безнадежно проиграна, и искало пути выхода из этой опасной ситуации. Не случайно, что тогда же была сделана ещё одна попытка мирно договориться с интервентами через посредничество казаков.

По сообщению газеты «Амурское эхо», делегация повстанцев была послана с этой целью в станицу Поярковскую 10 марта, но такого рода миссия казаками была отклонена⁴⁰⁰. Данный факт подтверждает в своих показаниях и Г.Дрогошевский⁴⁰¹. Н.Гранкин даже сообщает, что сам был одним из участников этой делегации, правда цель её излагает явно недостоверно, утверждая, будто она предложила казакам сдать оружие или присоединиться к повстанцам⁴⁰². Посылать делегацию с таким требованием в тот момент было бы совершенно бессмысленно.

Впрочем, одновременно с этими мирными инициативами, в набег на ст. Завитая Г.Дрогошевским был отправлен отряд П.Иванова⁴⁰³. По утверждению П.Вострикова, реальный маршрут этого отряда пролёг из Райчихи через Антоновку, Иннокентьевку, Албазино, Харьковку, Березняки, Трёхбратское, Новоалексеевку и Аврамовку до Болдыревки, где и произошло соединение его с подошедшей туда через два дня остальной армией⁴⁰⁴. Конечно, взять ст. Завитую ему не удалось.

В конце концов, оказавшись перед очередной угрозой окружения, повстанческая армия была вынуждена из Райчихи взять курс на север, в таёжные районы области. По пути, 10 марта, повстанцы посетили Кивдинские угольные копи, где пополнились небольшой группой представителей местного пролетариата. Вечером они ушли из уже готового сомкнуться кольца окружения через разъезд между Тюканом и Буреей под прикрытием вьюги и темноты⁴⁰⁵. В рапорте Станьковского этим числом помечены сожжение «красными» моста на перегоне Завитая-Бурей, и перерезанные там телеграфные провода⁴⁰⁶.

Датировка и маршруты движения отрядов на 4-м и 5-м этапах восстания

1) Датировка и характер 4-го этапа

Согласно воспоминаниям Ф.И.Безлепкина, в таёжных деревнях потерянная противником повстанческая армия отдыхала три дня⁴⁰⁷, что подтверждается и рапортом Станьковского, свидетельствующего, что телеграфное действие на участке Екатеринославка-Бочкарёво прекратилось 14 марта⁴⁰⁸. К этому дню и следует отнести взятие повстанцами станции Екатеринославки. Правда, П.Востриков утверждал, что это произошло 13-го числа, однако сам же писал потом о десятичасовом ночном переходе армии от Екатеринославки до Бочкарёво, за которым последовал штурм станции⁴⁰⁹.

Между тем, дата Бочкарёвского боя известна из разных источников достаточно хорошо. Это 15 марта 1919 года. Та же дата указана и в Летописи Амурской области⁴¹⁰. После почти безрезультатного суточного штурма ст. Бочкарёво, повстанцы вынуждены были отступить к селу Сосновый Бор⁴¹¹. 17-го марта они были уже в Красноярово⁴¹², где армия прекратила своё существование как единая организация всех повстанческих сил.

Досадные ошибки в датировке событий этого этапа допущены и в книге А.В.Агеева «Амурские партизаны». Так, штурм ст. Бочкарёво он относит к 27 марта 1919 года, в то время как сам же указывает, что из Екатеринославки повстанческая армия вышла 14 марта⁴¹³. Получается, что на преодоление 75 километров пути по линии железной дороги повстанцам потребовалось почти 13 суток. Впрочем, учитывая серьёзную редакторскую правку данной работы, трудно сказать, кому именно принадлежат эти ошибки - самому А.В.Агееву или его редакторам.

Сама возможность осуществления столь дерзкого броска повстанческой армии определялась сложившейся тогда оперативной обстановкой. Выделенные для преследования и разгрома повстанцев японские и казачьи отряды на время потеряли их из виду и остановились в нерешительности, скучившись в районе ст. Завитой и Буреи. Неожиданно овладев ст. Екатеринославкой, повстанческая армия оказалась между ними и центральными районами области, занятыми относительно небольшими разрозненными гарнизонами японских и белогвардейских войск. При этом она оседлала важнейшую магистраль области, оставив за спиной главные силы врага.

В целом данный этап восстания можно охарактеризовать как последнюю отчаянную попытку повстанцев переломить безнадежно складывающуюся ситуацию в свою пользу. Как свидетельствует Ф.Д.Мельников, Г.Дрогошевский рассчитывал взятием Бочкарёво поднять настроение армии, пополнить её отрядом деповских железнодорожных рабочих, а затем «быстро двигаться на Благовещенск, где предполагалось восстание рабочих под руководством тов. Мухина»⁴¹⁴.

2) Роспуск повстанческой армии

Этот последний период восстания совершенно не избалован вниманием исторической науки. Даже Агеев касается его как-то вскользь. Причина такой нелюбви историков кроется в крайней запутанности и противоречивости данных, содержащихся в существующих на сегодняшний день источниках по этому вопросу. Распутать их очень не легко, но, всё же, необходимо, хотя бы потому, что именно этот этап непосредственно предшествует началу партизанского движения в области, а значит именно в нём можно найти ответы на многие загадки последнего.

Причинами роспуска повстанческой армии в современной историографии считаются почти исключительно истощение боеприпасов, а также начало распутицы и приближение времени посевных работ. Практически ничего не говорится об упадке боевого духа повстанцев и их веры в успех этого восстания. Между тем, два последних обстоятельства сыграли далеко не последнюю роль в прекращении существования повстанческой армии, в то время как о распутице в середине марта ещё не могло быть даже речи, а пахотные работы начинались здесь не раньше второй половины апреля.

На настроение повстанцев, помимо поражений в Павловском и Бочкарёвском боях, повлияло в этот момент полученное штабом сообщение о гибели Ф.Н.Мухина и разгроме городской подпольной организации. До сих пор принято было считать, что повстанцы узнали об этом, выйдя во второй раз на подступы к Благовещенску после Павловского боя. Этим и объяснялось обычно их решение отступить в Бурейский район.

Однако отступление из Тамбовской волости началось 5 марта, а Ф.Н.Мухин был убит поздно вечером 9 марта. Сообщение об этом могло быть опубликовано в газетах не ранее утра 11 марта. В тот момент повстанческая армия уже находилась за линией железной дороги, в глухих таёжных деревнях, куда пресса если и доходила, то с опозданием на несколько дней. Прочитать газету руководители повстанцев могли только 14 марта, в день взятия станции Екатеринославки, но оглашать подобные сведения перед всей армией в момент начала наступления на Бочкарёво им было не с руки.

Как вспоминал П.Востриков, «в марте ... мы получили газетные сведения, что ... Мухин ... пойман ..., поэтому перед партизанами и населением всячески старались скрыть его арест и потом расстрел, боясь паники»⁴¹⁵. По свидетельству И.Т.Воронцова, о гибели Ф.Н.Мухина и разгроме городской организации основная масса повстанцев узнала только в середине марта⁴¹⁶, то есть уже после поражения в Бочкарёвском бою, находясь в Сосновом Бору или даже в с. Красноярово. С этим известием последняя надежда на восстание в Благовещенске растаяла как дым. Вместе с ней исчезла и главная цель создания крестьянской повстанческой армии, определённая ещё в самом начале Мухинского восстания, - овладение ресурсами областного центра для материального

обеспечения мобилизации всех революционных сил области. Штурмовать город самостоятельно отрядам повстанцев было явно не по силам.

17 марта 1919 года в селе Красноярово состоялось широкое совещание командного состава, на котором было решено распустить крестьян по домам, после чего от армии отделились большинство последних крестьянских отрядов юга области, и сразу же ушли в свой Зазейский район⁴¹⁷. Ф.И.Безлепкин поясняет, что, по решению штаба, вывод этих отрядов в Михайловскую, Борисоглебскую и Тамбовскую волости поручался Перетяткину, Безлепкину и Бардину⁴¹⁸. Покинули армию, видимо, и ивановские повстанцы. Во всяком случае, их лидер М.Бочко, в момент погрома Ивановки 22 марта, находился не в странствующих остатках армии Г.Дрогошевского, а в районе с. Новоандреевки на берегу Зеи⁴¹⁹.

Перейдя линию железной дороги, большая часть этих повстанцев, без лишнего шума, разошлась по своим сёлам и деревням. Однако бывшим руководителям движения и активистам путь туда был закрыт. Преследуемые белогвардейской милицией, они вынуждены были, сначала, скрываться по полям и заимкам, а с наступлением более тёплых дней потянулись в таёжные районы области, группируясь там в зародыши будущих партизанских отрядов и групп.

Другая же часть армии продолжила своё движение на запад, целью которого, по свидетельству Дрогошевского, было достигнуть восточного Забайкалья⁴²⁰, где восстание ещё продолжалось. Предварительно, на Краснояровском совещании была решена проблема санитарного обоза - многочисленных раненных, больных и обмороженных, которых неизменно возили с собой с самого начала восстания. Решено было снабдить их паспортами и распустить по домам «на временную передышку»⁴²¹. В итоге, из примерно полутора- или двухтысячной армии, после ухода раненных, больных и большинства крестьян, должно было остаться не более 500-600 человек.

Дальнейшая история повстанческой армии Драгошевского была довольно короткой. Ещё утром 17 марта она должна была покинуть Красноярово, поскольку в 12 часов дня село уже занял преследующий её японский отряд. В тот же день повстанцы достигли станции Ледяной и оттуда двинулись вдоль железнодорожного пути, привычно срезая телеграфные провода и сжигая за собой деревянные мосты⁴²².

На какой-то станции между Ледяной и Гондатти (Шимановск), вероятно в Селеткане, произошёл новый раскол повстанческой армии, большая часть которой повернула назад, в Зазейский район. В состав отколовшегося отряда вошли все артиллеристы и почти все пулемётчики⁴²³. Численность его, по сообщениям белогвардейской печати того времени, составляла около 300 человек (в том числе около 100 китайцев) при двух пушках, из которых одна была неисправна, и четырёх пулемётах⁴²⁴. Возглавлял данный отряд Емельянов⁴²⁵. «Емельяновцы» избрали северный маршрут своего возвращения - через Ивер, Таскино и Романкоуцы⁴²⁶ на Сосновый Бор и далее, по уже известным повстанцам таёжным тропам Завидненской, Верненской, Томской и Тарбогатайской волостей.

Датировать движение отряда Емельянова из-за крайней противоречивости газетных сообщений, довольно сложно. Более-менее точно можно зафиксировать во времени лишь последний отрезок его пути. Согласно Станьковскому, 27 марта староста села Тарбогатай донёс о движении отряда «красных» на 100 подводах через деревню Новолиствянку на Сухой лог, и далее в село Ромны, где последние и заночевали. О дальнейшем их передвижении ничего определённого староста сказать не смог⁴²⁷. Раз речь в донесении шла об уже состоявшемся событии, можно утверждать, что сообщено об этом в милицию было после того как повстанцы «заночевали» в с. Ромны, и, следовательно, деревню Новолиствянку они прошли не 27, а 26 или даже 25 марта.

Поскольку с. Ромны находится недалеко к югу от д. Хохлатское, можно предположить, что это был обоз отряда и та часть бойцов, которая решила вернуться в Зазейский район. Таким образом, роспуск отряда произошёл примерно 26 марта.

Н.М.Гранкин, правда, утверждает, что это случилось 10 марта⁴²⁸, однако если перевести указанную им дату в новый стиль (23 марта), то ошибка его будет не слишком велика. О том, что в газетном сообщении говорилось тогда именно об отряде Емельянова, свидетельствуют показания пленных повстанцев, захваченных 27 февраля далеко в стороне от указанного выше маршрута, к западу от Бочкарёвки⁴²⁹. По-видимому, они принадлежали к одной из отколовшихся при роспуске отряда групп. Пленные подтвердили первоначальную численность отряда в 300 человек и сообщили о брошенных по пути повстанцами одном орудии и пулемёте между Воскресеновкой и Листвянкой. Указанное оружие вскоре было найдено японцами⁴³⁰.

Воспользовавшись данным сообщением, белогвардейские газеты раструбили о разгроме крупной группировки повстанцев в районе деревни Воскресеновки и, якобы, захваченных при этом трофеях⁴³¹. Правда и в этом сообщении можно найти рациональное зерно. Там утверждается, что «разбитые» красные «движутся в направлении Екатеринославки с очевидным намерением вновь пробраться в район Завитинской волости, таёжная местность которой чрезвычайно благоприятствует большевикам скрываться от преследователей». Сам Емельянов, по показаниям Г.Дрогошевского, с небольшой частью отряда действительно обосновался в деревне Еносовке, на севере Завитинской волости, где вскоре был «убит своими красноармейцами»⁴³².

Отряд, оставшийся у железной дороги под командованием Г.Дрогошевского, 18 марта выступил дальше, предварительно разделившись на две неравные группы. Первая, во главе с П.Ивановым, в количестве 80 человек, продолжила своё разрушительное шествие по рельсовому пути, а вторая, около 100 бойцов и командиров, под руководством самого Г.Дрогошевского, следовала в том же направлении лесными дорогами⁴³³.

Достигнув села Беловеж, отряд Драгошевского сделал остановку. Здесь была получена информация о движении навстречу японцев со стороны Ушумуна. Сзади подпирали преследователи из состава Свободненского гарнизона. Г.Дрогошевский принимает решение отказаться от забайкальского варианта маршрута и вновь отступить во 2-й район. Маршрут выбирает тот же, что и у отряда Емельянова – вниз по реке Зея⁴³⁴.

Не совсем понятны из источников дальнейшие действия П.Иванова. 18 марта он ещё громит станцию Берея, где захватывает вагон с продовольствием и мануфактурой⁴³⁵. Только в ночь с 20 на 21-е, согласно газетной информации, там располагается преследующий его русско-японский отряд⁴³⁶. На следующей станции Ульмин (Мухино) Иванов появляется в день, когда отряд Дрогошевского вошёл в село Кухтерин Луг⁴³⁷. По-видимому, это произошло 19 марта.

Двигаться дальше на запад по железной дороге, без риска наткнуться на японцев, Иванов больше не мог. Скорее всего, в тот же день он выступил на соединение с Дрогошевским или же присоединился к нему несколько дней спустя в Серебрянской волости. То, что соединение действительно произошло, доказывает свидетельство самого Г.Дрогошевского о том, что раненного П.Иванова он, позже, оставил в таёжной деревне Ташино-Горбыль⁴³⁸.

21 марта отряд Дрогошевского прошёл Сивагли, а на следующий день – деревню Татарскую. Затем, всё также следуя вдоль Зеи, повстанцы вышли к реке Селемдже. Всё это время, на почтительном расстоянии, за ними следовал японский отряд⁴³⁹. Преследовали японцы и отряд Емельянова, находясь, таким образом, на пути отряда Г.Дрогошевского. Опасаясь столкнуться с интервентами, Дрогошевский принимает решение круто повернуть назад, и, обойдя преследователей у села Ивер, перешёл линию железной дороги около деревни Черновки⁴⁴⁰. Учитывая расстояние, произойти это могло не раньше, чем 23 марта.

Затем отряд Г.Дрогошевского вышел вновь в Зазейский район, но, наткнувшись вблизи Березовского разъезда на японские бронепоезда, отступил к Андреевке (видимо Новоандреевка), где выдержал бой с японцами, после чего вернулся в Серебрянскую волость⁴⁴¹. Вряд ли это могло произойти ранее 25 марта. В это же время в Зазейском

районе производили партизанские действия и другие мелкие группы из числа отступивших сюда повстанцев. Вероятно, именно они разгромили днём 25 марта почтовое отделение в Козьмодемьяновке и захватили обоз с хлебом, следующий в город из соседней деревни. Они же угрожали и крестьянам Тамбовки, принявшим 23 марта на сходе приговор о подчинении существующему правительству и осуждении действий повстанцев. В ответ на эти угрозы 28 марта в Тамбовку был командирован сильный японский отряд⁴⁴².

3) Дата окончательного роспуска армии

Ко времени прихода Г.Дрогошевского, на правом берегу Зеи, между Благовещенском и Свободным, скопилось довольно много мелких остатков разных отрядов повстанцев. Там и произошёл окончательный роспуск повстанческой армии. Согласно Летописи Амурской области, это случилось 29 марта 1919 года в с.Натальино⁴⁴³. Но на чём основана такая дата? Первым из авторов партизанских воспоминаний ввёл её в употребление И.Раков в 1927 году⁴⁴⁴. Вслед за ним отнёс роспуск повстанческой армии к этому времени и С.С.Кургузов. Последний был единственным, кто упомянул в качестве места окончательного прекращения её существования село с.Натальино. Правда, в его воспоминаниях эти два события не сливаются в единое целое. 29 марта, по его мнению, произошёл Бочкарёвский бой, сразу после которого якобы и была распущена армия⁴⁴⁵.

Ясно, что речь здесь идёт о событиях 16-17 марта 1919 года. С.Кургузов, в данном случае, просто ошибочно перевёл дату боя и последовавшего за ним роспуска повстанческой армии в новый стиль. События же в Натальино он вообще не датировал. Там, по его утверждению, оставшаяся масса повстанцев разделилась на два отряда. Один, под командованием Г.Дрогошевского, отправился через Зею на д. Новоандреевку и дальше во 2-й район. А второй, во главе с В.Патрушевым, пошёл на север, по маршруту: д. Забайкалка (теперь не существует), Рождественка (теперь не существует), Рогачёвка, Серебрянка, Малая Пёра, Юхта (видимо Чудиновка или Черновский разъезд), распуская дорогой людей по домам. В конце концов от отряда осталось только 9 членов штаба 1-го района, которые укрылись в землянке неподалёку от д. Маркучи⁴⁴⁶.

Г.Дрогошевский называет местом роспуска своего отряда д. Малую Пёру. Возможно, этот отряд действительно закончил своё существование именно там, а затем остаток его, включавший, по словам Г.Дрогошевского, только пулемётчиков и китайцев, двинулся к Амуру для перехода через границу на китайскую территорию⁴⁴⁷. Однако прежде он сделал ещё один рейд по обоим берегам р. Зеи. По-видимому, именно этот отряд, по сообщениям газет того времени, в количестве 300-400 человек посетил 30 марта д. Москвитино, а затем – Прядчино. Отдохнув в последнем, он направился к селу Троицкому⁴⁴⁸, после чего белогвардейская пресса окончательно теряет его следы. Газеты командиром этого отряда называли некоего Иванова-2-го. Возможно, его действительно формально возглавлял в тот момент, следовавший вместе с Г.Дрогошевским П.Иванов.

Этот же отряд, по-видимому, отмечен и в рапорте Станьковского, где под датой 8 апреля приведён текст телеграммы начальника 4-го участка уездной милиции. Там было сказано буквально следующее: «Со слов бежавшего из плена фельдшера Калашник, красные, в количестве 1000 человек, были в Натальевке, ушли по направлению в Благовещенск. В отряде 200 китайцев, имеются пушки и пулемёты»⁴⁴⁹.

Понятно, что полностью доверять мнению фельдшера Калашник относительно численности повстанцев и их вооружения было бы неразумно. Вряд ли количество членов этого отряда, даже до его разделения на отряды Патрушева и Дрогошевского, достигало в Натальино хотя бы 700 человек. Что же касается пушек, то их здесь в принципе быть не могло. Да и произошло всё это, конечно же, не 8 апреля. В этот день была лишь получена указанная телеграмма. Занятие повстанцами Натальино, пленение Калашника, а затем и его бегство, вместе могли занять достаточно большой промежуток времени. Привязка этих событий к концу марта, поэтому, вполне допустима.

Как бы там ни было, но что-то заставило Дрогошевского в последний момент переменить своё решение об уходе в Китай. После роспуска отряда в Малой Пёре он, на страницах протокола своего допроса, оказывается в Маргаритовке, во главе небольшого отряда в 11 человек. Переодевшись в казачью форму, они начинают новый рейд по селениям Козье поле, Короли, Григорьевка, Преображенка, Варваровка, Николо-Александровка и Кутеевка, отбирая у местных властей списки «красных» и расписки об отсутствии последних в этих деревнях.

Встретившись с таким же «ряженым» отрядом Богданова, производившим по пути своего следования диверсионные и жёсткие карательные акции, они вновь вернулись в Маргаритовку, а оттуда – в таёжную деревню Калиновку, где произошёл уже окончательный роспуск остатков повстанческого отряда. Именно оттуда Дрогошевский отправился к берегу Амура и у станицы Пашкеевой был арестован белогвардейской милицией⁴⁵⁰. С момента официального роспуска повстанческой армии прошло, к тому времени, примерно полтора месяца. Подробно датировать последний период деятельности Дрогошевского, по-видимому, уже невозможно.

4) Вопрос датировки Красноярского боя

По свидетельству И.Т.Воронцова, красноярцы домой прибыли ночью, как раз накануне посещения села казачьим карательным отрядом⁴⁵¹. Данный факт позволяет уточнить время этого события и исправить ошибку, допущенную тем же И.Воронцовым, и растиражированную вслед за ним многими историками. Причём А.В.Агеев даже перевёл указанную Воронцовым дату – 3 апреля – на новый стиль⁴⁵². Текст телеграммы председателя Поярковской Управы ясно указывает, что казачий разъезд посетил Красный Яр, проездом из Михайловки, утром 28 марта⁴⁵³, а не 4 апреля, как у Воронцова. Уже в час ночи 29 марта⁴⁵⁴, а не в 9-м часу утра 6 апреля, как пишет И.Воронцов, начался бой между подошедшими из Поярково казаками и защитниками Красного Яра.

Но, может быть, был позже и другой бой в этом селе? Ведь существовала же, отраженная в докладе Станьковского телеграмма начальника милиции Грушевского от 6 апреля, в которой говорилось о разгроме казаками и милицией двух рот повстанцев в Красном Яру⁴⁵⁵. Именно на данное свидетельство опирались составители Летописи Амурской области, сообщая об этом бое под датой 6 апреля⁴⁵⁶. Однако в сообщении Грушевского нет указания на то, когда именно произошёл бой. Зато оно есть в телеграфном донесении Поярковского председателя Управы, где сказано, что «наши отряды из Красного Яра ночью на 1 апреля вернулись благополучно, ... все красноармейцы разбежались неизвестно куда, воспользовавшись дурной погодой во время ночи»⁴⁵⁷.

Это был уже второй поход казаков на вновь взбунтовавшееся село, но на этот раз оно было занято без боя. Таким образом, сообщение Грушевского – не более чем миф, сочинённый этим чиновником ради собственного тщеславия и возможных наград. На самом деле, как пишет в своих воспоминаниях И.Воронцов, повстанцы и почти все жители покинули село ещё до начала второго наступления японцев и казаков⁴⁵⁸, и эти его слова полностью подтверждаются приведенной выше телеграммой из Поярково. Данное событие могло случиться только в ночь с 30 на 31 марта.

Точность же сообщения Поярковского председателя полностью доказывается содержанием приказа по Амурскому казачьему войску № 457 от 2 июля 1919 года, из которого следует, что мобилизованные 28 марта для борьбы с «красными» 115 казаков Поярковского станичного округа, 2 и 3 апреля были все распушены по домам. Других же мобилизаций в апреле среди них не производилось⁴⁵⁹.

Глава 3

Проблема оценки Мухинского восстания и соотношения в нём сил и потерь сторон

I. Проблема соотношения сил повстанцев и японо-казацких войск

1. Вопрос численности в Амурской области японских войск

В советской исторической литературе численность японских интервенционистских сил в Амурской области за данный период либо необоснованно преувеличивалась, либо вообще не отмечалась. Даже А.В.Агеев говорит в своей книге о численности интервентов в области только применительно к октябрю 1918 года. И это не случайно. Точных данных о количестве японских войск в Амурской области за период Мухинского восстания в отечественной научно-исторической литературе до сих пор нет.

За неимением более точных источников допустимо, в интересах исторического исследования, использовать данные современным событиям средств массовой информации. Даже если предположить зависимость городской прессы от местных белогвардейских властей, последние вряд ли были заинтересованы в занижении численности поддерживающих их войск японского экспедиционного корпуса в России.

В благовещенской газете «Амурское эхо» за 8 марта 1919 года говорилось, что «... к первым числам февраля общее число солдат в корпусе не превышало 25600 человек...»⁴⁶⁰. Учитывая, что штатный состав японской дивизии, без учета солдат-носильщиков, в то время составлял около 15 тысяч человек⁴⁶¹, можно предположить, что в состав экспедиционного корпуса входили две дивизии неполного состава. В Амурской области располагались тогда части только одной из дивизий этого корпуса – 12-й. Её точная численность неизвестна, но вероятно в этом отношении она не слишком отличалась от другой. Разделив указанную выше цифру на два, получим чуть более 12 с половиной тысяч человек на одну дивизию.

Недостающие до штата две с половиной тысячи, очевидно, представляли собой личный состав обозов, парков, тяжёлой и горной артиллерии дивизии, выведенных из Амурской области в декабре 1918 - январе 1919 года⁴⁶². Какие именно части 12-й японской дивизии размещались в Амурской области историкам сегодня не известно, но в 30-е годы первые профессиональные дальневосточные историки А.Шурыгин и З.Карпенко, похоже, такой информацией располагали. В книге «Гражданская война в Дальневосточном крае» они написали, в частности, что «командующий японскими войсками в Амурской области генерал-майор Ямада бросил на подавление восстания всю свою бригаду⁴⁶³». Им вторит и амурский историк В.П.Малышев⁴⁶⁴.

Вряд ли советские историки 30-х годов не знали разницы между бригадой и дивизией. К тому же Ямада действительно командовал тогда одной из бригад 12-й дивизии⁴⁶⁵. Следовательно, в подавлении Мухинского восстания участвовала не вся 12-я дивизия, а только бригада генерал-майора Ямада. Поскольку бригада - это, в сущности, половина дивизии, то общая численность японских войск, которые можно было задействовать в борьбе с повстанцами, составляла немногим более 6 тысяч человек.

При этом необходимо учитывать, что основной задачей этих частей японской армии была охрана Амурской железной дороги и, частично, золотых приисков в Амурской тайге. В г.Зее, например, стоял в то время целый батальон японских войск. Такие же или меньшие по численности гарнизоны, выделенные из состава дивизии, располагались по всем более-менее значимым станциям железной дороги на территории области. Таким образом, реальные силы, которые японское командование могло выставить на борьбу с восстанием должны были быть намного меньше формальной численности имеющихся у него войск.

На основании отражённой в прессе информации из штаба 12-й японской дивизии, располагавшегося тогда в Хабаровске, можно выделить шесть действовавших против

повстанцев крупных отрядов: отряд самого генерала Ямада, отряд полковника Такахаси, отряд майора Такахаси, отряд майора Хори, отряд майора Танака и отряд Мияуцы (звание не известно). Таким образом, общее количество указанных отрядов совпадает с количеством батальонов в бригаде.

Как свидетельствуют большинство бывших партизан, отдельные отряды японских войск имели относительно небольшую численность: как правило, не более 500 человек при двух орудиях и таком же количестве пулемётов. Единственное исключение — Павловский бой, где было задействовано не менее трёх орудий и трёх пулемётов, но там принимали участие два отряда японцев.

Это, в свою очередь, означает, что каждый экспедиционный отряд составлялся на базе только одного батальона японской армии, поскольку 12 штатных пулемётов бригады были, по-видимому, равномерно распределены между всеми шестью её батальонами. Примерно также рассредоточили и артиллерию. Штатный состав японской пехотной роты составлял 226 солдат и офицеров. Следовательно, батальон отправлял в экспедицию против повстанцев, в большинстве случаев, примерно две полных роты или три неполных роты из четырёх.

Примером может служить отряд Такахаси, направленный против повстанцев из ст.Завитой в самом начале восстания. Он был составлен из части артиллерийского дивизиона и двух отрядов, под которыми легко угадываются пехотные роты. Имелись в отряде и пулемёты. По свидетельству Вострикова, этот отряд японцев имел 2 пулемёта и 2 орудия, то есть пулемётный и артиллерийский взводы. Таким же было тяжёлое вооружение отряда майора Хори. Именно столько орудий и пулемётов насчитал в нём газетный корреспондент, во время прохождения этого отряда по улицам Благовещенска, при его возвращении в город 18 февраля⁴⁶⁶.

Говоря о составе борющихся с повстанцами отрядов, нельзя не упомянуть и белогвардейских частей. Их собственно армейские подразделения в борьбе не участвовали из-за своей крайней малочисленности ввиду полного провала мобилизационной компании среди крестьян. Однако вместе с японцами действовали небольшие отряды казаков и белой милиции, которые, большей частью, выполняли функции разведки и боевого охранения, а также участвовали в карательных «зачистках» подозреваемых в большевизме сел и деревень. Амурские казаки приняли непосредственное участие только в трех первых боях, да и там сыгранная ими роль была невелика.

2. Вопрос численности повстанческой армии

В современной историографии партизанского движения в Амурской области принято оценивать численность повстанческой армии в период Мухинского восстания довольно крупными цифрами. Так, в учебнике Истории Амурской области она определяется, на момент соединения сил 1-го и 2-го районов в д.Малая Пёра, почти девятыю тысячами человек⁴⁶⁷. Сборник Съезды Советов Амурской области называет ещё большую цифру – 10 тысяч бойцов⁴⁶⁸. До 10 тысяч человек насчитывал в ней и историк В.П.Малышев⁴⁶⁹. Согласно же Хрестоматии Амурской области повстанческая армия к этому времени имела в своих рядах 7-8 тысяч человек⁴⁷⁰. А.В.Агеев исчислил в ней на тот момент только 6 тысяч человек⁴⁷¹. Авторы Истории Дальнего Востока России более осторожны. Они оценивают её численность всего в три тысячи человек⁴⁷², правда только к моменту Виноградовского боя, то есть на начальном этапе восстания.

Итак, судя по относительному разнообразию приведённых чисел, дальневосточные историки не пришли ещё к единому мнению по данному вопросу. И это неудивительно, ведь такого единства нет и в основных источниках всех указанных работ – воспоминаниях бывших амурских партизан. Правда, в данном случае, все высшие цифры (7-8, 9 и 10 тысяч) принадлежат одному и тому же человеку – С.С.Кургузову. Остальные участники

событий, за исключением И.Безродных, оценивают численность повстанческой армии значительно скромнее.

Да и сам С.Кургузов в одном из своих воспоминаний относит эти цифры лишь к периоду Павловского боя и последующим этапам восстания. При этом он даже попытался зафиксировать последовательный рост повстанческой армии от этапа к этапу. По его мнению, этот рост был непрерывным до самого конца существования армии. Вот как он представлял себе увеличение её численности по датам, заимствованным им из работы И.Ракова: на 9 февраля, то есть, по Ракову, ко времени Виноградовского боя, она насчитывала 4000 повстанцев. К 16 февраля, столь же неверной дате Чудиновского боя, армия возросла до 5000 человек. 20 февраля, в день Павловского боя, она насчитывала уже 8000, а пять дней спустя – 10 тысяч человек⁴⁷³. К моменту роспуска армии, в ней числилось уже, по его мнению, 11 тысяч человек⁴⁷⁴.

Что же касается И.Безродных, то он, по его собственному признанию в одном из воспоминаний, после Виноградовского боя остался в Ивановке и не участвовал в походе потому, что «решил, что при слабой организации армии собрать нельзя»⁴⁷⁵. Правда, была ещё и другая серьёзная причина – ранение разрывной пулей в бедро, которое он залечивал до середины лета 1919 года. По свидетельству Н.М.Гранкина, «Безродного отвезли ... на заимку Нагорного, с ним поехали сёстры Матющенко О.Ф. и Кононенко В., которые находились при нём ... до июня 1919 года»⁴⁷⁶.

Таким образом, дальнейшие события похода им описаны с позиции историка, а не очевидца, и, следовательно, данная часть его работ не может считаться историческими источниками. Кроме того, не владея методикой исторического исследования, он допустил массу фактических ошибок в изложении материала, что значительно ограничивает использование его описаний в научной работе.

Итак, даже по данным С.С.Кургузова численность армии не была одинаковой на разных этапах её существования. Но насколько верны его расчёты? Для начала сверим их поэтапно с показаниями других участников данных событий. Начнём с момента Виноградовского боя. Главными свидетелями здесь могут считаться оба командующих повстанческой армией, прежний и вновь назначенный, И.Безродных и Г.Драгошевский.

В Виноградовском бою

Наиболее подробное описание этого боя в исторической литературе принадлежит И.Безродных. В своей книге, соответствующие выдержки из которой потом не раз печатались в сборниках партизанских воспоминаний, он оценивает численность повстанцев в данном бою семью ротами по 250 человек в каждой⁴⁷⁷. Проведя несложную операцию умножения, получим 1750 человек. Однако в той же книге он даёт и другую цифру – около 3 тысяч участников боя со стороны повстанцев⁴⁷⁸. У него же можно найти и объяснение такому значительному численному несоответствию.

Дело в том, что в повстанческой армии, помимо её вооружённого трёхлинейками и берданками боевого состава, имелось также большое количество не вооружённых или вооружённых крайне устаревшим оружием добровольцев. Они заполняли собой все вспомогательные службы, но всё равно оставалось много незанятых безоружных людей⁴⁷⁹. По свидетельству Безлепкина именно они составляли вторую линию обороны повстанцев в Виноградовском бою⁴⁸⁰. К началу решающих боёв во втором районе С.С.Кургузов ограничивает численность невооружённой части армии 35-40 процентами от всего её состава⁴⁸¹. В данном случае это и будет примерно 1250 человек.

Итак, основной состав армии включал, по И.Безродных, приблизительно 1750 вооружённых бойцов. Между тем, Драгошевский указал при своём допросе намного меньшую цифру – до 700 вооружённых трёхлинейками и берданками повстанцев⁴⁸². Этому несоответствию может быть два объяснения. Во-первых, И.Безродных значительно преувеличил в своей книге боевой состав армии. Ранее он оценивал её

численность несколько скромнее - всего в 1200-1500 человек⁴⁸³. В таких случаях самая меньшая цифра бывает, как правило, и наиболее точной.

Другое объяснение связано с тем, что Г. Драгошевский был, видимо, недостаточно компетентен в вопросе о численности основных сил повстанческой армии в Виноградовском бою. В протоколе допроса он сам указывает, что принял командование армией уже в момент нахождения её на Виноградовской заимке. К тому времени численность её была ему не известна, поскольку присоединился он к повстанцам только в Андреевке, всего за сутки до своего назначения главкомом. Вступление в должность произошло чисто формально, потому что никто никаких дел ему не передавал и с войсками не знакомил. Штаб сразу после этого уехал в Ивановку, оставив командующего и его адъютанта Матвеева готовить армию к бою. К тому же, дело это, по его словам, происходило ночью⁴⁸⁴.

В таких условиях уже просто объехать все части было довольно затруднительно, тем более что по плану, разработанному ещё прежним командующим Безродных, они были рассредоточены вдоль фронта тремя группировками на пространстве более трёх километров. При этом крайний левый фланг вообще располагался почти в двух километрах от основной позиции, по ту сторону долины речки Маньчжурки. Там находились две роты повстанцев⁴⁸⁵. Численность этой группировки Драгошевский, скорее всего, знать не мог и, вероятно, вообще не включил её в свой подсчет количества участников боя. Тем более что по свидетельству Безродных, эта группа была рассеяна артиллерийским огнем японцев в самый разгар боя при попытке атаковать их позиции с фланга⁴⁸⁶.

Вряд ли знал Г. Драгошевский и численный состав роты, занимавшей крайний правый фланг позиции в небольшой рожице, также в отрыве от главных сил. Благодаря воспоминаниям Давыдова и Бойко их численность сегодня известна. Правый фланг занимала Ильиновская рота, левый – Борисоглебская, а также рота Артёма Пакатая. За сутки до боя общая численность Ильиновской и Борисоглебской рот составляла около 400 человек⁴⁸⁷. В роте же А. Пакатая, по свидетельству Бойко, числилось 130 человек⁴⁸⁸. Итого – 530 бойцов. Прибавив это число к цифрам Г. Драгошевского, получим 1230 человек, что полностью соответствует ранним вычислениям И. Безродных.

Такой численности боевого состава будет соответствовать примерно 800 плохо вооружённых повстанцев во второй линии (40%), а в целом – около 2 тысяч человек. Остальные свидетели называют гораздо большие цифры (3-4 тысячи человек), но все они были либо представителями младшего командного состава, либо занимали второстепенные должности при штабе, то есть не обладали достаточной компетенцией для оценки численности всей армии. Кстати, в одном из своих воспоминаний начала 30-х годов С. Кургузов также утверждал, что в Виноградовском бою приняли участие около 2 тысяч повстанцев⁴⁸⁹. Такого же мнения придерживались историки А. Шурыгин и З. Карпенко в 1938 году⁴⁹⁰, а также В. П. Малышев в 1961-м⁴⁹¹.

Однако цифра 3-4 тысячи человек тоже имеет право на существование, но относиться она может к общей численности всех повстанческих сил в этот момент. Ведь кроме рот, встретивших японцев на Виноградовских заимках, существовали и другие отряды повстанцев. Довольно крупный отряд, под командованием Ф. Кошкина прикрывал главные силы со стороны Благовещенска в районе д. Черемхово⁴⁹². Ещё один отряд, насчитывавший по данным белогвардейской разведки около 600 человек (из них около 100 возчиков), передвинулся в тот же день в этот район из с. Петропавловки⁴⁹³. В Семиозёрке уже был сформирован тогда отряд в 350 человек⁴⁹⁴. Кроме того, по свидетельству Г. Драгошевского, в Ивановке повстанческая армия имела резерв в 300-400 человек⁴⁹⁵. В сумме все эти силы вполне могли насчитывать 1500-2000 человек.

В Чудиновском бою

Какой же была численность повстанческой армии к моменту Чудиновского боя? Поскольку И.Безродных лично в этом событии не участвовал, главным свидетелем остаётся Г.Драгошевский. К тому времени он должен был знать состав своей армии уже достаточно хорошо, поскольку в д. Малая Пёра провёл её частичную реорганизацию и даже организовал построение большинства рот во дворе местной школы.

По утверждению Г.Драгошевского, в Чудиновке его армия насчитывала 1200 вооружённых бойцов⁴⁹⁶. Скорее всего, он имел в виду ту её часть, которая непосредственно участвовала в бою. Кроме этого, имелось ещё 300 бойцов, охранявших, по свидетельству Безлепкина, обоз и тыловые подразделения⁴⁹⁷. Прибавив это число к количеству боевых сил, получим 1500 человек. Тогда невооружённая часть, вместе с тыловыми подразделениями, составит около 1000 человек. Таким образом, вся армия насчитывала тогда приблизительно 2500 человек.

Впрочем, Г.Драгошевский мог не учесть в своих расчётах красноярскую роту, которая не присутствовала на общем построении армии в Малой Пёре, так как пришла туда самой последней, уже ночью, и в это время отсыпалась по избам крестьян на окраине деревни⁴⁹⁸. Численность этой роты должна была составлять около 350 человек, поскольку в её состав сразу после Виноградовского боя влилось пополнение в количестве более 100 человек, приведённое из Михайловской волости Лашкевичем и Лавриненко⁴⁹⁹. Если принять во внимание этот факт, то общая численность армии во время Чудиновского боя могла достигать 3 тысяч человек. Кстати именно такого мнения придерживался тогда и штаб японских войск⁵⁰⁰.

Однако, что же говорят об этом бывшие партизаны? Как правило, они приводят в своих воспоминаниях значительно большие цифры. Н.М.Гранкин определяет её ко времени выхода в 1-й район максимум в 3460 бойцов, отталкиваясь от общего количества рот (которых было, по его мнению, 27) и трёх тыловых команд, а также примерной численности каждой из них (100-120 человек)⁵⁰¹. По мнению же И.Т.Воронцова, повстанческая армия в тот момент насчитывала свыше 4-х тысяч человек⁵⁰² (в более поздних воспоминаниях он увеличивает это число до 6000 человек⁵⁰³). Матвеев, вслед за С.Кургузовым, исчисляет в Чудиновском бою около 5 тысяч повстанцев⁵⁰⁴. Обиденко – до 6000⁵⁰⁵. В то же время, Шолохов подтверждает, что численность повстанцев в Малой Пёре составляла около 2500 человек⁵⁰⁶ (возможно, без учёта возчиков или красноярской роты).

Цифра 6 тысяч повстанцев впервые появилась весной 1919 года в газете «Амурская жизнь», где в статье, под громким названием «Вопль крестьянина», ярко описывались ужасы развернувшейся на Амуре гражданской войны, анализировались причины и давались рекомендации властям для её прекращения. В статье упомянуты «громadные скопища крестьян в 6-7 тысяч»⁵⁰⁷ человек. Эта, очень эмоциональная, не подкреплённая какими-либо аргументами оценка, вряд ли может считаться достаточно точной. Скорее её можно назвать гиперболой – поэтическим преувеличением рассказчика.

С точки же зрения представителя официальных белых властей Станьковского, в Чудиновских боях принимало участие не более 3-х тысяч повстанцев⁵⁰⁸. По его же данным, на Свободный со стороны Москвитино и Казанки надвигались силы красных на 400 подводах, не считая идущих впереди небольших разведывательных подразделений⁵⁰⁹. Учитывая максимальную вместимость подводы - шесть человек*, можно сделать вывод, что на этих транспортных средствах передвигалось до 2400 человек, однако на самом деле их было лишь около 1500, поскольку по свидетельству участника этого похода Н.Гранкина, на каждой из повозок, кроме возчика, находилось по 2-3 человека⁵¹⁰. Такое небольшое число подвод, зафиксированных разведкой белых, можно объяснить тем, что

* На это указывает сообщение того же Станьковского, что отряд повстанцев из д.Петропавловки двигался в Черемхово на 100 подводах по 6 человек в каждой (Рапорт Станьковского. / ГААО Ф.750. Оп.1. Д.1. Л.13)

ею был обнаружен только один из двух основных отрядов повстанческой армии, скорее всего отряд Драгошевского. Таким образом, общее число подвод следует увеличить ещё примерно в полтора-два раза. Но даже в этом случае, учитывая и крохотную кавалерию армии, вряд ли можно намного выйти за пределы тех же 3000 человек.

Казалось бы, численность повстанческой армии в 4-6 тысяч логически более оправдана, ведь ко времени Виноградовского боя в ней уже было почти 4 тысячи человек. Однако тот же И.Воронцов, в одном из ранних своих воспоминаний отмечал, что около четверти повстанцев после этого боя покинули армию и в 1-й район не пошли⁵¹¹. Подтверждает данный факт и Н.Гранкин⁵¹². Остаток, в этом случае, составит около 3000 человек, что вполне соответствует сделанному выше расчёту.

Что же касается присоединившихся к армии в 1-м районе повстанцев, то их число к моменту Чудиновского боя не могло быть велико. По данным краеведов Большой Сазанки в этом походе приняли участие лишь несколько жителей этого села. В партизанских воспоминаниях нет конкретных упоминаний о каких либо отрядах, влившихся в состав армии в этой волости. Собранный же И.Раковым и М.Кругловым отряд Серебрянской волости, численностью около 500 человек, неожиданно распался на подходе к Свободному, и его бойцы разошлись по своим деревням⁵¹³. В Малой Пёре успела присоединиться к армии лишь очень небольшая часть этих сил. Н.Гранкин оценивает её численность всего в 70 человек⁵¹⁴.

Итак, наиболее вероятная общая численность повстанческой армии перед Чудиновским боем – немногим более 3000 человек.

В Павловском бою и после него

Какой же она была к моменту Павловского боя? В протоколе допроса Г.Драгошевского никаких сведений об этом нет. Однако другие свидетели на этот раз не очень сильно противоречат друг другу. И.Т.Воронцов, правда, даёт только общее количество участников боя с обеих сторон, то есть более 7000 человек. Учитывая, однако, что одни только потери японцев он оценивает в 3 тысячи⁵¹⁵, на долю повстанцев остаётся значительно менее 4000 человек. Цифрой «около четырех тысяч» определяет количественный состав повстанческой армии во время стоянки её в Сосновом Бору (с. Верное) и Ф.Безлепкин⁵¹⁶. Правда, он сам признаёт всю приблизительность своего подсчёта, ссылаясь на крайнюю трудность выяснения численности повстанческих войск⁵¹⁷. Галыгин также утверждает, что прибывший в Паруновку отряд повстанцев насчитывал 4000 человек⁵¹⁸.

Бывший командир Борисоглебской роты Е.И.Давыдов насчитал в повстанческой армии ко времени её вступления в Паруновку около трёх тысяч человек. Расчёт его был прост: всего было 8 рот, а в каждой более чем по 300 человек⁵¹⁹. Боевой состав получается около 2500 человек. Ещё приблизительно 500 остаётся на тыловые службы. Однако в этом случае не хватает ещё, как минимум, 800 возчиков, чтобы возить на своих подводах остальные 3 тысячи человек, а также раненных и боеприпасы. Таким образом, вновь получается цифра, близкая к 4000.

Примерно такой же результат даёт и расчёт численности повстанцев на основе уже полученных нами ранее результатов. По свидетельствам большинства участников прорыва армии через линию железной дороги на Черновском разъезде, повстанцы потеряли во всех трёх боях не менее 400 человек убитыми, ранеными и обмороженными. Лишь незначительную часть раненых и больных удалось доставить в с. Желтоярово. Остальные либо погибли, либо были развезены и спрятаны по ближайшим новосельческим деревням. Таким образом, из состава армии можно смело вычеркнуть не менее 300 человек.

Примерно такой же была участь и всей остальной невооружённой части армии. Из примерно 800-1000⁵²⁰ возчиков присоединиться к своей армии смогли в лучшем случае

200. Из роты охраны тыла, состава штаба и тыловых служб пробились через железную дорогу во главе с Э.Бризоном обходным путём лишь несколько десятков человек. Итого, армия потеряла при прорыве через железную дорогу не менее 1000 человек, то есть около трети всего своего состава. Таким образом, в Желтоярово должно было сосредоточиться к 27 февраля около 2000 повстанцев. К такому же выводу пришли тогда в своих расчётах и японские штабисты⁵²¹.

Однако на пути к с. Павловке повстанческая армия с лихвой покрыла все свои потери. Первыми, вероятно уже в Желтоярово, к ней присоединились часть повстанцев Ольгинской волости. Правда, их число было очень небольшим. Хотя до своего самороспуска их отряд насчитывал, по И.Ракову, около 400 человек⁵²², вряд ли в течение менее чем двух суток их всех удалось собрать вновь, тем более, что в западной части этой волости с 23 февраля хозяйничал японский карательный отряд Мияуци⁵²³.

Зато, по утверждению С.Кургузова, в с. Красноярово в армию влились отряды Богданова, Бородавкина и Иванова, а в Тарбогатае – отряд Кремеза. В первом было до 600 бойцов, а в последнем – около 700⁵²⁴. Отряд «лесных братьев» анархиста П.Иванова насчитывал, по мнению И.Безродных, 120 человек⁵²⁵. По мнению Н.Гранкина, он влился в состав повстанческой армии уже в Паруновке, то есть непосредственно перед Павловским боем⁵²⁶. Что же касается В.Бородавкина, то Н.Гранкин категорически отрицает участие последнего в походе повстанческой армии. По его утверждению, В.Бородавкин ещё перед Виноградовским боем был послан Ф.Н.Мухиным для организации восстания в Бочкарёвский район и, после этого, из поля зрения штаба повстанцев совершенно исчез и в армию не вернулся⁵²⁷.

В Паруновке к отряду Богданова присоединились местные повстанцы во главе с Е.Галыгиным⁵²⁸. Какая то группа бывших красногвардейцев вместе с Гольдфингером пристала к армии Драгошевского в долине реки Бирмы⁵²⁹. Даже если свои данные С.Кургузов, по привычке, несколько преувеличил, в совокупности новое пополнение повстанческой армии могло составить не менее 1000 человек. Кроме того, вышедшие из Чудиновского боя фактически без обоза роты должны были восполнить в попутных деревнях свою потребность в транспорте, то есть мобилизовать подводы с возчиками, число которых не могло быть меньше 500, а с учётом необходимого обоза с боеприпасами и провиантом, не менее 600.

Таким образом, ко времени Павловского боя армия в целом могла насчитывать до 3500- 4000 человек. Японцы, правда, оценивали её численность на тот момент в 1500 – 2000 тысячи человек⁵³⁰. Эта оценка тоже вполне может соответствовать действительности, если касается только личного состава боевых рот, без учёта возчиков (более 1 тысячи), тыловых подразделений армии, невооружённых добровольцев, раненых и больных. 2-мя тысячами человек исчислял боевой состав своей армии, по утверждению Н.Гранкина, и сам Г.Драгошевский на первом совещании командного состава после Павловского боя⁵³¹.

В дальнейшем, численность повстанческой армии, вопреки С.Кургузову, только сокращалась. Согласно самому раннему воспоминанию И.Т.Воронцова, к моменту прихода в с. Райчиху она уменьшилась почти наполовину⁵³². По утверждению же Ф.И.Безлепкина, численность повстанцев перед броском на ст.Бочкарёво составляла не более 2000 человек⁵³³, что полностью подтверждает свидетельство Воронцова. И тот и другой говорят об уходе из армии по ходу её движения целых отрядов повстанцев. Известны такие факты и из других воспоминаний бывших партизан. Бойко, например, свидетельствует о возвращении в свой район после Павловского боя роты А.Пакатая⁵³⁴. По данным А.В.Агеева, увёл свой отряд назад в Свободненский район и В.Патрушев⁵³⁵.

По данным японского штаба, при прохождении повстанцев через район Красного Яра в их рядах насчитывалось лишь «немногим более 1000 человек, причём ... много китайцев, за этим отрядом следуют несколько сотен раненных большевиков»⁵³⁶. Возможно, японцы и здесь не брали в расчёт возчиков. Следовательно, вместе с ними и

ранеными общая численность армии действительно могла достигать тогда примерно 2000 тысяч человек. Н.Гранкин оценивает её боевую численность несколько выше – приблизительно 1880 человек, исходя из количества рот, которых, по его мнению, оставалось тогда 18, а в каждой - по 90-100 бойцов⁵³⁷. На самом же деле, к моменту занятия повстанцами Кивдинских копей рот было, по-видимому, 11, поскольку влившаяся там в состав армии дружина шахтёров, как свидетельствует Ф.Д.Мельников, стала называться 12-й ротой⁵³⁸.

После Бочкарёвского боя число здоровых людей в повстанческой армии вряд ли достигало даже тысячи человек. К моменту же окончательного роспуска армии в д. Натальино собралось довольно много отступивших сюда её остатков, а также местных повстанцев, возглавляемых некоторыми членами штаба 1-го района. Общая их численность не известна, но она ни в коем случае не может соответствовать утверждению С.Кургузова о 4-5 тысячах человек. Тогдашние газеты оценили её в тысячу человек, но и эта цифра, конечно, является большим преувеличением.

Выводы

Итак, можно считать установленным, что общая численность повстанческой армии во время Мухинского восстания никогда не превышала четырёх тысяч человек, включая в это число не только личный состав боевых подразделений армии, но и тыловую, большей частью невооружённую её часть. В состав последней входили, в частности, оперативный штаб, с подчинёнными ему службами тыла, постоянно присутствовавший в армии невооружённый контингент из числа добровольцев, а также довольно значительный процент мобилизованных в попутных деревнях для транспортных нужд возчиков, со своими подводами и лошадьми.

Возчики должны были составлять наибольшую часть тыла повстанческой армии. Учитывая численность повстанцев, для перевозки всей армии требовалось в период высшего подъема движения не менее 1000 крестьянских подвод. У каждой из них был, разумеется, свой хозяин или заменяющий его человек. Чаще всего, командование обеспечивало армию транспортом, действуя через сельских старост, которых обязывало выставить необходимое число подвод. Точно также, впрочем, поступала и противоположная сторона.

Таким образом, невооружённая часть повстанческой армии на первых трёх этапах восстания составляла значительно более тысячи человек. Численность же её боевых подразделений никогда не превышала 2500 человек. Своего пика она достигла к моменту Павловского боя который и является высшей точкой этого восстания.

Требуется уточнения также вопрос об общем количестве участвовавших в восстании крестьян. В исторической литературе, уже довольно давно принято исчислять их в 60 тысяч человек⁵³⁹. Абсолютная нереальность этой цифры не может не бросаться в глаза. Ею можно оценивать, пожалуй, только общее количество взрослых крестьян мужского пола в Амурской деревне, однако далеко не все из них являлись сторонниками восстания, и уж тем более были готовы поддержать его с оружием в руках.

Живучесть этого совершенно фантастического утверждения основывается на слепой вере в бесспорность существующей трактовки довольно известного и, вероятно, подлинного исторического документа — отчёта Амурской парторганизации на 3-й Всесибирской подпольной конференции РКП(б) 20-21 марта 1919 года⁵⁴⁰. Такая цифра в нём действительно есть, однако полная абсурдность её заставляет предположить возможность ошибки при стенографировании или перепечатке данного доклада. Скорее всего, названная делегатом цифра звучала в действительности как «шесть-десять тысяч вооружённых крестьян». В таком виде она больше соответствует истинной численности участников этого восстания.

Кстати, именно такого рода цифрами оперировали организаторы подпольного съезда в с. Ильиновке 23 января 1919 года. По свидетельству И.Безродных, общая численность областной подпольной организации была оценена ими в пять тысяч человек⁵⁴¹, что признавалось ещё недостаточным для немедленного начала восстания. Что же касается доклада на Всесибирской подпольной конференции, то все приведённые в нём цифры относились к началу февраля. Это означает, что информация от амурской подпольной организации была передана делегату на данную конференцию всего через неделю с небольшим после Ильиновского съезда. За такое короткое время число членов организации конечно же никак не могло увеличиться в 12 раз.

3. Вопрос соотношения вооружений повстанцев и японских войск.

На вооружении стрелковых частей японской армии стояла тогда магазинная винтовка системы «арисака» и станковый пулемёт образца «З»⁵⁴² (по-видимому, скопированный с американского пулемёта «Гочкис»^{*}). Причём последних у японцев было очень мало. По нормам довоенного времени во всех армиях мира предусматривалось только по два пулемета на батальон⁵⁴³. Именно такое количество их японцы и использовали в боях с повстанцами из расчета на каждый действующий отряд. Ручных пулемётов у японцев вообще ещё не было. Артиллерии тоже было немного. В первых боевых столкновениях японцы, в каждом случае, использовали, обычно, не более двух 75-миллиметровых орудий. Имелось также очень небольшое число 37-миллиметровых траншейных пушек. Более тяжёлая артиллерия совершенно отсутствовала.

Чем же могли похвастаться войска повстанцев? Их вооружение было очень разномастным. Помимо самых современных на тот момент русских трехлинеек и трофейного стрелкового оружия армий Германии и Австро-Венгрии, они имели уже устаревшие к тому времени винтовки Бердана, Крнка, Карле и, даже, шомпольные штурцеры 50-х годов XIX века. Из них, однако, лишь последние три системы выглядят действительно «допотопным» оружием. Что же касается берданок, то их боевые качества историками, обычно, сильно занижаются.

На самом деле, едва ли не единственным серьёзным недостатком этой винтовки является её меньшая в полтора раза, по сравнению с трехлинейкой, скорострельность. Ведь это было однозарядное оружие. В остальном же они мало отличались друг от друга. Дальность наиболее эффективного огня у этих систем довольно близка, а убойная сила пули, за счёт большего калибра, у берданки гораздо выше. Первоначально большинство повстанцев были вооружены именно этими двумя типами винтовок. Затем они пополняли свой арсенал почти исключительно за счет трофейного японского оружия.

Что же касается пулеметов, то их, в начале, повстанческая армия имела, по-видимому, только один. Он находился на вооружении 1-й красноярской роты⁵⁴⁴, и был привезен местными красногвардейцами с одного из забайкальских фронтов. Затем ещё один пулемёт «Льюис» (или «Шош») был откопан на крестьянских огородах в одном из сёл долины реки Зеи, когда войска повстанцев совершали свой рейд в первый район. К моменту Павловского боя Матвеев уже говорит о наличии у повстанцев двух орудий и четырёх пулеметов⁵⁴⁵. Галыгин увеличивает количество пулемётов ровно в четыре раза, а к числу орудий добавляет траншейную пушку⁵⁴⁶.

Количество пулемётов в рукописи Галыгина, конечно, сильно преувеличено. Логичнее было бы предположить наличие не 16, а только 6 пулемётов. Вероятно, лишняя единица попала в текст воспоминаний случайно, при перепечатке. Таким образом, Галыгин, возможно, добавил к имевшимся ранее четырём пулемётам армии, во-первых, трофеи Паруновского боя - «траншейку» и пулемёт, и, во-вторых, ещё один пулемёт системы «гочкис» захваченный, по свидетельству Гольдфингера, в столкновении конной разведки Дрогошевского с подразделением японцев у Старой Листвянки⁵⁴⁷.

* На сохранившихся японских открытках того времени форма пулемётов напоминает французский пулемёт системы «Гочкис». Так же называют японский пулемёт и многие авторы партизанских воспоминаний.

Наличие у повстанческой армии в Павловском бою именно шести пулемётов подтверждает, ссылаясь на воспоминания одного из непосредственных его участников, и историк В.П.Мальшев⁵⁴⁸. Что же касается И.Матвеева, то он прибыл на место события лишь вместе с оперативным штабом армии, то есть в ночь со 2 на 3 марта и, скорее всего, не успел тогда ознакомиться с результатами только что состоявшихся боёв отдельных повстанческих групп.

Итак, к моменту Павловского боя войска повстанцев имели на вооружении до шести пулеметов, значительно превосходя в этом отношении наступающий на них отряд полковника Такахаси, при примерном равенстве с ним по числу артиллерийских стволов.

4. Вопрос соотношения уровня боевой подготовки.

Принято считать, будто до зубов вооруженной и отлично подготовленной японской армии противостояли тогда на Амуре необученные и почти невооруженные толпы крестьян, слегка разбавленные бывшими красногвардейцами Уссурийского и Забайкальских фронтов. Однако если взглянуть на состав повстанческой армии более внимательно, то мы увидим несколько иную картину.

Впервые ее состав попытался проанализировать, по-видимому, на основе своих собственных воспоминаний, один из руководителей партизанского движения на Амуре С.С.Кургузов. Согласно этому анализу, 55 % повстанцев имели возраст от 23 до 35 лет, и еще 20 % - от 17 до 23 лет⁵⁴⁹. Эти цифры означают, что большую часть повстанческой армии составляли мужчины, которые по возрасту должны были служить в армии во время первой мировой войны (в 1917 году Временное правительство начало призывать молодёжь даже 17-летнего возраста). Отсрочки и освобождения от военной службы в военные годы были сведены к минимуму и к крестьянам почти не применялись. Да и жители деревни более старшего возраста, в большинстве своем, уже успели отслужить в царской армии положенное число лет.

Таким образом, армия повстанцев состояла в основном из знающих военную службу людей, причем в значительной своей части из фронтовиков первой мировой войны. Командирами отделений, взводов и рот были, как правило, бывшие унтер-офицеры, а некоторые более высокие должности занимали офицеры быстрого военного производства, которые тоже имелись среди крестьян. Начальником штаба армии был кадровый офицер латышского происхождения Эберт Брезон. Кроме того, после Виноградовского боя боевые подразделения повстанческой армии были серьёзно укреплены в качественном отношении за счёт опытных солдат. По свидетельству М.Бочко, «тогда решили весь молодняк разоружить и вооружить фронтовиков»⁵⁵⁰.

А теперь посмотрим на состав японских интервенционистских сил. Категорию рядовых в них заполняла еще совершенно не обстрелянная молодежь 20-23 лет (в японскую армию призывали на трехлетнюю срочную службу с 20-летнего возраста). Младший офицерский и унтер-офицерский состав, в подавляющем своем большинстве, боевого опыта тоже не имел. Ведь со времен русско-японской войны прошло уже 14 лет, а других войн Япония с того времени практически не вела. Само военное искусство противоборствовавших в первой Мировой войне стран, по сравнению с довоенным периодом, шагнуло далеко вперед, а не воевавшая японская армия в 1919 году продолжала нести службу по значительно устаревшим уже наставлениям и уставам предвоенного времени.

Ещё одним элементом, характеризующим боеспособность любой армии можно считать уровень её организованности и дисциплины. В этом отношении соперничать с японцами повстанцы, конечно же, не могли. Составленная с самого начала на принципах разнопартийности, добровольности и выборности командного состава, повстанческая армия не в состоянии была обеспечить в своих рядах достаточный уровень и того и другого.

Подведем промежуточный итог. Сравнивая по качественным и количественным показателям повстанческую и японскую армии на Амуре, приходится признать, что в отношении боевых навыков и умений первая должна была быть на голову выше второй, что не раз проявилось потом в реальных боях. Японцы компенсировали этот свой недостаток за счет лучшей обеспеченности боеприпасами, организованности и дисциплины частей, а также более качественной теоретической подготовки старших офицеров. Последнее преимущество, впрочем, сильно нивелировалось весьма слабым знанием ими амурского театра военных действий и полным отсутствием подробных карт соответствующих местностей. Указанные обстоятельства, при относительно равной в данном районе общей численности сторон, и обусловили довольно длительный и упорный характер вооруженной борьбы.

II. Проблема соотношения потерь сторон

Вопрос об общем соотношении потерь сторон в период Мухинского восстания всегда глубоко интересовал как авторов партизанских мемуаров, так и профессиональных историков. Наиболее раннюю общую оценку их дал С.С.Кургузов. По его мнению, повстанцы потеряли погибшими в целом около 4300 человек. При этом ими было уничтожено около 17600 японцев, казаков, белогвардейцев и шпионов⁵⁵¹. Кургузов ссылается при этом на архив повстанческой армии, якобы сохранившийся и переданный в 1921 году бывшими работниками штаба в Благовещенский исторический музей⁵⁵². Современные работники музея, правда, ничего не знают об этом архиве.

Согласно утверждению С.Кургузова, данные о потерях взяты им из оперативной сводки армии⁵⁵³, составленной, видимо, в период пребывания нескольких членов штаба 1-го района в окрестностях д. Маркучи в апреле-мае 1919 года. Трудно представить, что в штабе повстанческой армии, где единственным специалистом с настоящим военным образованием был Э.Бризон, могла вестись полная правильная учётная документация на протяжении всего времени её существования. Этим делом там просто некому было заниматься, да и некогда, поскольку повстанческая армия никогда не останавливалась на месте проведённых ею крупных боёв, три из которых заканчивались её поражением и бегством повстанцев с поля боя.

К тому же сам штаб армии один раз подвергся разгрому вместе со всей тыловой её частью в завершающей стадии Чудиновских боёв, когда к основным силам сумел пешим порядком пробиться только сам Бризон во главе группы из 20 человек. Естественно, всех бумаг штаба взять с собой они тогда не могли. Учитывая эти обстоятельства, относиться к оперативной сводке С.Кургузова как к серьёзному историческому свидетельству нельзя. Тем более что сами оперативные сводки, уже в силу своего характера, всегда отличаются значительным преувеличением потерь противника и преуменьшением своих

Свои и чужие потери в том или ином бою если и интересовали кого-либо из штаба повстанцев, то исключительно с точки зрения пропаганды. А для этого, как известно, точные цифры не нужны, и даже вредны. Такое отношение к исчислению потерь сохранилось и после гражданской войны, вплоть до наших дней. Наиболее точные цифры убитых и раненных в этих боях можно восстановить сегодня, наверное, только с помощью японских архивных документов, да и то в случае их полной сохранности.

Эта тема, пожалуй, в наибольшей степени подталкивает авторов военных воспоминаний к искажению исторической правды. Каждый солдат и командир на войне стремится уничтожить возможно большее количество врагов. Такое стремление продолжает, видимо, оказывать своё воздействие на психику ветеранов и через много лет после войны, при написании ими своих мемуаров. Только этим и можно объяснить постоянные завышения потерь противника на страницах подавляющего большинства подобного рода трудов.

И всё же приблизительное количество потерь можно установить на основе комплексного анализа всех имеющихся на сегодняшний день в распоряжении исследователей исторических источников. Это необходимо для исправления наиболее явных искажений исторической правды в изданных ранее научных трудах. Основной задачей, в данном случае, является определение числа потерь в трёх самых крупных и важных боях: Виноградовском, Чудиновском и Павловском.

В Виноградовском бою

Оценки потерь бывшими участниками этого боя со стороны повстанцев не отличаются единством мнений. Вот лишь краткий перечень цифр убитых ими на бумаге японцев в Виноградовском бою: Ф.И.Безлепкин и П.Востриков — около 200⁵⁵⁴, И.Т.Воронцов — 217⁵⁵⁵, С.С.Кургузов — около 300⁵⁵⁶, И.Г.Безродных — около 400⁵⁵⁷, И.Ф.Матвеев — 440⁵⁵⁸, М.Бойко — около 500⁵⁵⁹, Н.М.Гранкин — 672⁵⁶⁰. Из перечисленных лиц, только двое, И.Воронцов и С.Кургузов, не были непосредственными участниками этого боя. Однако их оценки относятся к числу наиболее умеренных.

И всё же даже в этом хаосе можно найти определённые закономерности, помогающие приблизиться к истине. Первая из них заключается в том, что количество потерь противника в одном и том же бою в воспоминаниях одних и тех же лиц с течением времени, как правило, возрастает. Вот как оценивал их в Виноградовском бою на страницах разных своих воспоминаний, например, И.Т.Воронцов: 1. (приблизительно 1927-1929 гг.) – убито около 80 солдат; 2. (1937г.) – 217 (видимо, убитыми и ранеными); 3. (примерно 50-е годы) – 217 убитыми.

Подобным же прогрессом отличались практически все участники данного события, успевшие оставить более одного воспоминания. Самым честным из них можно считать Ф.И.Безлепкина, который признался в 1925 году, что на месте боя выяснить японские потери не удалось, так как всех убитых японцы увезли с собой⁵⁶¹. Этим своим признанием бывший заведующий санитарной частью повстанческой армии несколько затушевывал тот факт, что поле боя осталось тогда за японцами, а повстанцы, расстреляв в многочасовом бою почти все свои патроны, поддались панике и толпами бежали в село Ивановку, где далеко не сразу были вновь приведены в боевой порядок. В таких условиях, конечно же, невозможно было осуществить правильный подсчет не только чужих, но и своих потерь.

К выяснению данной проблемы местные партизаны могли вернуться не раньше начала развития партизанского движения на этой территории летом 1919 года. Единственными, кто тогда мог хоть как-то осветить этот вопрос, оставались мужики д.Андреевки, вывозившие с поля боя трупы и раненных японских солдат. По свидетельству Безлепкина они утверждали, что перевезли около 60 убитых, и столько же раненных японцев⁵⁶².

В данном свидетельстве несколько противоречит реальности только количество раненых. Оно слишком низкое. Обычно, в расчетах потерь, соотношение убитых и раненных принимают, приблизительно, как один к двум. Вероятно, значительная часть раненных японцев была перевезена непосредственно в повозках санитарного отряда. Таким образом, наиболее близка к реальности цифра общих потерь японцев (убитыми и ранеными), приведённая во 2-м воспоминании И.Т.Воронцова, - 217 человек⁵⁶³. Число же убитых, скорее всего – 60-80 человек. Сами японцы, впрочем, признавались в то время на страницах прессы в значительно меньшем количестве своих потерь. По этим их сведениям, убито было в том бою 2 офицера и 17 солдат, а ранено, соответственно, 1 и 22⁵⁶⁴.

Оценить насколько тяжелы были потери японского отряда можно только сравнив их с его общей численностью. По сообщениям тогдашней прессы в данном бою участвовал с японской стороны отряд майора Хори. И.Безродных определяет численность

японского отряда в этом бою в 500 человек, без учета японских артиллеристов и казаков. Последних, по его мнению, было два эскадрона⁵⁶⁵. Учитывая, что казачий эскадрон называется сотней, число казаков, принявших участие в бою, могло доходить в этом случае до 400 человек, если, конечно, это были строевые сотни Благовещенского казачьего полка, а не наскоро собранные ополчения Поярковского и Николаевского станичных округов. В целом численность отряда Хори, таким образом, должна была составить около 900 человек.

Однако другой командующий повстанческой армией в Виноградовском бою, Г. Драгошевский, оценивал количество сил противника намного скромнее. В 400-500 человек он определяет общую численность и японцев и казаков⁵⁶⁶. Думается, что его точка зрения заслуживает значительно большего доверия, поскольку те, для кого он давал свои показания, хорошо знали подлинный состав своих войск в этом бою. Однако, если он прав, возникает проблема соотношения численности японской и казачьей частей отряда.

Поскольку непосредственно перед Виноградовским боем отряд Хори провёл ещё и Кутиловский бой, ответить на данный вопрос поможет свидетельство одного из участников последнего И.Т.Воронцова. По его утверждению, отряд противника имел в нём помимо пехоты два орудия, взвод японских кавалеристов и сотню казаков⁵⁶⁷. Штатная численность артиллерийского взвода (2 орудия) в японской армии составляла около 30 человек, а кавалерийского взвода – около 60⁵⁶⁸. Пулемётная команда с двумя пулемётами насчитывала ещё около 20 человек.

Таким образом, если казачья сотня имела штатную численность (около 200 человек), то японских пехотинцев было менее 200 - неполный состав одной роты. Если же таких рот было две, что более вероятно, то на казаков остаётся значительно менее сотни человек. Возможно, в этом и кроется причина практического неучастия их в бою, если не считать неудачных попыток атак на правифланговую роту повстанцев в самом его начале, и на подходивший из Ивановки резерв – в конце. Кстати, названная И.Безродных цифра в 500 японцев также может обозначать личный состав двух рот по аналогии с хорошо известной ему дореволюционной численностью этих подразделений в русской армии (250 человек).

Делаем вывод, - потеря в Виноградовском бою свыше 200 человек означала выбытие из строя более половины всей пехоты японского отряда. Это были действительно катастрофические для японцев потери, что, вместе с гибелью командира отряда майора Хори и исчерпанием боеприпасов, заставило их отказаться от преследования повстанческой армии и спешно вернуться через Тамбовку в Благовещенск.

А теперь попробуем разобраться с потерями повстанцев. Сведения о них тоже достаточно противоречивы. Начальник уездной белогвардейской милиции Станьковский упоминает более двухсот убитых⁵⁶⁹. Придавать слишком большое значение этому свидетельству вряд ли стоит, поскольку автор его на месте боя тогда не был. По опубликованному же в газетах данным японского штаба «неприятель оставил на месте сражения одними убитыми 100 человек»⁵⁷⁰.

Оценки бывших партизан в основном сходятся на цифре 35-37 убитых повстанцев. При этом число раненных они указывают несоразмерно низкое - не более 20 человек. Такое соотношение практически невозможно в реальном бою. Между тем, объясняется это довольно просто. Дело в том, что непосредственно в бою, по данным Ф.И.Безлепкина, было убито всего 15 человек⁵⁷¹. Безлепкин являлся начальником санитарного отряда повстанческой армии, наспех организованного им уже в ходе самого боя⁵⁷², поэтому его свидетельство может считаться вполне официальным. Тяжелораненные же, снесённые в жилые постройки Виноградовской заимки и оставленные там отступающими повстанцами, пополнили собой число убитых, после занятия заимки казаками карательного отряда⁵⁷³. Число их подсчитать нетрудно. Это те самые, недостающие в подсчётах Безлепкина, два десятка человек.

Согласно тому же источнику, еще 15 человек было ранено и обморожено. Тут, правда, следует сделать уточнение, что в данном случае имеются в виду только люди, доставленные санитарями Безлепкина в Ивановскую больницу. Исключая трех обмороженных, это были, исключительно, легко раненные бойцы⁵⁷⁴. Других раненых санитары, по-видимому, не трогали, поскольку лечить их было некому. Все ивановские врачи сбежали из села непосредственно перед занятием его войсками повстанцев. Единственными средствами лечения, по признанию Безлепкина, были у него йод и спирт, так как назначения остальных имевшихся в больнице лекарств он просто не знал⁵⁷⁵.

Однако указанные цифры являются неполными. В них явно не включены потери рот, располагавшихся на крайних правом и левом флангах армии. В частности, по мнению И.Безродных, бойцы левого фланга, засевшего на другом берегу реки Маньчжурки и атаковавшего японцев в разгар боя, оказавшись под обстрелом их артиллерии, испугались звука рвущихся над головами снарядов и, не понеся потерь, отступили к Ивановке⁵⁷⁶.

Между тем, Г.А.Бойко, воевавший тогда в левофланговой роте А.Пакалая, утверждает, что только его отряд потерял в бою убитыми 12 человек. Причем, почти всех погибших он перечисляет пофамильно⁵⁷⁷. То, что данная рота находилась именно на другом берегу реки, доказывается фактом отступления её, после окончания боя, не в Ивановку, куда бежали основные силы повстанцев, а к селу Анновке, расположенному в непосредственной близости от левого фланга армии. Борисоглебская же рота, тоже располагавшаяся на левом фланге, действительно не понесла потерь и отступила в с. Ивановку. В то же время, занимавшая правый фланг армии Ильиновская рота потеряла убитыми, по свидетельству Е.И.Давыдова, около 10 человек⁵⁷⁸.

Итак, общее число погибших в Виноградовском бою повстанцев составило не менее 57 человек. Что же касается уцелевших раненых, то их, конечно же, было значительно больше спасенных командой Безлепкина 15 человек. По свидетельству Н.Гранкина, большинство добравшихся до Ивановки легко раненных лечиться в больницу не хотели⁵⁷⁹ и, поэтому, в расчёты И.Безлепкина не вошли. Жители ближайших деревень предпочитали лечиться у себя дома, надеясь больше на заботу родных, чем на непрофессиональную помощь санитаров-повстанцев. Неместные же раненые из рот левого фланга, могли быть размещены в домах Анновки или на окружающих её заимках крестьян. Кроме того, по свидетельству бывших партизан д. Иннокентьевки, немало раненых повстанцев японцы подобрали на поле боя и в дальнейшем перевезли в Ивановку. Трое из них погибли затем во время Ивановского погрома 22 марта 1919 года⁵⁸⁰.

В Чудиновском бою

Данное событие включает в себя не один, а целых три последовательных боя, проведённых в течение одного дня. Завершающей фазой его можно считать разгром японцами тылов повстанческой армии, не успевших перейти железнодорожный путь. Потери японцев убитыми в этих боях С.Кургузов оценивает совершенно нереальной цифрой в 1280 человек⁵⁸¹. Историк В.П.Малышев общее число убитых и раненых здесь японцев доводит до 2000 человек⁵⁸². Попробуем рассчитать эти потери по каждому бою в отдельности.

Потери японцев непосредственно в Чудиновском бою вполне поддаются расчёту, поскольку там был окружён и уничтожен в полном составе весь японский отряд. Остаётся лишь выяснить его численность. Оценки её авторами партизанских воспоминаний, также как и в предыдущем случае, очень разнообразны. Большинство из них считало, что это был батальон японских войск. Безродных определяет его в 1000 человек⁵⁸³. Указанная им цифра не случайна. Это примерная штатная численность батальона дореволюционной русской армии⁵⁸⁴. По-видимому, он считал, что и японский батальон должен был включать в себя то же количество солдат. Из штатной численности батальона исходил при решении данного вопроса и А.В.Агеев, определяя его приблизительно в 800

человек⁵⁸⁵. На самом деле эта японская часть в военное время должна была иметь до 955 солдат и офицеров⁵⁸⁶.

Сами же участники этого боя оценивают численность японцев значительно меньшими цифрами. Н.М.Гранкин сообщает о 800 убитых японцах⁵⁸⁷. Члены штаба И.Ф.Матвеев и С.С.Кургузов считают, что их было 500⁵⁸⁸. Непосредственные участники боя Ф.И.Безлепкин, И.Т.Воронцов и Е.И.Давыдов — до 400⁵⁸⁹. 280 — называет в другом своём воспоминании И.Т.Воронцов⁵⁹⁰. И, наконец, самый главный свидетель — командующий армией Г.Драгошевский — определяет его всего в 250 человек⁵⁹¹. Станьковский уменьшает это число еще на одну сотню⁵⁹², но данный персонаж к числу свидетелей отнести нельзя.

Итак, все участники Чудиновского боя дают цифры никак не дотягивающие до состава японского батальона. Следовательно, это был неполный батальон. Свидетельства очевидцев соответствует штатная численность лишь двух японских рот, составлявших вместе около 450 человек. Если вычесть из этого числа один взвод, высланный вперёд для разведки и уничтоженный повстанцами в Малой Пёре⁵⁹³, остаётся около 380 человек. Добавив к ним пулемётную команду (около 20 человек), небольшое санитарное подразделение и штаб батальона, получим полную численность данного отряда японских войск. С учётом предыдущих боевых и не боевых потерь она действительно могла составлять от 250 до 400 человек.

Следующий бой произошёл через 2-3 часа на подступах к Черновскому разъезду (теперь – ст. Бузули). Мнения непосредственных свидетелей о потерях японцев в нём столь же различны. Учитывая, что правильные максимальную и минимальную цифры в предыдущем случае указали Ф.И.Безлепкин и Г.Драгошевский с И.Воронцовым, доверимся тем же их свидетельствам и сейчас. Ф.И.Безлепкин утверждает, что в этот раз был разгромлен отряд приблизительно в 300 человек⁵⁹⁴, Драгошевский называет японский отряд небольшим⁵⁹⁵ (видимо по сравнению с уничтоженным в Чудиновском бою), а Воронцов определяет число убитых здесь японцев всего в 180 человек⁵⁹⁶. Согласно же официальной информации для прессы от японского штаба, численность указанного отряда составляла 140 человек⁵⁹⁷.

Скорее всего, это была ещё одна рота того же японского батальона, спешившая догнать ушедший вперёд основной отряд. С ней же находился и приданный отряду артиллерийский взвод (2 орудия и около 30 человек). Артиллерийский взвод был уничтожен повстанцами полностью, а рота потеряла, видимо, почти весь свой состав. Во всяком случае, историки 30-х годов Шурыгин и Карпенко утверждали, что от всего японского батальона в итоге осталось в живых лишь несколько человек⁵⁹⁸. В то же время находившийся тогда в боевых частях М.Бочко* утверждает, что цепь японцев в итоге была оттеснена за линию и отступила⁵⁹⁹.

Разгромив этот отряд, повстанцы вышли к разъезду Черновскому и снова столкнулись с сопротивлением прибывших туда в эшелоне японских войск. С.Кургузов, правда, говорит о наличии там целых семи эшелонов врага, а также о взятых с бою повстанцами двух японских бронепоездах⁶⁰⁰. Однако он не может, в данном случае, считаться непосредственным свидетелем. По собственному его признанию, он прорвался через разъезд вместе с небольшой частью обоза только к 9 часам вечера, в полной темноте⁶⁰¹, то есть через час или два после ухода оттуда главных сил армии. К тому же сведения о семи эшелонах не подтверждаются настоящими участниками этого боя.

Какова же была численность этого последнего отряда японцев? Своей артиллерии у него, по-видимому, не было, поскольку в воспоминаниях есть упоминания о том, что Черновский разъезд и деревню Чембары после отступления японцев обстреливал из-за моста японский бронепоезд⁶⁰².

* Из очень скурых воспоминаний члена штаба повстанческой армии М.Бочко можно сделать логический вывод, что он перешёл линию железной дороги одновременно с боевыми частями, а не с частью обоза.

Этот вопрос тесно связан с общей численностью принимавших участие в данном бою войск. Один из ключей к ответу на него содержится в 7-м номере газеты «Эхо» за 1919 год. Если верить составленной в 1933 году Хронике событий 1917-1922 гг., в этой газете под датой 26 февраля было написано буквально следующее: «Батальон японских войск около д. Черниговка столкнулся с повстанческим отрядом, оказавшим сильное сопротивление. В результате стычки обе стороны понесли потери. Повстанцы были оттеснены от Алексеевска (Свободного)⁶⁰³.

В той же Хронике есть ещё одно упоминание об этом же бое, правда под другой датой – 15 марта⁶⁰⁴. На этот раз составители Хроники, опираясь на воспоминания С.Кургузова, правильно указали место этого боя, хотя и ошиблись с названием разъезда (Юхта* вместо Черновский). По-видимому, они считали, что в указанных двух сообщениях речь идёт о разных событиях. К такому убеждению их могла привести ошибка, допущенная в названии деревни автором заметки: Черниговка, вместо Чудиновка или Черновка. На самом деле никакого боя под находящейся неподалёку д.Черниговкой не было за весь период Мухинского восстания.

Американский генерал В.Гревс, видимо тоже опираясь на сообщения газет, писал в своём дневнике, что в боях с одним и тем же отрядом большевистских войск вблизи г.Алексеевска японцы в разное время потеряли два отряда пехоты, силой до двух рот, общей численностью около 250 человек, одну артиллерийскую роту и ещё один взвод солдат. Из всех этих частей лишь трём японцам удалось спастись⁶⁰⁵.

По официальным же данным японской стороны, потери её войск 25 и 26 февраля (то есть с учётом Малопёрского боя – Ю.Т.) составили убитыми 11 офицеров и 289 нижних чинов, а ранеными – всего 9 человек⁶⁰⁶.

Число убитых офицеров подтверждает, что во всех этих боях было уничтожено не более трёх рот японцев, поскольку всего в батальоне должно было быть по штату не менее 17 офицеров (командир батальона, 4 командира рот и 12 командиров взводов). Ранее та же газета сообщала, что «в окрестностях Чешуновки» (искажённое название Чудиновки или Черновки – Ю.Т.) японский отряд потерял помимо своего командира майора Танака, также 3-х капитанов⁶⁰⁷ (то есть командиров рот). Эти цифры означают также, что как минимум два взводных командира отряда Танака в числе убитых не числятся. Либо им удалось каким-то образом спастись, либо они вышли из строя ещё до этих событий и были временно заменены унтер-офицерами, либо их взводы не попали в окружение или вообще не участвовали в данных боях.

Таким образом, анализ всех приведённых выше источников позволяет утверждать, что в Малопёрском, Чудиновском и Черновском боях принимал участие один неполный батальон японских войск из трёх рот.

Какая часть вела бой с повстанцами на самом разъезде Черновском говорит опубликованное в газетах сообщение японского штаба, что высланный к станции Юхта (разъезд Черновский – Ю.Т.) заслон майора Такахаси атаковал главные силы армии повстанцев сразу после того как она перешла линию железной дороги. Именно этот отряд начал вечером преследование отступившей к востоку повстанческой армии⁶⁰⁸. Он же, осуществил и ночной разгром её тылов в д. Чудиновке. Учитывая майорское звание командира отряда, он, также как и отряд майора Танака, видимо представлял собой один японский батальон. Вряд ли численный состав его рот сильно отличался от численности рот отряда Танака. Таким образом, даже при наличии четвёртой роты, в отряде Такахаси могло быть, по-видимому, не более 600 человек.

Потери этого отряда в данном бою не ясны, но они не могли быть очень велики, поскольку после отступления с разъезда ему удалось пару часов спустя не только вновь занять его, но и рассеять не успевшую перейти магистраль тыловую часть армии

* Эта ошибка характерна для всех касающихся Черновского разъезда сообщений японского штаба. Современная же станция Юхта (13 км от ст.Бузули в сторону г.Свободного) была образована лишь в 1926 году.

повстанцев. Этот же отряд, под командованием самого командира бригады генерал-майора Ямада, через двое суток продолжил преследование повстанческой армии и сыграл решающую роль в разгроме её под Павловкой. Таким образом, на Черновском разъезде он вряд ли мог потерять более четверти своих сил, то есть от 100 до 150 человек.

Итак, максимально возможные потери японцев убитыми во всех четырёх боях немного не дотягивают до рамок штатной численности батальона, составляя чуть более 700 человек. В реальности же они были значительно ниже, поскольку численность участвовавших в этих событиях подразделений была явно значительно меньше штатной, видимо из-за предыдущих потерь в условиях боевых действий и холодной зимы. К тому же часть взводов могла оставаться в это время на своих базах и в бою не участвовать.

А теперь подсчитаем потери повстанцев. Казалось бы, количество повстанцев погибших во всех боевых событиях этих суток хорошо известно. Оно указано на братской могиле в с. Чудиновке, где были похоронены тела 136 найденных на местах боёв мёртвых людей не японской национальности. Однако С.С.Кургузов, в одном из своих воспоминаний, пишет, что убито повстанцев было 132, и ещё 200 ранено⁶⁰⁹. В данном случае никакого противоречия нет, поскольку в общей могиле были похоронены кроме непосредственных участников боя, также и члены штаба 1-го района, убитые здесь за несколько дней до него и лежавшие в одном из амбаров д. Черновки⁶¹⁰.

Итак, всего погибло 132 повстанца. Но для истории важно и число погибших в каждом из боёв. И тут не обойтись без воспоминаний других участников данных событий. Самым честным среди них можно, пожалуй, опять назвать свидетельство Ф.И.Безлепкина. Он утверждает, что в происходившей после Чудиновского боя суматохе количество убитых и раненых подсчитать было очень трудно, а самый большой урон армии видит в том, что многие бойцы обморозили себе руки и ноги. Всех раненых и обмороженных он определяет приблизительно в 500 человек⁶¹¹.

Были, впрочем, и те, что взяли на себя смелость указать более конкретные цифры. И.Ф.Матвеев, например, называет 17 убитых и более 40 раненых в Чудиновском, и около 30 убитых, 70 раненых в Черновском боях⁶¹². Ещё большую информированность о количестве потерь повстанцев демонстрирует командир одной из повстанческих рот Шолохов. Со стороны повстанцев в 1-м бою он указывает 9 убитых и 48 раненых, а также 153 обмороженных, из них тяжело – 83. Знает, что санитарный пункт назначен был в школе. Во 2-м бою, по его сведениям, повстанцев было убито около 40 и ранено 54, причём последние были подобраны и направлены на перевязочный пункт. После ухода японцев из Чудиновки им насчитано убитых японцами повстанцев 125 человек⁶¹³.

Такая необычная осведомлённость позволяет предположить, что именно рота Шолохова была ответственна тогда за сбор убитых и эвакуацию раненых с поля боя, а позже, возможно, и за захоронение погибших в этих боях. Самое важное здесь то, что его данные относительно общего количества убитых в обоих боях повстанцев не слишком расходятся с показаниями И.Матвеева (49 против 47), что само по себе говорит в пользу обоих. Учитывая, что число убитых у Шолохова явно округлено, цифра Матвеева выглядит более точной.

Исходя из этого можно определить и количество жертв японского погрома в д. Чудиновке – 85 человек ($132 - 47 = 85$). А если принять версию Шолохова относительно общего числа погибших за время Чудиновских событий повстанцев, то – 78 ($125 - 47 = 78$). К последней цифре близко и утверждение Н.Гранкина о сожжении японцами в Чудиновской школе 75 раненных и обмороженных повстанцев. Он считал, правда, что помимо них во всех трёх боях было убито ещё 121 повстанцев⁶¹⁴, то есть вместе с сожженными погибло 196 человек. Однако эта цифра совершенно не соответствует числу похороненных в Чудиновской братской могиле людей (136).

В Павловском бою

Каковы же были потери японцев в этом бою? Повстанцы, учитывая обстоятельства завершающего этапа Павловского боя, подсчитать их, конечно, не могли. Тем не менее, ветераны охотно называют в своих воспоминаниях самые фантастические цифры. С.С.Кургузов, например, насчитал 600 одних только убитых японцев⁶¹⁵. И.Ф.Матвеев - до 700 раненных и убитых⁶¹⁶. И.Т.Воронцов оценивает их приблизительно в 3 тысячи человек (по-видимому, убитыми и ранеными)⁶¹⁷.

В то же время более ранние воспоминания содержат, как правило, значительно меньшие цифры. Тот же Воронцов в 1937 году определял их количество (видимо убитыми и ранеными) – в 420 человек⁶¹⁸, а в своей автобиографии – только убитыми до 200 человек⁶¹⁹. Шолохов в конце 20-х годов писал, что по сведениям крестьян д.Павловки, японцев убито и ранено было до 500 человек⁶²⁰. Правда А.С.Обиденко и в 1927 году утверждал, что японцев погибло в этом бою свыше 400 человек⁶²¹. И всё же ранние цифры И.Т.Воронцова (200 убитых японцев), как самые умеренные, видимо больше соответствуют истине.

Японцы, впрочем, сообщали что «наши потери убитыми 40 ... капитан Уэхара и ещё 3 офицера (видимо взводные – Ю.Т.), ранено 83 человека»⁶²².

Цифры потерь повстанцев, как обычно, участниками этого боя тоже приводятся разные. И.Ф.Матвеев считал, что повстанцы потеряли в Павловском бою всего 70 человек убитыми и ранеными⁶²³, однако это слишком мало похоже на правду. Воронцов в своей автобиографии пишет, что погибло 118 повстанцев⁶²⁴, а в одном из воспоминаний последнего времени указывает уже, что убитых было 227 человек, и более 300 раненых⁶²⁵. В более ранних же своих воспоминаниях он утверждал, что погибших было 112, и в это число входят не только убитые, но и оставленные ранеными на поле боя (которые затем тоже были убиты японцами)⁶²⁶. То же число называет и Е.Галыгин⁶²⁷. С.Кургузов считает, что их было 127, а Шолохов даёт ещё большую цифру – 135 человек⁶²⁸. Однако оба они, возможно, включили в это число и сожженных японцами тяжелораненых повстанцев, забытых отступающей армией в Павловке.

Количество последних также является спорным вопросом в советской историографии. Как и во всех других случаях, величина цифр здесь напрямую зависит от времени написания источника. В «Мухинском восстании» И.Воронцова указано 114 жертв этого инцидента⁶²⁹. В 20-е годы факт сожжения раненых подтверждал один из местных руководителей повстанческого движения Куш. Он, правда, называет значительно меньшее количество жертв — около 20 человек, и сожжены они были, по его сведениям, не в школе, а в доме одного из Павловских крестьян⁶³⁰. По данным же Амурского окружного музея за 1930 год, в единственной братской могиле «граждан, изрубленных и сожжённых японцами» в с.Павловке в 1919 году лежало 18 человек⁶³¹.

В таких случаях наименьшие цифры являются, как правило, и более точными. Таким образом, наиболее вероятное число погибших в Павловском бою и сразу после него повстанцев, исходя из данных И.Воронцова и Е.Галыгина, – около 130 человек. Японцы, правда, сообщали, что «неприятель оставил убитыми 300 человек»⁶³², но эти данные, в сочетании с явно заниженными цифрами собственных потерь, слишком похожи на пропаганду. Н.М.Гранкин, правда, даёт похожую цифру, 306 человек⁶³³, однако он писал свои воспоминания уже в 60-е годы и, возможно, в данном случае, опирался на ту же газетную информацию японского штаба.

Итоги и выводы

Итак, потери японцев и повстанцев в трёх наиболее кровопролитных боях Мухинского восстания соотносятся по числу погибших, примерно, как 900-1000 на 320 человек, то есть как три к одному. В это число, конечно, не входит количество убитых в

более мелких боях, а также умерших от ран и болезней во время похода, которых могло быть тогда, учитывая время года, непрерывность движения и недостаточную медицинскую помощь, довольно велико.

Однако в любом случае число погибших должно было быть в несколько раз меньше указанного в воспоминаниях С.Кургузова. Особенно это относится к потерям японской стороны, которые завышены им не менее чем в 20 раз. Кстати, дальневосточные историки 30-х годов Шурыгин и З.Карпенко оценивали общие потери 12-й японской дивизии убитыми и ранеными в боях с повстанцами примерно 3 тысячами человек⁶³⁴.

Соотношение потерь в период Мухинского восстания вызывает ещё один вопрос: почему оно было именно таким? Ведь даже в проигранных повстанцами боях они теряли меньше людей, чем их противник, хотя им противостояли регулярные войска одной из сильнейших военных держав того времени. Обычно в столкновениях войск повстанцев с регулярными войсками соотношение потерь оказывается прямо противоположным.

Помимо указанных в предыдущих параграфах общих причин превосходства повстанцев над солдатами японской императорской армии, были и те, что определялись особенностями каждого конкретного боя. В частности, в Виноградовском бою повстанцы искусно использовали естественные укрытия местности – роци и прокопанные вокруг них канавы⁶³⁵ для стока воды. Имелись и проволочные заграждения, а точнее – изгородь, обтянутая в три ряда колючей проволокой⁶³⁶. Японцы же наступали на открытой местности, по противоположному склону широкой лощины, и, неуклюжие в своём громоздком зимнем обмундировании, являлись прекрасными мишенями для повстанцев.

Сыграло свою роль в том же бою, видимо, и нехватка снарядов у японской артиллерии. И.Безродных и М.Бочко, например, утверждали, что артиллерия противника прекратила свой огонь, из-за отсутствия снарядов, еще до окончания боя. То же произошло и с японскими пулемётами⁶³⁷. Это и понятно. Когда интервенты выходили в свой первый карательный поход они вовсе не рассчитывали вести затяжные огневые бои с большими массами вооруженных и неплохо обученных опытных бойцов.

В одной только Кутиловке, по свидетельству Станьковского, два орудия японцев истратили около 40 снарядов⁶³⁸. Пополнить свои боевые запасы им было некогда. События развивались со стремительной быстротой. В результате, значительная доля боеприпасов была, по-видимому, израсходована японцами еще до столкновения с главными силами повстанцев.

Ещё одной причиной, по мнению И.Безродных и П.Вострикова, были разрывные пули, которыми стреляли японцы. Задевая в полете за густые ветки кустарника, они сразу же разрывались, не нанося особого ущерба повстанцам⁶³⁹. Последний фактор, по свидетельству С.Кургузова, имел место и в Чудиновском бою⁶⁴⁰, на ходе которого сказались также предутренняя темнота и густой морозный туман, поднимавшийся от речной наледи р. Юхты и окутывавший склоны ближайших сопок. Это позволило повстанцам практически без потерь приблизиться к японцам со всех сторон и с близкой дистанции, уже при свете дня, открыть по ним убийственный огонь. В Павловском же бою на соотношение потерь повлияло абсолютное, поначалу, превосходство повстанцев в численности и пулемётах, а также в точности артиллерийской стрельбы, позволившей быстро вывести из строя орудие врага⁶⁴¹.

III. Проблема социального состава повстанческой армии

Каково же было процентное соотношение в рядах армии различных социальных категорий и групп? Кургузов считает, что подавляющее большинство повстанцев (80-85%) являлись местными крестьянами, 8-10% составляли бывшие красногвардейцы из других областей, а 5-10% представляли рабочий класс. В тех же расчётах он даёт и максимальную численность повстанческой армии — 10000 человек⁶⁴². Таким образом, спроецировав процентное соотношение этих частей на общий численный состав армии,

можно определить и их количественное соотношение в абсолютных цифрах. На местных крестьян тогда придётся 8000-8500 человек, на пришлых красногвардейцев — 800-1000 человек, и на рабочий класс — от 500 до 1000 человек.

Удобство указанной, явно округлённой, численности армии для производства процентных расчётов наводит на мысль, что именно это обстоятельство и определило выбор Кургузова в пользу данной цифры. Подсчитать точное количество крестьян в повстанческой армии во время работы над рукописью он, конечно, не мог. Всё указывает на то, что списков личного состава армии у него не было. Вероятнее всего их никогда и не существовало.

Таким образом, Кургузов мог вести свои подсчёты только на основании личных представлений о количестве среди повстанцев представителей тех или иных групп. Такой расчётной группой, конечно же, не могли быть крестьяне, число которых было слишком велико, и состав их постоянно менялся. Значительно легче было подсчитать примерное количество неместных красногвардейцев, и не только из-за их относительно небольшой численности среди повстанцев.

Большая их часть скрывалась в таёжных деревнях Амурской области и, поэтому, многие из них влились в армию повстанцев, когда она совершала свой рейд по территории первого района. Кому как не С.Кургузову, одному из организаторов восстания в первом районе, знать их лучше всего. Таким образом, цифру 800-1000 человек, можно признать, по-видимому, относительно объективной оценкой количества в армии бывших красногвардейцев. Учитывая склонность С.Кургузова к преувеличениям, лучше ориентироваться, в данном случае, на минимальные показатели.

Другой относительно доступной для учёта категорией были рабочие. Хотя в данной своей работе С.Кургузов брал в расчёт только рабочих из городов и с железной дороги, ни в одном городе повстанческой армии побывать не удалось. Следовательно, получить крупные подкрепления оттуда она не могла. Этот факт подтверждает Н.М.Гранкин, свидетельствующий, что в то время «массового ухода рабочих из города в деревню не было, были только отдельные случаи»⁶⁴³. Какая-то часть рабочих могла присоединиться к армии в Екатеринославке и Поздеевке, но само их количество там было невелико, так же как и в с.Ивановке, ремонтная мастерская которого не работала, как минимум, с лета 1918 года, когда её паровой двигатель был отдан в д.Нижнезавитинку для обмолота зерна.

Таким образом, основным источником пополнения повстанческой армии представителями рабочего класса остаются золотые и угольные копи, а также лесные промыслы в тайге. Подавляющую часть пролетариата там составляли китайские отходники. Число китайцев в повстанческой армии Станьковский определяет в 300-500 человек⁶⁴⁴. В данном случае также разумнее будет ориентироваться на минимальную цифру, поскольку белые власти были заинтересованы в преувеличении численности китайцев в рядах восставших. Кстати, Ф.Н.Мухин даже на первом этапе восстания признаёт наличие в повстанческой армии китайцев, которые, по его словам, «пришли с приисков из-за Зеи»⁶⁴⁵.

В одном из своих воспоминаний С.Кургузов указывает, что около 200 рабочих присоединились к армии на Кивдинских угольных коях⁶⁴⁶, то есть как раз тогда, когда она стала насчитывать, по его мнению, 10000 человек. Между тем, другие участники похода оценивают их численность значительно меньшими цифрами. Н.Е.Шолохов, например, пишет, что в п.Кивде примкнуло к армии лишь около 40 рабочих⁶⁴⁷. Н.Гранкин определяет их число в 32 человека⁶⁴⁸. Безлепкин, правда, насчитал целых 400, но в данном случае, скорее всего, ошибочно добавлен лишний ноль при перепечатке. По свидетельству же П.Вострикова, их было не более 17-20 человек⁶⁴⁹. Последняя цифра соответствует числу бывших красногвардейцев, составлявших костяк Кивдинской дружины. Однако кроме них в её составе, как минимум, числился ещё китайский взвод⁶⁵⁰. Итак, кивдинских рабочих в повстанческой армии было не более 40. Это значит, что из

данной С.Кургузовым минимальной численности рабочих в армии надо вычесть лишних 160 человек. Получается всего 340, что вполне согласуется с данными Станьковского.

В итоге получаем, что в повстанческой армии было до 340 русских и китайских рабочих и до 800 бывших красногвардейцев из других местностей. А теперь применим эти найденные нами цифры к действительной численности повстанцев в момент наивысшего подъёма движения, то есть накануне Павловского боя. Выше мы определили, что повстанческая армия тогда включала в себя до 4000 тысяч человек, из которых в боевых подразделениях находилось около 2500 человек.

Рабочих Кивдинских копей среди них ещё не было. Доля местных крестьян, в таком случае, составит около 2900 человек (от 4000 отнять 800 красногвардейцев и остаток в 300 человек от числа рабочих) или 72,5 % от общей численности армии. Если же вычесть из крестьянской доли всех возчиков и примерно половину других тыловиков (1250 человек), то непосредственно в боевых частях останется 1650 амурских крестьян, или около 66 % (то есть примерно две трети) их личного состава.

80 % и выше крестьянский состав армии мог достигать лишь ко времени Виноградовского и Чудиновского боёв. Тем не менее и дальше, вплоть до момента роспуска армии в с.Красноярво, она оставалась преимущественно крестьянской, поскольку после Павловского боя её покинуло много не только крестьян, но и красногвардейцев. Только после ухода большинства зазейских повстанцев местное крестьянство преобладающей частью повстанческой армии уже не являлось. Впрочем, и самой армии как таковой тогда уже фактически не было.

IV. Проблема социального характера и политической направленности Мухинского восстания

В советской историографии вопрос этот не мог возникнуть в принципе, так как социальный характер Мухинского восстания полностью вытекал из социального характера социалистической революции в целом. Считалось, что главными движущими силами революции и гражданской войны в России были пролетариат и беднейшее крестьянство, действовавшие под руководством коммунистической партии и в тесном союзе с середняком. Соответственно, в учебнике «История Амурской области» до сих пор начало восстания объясняется тем, что население области (крестьяне и рабочие) приняло Советскую власть и не хотело мириться с её утратой, почему и поддержало в конце 1918 года борьбу против интервентов и белогвардейцев, начатую находившимися в области на подпольном положении красноармейцами и красногвардейцами под руководством скрывавшихся здесь многих видных советских работников Сибири и Дальнего Востока⁶⁵¹.

Такое упрощённое понимание социального характера и политических направленности восстания крестьян вполне соответствовало задачам идеологической обработки сознания советских граждан в СССР, но не является действительно научным решением данной проблемы. Оно не отвечает, в частности, на главный вопрос: Если восстание здесь действительно началось с целью восстановления Советской власти, то есть для продолжения социалистических преобразований в интересах пролетариата и беднейшего крестьянства, то почему оно началось в самом зажиточном районе области, где большую часть населения составляли крестьяне-стодесятинники, ещё летом 1918 года решительно выступившие против радикальных экономических экспериментов большевиков.

Более того, эпицентрами первых вспышек недовольства крестьян белым режимом, а также последовавшей затем подпольной работы, и самого восстания в Зазейском районе стали наиболее богатые сёла области. Таковыми бесспорно являлись и Жариково, и Тамбовка, и Ивановка, и Борисоглебка, и Ильиновка, и Красный Яр (См. Приложение № 2). Последние четыре села стали во время Мухинского восстания одними из немногих,

сформировавших собственные «именные» роты повстанцев, дав, тем самым, наибольший процент участников восстания по отношению ко всему своему населению. Пожалуй, лишь раннее прибытие карательных отрядов предотвратило формирование таких же рот в Жариковке, Тамбовке и ряде других богатейших сёл этого района.

Да и среди собственно крестьянских руководителей Зазейских повстанцев (не считая представителей сельской интеллигенции и пришлых бывших советских работников) явно преобладал зажиточный элемент. В советское время об этом не принято было упоминать в литературе, но в архиве сохранилось свидетельство одного из активных участников восстания И.Воронцова, данное им в 1937 году. В этом своём воспоминании он писал, в частности, следующее: «Многие работники ревштаба 2-го района знают, как в начале восстания при их штабе неотлучно находился крупный кулак Ильинки – Кочкин. Тот самый Кочкин, который имел 40 штук упряжных лошадей, 400-450 га посева, паровую машину молотилку, по 4-5 батраков держал круглый год в своём хозяйстве»⁶⁵².

Историк А.В.Агеев, опираясь на воспоминания многих непосредственных участников восстания, отмечал, что «заимки зажиточных крестьян и кулаков были первыми очагами скрытого формирования повстанческой армии Представители кулачества во многих сёлах выступили в качестве организаторов восстания, они поддерживали компанию крестьянских наказов и приговоров против интервенции. Значительная часть кулачества участвовала в боевых походах повстанческой армии, в партизанских отрядах – «вместе с миром против лиходея-японца»⁶⁵³.

Упомянутый И.Воронцовым Степан Савельевич Кочкин действительно участвовал в подготовке восстания крестьян. Именно у него в доме жил Ф.Н.Мухин, когда нелегально посещал Ильиновку для участия в проводившихся здесь подпольных съездах. Дом этот каратели сожгли сразу же после своего прибытия в данное село⁶⁵⁴. Но С.С.Кочкин, всё же, играл в повстанческом штабе не самую важную роль.

И.Воронцов называет фамилии и более известных организаторов и руководителей восстания. По его утверждению, «сами-то руководители революционного штаба, по меньшей мере, были крепкие крестьяне, а подчас и с кулацкой закваской. Таковы, бесспорно, Черемисин И.Н. – командир отряда – имевший десятка два упряжных лошадей, засевавший по 25-30 га посева, и имеющий все сельскохозяйственные машины – сенокосилки, сноповязалки, молотилки полусложного типа и прихватывал батраков - и сезонных и сроковых. То же самое Воронов Г.Е. – командир отряда «Красный орёл», Лашкевич Савелий, и много других»⁶⁵⁵. (А.В.Агеев называет кулаками также командиров отрядов П.Кольжанова, Г.Оськина, Г.Бондаренко и И.Швецова⁶⁵⁶)

Указанное свидетельство И.Воронцова в отношении своих бывших командиров было сделано в момент, когда часть из них уже считались «врагами народа», что, безусловно, немало способствовало такой необычной для своего времени откровенности этого ветерана. Сам он был выходцем из расположенной по соседству с Красным Яром и Ильиновкой бедной переселенческой деревушки Нижняя Завитинка, исправно поставлявшей наёмную рабочую силу в оба этих села, поэтому его компетентности в данном вопросе вполне можно доверять.

Сам факт наличия у руководителей восстания такого большого количества рабочего скота и посевов, для данного района ничего необычного в то время не представлял. В 1917 году Красный Яр имел почти самое большое количество лошадей в среднем на одно хозяйство во всей области (5,72)*, уступая в этом отношении только отдельным селениям Тамбовской и Гильчинской волостей⁶⁵⁷. И это после всех конских мобилизаций во время первой мировой войны. То же касается среднего количества десятин посева (34,2)⁶⁵⁸ и голов крупного рогатого скота (6,85), на одно хозяйство.

В.И.Ленин, а вслед за ним и А.И.Крушанов, и большинство других дальневосточных историков, относили к категории зажиточных крестьянские хозяйства,

* Эти и последующие расчёты сделаны мной (Ю.Т.)

засевавшие более 10 десятин земли, располагая, при этом, пятью и более головами рабочего скота⁶⁵⁹. К 1910 году 62 % красноярских хозяйств имели больше 4-х голов рабочего скота, а из имевших посевы** крестьян 78 % (71 % от общего числа хозяйств) засевали более 10 десятин***.

Признаком бедняцкого хозяйства в Сибири В.И. Ленин и многие советские историки считали наличие в нём не более 2-х рабочих лошадей⁶⁶⁰. Лишь 21 % крестьян Красного Яра имели менее трёх рабочих лошадей или не имели их вообще (последние составляли 9 % хозяйств). Таким же был и процент владельцев более 10 рабочих лошадей (21 %, или 23 % всех имевших посевы крестьян****)⁶⁶¹.

Относительная зажиточность зазейских повстанцев не могла не наложить отпечаток и на их первоначальные политические лозунги. Анализ архивных документов, касающихся Мухинского восстания, даёт основания утверждать, что на протяжении первых двух его этапов штаб повстанцев не выдвигал задачи немедленного восстановления Советской власти даже в том её виде, который существовал здесь в 1918 году.

Во всяком случае, документов, бесспорно свидетельствующих о наличии таких лозунгов, в архивах Дальнего Востока нет. Правда, они встречаются в воспоминаниях бывших партизан, но в данном случае считать их полностью объективными свидетельствами нельзя, поскольку все они написаны действующими членами компартии и работниками различных советских учреждений в разгар партийных чисток и судебных процессов над «врагами народа». Любое неосторожное слово, в таких условиях, грозило расставанием не только с высокой должностью и партбилетом, но, зачастую, и со свободой и, даже, с жизнью. Сами эти воспоминания часто были для их авторов дополнительным способом подтвердить свою верность партии и существовавшему в стране политическому режиму.

Но есть и относительно честные свидетельства бывших повстанцев по этому вопросу, написанные ещё во второй половине 20-х годов. Щепа, например, отмечал в своих воспоминаниях, что в повстанческой армии первое время «враждовали два течения: за широкую демократию и Учредительное собрание, и второе течение за власть Советов, за диктатуру. В Павловке этот спор был закончен победой большевиков»⁶⁶². Там же он отмечает, что эта победа была достигнута «после жарких прений – какой выкинуть флаг, декларацию». По свидетельству Е. Галыгина, накануне Павловского боя штаб армии большинством голосов отверг предложение эсеров и меньшевиков о союзе против Колчака. Видимо в тот момент и была окончательно сформулирована руководством повстанцев цель - бороться исключительно за Советскую власть.

Косвенным доказательством отсутствия в начале восстания чётко поставленного лозунга восстановления власти Советов является также тот факт, что начальником штаба повстанческой армии тогда был утверждён меньшевик Э. Брезон. Оказавшись на Павловском совещании в абсолютном меньшинстве по вопросу о социалистическом блоке, Э. Брезон сразу отказался от своего поста начальника штаба, покинул армию и в дальнейших военных действиях не участвовал. Таким образом, лозунг борьбы за Советы был выдвинут лишь в самом конце 2-го этапа Мухинского восстания, в начале марта 1919 года. Но, в таком случае, какую же политическую цель ставили перед собой зазейские крестьяне, начиная это восстание?

Ранней весной 1919 года в Амурской областной прессе промелькнуло сообщение об «открытом письме» некоей делегации зазейских крестьян, напечатанном в «Вестнике Манчжурии» и затем перепечатанном в 76-м номере газеты «Амурская жизнь». Оно

** Отсутствие посева в крестьянском хозяйстве означало, что оно было либо только что основано, либо полностью ориентировано на другие, не земледельческие источники заработка или дохода.

*** Более 10 десятин посева в хлеботорных районах Европейской России считалось признаком зажиточности хозяйства.

**** В Красном Яру посева имели столько же хозяйств, сколько и располагали рабочими лошадьми (86 %).

содержало «обращение к представителям союзных правительств и американскому консульству во Владивостоке с ходатайством о посредническом вмешательстве для прекращения гражданской войны ... на территории Амурской области ... путем создания всенародного областного учредительного съезда, на котором должно быть установлено демократическое, желаемое абсолютным большинством народа самоуправление».

В газете отмечалось далее, что делегация сделала подробный доклад представителям союзных держав и подала им через американское консульство документы, свидетельствующие о происходящих в области «ужасах» и их причинах, в частности:

- 1) обращение амурского крестьянства 12 волостей к американскому консульству и дипломатическому корпусу союзных держав;
- 2) 30 постановлений амурских крестьян тридцати сел Зазейского района;
- 3) протокол и резолюцию областного крестьянского съезда от 25 августа 1918 года «как выражение воли крестьянского населения об осуществлении народоправства после свержения большевизма»;
- 4) Распоряжения Амурского правительства, послужившие причиной указанных событий в области, и др.⁶⁶³

Данная декларация могла быть принята только на съезде представителей зазейских крестьян. История знает лишь один такой съезд. Согласно Летописи Амурской области, он состоялся в селе Андреевка 11 февраля 1919 года и призвал крестьян к участию в восстании⁶⁶⁴. В архиве сохранился отрывок подлинного черновика написанного в Андреевке документа под названием «Обращение совета крестьян восемнадцати волостей Амурской области к американскому консулу и американскому командованию в Сибири» от 11 февраля 1919 года. Он не содержит даже намёка на советские требования восставших. В качестве цели восстания в нём указано только сопротивление «преступным действиям карательных отрядов», причём, «временно строго воздерживаясь от наступательных действий»⁶⁶⁵.

В этом, видимо, и заключалась настоящая цель зажиточного зазейского крестьянства в самом начале восстания - дать отпор белогвардейским карателям, а затем ждать признания от «союзных держав» и их помощи в установлении «народной власти», которая должна была защищать в первую очередь общие интересы крестьян. Однако реальный ход событий быстро сломал первоначальные планы крестьянских идеологов. Уже в день принятия этого обращения произошло первое боевое столкновение повстанцев с японскими войсками под Демьяновкой, поставившее крест на надеждах части из них договориться с интервентами.

Анализ текста Андреевского Обращения показывает, что среди его составителей явно преобладали сторонники так называемой «демократической оппозиции» Колчаковской диктатуре. Об этом говорит, в частности, использование в нём такого характерного для неё и, наоборот, нехарактерного для большевистской идеологии того времени термина как «естественные права людей», а также обвинений существующих властей области в узкопартийности и разжигании гражданской войны.

Скорее всего, представителей Советских партий вообще не было в тот момент в Андреевке, поскольку все они 10 февраля участвовали во 2-м Красноярском съезде подпольных дружин и 11 февраля всё ещё находились в сформированных там отрядах повстанческой армии. Видимо не случайно, местом сбора всех формирований повстанцев была назначена штабом именно Андреевка, ставшая, благодаря крестьянскому съезду, неформальной столицей восставших Зазейских волостей. Также не случайным было и то, что после прибытия 12 февраля штаба Мухина в Ивановскую волость и начала там мобилизации населения «красные, – по сообщениям газет того времени – согласно приказа, уже не красные, а «Народная армия» и красные повязки сняли»⁶⁶⁶. Объясняется такое изменение в названии, видимо, стремлением штаба максимально использовать в целях восстания авторитет Андреевского съезда крестьян, в Обращении которого говорилось, что «мирное население приступило к сводке военных отрядов в единую

Народную армию для сопротивления преступным действиям карательных отрядов»⁶⁶⁷.

Впрочем, и в самом штабе повстанческой армии, сформированном на Красноярском съезде, апологетов «крестьянской» идеологии тоже хватало. Один из немногих большевиков среди руководителей восставших крестьян М.Бочко признаётся, что вынужден был остаться в штабе армии после отъезда Ф.Мухина только потому, что «ребята при штабе были ненадёжны»⁶⁶⁸. И.Воронцов, свидетельствует: «Мне нередко приходилось слышать такие рассуждения среди даже руководящего состава революционного штаба ... что «мы де и без рабочих управимся» ..., а более откровенные высказывали даже такие мысли, «что нам рабочие, нам с ними не по пути». Эти кулацкие рассуждения исходили, конечно, из крестьяно-фильских эсеровских закоулков»⁶⁶⁹.

Кстати, долю «кулачества» в рядах повстанческой армии С.Кургузов определял в 5-10 % от её численного состава. Ещё 50-55 % он отдавал середнякам⁶⁷⁰, под которыми в значительной степени следует понимать тех же зажиточных, но менее богатых крестьян. По мнению И.Воронцова, многие из таких повстанцев, принимая участие в восстании, «хотели уберечь, сохранить неприкосновенность своего кулацкого хозяйства, а если представится случай, то и умножить его, путём организации грабежей и т.д.»⁶⁷¹.

Политической опорой демократической оппозиции в Амурской области до восстания были сначала Временный исполком Песчаноозёрского съезда хлеборобов (ВИКСХАО), а после его самороспуска – областное земское собрание и городское самоуправление Благовещенска. Первый конфликт исполкома Песчано-Озёрского съезда хлеборобов с белогвардейскими властями на Амуре произошёл ещё в начале октября 1918 года, по поводу ареста в Благовещенске его представителя С.К.Петрушенко, который так и не был выпущен на свободу. В дальнейшем, в связи с началом действий в деревнях карательных отрядов, отношения между ними только обострялись.

Протоколы Временного исполкома обрываются примерно серединой ноября 1918 года, то есть одновременно с началом быстрого роста крупных подпольных организаций в сельских районах области. По-видимому, с этого времени ВИКСХАО уже прекратил своё существование. Некоторые его члены, в дальнейшем, примут активное участие в повстанческом, а затем и в партизанском движении на Амуре.

Начавшее свою работу непосредственно накануне восстания (27 января 1919 года) 2-е очередное земское собрание Амурской области послужило трибуной для представителей недовольных политикой белогвардейского правительства крестьянских масс. Однако по самому болезненному вопросу (Мазановское восстание, его причины и пути их устранения) делегатам высказаться так не позволили. Они были вынуждены лишь констатировать тяжёлое положение крестьянских хозяйств области, и пытались выяснить его причины. Таким образом, выпустить пар накопившегося крестьянского недовольства этим собранием не удалось, и восстание началось в самый разгар его работы.

Итак, можно сделать вывод, что восстание в Амурской области зимой 1918-1919 годов начиналось под общекрестьянскими лозунгами, в которых первоначально отсутствовало требование установления власти Советов. Его можно считать выражением протеста крестьян против репрессивной и экономически неэффективной политики белых властей. Как свидетельствует Востриков, «в этот момент, даже среди крестьянства, почти не было разделений, многому способствовала авторитетность товарища Мухина и, с другой стороны, разгул белогвардейских карательных отрядов»⁶⁷².

V. Вопрос датировки трагедии в селе Ивановке и количества её жертв

В исторической литературе по этому вопросу принято считать, что разгром села Ивановки белогвардейско-японским отрядом произошёл 22 марта 1919 года⁶⁷³. Между тем, эта дата недостаточно верна. На самом деле данный инцидент носил не одномоментный характер, а растянулся, как минимум, на два дня.

По сообщениям прессы того времени, 22 марта село посетил отряд интервентов, вышедший со ст. Бочкарёвки после получения японским командованием информации о появлении в с. Ивановке «большевистских банд». После того как село было подожжено артиллерийским огнём, в него ворвалась японская пехота и «энергичным натиском опрокинула красных». Оставив на улицах около 100 трупов «большевиков» отряд посчитал свою задачу выполненной и покинул село. После его ухода пожар в Ивановке продолжался.

На следующий день к селу подошёл другой, на этот раз смешанный японо-казачий отряд, вышедший 21 марта из Благовещенска и уже посетивший Тамбовку и Андреевку. Этот отряд, якобы, тоже с боем овладел Ивановкой, уничтожив в ней несколько десятков отчаянно оборонявшихся большевиков. Захваченные пленные после допроса были расстреляны⁶⁷⁴.

Возможно, какие-то трагические события происходили в селе и на третий день, потому что задачей высланной вскоре в Ивановку смешанной комиссии являлось выяснение всех обстоятельств того, что случилось здесь 22, 23 и 24 марта⁶⁷⁵. Можно предполагать, что это было очередное посещение села белогвардейским отрядом, потому что 3 апреля в Комиссии по расследованию событий в Ивановке слушался доклад о грабежах, учинённых в селе «неизвестными лицами в погонах» уже после его погрома карателями⁶⁷⁶.

Итак, налицо явное противоречие. Белогвардейская сторона утверждает, что, во-первых, разгром Ивановки произошёл из-за активного сопротивления засевших в нём большевиков. Во-вторых, это происходило дважды, при участии разных отрядов, в течение не менее двух дней. Принятая же на сегодняшний день версия данного события исходит из того, что погром не был спровоцирован повстанцами, и происходил только 22 марта, во второй половине дня.

В основу этой точки зрения по данному вопросу легло описание событий в Ивановке, впервые опубликованное «Дальневосточной правдой» 31 марта 1921 года⁶⁷⁷. Однако сомнения в правдивости официальной японо-белогвардейской версии появились среди населения области задолго до этого, уже едва ли не в день её появления в газете «Амурское эхо». На уже упомянутом заседании следственной комиссии по расследованию событий в с.Ивановке 3 апреля прозвучало предложение председателя Областной Земской управы Н.Н.Родионова выяснить сообщение японского штаба «в связи с распространившимися по городу и области слухами, что сообщение это не вполне отвечает действительности в той его части, где говорится, что по прибывшему в Ивановку японскому отряду открыта была ружейная стрельба». За неимением у комиссии достаточного материала для проверки, вопрос этот был оставлен тогда открытым⁶⁷⁸. К сожалению, достаточного материала для проверки нет и сегодня.

Не ясна и действительная цифра жертв Ивановского погрома. История Дальнего Востока России, исходя из содержания вышеуказанной статьи 1921 года, говорит о 257 убитых и сожженных в этом селе крестьянах⁶⁷⁹. Книга «Памятники истории и культуры Амурской области» даёт цифру 254⁶⁸⁰. Историк В.П.Малышев утверждал в 1961 году, что там погибло 287 человек⁶⁸¹. Н.А.Шиндялов, десять лет спустя, сообщал о более чем 260 убитых⁶⁸². Ещё через 15 лет Хроника Амурской областной партийной организации, отредактированная тем же историком, пишет уже более чем о 300-х погибших от пуль и в огне мирных жителей⁶⁸³.

Самую же большую цифру убитых дают бывшие ивановские подпольщики Н.М.Гранкин и П.В.Куликов – 780 человек⁶⁸⁴. По утверждению Н.Гранкина, данная цифра была получена в результате работы созданной в феврале 1920 года в с.Ивановке специальной Комиссии по расследованию событий 22 марта. Эта работа была поручена тогда главкомом партизанской армии И.Безродных Иваново-Благовещенскому партизанскому отряду, командиром которого являлся на тот момент Н.Гранкин.

После месячной работы было подсчитано не только количество убитых ивановцев, но

и число сожженных домов, которых оказалось 240, плюс 160 других построек. Как пишет Н.Гранкин, один экземпляр составленного комиссией акта был отдан им сельскому совету, а другой отправлен командующему И.Безродных⁶⁸⁵. К сожалению, ни того, ни другого экземпляра в архивах не сохранилось, поэтому доказать точность приведённых Н.Гранкиным цифр на сегодняшний день не представляется возможным. Скорее всего, они сильно преувеличены. Возможно, его просто подвела память, или же непрофессионализм и низкий уровень образования членов данной комиссии привёл к тому, что одни и те же люди и дома были засчитаны ими в списках по несколько раз.

Единственным сохранившимся подлинным официальным документом, зафиксировавшим число погибших в селе Ивановке за время погрома, является Метрическая книга местной церкви. В ней записаны имена и фамилии 192 человек, умерших здесь насильственной смертью в эти дни⁶⁸⁶. Однако пять месяцев спустя, в Обращении Ивановского сельского общества в Областную земскую управу о содействии в покрытии материальных убытков от погрома 22 марта 1919 года (далее «Обращение»), фигурировала другая цифра – 216 человек (в том числе 6 китайцев). Причём все они были перечислены поимённо, общим списком, в том числе и те, чьи фамилии были не известны⁶⁸⁷.

Можно только предположить, что опубликованная в статье 1921 года цифра 257 была образована в дальнейшем путём прибавления к 216 погибшим по списку Ивановского сельского общества всех умерших в этом году в Ивановке от эпидемии оспы, которых, согласно метрической книге местной церкви, числилось 41.

Сильно запутано и количество погибших по отдельным категориям. Так, В.П.Мальшев утверждает, что было убито 16 женщин и 37 детей⁶⁸⁸. В статье говорится про 10 женщин и 4 детей⁶⁸⁹. Метрическая книга зафиксировала среди погибших только 6 женщин и 4-х детей, а Обращение, соответственно, - 9 и 5. Даже если предположить, что В.П.Мальшев включал в число детей также и всех жителей от 15 до 20 лет (допризывного возраста), то и их, согласно Метрической книге, было среди убитых лишь 13 человек (в том числе 1 девушка).

Нелегко понять из источников и подлинную цифру детей, оставшихся сиротами. В упомянутой статье 1921 года говорится про 1000 таких детей. Число это было взято, очевидно, из Обращения, где тоже упоминалась «примерно 1000» малолетних сирот. Однако сама приблизительность этой цифры говорит о том, что настоящего их числа составители Обращения не знали. В то же время, в апреле 1919 года отдел призрения Областной земской управы сообщал об оставшихся в Ивановке без отцов 563 душах⁶⁹⁰. Впрочем, цифру в 1000 детей из «Дальневосточной правды» можно объяснить и помимо Обращения. Вероятно, это округлённое суммарное количество всех сирот и полусирот, оставшихся, после убитых японцами отцов и матерей во всей Амурской области. По данным областного собеса, их было 959 человек⁶⁹¹.

Вызывает вопросы и материальные потери ивановцев, в частности количество сожжённых в селе домов. Если верить В.П.Мальшеву, было сожжено 86 домов⁶⁹². В Истории Дальнего Востока России отмечена другая цифра – до 200 строений⁶⁹³ (то есть жилых и нежилых построек). Эта информация (как и о числе жертв), судя по всему, была взята из сборника документов «Октябрь на Амуре»⁶⁹⁴, составленном под редакцией того же В.П.Мальшева. Мальшев же использовал там далеко не всегда точные данные Хроники событий гражданской войны на Дальнем Востоке 1917-1922 годов, опубликованной в 1933 году⁶⁹⁵.

Сколько же домов сгорело на самом деле? В документах Амурской областной земской управы есть список сгоревшего или реквизированного японцами имущества. Согласно этому документу, в селе Ивановка «сгорело от военных действий» 104 дома и 201 нежилая постройка⁶⁹⁶. Причём, по данным отдела призрения Областной земской управы, «была выжжена лучшая часть села, уничтожены образцовые хозяйства»⁶⁹⁷.

Раздел II Партизанское движение в Амурской области

Глава 4 Организационный период

1. Формирование основных отрядов (апрель - июль 1919 г.):

а) Отряды бывшего 1-го повстанческого района

После роспуска повстанческой армии во второй половине марта 1919 года большинство её бойцов разошлись по своим сёлам и деревням. Однако несколько сотен бывших красногвардейцев, советских работников и активистов, не надеясь на милосердие белых властей, вынуждены были, разбившись на мелкие группы, уйти в таёжные районы области, чтобы дожидаться там более тёплых дней для продолжения борьбы. Лишь три небольших конных отряда по-прежнему курсировали по населённой части области, часто под видом милиции или казаков. Основной задачей этих отрядов была диверсионная деятельность и террор против ставленников белых властей. О них кратко упомянул на допросе в контрразведке Г.Дрогошевский. Одним командовал он сам, другим – Богданов, а третьим, который должен был действовать в районе ст. Гондатти, В.К.Аксёнов.

Отряд Дрогошевского, в котором было всего 11 человек, занимался, по его собственным словам, только тем, что отбирал по деревням списки красных, а также расписки об отсутствии таковых. В то же время отряд Богданова, так же именовавший себя казаками, «производил грабежи, сжигал мосты и т.д.»⁶⁹⁸. Зона действий обоих охватывала территорию от Завидненской* волости на севере до Борисоглебской на юге. Что же касается отряда Аксёнова, то он, видимо, вообще не оперировал в районе Гондатти, поскольку, согласно показаниям Г.Дрогошевского, «скрывался в д. Маргаритовке, где часто жил на опытном поле Гош»⁶⁹⁹.

К концу апреля некоторые ещё существующие небольшие отряды повстанцев в лесных районах области частично самораспускаются или распадаются на более мелкие группы, чтобы найти себе пропитание в бедных таёжных деревнях. Это произошло, например, с отрядом из 30 человек, укrywшимся в верховьях р. Томи⁷⁰⁰. Другие же, наоборот активизируют свою деятельность.

Г.Дрогошевский к этому времени оказывается на таёжной восточной окраине Тарбогатайской волости, в деревне Калиновке. Именно здесь, по его словам, отделяется присоединившийся к нему отряд Богданова, и, вместе с Ф.Кошкиным, вскоре уходит на север, рассчитывая пройти в Якутию. Это произошло, видимо, уже после ухода из села самого Г.Дрогошевского, поскольку, по его словам, Кошкин и Богданов при нём только собирались осуществить свой план. Учитывая, что Г.Дрогошевский на допросе 19 июня сообщал, что покинул их «месяца полтора тому назад»⁷⁰¹, можно обоснованно утверждать, что ушёл он из Калиновки в первых числах мая.

Где-то в самом начале своего пути Г.Дрогошевский задержался в небольшой таёжной деревне, которую он называет Ташино-Горбыль. Именно там он оставил раненного П.Иванова⁷⁰². Другое название этой деревни приводит в своих воспоминаниях И.Безродных, именуя её Малый Горбун⁷⁰³. И.Безродных тоже лечился в ней, хотя прибыл туда, по-видимому, уже после ухода Г.Дрогошевского, поскольку среди находившихся здесь повстанцев он его не упоминает. По мнению же Вострикова, Г.Дрогошевский отправился в Хабаровск из небольшой деревушки на речке Малый Горбыль. При этом большая часть его группы осталась в деревне.⁷⁰⁴ Настоящее название этой деревни, по-видимому, Малый Горбыль. Урочище с таким названием ещё было обозначено в атласе

* Центром волости было с.Завидное (современное название - Сапроново).

Амурской области, выпущенном в 1996 году. Это был один из последних населённых пунктов на границе с безлюдной амурской тайгой.

Когда И.Безродных прибыл сюда, здесь уже находился отряд Аксёнова, который, вероятно, покинул своё убежище на Гошском поле при посещении д. Маргаритовки японским батальоном. Батальон этот вышел из г. Свободного 5 мая⁷⁰⁵, следовательно появление В.Аксёнова в Малом Горбыле можно примерно датировать концом первой декады мая. Вскоре отряд Аксёнова, в количестве 40 человек с двумя пулемётами, отправился по следам Богданова и Кошкина на север, рассчитывая через Якутию прорваться в Советскую Россию. Оставшаяся в Малом Горбыле группа повстанцев во главе с И.Безродных и П.Ивановым в июле ушла в д. Последняя Завитинской волости, где присоединилась к отряду Старика⁷⁰⁶ (А.Бутрина).

Отряду Богданова, чтобы попасть в Якутию, необходимо было пройти долиной реки Зеи до Овсянковской волости, откуда шла трактовая дорога на Алданские прииски. Дальше Новоямполья он, видимо, не прошёл, поскольку был разгромлен следовавшим в г. Зею на пароходе «Роман Косицын» отрядом особого назначения. Согласно газетной информации, это случилось 30 мая на реке Зее между Новоямполем и Гоголевкой у устья речки Малый Аяк, причём численность «красных» составляла более 20 человек, 6 из которых были убиты и 11 ранены. Двое раненых попали в плен, в том числе и сам командир отряда Богданов. Из допроса Богданова карателям стало известно, что примерно в 20 верстах от места боя (видимо в районе д. Гоголевки – Ю.Т.) располагался тогда и отряд Аксёнова, однако настигнуть его белым не удалось⁷⁰⁷. Видимо после разгрома отряда Богданова Ф.Кошкин, с остатками его бойцов, ушёл в Свободненский район. Там же вскоре оказался и В.Аксёнов со своими людьми.

К началу мая на территории Завидненской и левобережной части Мазановской волостей действовали, помимо вышеперечисленных, и другие осколки бывшей повстанческой армии - группа М.Анищука из 11 человек, и анархистски настроенный отряд Пугачека⁷⁰⁸, которого газеты того времени называли Пугачёвым*. Отряд последнего, насчитывавший примерно 50 человек, в конце апреля или в начале мая отличился, в частности, тем, что сжёг «благоустроенные заимки Мазановских крестьян Апанасенко, Матыка и Михалёва со всеми земледельческими машинами»⁷⁰⁹.

В первых числах мая оба отряда соединились и избрали своим командиром А.С.Обиденко (кличка - Завьялов) из группы Анищука. Объединённый отряд остановился на опытном поле Гош, очевидно сразу после ухода из Маргаритовки японского батальона. Однако долго действовать вместе им не пришлось. Несколько дней спустя Обиденко снял с себя командирские полномочия и увёл свою группу из лагеря. Некоторое время отряд Обиденко и Анищука оперировал самостоятельно, а затем, не имея сведений о существовании других партизанских отрядов, самораспустился. Его костяк из четырёх человек обосновался на островах реки Томи, занимаясь чисто пропагандистской работой - распространением написанных от руки воззваний к населению через своих осведомителей в окрестных деревнях. Только в июне эта группа выехала по направлению к с. Верному и, встретившись возле д. Державинки с отрядом Прохорова, влилась в его состав⁷¹⁰.

В Мазановской и Завидненской волостях действовал в это время анархистский отряд, под командованием Паутова. Его костяк сложился из группы бывших красногвардейцев отряда амурских горнорабочих, участвовавших в боях на Уссурийском фронте, а затем отступивших в Амурскую область и случайно уцелевших после разгрома Зейского каравана. С конца сентября 1918 года они скрывались в д. Горное на р. Зее, а в марте вышли из тайги и какое-то время спустя, видимо уже в апреле, организовали свой партизанский отряд⁷¹¹.

С отрядом Паутова Прохоров столкнулся вскоре после присоединения к себе группы Анищука и Обиденко. Однако, в отличие от последних, Паутов, ознакомившись с

* Отряд Пугачёва упоминает в своих воспоминаниях и Ф.Гольдфингер в феврале 1919 года.

весьма строгим уставом (инструкцией о революционной дисциплине) Прохоровского отряда, отказался влиться в его состав. Примеру Паутова последовало, если верить воспоминаниям Прохорова, лишь 25 из примерно 60 его бойцов. Остальные же охотно вступили в объединённый отряд⁷¹².

Почти сразу после этого, в д. Бичура Завидненской волости, произошла встреча отряда Прохорова с конным партизанским отрядом из 50 человек, которым командовал Д.П.Петров. Последний, по сообщениям газет, ещё в конце апреля вместе с Пугачёвым руководил налётами на заимки богатых Мазановских крестьян⁷¹³. По-видимому, в свидетельствах Прохорова относительно отряда Петрова речь идёт именно о бывшем отряде Пугачека (Пугачёва), поскольку фамилия последнего больше никогда не появляется ни в газетных публикациях того времени, ни в документах, ни в воспоминаниях партизан. Д.Петров не испугался «революционной дисциплины» и вступил в отряд Прохорова вместе со всеми своими людьми.⁷¹⁴

Что же касается территории к западу от нижнего течения р. Зеи, то первым там стал действовать, по-видимому, образовавшийся в Овсянковской волости отряд Ивана Мадьяра (кличка Яноша Ковача). Его история начинается, как утверждает в своих воспоминаниях А.Ф.Гольдфингер, с 5 апреля, когда из д. Паутовки Завидненской волости выступила в северном направлении пешая группа из трёх венгров и семи русских с целью найти новый партизанский отряд⁷¹⁵. Указанная им дата, по-видимому, верна, так как если бы они задержались хотя бы на 1-2 дня, то скорее всего присоединились бы к партизанскому отряду Аксёнова, 6 или 7 апреля проследовавшему через Паутовку в соседнюю Маргаритовку и некоторое время базировавшемуся там.

Преодолев пешком ходом около 300 километров пути, она соединилась в д. Сиан Овсянковской волости с небольшим конным отрядом Ф.Щербакова. Командиром сводного отряда был избран Янош Ковач, а Щербаков стал его заместителем и возглавил 1-й взвод⁷¹⁶ (однако в опубликованном варианте воспоминаний А.Ф.Гольдфингера* командиром отряда назван Щербаков, а его заместителем – Ковач⁷¹⁷). Первой операцией отряда Ивана Мадьяра стало нападение на подразделение горной милиции в деревне Умлекан. Наиболее вероятной датой этого нападения может являться ночь с 29 на 30 мая, когда, по сообщению белогвардейской прессы, «в Умлекане ... бандой красных разграблена переселенческая лавка»⁷¹⁸. Участник данного события А.Ф.Гольдфингер подтверждает, что партизаны тогда «достали» себе одежду в местной лавке.

Вскоре после отряда Ивана Мадьяра в этом районе образовался и отряд Кошелева. Примерное время его создания можно определить на основе воспоминаний самого Ф.Кошелева и информации современных ему газет. Амурская пресса сообщала тогда, что «13 мая 28 красноармейцев совершили налёт на ст. Сиваки, и ещё 5 – на ст. Ту», а затем обе группы скрылись к востоку⁷¹⁹. К востоку от них находилась станция Ульмин (Мухино), возле которой первое время базировался отряд Кошелева.

Этот отряд возник на базе группы партизан из 12 человек, обосновавшейся в д. Беловеж Гондаттьевской волости. Сам Ф.Кошелев присоединился к ней, судя по его описаниям, приблизительно через три недели после пасхи⁷²⁰. Пасха в 1919 году праздновалась с 7 по 9 апреля по старому стилю, то есть 20-22 апреля по современному календарю. Следовательно, Ф.Кошелев прибыл в отряд и возглавил его примерно в начале второй декады мая. Эту дату косвенно подтверждает и напечатанное тогда в газетах сообщение японского штаба о том, что «18 мая разведка ..., посланная со станции Гондатти (Шимановск) ..., около ст. Брея (Правильно - Брея – Ю.Т.) обнаружила 15 человек красноармейцев и вступила с ними в перестрелку»⁷²¹. Согласно воспоминаниям Ф.Кошелева, похожее столкновение посланной им разведки с разведкой противника произошло во время трёхдневной стоянки отряда в 3-х верстах от д. Урга (в 7 км от ст. Брея – Ю.Т.) через несколько дней после того, как Кошелев возглавил его. Вскоре отряд

* Опубликованные воспоминания А.Ф.Гольдфингера существенно отличаются от его рукописи, хранящейся в Хабаровском государственном архиве. Многие факты в них серьёзно изменены.

был разбит на взводы, а военное командование им было доверено бывшему офицеру Таюрскому. Себе Кошелев оставил функции политического лидера и руководителя партизанского штаба. Численность отряда тогда достигала чуть более 30 человек.

После этого отряд Кошелева двинулся в набег на Усть-Тыгдинский* лесозаготовительный пункт, а затем – к Новоямполью⁷²². Газеты сообщали тогда, что столкновение около 20 партизан с «воинским отрядом» под Новоямполем, закончившееся отступлением партизан, произошло в ночь на 22 июня⁷²³. Это было уже второе нападение партизан на это село. Сразу после возвращения из этого похода отряд Кошелева перешёл железнодорожную линию и обосновался в Моховой пади (около 5 км южнее ст. Берея и 10 км западнее Шимановска – Ю.Т.), где к тому времени скрывался с женой бывший член штаба 1-го района М.Круглов⁷²⁴ и с ним ещё 6 человек⁷²⁵. Примерно в 5 верстах от них располагалась ещё одна группа из 20 человек, в основном рабочая молодёжь посёлка Гондатти и железнодорожных мастеровских. С ней находился другой видный участник Мухинского восстания Боровский⁷²⁶.

После прихода отряда Кошелева, в Моховой пади был образован объединённый штаб и при нём отряд, численность которого стала быстро расти. Вскоре, по мнению Ф.Кошелева, она достигла, 260 человек⁷²⁷. Впрочем, М.Круглов называет гораздо меньшую цифру. По его утверждению, даже через месяц после своего образования отряд насчитывал лишь около 150 бойцов⁷²⁸. Местом создания своего партизанского отряда М.Круглов называет деревню Сосновку⁷²⁹. На сегодняшних картах её нет. Возможно, эта деревня располагалась тогда в Моховой пади.

М.Круглов описывает возникновение своего штаба и отряда совершенно иначе, чем Ф.Кошелев. Он не упоминает ни о каком объединении с другими отрядами. Согласно докладу, сделанному М.Кругловым в августе штабу Свободненского района, Кошелев, Писароглу, Боровский и Таюрский были приведены к нему начальником связи тов. Мордвиновым с заимок, расположенных около д. Сиян и Усть-Деп⁷³⁰. Однако, поскольку указанное утверждение Круглова известно из воспоминаний членов Патрушевского штаба, то есть из третьих рук, а воспоминания самого М.Круглова об этом не упоминают, больше доверия вызывает всё же описание данного события Ф.Кошелевым.

Образование отряда произошло, по свидетельству М.Круглова, в начале июля, что вполне согласуется с датой второго нападения отряда Кошелева на Новоямполь. Не противоречит этой датировке и относящиеся к первой половине июля газетные сообщения о разъезжающих в районе Гондатти «бандах большевиков»⁷³¹. Одной из причин быстрого роста численности отряда стала объявленная 19 июня очередная мобилизация молодёжи в армию Колчака, срок явки по которой был назначен на 1 июля. Многие, подлежавшие призыву рабочие и крестьянские парни 1897 года рождения предпочли белогвардейской службе партизанский отряд⁷³². Кроме того, на участке железной дороги у ст. Гондатти, с помощью местных подпольщиков ещё весной было устроено на работу по погрузке дров и шпал около 200 бывших повстанцев⁷³³. Многие из них летом тоже пополнили собой ближайшие партизанские отряды.

К началу августа партизаны Гондаттьевской волости своими нападениями почти полностью парализовали в ней всякую экономическую и политическую деятельность. Из Гондатти в областной центр поступали панические телеграммы, что посёлок «отрезан сообщением от окрестных деревень, кругом красные грабят, убивают и уводят лошадей, делая это среди белого дня. Лавки закрываются, общество терроризировано. Милиция бессильна в силу своей малочисленности. Ожидаем ежечасно нападения красных»⁷³⁴.

На территории нынешнего Свободненского района партизанские отряды появились позже, чем в других частях области. Один из организаторов первого отряда в Свободненском районе А.Слесарев утверждает, что создан он был в д. Рождественке в самом начале июня. Однако в тех же воспоминаниях он пишет, что произошло это после

* Тыгда – правый приток реки Зеи в среднем её течении.

того, как в руки скрывавшихся в Рогачевке бывших участников Мухинского восстания попал привезённый из Свободного свежий номер газеты «Железнодорожный вестник», в котором содержалась информация о взятии красной армией Уфы и продвижении её на Урал, к Челябинску⁷³⁵. Учитывая, что Уфа была взята 9 июня, а газета была привезена в Рогачёвку в субботу, указанная новость могла стать известной Слесареву и его соратникам не ранее 14 июня (первая суббота после 9 июня).

Командиром данного отряда был избран бывший письмоводитель Свободненского военного комиссариата в 1918 году Афанасий Наумов, получивший псевдоним Лаптев. Помощником его стал командир боевого летучего отряда во время Мухинского восстания Пимон Евсеенко. Политическую работу взяли на себя три бывших члена штаба 1-го района Савва Кургузов, Иван Раков и Никифор Осипов, оставаясь в то же время, первоначально, рядовыми бойцами. Однако, по мере увеличения численности отряда, последние четверо образовали вскоре Временный штаб, занявшись исключительно штабной и организационной работой. Временный штаб поставил своей целью установить связь с группой Патрушева и другими отрядами, а также не допустить только что объявленной колчаковскими властями очередной мобилизации в армию молодых крестьян 1897 года рождения*. Через неделю отряд насчитывал уже 15 бойцов, не считая 4-х членов Временного штаба. Винтовки, берданы и патроны партизанам отряда, по свидетельству Слесарева, «были даны сочувствующими крестьянами взаимобразно», причём впоследствии это оружие было крестьянам возвращено⁷³⁶.

Судя по сообщениям белогвардейских газет, примерно в это же время начинает действовать партизанский отряд из нескольких десятков человек и в правобережной части Мазановской волости. Этим отрядом, по-видимому, командовал Ф.Голик, так как в сентябре имя его появилось в сводках областных газет в связи с нападением партизан на д. Путятино. Да и сам он являлся выходцем именно из этой волости, а в 1918 году даже был её военным комиссаром. Где то поблизости от него, по берегам р. Зеи, оперировал также отряд В.Аксёнова и Д.Файнберга. Его численность А.Слесарев определял в 30 человек, а отряда Голика – в 40⁷³⁷.

б) Формирование первых партизанских отрядов второго района

Первыми по времени образования партизанскими отрядами 2-го района считаются отряды «Старика», «Чёрный ворон» и «Юшкевича». Их возникновение научная историческая литература датирует довольно неопределённо. С точки зрения, например, составителей Хрестоматии Амурской области, указанные отряды были образованы в апреле-мае⁷³⁸, а авторы Истории Дальнего Востока утверждают, что это случилось в мае-июне⁷³⁹. Причиной таких несовпадений являются разногласия по данному поводу в самих исторических источниках.

Востриков относит их возникновение к концу апреля - началу мая 1919 года⁷⁴⁰, а И.Т.Воронцов утверждает, что это происходило уже в мае⁷⁴¹. Отряды «Чёрный ворон» и «Старика» сформировались в основном на основе осколков отряда Н.Е.Емельянова, ушедшего в этот район в конце марта 1919 года, после распада повстанческой армии Г.Драгошевского, а также из части бойцов Красноярской роты, отступивших сюда после разгрома казаками и японцами в начале апреля села Красный Яр. Первоначально все эти разрозненные группы жили в землянках, охотничьих зимовьях и на крестьянских заимках в тайге. Позже они начинают выходить в притаёжные деревни, ища себе какие-нибудь занятия для пропитания. Здесь, с наступлением тёплых дней, из них и начинают формироваться отряды партизан⁷⁴².

* Мобилизация была объявлена 19 июня, а срок явки был установлен с 1 июля.

Газеты начинают замечать активность партизан в районе станции Завитая примерно с середины мая. Именно тогда, по официальным сведениям из японского штаба публикуется информация, что «в районе деревень Бондаревка и Ирановка появились шайки красноармейцев в несколько десятков, а в других случаях с сотню человек с пулемётом»⁷⁴³. Деревни Ирановки в Амурской области тогда вообще не было. В данном случае, по-видимому, имеется ввиду находящееся к северу от ст. Завитой селение Верхне-Ильиновка, название которой было искажено служащими японского штаба. Бондаревка же (теперь не существует) располагалась где-то поблизости от неё.

То, что речь здесь идёт именно об отряде Старика, говорит факт наличия пулемёта, который в то время имелся в данном районе только у него. В своей автобиографии А.Бутрин рассказывает о захвате с помощью пулемёта парохода на р. Бурее. По его словам, именно после этого события, а точнее последовавших вслед за ним репрессий белых против населения, произошёл быстрый рост численности отряда⁷⁴⁴. Навигация на Бурее начинается в основном после 6 мая (время окончания ледохода)⁷⁴⁵, следовательно и указанное событие могло произойти не ранее этого срока. Есть и ещё одно свидетельство: по сообщению японского штаба от 23 мая, ротой из отряда Мибара был обнаружен живущий в бараке в 4-х верстах от Верхне-Ильиновки «отряд красноармейцев». Отряду удалось скрыться⁷⁴⁶.

Совпадает с газетными описаниями и район его действий, в который Востриков включает деревни Ильиновка (видимо Верхне-Ильиновка — Ю.Т.), Яносовка (теперь не существует), Последняя (теперь не существует), Бондаревка, Перевальная (теперь не существует), Крутые вершины (теперь не существует), Стариковка (Родионовка), Бахирево, Киселёва (теперь не существует) и др⁷⁴⁷. Судя по указанной информации местной прессы, отряд Старика уже к середине мая насчитывал около сотни бойцов.

В отличие от А.Бутрина В.Востриков даёт вполне конкретную дату образования своего отряда — 5 мая⁷⁴⁸. И хотя в другом своём воспоминании он называл по этому поводу 22 апреля⁷⁴⁹, обе этих даты легко сочетаются между собой, если соотнести их с двумя разными стилями календаря. В этот день в д. Марьяновке (в 20 километрах севернее ст. Завитой) состоялось организационное собрание отряда, на котором он и получил своё название «Чёрный ворон».

Все они были бывшими членами Жариковской подпольной организации. Первоначально их насчитывалось 15. Они устроили себе зимовье на р. Жиловье, недалеко от впадения её в речку Большой Горбыль. Востриков упоминает также второе зимовье своей группы вблизи притаёжных деревень Яносовки, Последней и Верхне-Будундинской (теперь не существуют). Постепенно численность группы увеличилась почти до 30 человек за счёт новых беглецов из с. Жариково и других мест. В середине апреля (то есть в конце апреля по новому стилю - Ю.Т.) группа перебралась на Марьяновские заимки, где затем и был организован партизанский отряд⁷⁵⁰.

Район действий этого отряда охватывал территорию с радиусом около 30 километров вокруг ст. Екатеринославки, включая в себя более 25 сёл и деревень. База же его находилась в районе деревень Марьяновка, Терновка (теперь не существует), Авраамовка (Абрамовка) и Романовка⁷⁵¹. Первым документальным свидетельством его существования можно, по-видимому, считать сообщение газеты о том, что «20 мая на посёлок в 7 верстах от ст. Екатеринославки (по-видимому д.Борисово — Ю.Т.) напали 10 красновардейцев и, ограбив деревню, скрылись»⁷⁵².

Отряд Юшкевича был создан, по видимому, тоже в мае, поскольку 1-я его боевая акция — неудачное столкновение с японцами под д. Вознесенкой* (теперь не существует) — состоялась, по словам самого В.Юшкевича, 5 июня 1919 года. Местом рождения этого отряда можно считать с. Райчиху, где к В.Юшкевичу и двум его спутникам, дезертировавшим из Буреинского партизанского отряда, присоединилось 28 местных крестьян. В лесных деревнях и заимках вдоль реки Завитой к ним примкнула группа бывших участников Мухинского восстания. Отряд, таким образом, к моменту первого боя увеличился до 63 человек⁷⁵³. Вскоре после этого боя в отряде числилось уже более 100 партизан⁷⁵⁴. Центральным районом деятельности партизанского отряда В.Юшкевича стали лесные деревни вдоль среднего течения р. Завитой, а одной из его баз - Кутковская мельница вблизи д. Вознесенки⁷⁵⁵.

В летние месяцы 1919 года во 2-м районе зарождаются ещё два будущих партизанских отряда: Иваново-Благовещенский и Красный орёл (с. Красный Яр). В этот период они были ещё только подпольными группами, совершавшими время от времени различные террористические или диверсионные акты вблизи своих сёл. Согласно воспоминаниям Н.М.Гранкина, первая из них сформировалась из бывших участников Мухинского восстания, прибывших в апреле в Ивановскую волость и расположившихся в старых землянках на заброшенном артиллерийском полигоне. Избрав свой комитет и отправив Н.М.Гранкина и Ф.Ненашева устанавливать связь с городской подпольной организацией, группа до 15 мая разошлась по домам.

После установления контакта с городом, Ивановская организация стала обеспечивать главный путь связи его с образовавшимися в Завитинском районе отрядами партизан. В основном через её базы в августе-сентябре осуществлялась переброска из города в партизанский штаб Мельникова, Б.Добровенского и С.Шилова, а также перемещение в обоих направлениях различных представителей и связных. Кроме того, эта группа сохранила собственное боевое подразделение под командованием Н.Гранкина, совершавшее нападения и диверсии, а также теракты против явных сторонников колчаковских властей.

Возобновление борьбы подпольщиков села Красный Яр произошло, согласно воспоминаниям И.Т.Воронцова, в августе 1919 года⁷⁵⁶. К этому же месяцу относится и первое упоминание об их действиях в белогвардейской прессе, которая писала тогда, что «на днях несколько крестьян д. Красный Яр, явившись в с. Михайловское, разграбили местного крестьянина К.Д.Королёва, вывели за деревню и застрелили. Дознанием выяснено, что убийство было произведено на политической почве: Королёв был противником большевиков...»⁷⁵⁷.

в) Образование партизанских отрядов в Архаро-Буреинском районе

Время возникновения партизанского движения в Архаро-Буреинском районе до сих пор остаётся довольно спорной темой в отечественной историографии. Если авторы Истории Дальнего Востока России считают, что Архаро-Буреинский отряд появился в мае-июне 1919 года⁷⁵⁸, то согласно Летописи Амурской области данный отряд дал свой самый первый бой интервентам около д. Грибовки уже 28 марта этого года⁷⁵⁹.

* д. Вознесенка находилась примерно между сохранившимися деревнями Албазинка и Петропавловка, на границе нынешних Завитинского и Михайловского районов.

Составители Летописи, при этом, ссылаются на работу А.В.Агеева «Амурские партизаны»⁷⁶⁰, которая, в свою очередь, писалась исключительно на основе воспоминаний партизан.

Указанная дата была выведена А.В.Агеевым, по-видимому, из воспоминаний командира Буреинского партизанского отряда Е.Воропаева. Правда, в опубликованном тексте этих воспоминаний есть указание только на то, что бой под Грибовкой произошёл в марте 1919 года⁷⁶¹. Определённое значение имеет календарный стиль этой датировки. Его можно определить по другим используемым здесь Е.Воропаевым датам. Так, из его воспоминаний можно установить, что свой побег из Благовещенской тюрьмы он совершил через 5 дней после ареста, состоявшегося 29 октября 1918 года⁷⁶², то есть 3 ноября. Эта дата может быть верной только по старому стилю, поскольку убежал Е.Воропаев в Китай в тот же день по льду Амура, который замерзает в районе Благовещенска обычно около 14 ноября⁷⁶³.

Таким образом, март по старому стилю может продлиться по новому календарю почти до середины апреля. На апрель указывают и другие, содержащиеся в тексте его воспоминаний обстоятельства. В частности, из описания Е.Воропаевым своих действий после возвращения на российскую сторону Амура следует, что до зимовья на Талом Ключе он добирался минимум 2 дня. Пожив там ещё 2 дня, он затем 10-12 дней ездил по району, агитируя в деревнях. Ещё через 2 дня был организован партизанский отряд. Бой же у Грибовки состоялся через 8 дней после создания отряда. При этом, Е.Воропаев утверждает, что решился выехать из Китая только после того, как узнал о сожжении японцами с.Ивановки⁷⁶⁴. Поскольку последняя была сожжена 22 марта, бой у д. Грибовки должен был состояться не раньше 16 апреля. За два дня до Грибовского боя, то есть не раньше 14 апреля, партизанами был захвачен охраняемый милицией и японским гарнизоном прииск Ивановский.

Однако сохранившиеся в архивах экземпляры мартовских и апрельских газет того времени, до 17 апреля включительно, не сообщают о каких-либо происшествиях Архаринском районе. Так как последние областные события в газете за 17 апреля датируются 14 числом, можно предположить, что Грибовский бой не мог произойти ранее 15 апреля. Самой же поздней границей его датировки является конец апреля, поскольку перед боем партизаны успели перейти по наледи реку Архара⁷⁶⁵, а ледоход на Архаре начинается около 27 апреля⁷⁶⁶. Таким образом, приблизительной датой боя у д. Грибовки можно считать вторую половину апреля. Следовательно, отряд Воропаева был создан в интервале с конца первой до конца второй декады апреля. В 1967 году к апрелю отнёс образование этого отряда и музейно-краеведческий совет при Амурском областном музее краеведения, возглавляемый тогда ветераном партизанского движения Н.М.Гранкиным⁷⁶⁷.

О времени появления партизанского отряда Е.Стрыкова известно ещё меньше. Судя по воспоминаниям Е.Воропаева, оба отряда были созданы приблизительно одновременно. Костяк Стрыковского отряда составили, по-видимому, бывшие красногвардейцы из числа горнорабочих Ивановского прииска, вернувшиеся сюда с Уссурийского фронта в сентябре 1918 года. По свидетельству В.Г.Замяткина, они попрятали свои винтовки и вновь устроились рабочими на приисках. На этом же и соседнем прииске, укрылись ряд советских и профсоюзных руководителей (В.Г.Замяткин, М.Ф.Новиков, Лобанов, Власюк, Чумак и др.). При появлении здесь в октябре карателей они вынуждены были уйти в тайгу, а с первым снегом — разойтись по жилым местам⁷⁶⁸.

По утверждению Е.Воропаева, в его собственном отряде было сначала 70 человек, а в отряде Стрыкова — 60. Через 4 дня после создания отряда Воропаева они объединились для совместного нападения на прииск Ивановский, где стоял японский гарнизон из 30 человек. На следующий день прииск был взят при незначительном сопротивлении только 10-12 милиционеров, так как японцы успели отступить на ст. Кундур. Оттуда почти сразу был выслан карательный отряд интервентов, что и привело, день спустя, к боевому столкновению партизан с ними у д. Грибовки⁷⁶⁹.

После объединения отряд должен был составлять 130 человек. Однако, Е.Воропаев приводит в опубликованной части своего воспоминания очень странный счёт. По его утверждению, в отряде теперь стало 4 взвода пехоты из 45 бойцов, взвод кавалерии 30 бойцов, штаб из 10 человек и 15 обозных⁷⁷⁰. Сумма всех перечисленных категорий никак не вписывается в 130 человек. Если 45 пехотинцев — это общее их количество, то во всём отряде получается всего 100 партизан. Если же 45 бойцов имел каждый взвод, то численность отряда увеличивается до 235 человек. Неясно, откуда могли взяться ещё 100 с лишним людей?

По-видимому, Е.Воропаев приводит здесь численность отряда не до, а несколько позже занятия Ивановского прииска, где к нему присоединилось немало местных рабочих, правда не вооружённых⁷⁷¹. Кроме того, видимо сразу после Грибовского боя, в состав отряда вошли две партии горняков, присланные организованным в Благовещенске из безработных приискателей (в том числе бывших красногвардейцев) горно-производственным кооперативом. Они прибыли сюда зимой для разведки золота в Архаринском районе около д. Гелевки (10 километров по прямой от Грибовки, выше по течению р. Архары. Теперь не существует — Ю.Т.). Среди них были лидеры горняков Н.К.Гребеньков, Арсентьев, Пустовалов и т.д.⁷⁷². После этого отряд, вероятно, и достиг указанной Е.Воропаевым величины. Присоединились к отряду и братья Власюки⁷⁷³, скрывавшиеся от преследований белогвардейцев в окрестных деревнях. После боя у д.Грибовки в штабе отряда произошли изменения. Командиром объединённого Архаро-Буреинского отряда был избран Н.К.Гребеньков. Е.Воропаев же возглавил взвод конных разведчиков, оставаясь, при этом, в составе штаба⁷⁷⁴.

В дальнейшем партизаны видимо обосновались на месте бывшего лагеря отряда Стрыкова. Такой вывод можно сделать из газетного сообщения от 17 мая о том, что «главные силы красных, достигающие по слухам 10000 человек, расположились в сопках правого берега Архары, выше д. Грибовки, а также в устье реки Урин, где у них находится главный склад оружия и боеприпасов, и по реке Тингану (видимо р. Татакан — Ю.Т.)». Такое огромное преувеличение численности партизан являлось, видимо, отголоском страхов, пережитых сторонниками белых властей во времена Мухинского восстания. Не обошлось здесь и без обязательного упоминания Иванова, который, якобы, являлся начальником штаба этого отряда.

Строчкой ниже было напечатано официальное опровержение этих сведений со стороны японского штаба, где уточнялось, что «в данном районе бродят лишь небольшие шайки партизан, а в отряде Иванова не более 100 человек»⁷⁷⁵. Столь низкая оценка численности партизан японским штабом может говорить о слабой активности здесь к тому времени как японских отрядов, так и самих партизан. Возможно, это связано с весенней распутицей, поскольку данный период затишья совпал с ледоходом на реках Архаро-Буреинского района, который, в среднем, продолжается с 27 апреля по 6 мая⁷⁷⁶.

Затем последовал набег на железную дорогу вечером 17 мая, причём силы партизан белогвардейская пресса явно преувеличенно оценивала в 700 человек. В результате этого нападения была разграблена ст. Кунгур и сожжены 4 моста между ним и ст. Урил, а также в двух местах разобран железно-дорожный путь⁷⁷⁷. После этого события Архаро-Буреинский отряд вновь исчезает на время из сводок амурских газет. Можно предположить, что большая часть отряда во второй половине мая была распущена по домам. Существование такого довольно крупного отряда в отдалённом малонаселённом районе, при почти полном отсутствии информации о наличии партизанского движения на остальной территории области и края, могло казаться бессмысленным для самих партизан и слишком разорительным для местных крестьян. К тому же, уже началось время сезонных полевых работ.

В архиве Амурской области сохранился список членов данного отряда, относящийся, по-видимому, именно к этому времени. В его составе 54 кавалериста и 21 пехотинец. Всего 75 человек, из которых 10 — члены штаба. Среди последних перечислены командир отряда Гребеньков, товарищ командира (заместитель) Е.Я.Воропаев, начальник штаба М.Новиков, его товарищ В.С.Лесной (М.И.Власюк) и ряд других будущих видных деятелей партизанского движения в области⁷⁷⁸. Кроме того, часть партизан могла оставаться в это время на р. Архаре, так как в списке отряда не упоминается один из его создателей и руководителей Е.Стрыков.

Впрочем, и основной отряд в июне, видимо, тоже вернулся на р. Архару. Оттуда было легче добраться до казачьего хутора Михайловский Иннокентьевского станичного округа, на который Архаро-Буреинский отряд предпринял вылазку для разоружения казаков. По воспоминаниям И.Мосича, это произошло 21 июня (то есть 4 июля по новому стилю, что подтверждается сообщениями тогдашних газет⁷⁷⁹ — Ю.Т.). В результате состоявшегося здесь боя часть казаков отступила на китайскую территорию.

Через несколько дней казаки нанесли ответный удар. 29 июня, как утверждает тот же свидетель, они внезапно напали на располагавшийся в д. Грибовке (на р. Архаре) партизанский отряд. Окружённый казаками командир отряда Гребеньков застрелился. Кроме него отряд потерял убитыми ещё 10 человек⁷⁸⁰. Дату этого события И.Мосич опять указал по старому стилю. По сообщениям газет, сотня казаков 1-го Амурского казачьего полка, высланная «для преследования красных, напавших на хутор Михайловский», настигла их 12 июля, при этом «красные потеряли убитыми 15 человек, захвачено 13 винтовок, 8 ручных гранат и 10 лошадей⁷⁸¹.

Косвенно подтверждает эту дату и тот факт, что приказ № 5 о мобилизации в партизанский отряд был издан его штабом 8 июля. Этот приказ имеет свои загадки. В архиве имеется целых шесть его копий и ни одного оригинала. Вероятно, текст приказа был восстановлен позже разными лицами. Под всеми стоят три фамилии: командира отряда, его товарища и заведующего штабом. При этом в двух копиях вместо фамилии Воропаев написано Веремеев и Виримеев, а датой проставлено 9 июля⁷⁸². Эти документы, видимо, можно считать наиболее неточными копиями данного приказа.

Приказ № 5 предписывал явиться по мобилизации всем запасным членам отряда в возрасте 21 и 22 лет (видимо из числа распущенных в мае — Ю.Т.), а также имеющим оружие добровольцам. Мобилизацию предполагалось провести в трёхдневный срок с 11 по 14 июля. Планировалась и мобилизация недостающих лошадей, с условием, что в хозяйствах крестьян должно оставаться не менее 4-х рабочих лошадей. Сходы в деревнях

для решения вопросов мобилизации должны были пройти вечером 11 июля, а съезд выбранных на них делегатов — 13 числа в д. Ярославке⁷⁸³.

Таким образом, нападение казаков на штаб партизан должно было сорвать мобилизацию в партизанский отряд. Однако есть основания полагать, что до конца сделать это казакам всё же не удалось. Помимо шести копий приказа № 5, в архиве сохранилась карандашная рукопись (по-видимому, черновик) ещё одного такого же приказа, но подписанного только одним человеком — Товарищем командира отряда, то есть Е.Воропаевым. Этот приказ отличается от предыдущего лишь датами и пунктом сбора мобилизованных. Если по приказу № 5 они должны были собраться в Ярославке, то согласно новому документу — в д. Грибовке, и не к 14, а к 15 июля⁷⁸⁴.

Мобилизация, видимо, была всё же проведена в срок, потому что уже 4 июля по свидетельству И.Мосича, то есть 17 июля по новому стилю, началась операция, ради которой она, очевидно, и задумывалась — рейд «за р. Бурейя для соединения с отрядом Иванова»⁷⁸⁵. Архаро-Буреинские партизаны двигались туда по координатам, указанным белой прессой, не подозревая, что под «отрядом Иванова» газеты того периода часто подразумевали отряд Старика, собственной клички которого тогда ещё не знали. Возможно, впрочем, Старик поначалу сам сознательно использовал фамилию этого широко известного со времени Мухинского восстания руководителя, считая его тогда, видимо, погибшим. Общее командование Архаро-Буреинским отрядом в тот период, по-видимому, осуществлял Арбатский, так как на заседании ОВПК 3 октября он упоминал о себе как о прежнем командире отряда в 3-м районе⁷⁸⁶.

Так и не обнаружив за Буреей других партизанских отрядов, архаро-буреинцы повернули домой, поскольку для их преследования уже был двинут крупный казачий отряд с артиллерией (Мосич исчисляет его в 600 человек). Численность же самого Архаро-Буреинского отряда в этот момент И.Мосич оценивает в 350 человек. Пулемётов у них не было. Через д. Гомелевку отряд вернулся в свой район, где в д. Клин (по-видимому, с. Новоспасское — Ю.Т.) разбился на три части. Одна из них, в числе всего 15 человек, отправилась под командованием Арбатского продолжать поиск других партизанских отрядов. Остальные разделились на два эскадрона (пехота была видимо сразу распущена по домам — Ю.Т.). 1-й эскадрон, названный Архаринским, под командованием И.Мосича ушёл в Архаринский район. 2-й, Буреинский, во главе с Е.Воропаевым остался на р.Бурее. Общее командование отрядами было доверено Е.Стрыкову.

2. Зарождение партизанских районов:

а) Начало формирования 1-го партизанского района

Историография истории 1-го партизанского района Амурской области не отличается особой широтой. В сущности вся ныне существующая литература по данной теме опирается, в основном, только на воспоминания председателя штаба 1-го района Якова Викторовича Прохорова, а также, в значительно меньшей степени, членов штаба А.С.Обиденко, И.Толстикова, и бывшего партизана А.Гливенко.

Критический метод работы с источниками предполагает обязательную проверку их точности и объективности. Воспоминания Я.В.Прохорова были написаны в нескольких вариантах во второй половине 50-х – начале 60-х годов. Большинство воспоминаний других авторов написаны в тот же период, причём в них широко использованы сведения из воспоминаний Я.Прохорова. В силу такого обстоятельства ни одно из этих

воспоминаний не может считаться достаточно точными и объективным самостоятельным основанием для научных выводов. Каждое из них нуждается в проверке воспоминаниями 20-х – начала 30-х годов и документальным материалом времён гражданской войны.

Применительно к данному вопросу такими уточняющими источниками можно считать воспоминания 1927 года того же А.С.Обиденко, значительно отличающиеся от его поздних работ, книгу П.Е.Вшивкова «Боевые дни Амура», изданную в 1932 году, а также документы партизанских штабов и современный событиям газетный материал.

Образование 1-го партизанского района напрямую связано с созданием районного штаба, со временем ставшего центральным руководящим органом на всей его территории. Штаб этот сформировался на основе широко разветвлённой сельской подпольной организации, первоначально сложившейся в нескольких деревнях к северу от линии железной дороги между г.Алексеевском (Свободный) и ст. Бочкарёво (Белогорск). История этой организации пока недостаточно ясна. Я.В.Прохоров утверждает, что первая ячейка её образовалась в с. Украинка нынешнего Серышевского района вскоре после появления там Я.Прохорова во второй половине сентября 1918 года. Точной даты этого события он не указывает. Председателем созданного там подпольного комитета стал Яков Старина, а Я.Прохоров являлся одним из его членов.

Согласно тому же источнику, уже на втором своём заседании члены организации образовали отряд самообороны из 40 человек, командиром которого был избран Я.В.Прохоров⁷⁸⁷. (Впрочем, в другом его воспоминании, откорректированном А.С.Обиденко, количество участников второго совещания уменьшено до 28 человек⁷⁸⁸). Он же был уполномочен на создание подобных комитетов и в соседних деревнях⁷⁸⁹. В одном из вариантов своих воспоминаний он утверждает, что уже в октябре организация охватывала помимо Украинки ещё более 14 населённых пунктов района, в числе которых называет и д. Бугорки⁷⁹⁰ (Весёлое). Между тем, по воспоминаниям бывшего подпольщика из д. Весёлой М.К.Кутового, её комитет был создан совершенно независимо от подпольной организации Украинки ещё в сентябре 1918 года, а связался с другими подпольными организациями района только в апреле⁷⁹¹.

Скорее всего, указанное Я.Прохоровым количество входящих в подпольную сеть района населённых пунктов определилось лишь к моменту завершения формирования самого 1-го партизанского района. В начале же она охватывала лишь несколько ближайших к Украинке деревень. Причём подпольные комитеты в этих деревнях не имели первоначально единого управляющего центра. Во всяком случае, один из подпольщиков с. Верное С.Л.Воробьёв, подтверждая участие Прохорова в создании своей организации, свидетельствует что к моменту Мазановского восстания подпольный комитет в его селе принимал решение об участии в нём вполне самостоятельно.

После получения от жителей с. Мазаново просьбы о помощи, в с.Верном, по его словам, был создан повстанческий отряд из 40 человек, командиром которого был назначен С.Воробьёв. Правда, местному комитету численность отряда показалась, видимо, недостаточной и Воробьёв был отправлен агитировать за восстание по соседним деревням, чем он и занимался до января по старому стилю, то есть по новому – примерно до середины января⁷⁹². По каким-то причинам остальные части организации присоединиться к восстанию, видимо, отказались. Во всяком случае, в воспоминаниях Я.Прохорова об участии в нём не сказано ни слова. Возможно, информация о начале восстания дошла до них слишком поздно, когда всем стал уже ясен его неудачный исход.

Не приняли члены организации участия и в Мухинском восстании. Есть сведения, что именно Я.Прохоров был активным противником присоединения к нему. Судя по его воспоминаниям, решение о создании партизанского отряда было принято примерно 15 марта. Однако этот же автор указывает, что данное событие произошло уже после роспуска повстанческой армии Г.Драгошевского⁷⁹³, и, следовательно, не могло случиться до 17 марта. Скорее всего, дата 15 марта дана здесь в старом стиле (то есть 28 марта по

н.ст.). На это указывает и то, что в одном из своих воспоминаний Я.Прохоров отнёс образование своего отряда к концу марта⁷⁹⁴.

М.К.Кутовой утверждает, что к концу апреля уже завершилось создание кольца подпольных организаций вокруг отряда Я.Прохорова, надёжно прикрывших его со всех сторон от внезапных нападений карателей и обеспечивавших партизан оружием, боеприпасами и продовольствием⁷⁹⁵. Между тем, вполне официальный документ – справка Дальневосточного государственного архива в г. Томске, ясно свидетельствует, что Я.В.Прохоров «в июне установил связь с подпольной организацией 1-го района Амурской области, организовал военный штаб в тайге». Следовательно, завершение создания общерайонной подпольной организации, руководимой партизанским штабом, произошло не раньше июня 1919 года.

Начало собственно партизанской деятельности этого отряда следует отнести, видимо, к первым числам мая. По сообщениям амурской прессы того времени, именно в ответ на появление здесь накануне посевной небольших конных отрядов «красноармейцев», отбиравших у крестьян лошадей и старавшихся сорвать мобилизацию молодёжи в армию Колчака, 5 мая в данный район был направлен из Свободного японский батальон⁷⁹⁶. Из указанных в том сообщении деревень, подвергшихся нападениям партизан, как минимум пять – Новоохочье, Сосновый Бор (Верное), Бугорки (Весёлое), Круглая падь (Добрянка) и Орловка – находились в непосредственной близости от отряда Прохорова и были связаны с ним по линии подпольных комитетов⁷⁹⁷.

В конце мая, по свидетельству Я.Прохорова, в д. Бугорки было созвано совещание представителей партизанского отряда и подпольных комитетов, на котором впервые был избран районный штаб. Председателем его стал Белов, а секретарём – Мокин-Ветров. Вскоре оба они были разоблачены как провокаторы и белогвардейские шпионы⁷⁹⁸. А.Обиденко, правда, считал расстрел Белова следствием мести со стороны анархистски настроенных партизан⁷⁹⁹. Обиденко в тот период ещё не было в отряде, поэтому он, вероятно, пересказал ходившие позже среди бойцов пересуды. Данные события произошли, видимо, во второй половине июня, поскольку тот же Обиденко утверждает, что где-то между 15 и 20 июня отрядом ещё командовали Прохоров и Белов⁸⁰⁰.

Я.Прохоров сначала был избран членом штаба и командиром отряда, а после разоблачения Белова стал председателем штаба, сохранив за собой, в то же время, и командование отрядом. В конце мая, на собрании всего отряда, а затем и на совещании членов подпольных комитетов была утверждена инструкция «о революционной дисциплине», ставшая основным законом для партизан-прохоровцев.

По утверждению Я.Прохорова, к моменту создания районного штаба его партизанский отряд насчитывал уже около 170 человек кавалерии и пехоты, а к началу выхода отряда в первый рейд по району – до 400 человек⁸⁰¹. Однако воспоминания А.Обиденко заставляют усомниться в точности таких расчётов. По утверждению последнего, встреченный им у д. Державенки отряд Прохорова состоял из 15-20 кавалеристов и 70-80 пехотинцев⁸⁰². Таким образом, общая численность его составляла не больше 100 человек.

Выход своего отряда за пределы его первоначального района деятельности Я.Прохоров датирует июнем 1919 года⁸⁰³. Эта дата явно указана им по старому стилю, поскольку газеты того времени свидетельствуют, что бой, выдержанный отрядом в первый же день своего рейда у с. Верное, состоялся 11 июля⁸⁰⁴. Целью выхода Прохоров называет добычу оружия и патронов, однако попутно была значительно расширена сфера влияния его штаба на территорию Верненской и Завидненской волостей. Кроме того, в отряд Прохорова влились встреченные им во время похода небольшие конные отряды партизан. Общую их численность Я.Прохоров оценивает почти в 150 человек⁸⁰⁵. Между тем А.Обиденко утверждает, что даже в июле численность кавалерии 1-го района составляла всего 80 человек. Он же пишет, что вместе с ним к отряду Прохорова присоединилась четверо партизан⁸⁰⁶, а Прохоров исчисляет их количество в 62 бойца.

Также преувеличен последним, видимо, и численный состав других присоединившихся к нему конных групп. Тем не менее, в результате этого похода крохотная кавалерия отряда увеличилась почти в пять раз.

Примерно в середине июля отряд Прохорова вновь вернулся на свою базу. К тому времени в нём насчитывалось уже, по его словам, около 700 человек⁸⁰⁷. Однако и тут А.Обиденко значительно ограничивает фантазию Прохорова. Он определяет численность отряда даже к концу июля в 80 кавалеристов и около 300 пехотинцев⁸⁰⁸, что, однако, тоже в четыре раза больше, чем было в июне. Такое резкое увеличение численности пехоты связано с началом с 1 июля мобилизации молодёжи 1901 года рождения в армию Колчака. Подпольным комитетам района удалось практически сорвать мобилизацию в своих деревнях и направить молодёжь этого возраста в отряд Прохорова. Приложили к этому руку и сами партизаны. По деревням было специально послано с данной целью 18 представителей штаба в сопровождении небольших кавалерийских подразделений.

На базе отряда в Круглой пади было организовано военное обучение молодых крестьян, а также их политическое воспитание, которым занимались наиболее подготовленные в этом отношении лица из числа старожилов отряда. Вся пехота была разбита на три роты, по три взвода в каждой, кавалерия – на три взвода. Сразу после возвращения отряда из рейда были проведены перевыборы командного состава⁸⁰⁹.

Командующим партизанской армией 1-го района, по свидетельству А.Обиденко, был избран И.И.Михненко, а Я.В.Прохоров остался председателем районного штаба⁸¹⁰. Прохоров, правда, утверждает, что Михненко стал командовать только пехотой, а командиром кавалерии, по распоряжению штаба, был назначен Д.Никитин⁸¹¹. В данном случае, скорее всего, прав А.Обиденко, поскольку созданный на заседании 12 августа в д. Албазинке ОВПК именно И.Михненко считал командиром отряда 1-го района, а Д.Никитин лишь возглавлял сопровождавший его кавалерийский отряд.

Во второй половине июля «армия» сделала два нападения на гарнизоны противника и две диверсии на транспортных путях. Эти акции партизан серьёзно озаботили белогвардейское и японское командование, которые в ответ разработали крупную совместную операцию по разгрому партизанских отрядов в долине реки Зеи и вдоль железнодорожной магистрали. Начало всей операции было назначено на 28 июля, однако в междуречье Томи, Зеи и Селемджи она началась несколько позже, примерно 31 июля или 1 августа. По утверждению А.Обиденко штаб 1-го района узнал от подпольщиков о грядущей операции ровно за сутки до выхода японских и белогвардейских войск⁸¹². Я.Прохоров этот срок увеличивает ещё на один день⁸¹³.

На начальном этапе в операции принимали участие отряды из гарнизонов с. Мазаново, ст. Бочкарёво (Белогорск) и с. Красноярovo. Движение их строилось с таким расчётом, чтобы сначала перекрыть партизанам пути отступления в тайгу, а затем окружить и уничтожить. Вовремя оценив угрожающую опасность, штаб района решил как можно скорее вывести армию из сжимающегося кольца⁸¹⁴. Численность её на тот момент Я.Прохоров оценивает уже в 1300 человек, из которых 600 человек были не вооружены⁸¹⁵. Быстро выскользнуть из окружения с таким количеством людей и неизбежно огромным обозом по плохим лесным и просёлочным дорогам было возможно.

Более убедительным, поэтому, выглядит свидетельство А.Обиденко, что вся «армия» тогда немногим превышала 380 человек. Правда, подрывная группа Воропаева, видимо, осталась оперировать на железной дороге. Об этом свидетельствует тот факт, что 3 августа, когда основные силы партизан находились уже в д. Пушкино, между ст. Бочкарёво и Белоногово был сожжён железнодорожный мост⁸¹⁶.

В столкновение с противником отряд вступил у д. Орловка. Согласно сообщениям белогвардейской прессы, это произошло 2 августа. В описаниях Я.Прохорова белогвардейско-японский отряд, после примерно часовой перестрелки, отступил, потеряв убитыми 15 человек⁸¹⁷. А.Обиденко говорит о столкновении здесь только с разведкой противника, потери которой убитыми оценивает в 5 японцев и 2 милиционера⁸¹⁸. По

сообщениям же прессы, «разведка из 9 милиционеров, 6 японцев и 4 русских солдат встретила отряд большевиков, человек 200. В перестрелке один милиционер был убит, а при отступлении отстали и попали в плен ещё два милиционера. Отряд немедленно выступил для преследования большевиков, но те уклонились от столкновения»⁸¹⁹.

Последняя версия выглядит наиболее убедительной, поскольку сразу после боя, партизанский отряд, избегая встречи с Орловским отрядом противника, повернул по направлению к д. Лиманной. Пройдя её ночью, партизаны днём добрались до таёжной деревни Пушкино. Здесь их ждал ещё один бой. Его обстоятельства также требуют уточнения. По утверждению Я.Прохорова, в Пушкино их настигла разведка Мазановской группы противника, после чего вся армия вышла из деревни и направилась в тайгу, а японцы безрезультатно били ей вдогонку из пушек⁸²⁰. Совсем иначе описание этого боя выглядит на страницах амурской прессы. Там утверждалось, что партизаны были разгромлены отрядом 35-го сибирского стрелкового полка полковника Суррей.

Высадившись на станции Поздеевка, он двинулся вдоль края населённой полосы к р. Селемдже, очевидно рассчитывая перехватить отходящих в тайгу партизан. В районе д.Пушкино, а точнее «между Маргаритовкой и Паутовкой разведка встретила крестьян на 10 подводах, которые ответили, что возили провиант красным, расположившимся лагерем на стоящей в нескольких верстах сопке... Красные располагали силами в 600 человек, из которых человек 200 китайцев. В составе этой банды имелось 239 принудительно мобилизованных красными новобранцев. После первых же артиллерийских выстрелов, в лагере красных началась паника, и пехота обратилась в бегство.... После следующих выстрелов и конница также бежала ..., оставив лагерь и обоз в добычу отряду»⁸²¹.

Данная версия во многом подтверждается воспоминаниями А.Обиденко. По его словам «в 7 верстах от д.Пушкинской... противник... на 2-й день часов в 7 вечера начал обстрел из орудий места нашего расположения... при 1-х же орудийных выстрелах, наша пехота... составленная главным образом из призывников, панически стала разбегаться... Отряд, собрав из 300 человек пехоты до 100 при 86 конных, двинулся без дороги... к Соколовке»⁸²². Не совпадает здесь только количество пехотинцев, но Обиденко не упомянул о 200 китайцев, при учёте которых получается близкая к данным прессы цифра.

В ещё одном газетном сообщении место боя указывалось в 10 верстах к юго-востоку от Паутовки. Исходя из всех указанных свидетельств, картина Пушкинского боя складывается следующим образом: Настигнутая в д.Пушкино разведкой Мазановского отряда противника армия партизан 1-го района отошла лесом в восточном направлении и остановилась на возвышенности, примыкающей с запада к Паутовской пади. Там она и была обнаружена проходившим мимо отрядом Суррея, который обстрелял её из артиллерийских орудий, после чего большая часть партизан разбежалась, а оставшиеся лесными тропами ушли на юг, в долину реки Томи.

Время этого боя легко установить на основании воспоминаний А.Обиденко. Он пишет, что отряд подвергся обстрелу на 2-й день после отступления из д. Пушкино. В Пушкино же отряд пришёл на следующий день после Орловского боя⁸²³. Таким образом, указанное событие состоялось 4 августа 1919 года. Косвенно эту дату подтверждает и тот факт, что 6 августа отряд Суррея находился уже в д. Таскино на р. Селемдже, то есть от места боя почти в 60 километрах по прямой.

Дальнейшие события тоже совершенно по-разному описываются Я.Прохоровым и А.Обиденко. По утверждению Я.Прохорова, его армия никуда не бежала, а расположилась в лесу у небольшого озера, в «штабной» балке, между Паутовкой и Маргаритовкой. Утром на военном совете командиров было решено 800 человек распустить на полевые работы, 86 кавалеристов послать для установления связи и создания областного штаба во 2-й район, а остальных 560 оставить в 1-м районе⁸²⁴.

Нетрудно заметить, что общая численность армии к этому моменту каким-то образом увеличилась в представлениях Я.Прохорова с начала похода ещё на 146 человек. Совсем иначе освещает эти события А.Обиденко. По его свидетельству, остатки отряда

остановились в 4-5 верстах от д. Соколовки, где и произошло совещание военного совета, на котором было принято решение «оставшуюся пехоту распустить, кавалерии же двигаться во 2-й район для установления... связи с... отрядом Иванова (на самом деле – Старика – Ю.Т.), о котором мы узнали незадолго до этого. С пехотой остался тов. Прохоров, которому поручалось пехоту вывести и распустить с наказом, при 1-м призыве... собраться вновь»⁸²⁵.

С этого момента А.Обиденко (С.Завьялов) перестаёт быть непосредственным свидетелем событий в 1-м районе, поскольку вместе с кавалерией Никитина и членами штаба Филипповым, Фёдоровым, Д.Петровым, И.Толстиком и И.Михненко отправился во 2-й район, где вскоре был избран секретарём Областного военно-полевого коллектива. Дальнейшие его описания истории 1-го района сделаны уже явно из чужих уст и сами нуждаются в проверке другими источниками. Таким образом, вплоть до середины сентября 1919 года, когда в штабе 1-го района появляется П.Е.Вшивков, проверить воспоминания Я.Прохорова можно только на основе газетных сообщений и документов областного партизанского штаба.

В своих воспоминаниях Я.Прохоров разбивает оставшиеся у него после раздела отряда 560 человек на три отряда по 320, 120 и 120 человек соответственно. Самый крупный из них, во главе с самим Я.Прохоровым возвращается обходным путём в Круглую падь, второй, во главе с Медведевым и членом штаба И.Лопатиным, остаётся между Паутовкой и Маргаритовкой, а третий, возглавляемый Н.Соколовым, обосновывается на таёжных заимках д.Талый ключ (Соколовка). По пути на свою базу Прохоров распускает ещё 80 человек, оставив у себя лишь 240⁸²⁶.

Учитывая свидетельства А.Обиденко, правдой здесь может быть лишь фамилии командиров отрядов, и само существование последних. Прохоров действительно мог оставить небольшую группу партизан своего отряда близ д. Соколовки в долине реки Томи. Что же касается отряда Медведева и Лопатина, то он, скорее всего, образовался из отставших от основного отряда во время паники партизан, которые, не зная направления дальнейшего движения армии, остались в долине реки Бирмы.

Сам же Прохоров, видимо, действительно возвратился с частью отряда на свою базу в Круглую падь. К удивлению партизан, она не была уничтожена карателями. Вскоре туда же вернулась и значительная часть разбежавшихся или распущенных новобранцев партизанской армии 1-го района. Вместе с ними добровольно приходило и немало новых людей⁸²⁷. Однако даже примерно к концу августа численность отряда составляла ещё по свидетельству П.Е.Вшивкова, со слов Г.Рулёва, около 200 человек.

Впрочем, он мог быть ещё меньше. По газетным сообщениям за 29 августа 1919 года, «около д. Молчановки находится отряд красных в 150 человек под командованием Патрушева при 2-х пулемётах»⁸²⁸. «Около» Молчановки (деревня в 10 километров по прямой от оз. Боярского) располагалась тогда база Прохоровского отряда. В данном случае газетчики явно спутали Прохорова с Патрушевым. Видимо, фамилия начальника штаба 1-го района была им ещё не знакома. Штаб же Патрушева в тот момент находился по другую сторону реки Зеи, за г. Свободным, от с. Молчаново в 50 километрах по прямой.

Кавалерия Никитина задерживалась во 2-м районе, поэтому штаб Прохорова провёл мобилизацию лошадей и продуктов в зажиточном старожильческом селе Белоярово, жители которого выполнили требования партизан в обмен на жизнь и свободу захваченного последними гласного областного земства от этого села эсера Бессмертного⁸²⁹. Первое время после возвращения на свою базу отряд Прохорова активных диверсионных действий, по-видимому, не производил, во всяком случае, о них нет сведений в имеющихся сегодня документальных источниках. Они возобновляются незадолго до возвращения отряда Д.Никитина, когда между Суражевкой и д. Бугорки (Весёлое), как уверяет Я.Прохоров, был спущен под откос очередной японский эшелон⁸³⁰.

б) Формирование партизанского района на смежных территориях нынешних Зейского и Шимановского районов

Районный штаб партизанских отрядов фактически образовался здесь после объединения отрядов Ф.Кошелева и М.Круглова в начале июля 1919 года в Моховой пади. Официально он, конечно, районным не назывался. Скорее он претендовал на руководство всем партизанским движением на территории, по крайней мере, бывшего 1-го повстанческого района. Не случайно, первым же его мероприятием стала отправка членов штаба в соседние местности для создания там новых партизанских отрядов.

По воспоминаниям Ф.Кошелева, сам он поехал по верхнезейским деревням, Мордвинов был послан для агитации среди казаков, а Боровский направился в сторону Свободного. Решено было также «послать связь к имевшимся в этом районе (Свободненском – Ю.Т.) мелким отрядам и всех их объединить в один отряд». Руководить штабом был оставлен М.Круглов, а военное командование оставшимся при штабе объединённым отрядом, уже разбитым на роты, эскадрон и команды, было доверено Таюрскому⁸³¹.

Отправленному на север Ф.Кошелеву удалось довольно быстро собрать в верхнезейских деревнях два новых довольно больших отряда. Численность их Ф.Кошелев, возможно сильно преувеличивая, определяет в 240 и 150 человек (М.Круглов подтверждает, что Ф.Кошелев прислал с Верхней Зеи около 400 человек, но в течение всей осени⁸³², то есть вместе с третьим отрядом, собранным в октябре). Это были чисто крестьянские отряды, в состав которых вошла молодёжь в основном старообрядческих (семейских) сёл. Этому немало поспособствовала начавшаяся с 1 июля насильственная мобилизация в армию Колчака, а также известность самого Ф.Кошелева в этих местах как бывшего члена Зейского Совета, отвечавшего за продовольственное дело. Значительно менее успешной оказалась деятельность двух других посланцев штаба. Они вынуждены были вернуться практически ни с чем⁸³³.

Популярности Кошелеву среди преобладавших в Зейском районе крестьян-старообрядцев добавила и жёстко проводимая им политика, направленная на прекращение деятельности никому не подчинённых мелких партизанских отрядов, состоявших в основном из бывших красногвардейцев, которые не только грабили довольно зажиточных староверов, но и позволяли себе различные насилия, а также надругательства над символами их веры (топтанье икон и т.д.). Возможно, именно после появления на Верхней Зее Ф.Кошелева, отряд Аксёнова и Файнберга спустился оттуда в район Свободного.

Первый отряд был отправлен Кошелевым в штаб из Умлекана после того как им были получены сведения о состоявшихся в районе Гондатти боях. Второй отряд привёл в расположение штаба он сам, предположительно, не раньше начала сентября, поскольку в своих воспоминаниях Ф.Кошелев сообщает, что бои, проведённые оставленным при штабе отрядом, произошли до его возвращения⁸³⁴. Эти бои были зафиксированы прессой в августе и начале сентября.

По утверждению Гольдфингера, уже к концу мая отряд Ивана Мадьяра в оперативном отношении подчинялся штабу Кошелева, поскольку именно от него в 1-й половине июня получил приказание перейти на железную дорогу в качестве подрывной команды⁸³⁵ (сам Ф.Кошелев, правда, об этом не упоминает – Ю.Т.). Дату эту Гольдфингер указал, конечно, неправильно, поскольку к тому времени никакого районного штаба здесь не было. Связь с ним могла быть установлена только почти двумя месяцами позже, поэтому на правый берег Зеи отряд Ивана Мадьяра переправился уже в августе. По утверждению самого Гольдфингера, это случилось через две недели после боя в д. Нововысокой⁸³⁶, следовательно – около 14 августа.

Под контролем Кошелевского штаба, по-видимому, находился тогда и отряд Номоконова. По воспоминаниям Гольдфингера, именно к этому отряду, стоявшему в

соседней деревне Ивановке, обратился за помощью отряд Ивана Мадьяра, когда был окружён японцами в орочанском селении Арби на реке Уркан. Причём командиром этого отряда Гольдфингер называет Ковтуна, а Номоконова считает комиссаром⁸³⁷. Учитывая, что Ковтун стоял у истоков создания отряда Кошелева⁸³⁸, можно сделать вывод, что отряд Номоконова являлся к тому времени самостоятельным подразделением отряда Кошелева. Правда, Гольдфингер утверждал в другом своём воспоминании, что этот отряд в основном оперировал в приисковом районе севернее города Зеи. Можно предположить, что там он начинал свои партизанские действия.

Географически к этому партизанскому району примыкали приисковые районы северо-запада Амурской области. Там тоже действовали партизанские отряды, которые принято называть Ольдойскими. Некоторые из них историкам до сих пор не удалось идентифицировать.

в) Ольдойский партизанский район.

По данным А.В.Агеева, опиравшегося, в данном случае, в основном на воспоминания И.П.Швецова, история Ольдойского партизанского района началась в апреле 1919 года, когда в районе ст. Ольдой (в 30 км к западу от ст. Сковородино) сформировалась небольшая группа из бывших красногвардейцев и советских работников. Вскоре она разделилась на два крохотных отряда, один из которых (до 16 человек), возглавляемый В.Дрогалиным, отправился в окрестности ст. Большой Невер (к востоку от Сковородино), чтобы в дальнейшем действовать вдоль идущего от неё на север Томмотского тракта, а другой, под командованием амурского казака Ф.Щербакова остался в районе Ольдойских приисков⁸³⁹.

Между тем, вопреки последнему утверждению А.В.Агеева и И.П.Швецова, отряд Ф.Щербакова действовал позже на Верхней Зее, о чём имеются свидетельства А.Ф.Гольдфингера и Ф.Кошелева. По-видимому, он ушёл с Ольдоя вскоре после отряда Дрогалина, и уже к концу апреля, то есть ещё до ледохода, перебрался по замёрзшему руслу р. Уркан, в Овсянковскую волость, где и объединился с группой Яноша Ковача (Ивана Мадьяра). То, что отряд Щербакова ушёл из района Ольдоя, подтверждается и отсутствием в газетах, за период с мая по июль 1919 года, упоминаний о нападениях там партизан на прииски и железную дорогу.

Что же касается отряда В.Дрогалина, то он двинулся трактом на север по приискам. Первой его жертвой стал прииск «Стрелка» (в нескольких километрах к северу от п. Соловьёвский), где в начале июня был уничтожен небольшой отряд горной милиции и захвачены приисковые склады⁸⁴⁰. Обеспечив себя, таким образом, оружием, одеждой и продовольствием, партизаны направились дальше в сторону Якутии. По сообщениям газет, именно в это время был «ограблен шайкой красных» прииск Виталиевский по реке Тынде, принадлежащий Сергееву⁸⁴¹.

В июле (видимо в его начале – Ю.Т.) отряд добрался до прииска «Лебединый»⁸⁴², где обрывался колёсный путь. Дальше на Тимптонские и Томмотские прииски шла только вьючная тропа. Такая же тропа отходила отсюда и в юго-восточном направлении, к Верхнезейским и Гилюйским приискам⁸⁴³. Туда и направился затем отряд Дрогалина. На его пути лежали более десятка приисков по правым притокам р.Зеи Унаха, Иликан и Гилюй. До конца июля все они подверглись полному разгрому партизан⁸⁴⁴. Как писала тогда одна из амурских газет, «в последнее время оперирующей шайкой во главе с Дергаевым (Дрогалин – Ю.Т.) и Васильевым (Д.Д.Васильев присоединился к отряду на Верхней Зее⁸⁴⁵) принято за правило, нападая на прииски, отдавать их вначале китайским рабочим на разграбление, а остальное сжигать совершенно. Объясняют они это тем, что таким образом они заставят золотопромышленников прекратить добычу золота, на которое, по их мнению, содержатся японские отряды»⁸⁴⁶. Численность отряда, по данным

прессы, составляла тогда около 20 человек⁸⁴⁷, а по утверждению самого И.И.Швецова, уже при выходе отряда из ст. Рухлово в этот поход, он состоял из 24 человек⁸⁴⁸.

К тому времени, по-видимому, других партизан на верхнезейских приисках не было. Они действовали там всю вторую половину мая, но с начала июня 1919 года газеты совершенно перестают о них упоминать. Одновременно, в прессе появляются сообщения о нападениях «красных» на железнодорожные станции Дактуй и Гонжа⁸⁴⁹. Возможно, этот партизанский отряд в начале июня переместился из приискового района к ближайшему участку железной дороги. Сообщали газеты и кличку его командира – Громов. Такая же была у М.Круглова, но его участие в этих событиях полностью исключено. В самом конце июня, видимо этим же отрядом, была вновь сожжена ст. Дактуй, а затем разгромлен прииск Воеводина⁸⁵⁰ (ныне «Пионер», 25 км по прямой от ст. Дактуй – Ю.Т.) на р. Улунге. Предположительно, это был отряд Номоконова, история которого пока до конца не известна.

Отряд Дрогалина появляется в том же районе железной дороги примерно в начале августа. Как пишет А.В.Агеев, близ ст. Гонжа отряд совершил неудачное нападение на небольшой эшелон интервентов. В этом бою В.И.Дрогалин был убит. Командиром отряда стал И.П.Швецов (кличка - Храпов)⁸⁵¹. Данное столкновение было отмечено тогда в прессе под датой 12 августа, но место действие было названо несколько иначе – «к востоку от ст. Рухлово»⁸⁵² (Сковородино). Ст. Гонжа действительно находится «к востоку» от Сковородино, но на довольно значительном расстоянии от неё (более 100 км по прямой). Этот факт можно объяснить либо ошибкой А.В.Агеева или И.П.Швецова, либо слишком приблизительным определением места боя в газетной статье.

По утверждению А.В.Агеева, отряд Швецова, насчитывавший уже 50-60 человек, вернулся в район Ольдоя в середине августа, уничтожив по пути белую милицию на ст. Талдан⁸⁵³. Однако, сообщения тогдашних газет заставляют существенно скорректировать эту дату. Дело в том, что нападение партизан на ст. Талдан было датировано прессой 26 августа. При этом, отмеченная ею численность нападавших примерно соответствует данным А.В.Агеева – около 70 человек⁸⁵⁴. Таким образом, возникает вопрос: где же находился конный отряд Швецова с 12 по 26 августа если расстояние между ст. Гонжа и ст. Талдан всего около 40 км по прямой?

Ответ опять подсказывает сообщение газеты о том, что в ночь с 17 на 18 августа «на разъезд Дактун явились около 100 красных, среди которых было приблизительно 60 русских, 30 китайцев и 10 мадьяр. В казарме у разъезда Мотовилово бандитами испорчен фонопор, взят лапчатый лом, путевой ключ и 15 кулей казенного овса. В посёлке у жителей уведено несколько лошадей. После этого часть отряда, преимущественно русские, ушли по направлению к деревне Овсянке, а китайцы и мадьяры отошли к разъезду Красная падь, а затем повернули на юг. На разъезде они заявляли, что будут жечь мосты в Магдагачи»⁸⁵⁵.

Сразу бросается в глаза тот же состав отряда (русские, китайцы и мадьяры), но значительно большая, чем при набеге на ст. Талдан, численность партизан. Это, а также факт разделения отряда после нападения на разъезд, может свидетельствовать о том, что он, в тот момент, состоял из двух самостоятельных отрядов, в каждом из которых числились, кроме русских, китайцы и мадьяры. Вблизи места данного события находился тогда отряд Ивана Мадьяра. После переправы через Зею он, по свидетельству А.Гольдфингера, расположился на Воеводинском прииске. Численность его в момент боя в д. Нововысокой (31 июля) газеты определяли в 37 человек. Вместе с отрядом Швецова (около 60 бойцов) действительно получается до 100 человек.

Один из отрядов вернулся затем в Овсянковскую волость, то есть на Воеводинский прииск (отряд Ивана Мадьяра), а другой, то есть отряд Швецова, двинулся в направлении ст. Магдагачи, то есть в сторону Ольдойского района. Через неделю он был уже в Талдане, а с Ольдойским отрядом объединился, видимо, уже в самом конце августа. Отряд Ивана Мадьяра выдвинулся на его место в район ст. Гонжа вскоре после

Арбинского боя, то есть в начале сентября. Примерно во 2-й половине этого месяца он вынужден был отступить по Томмотскому тракту на север области, а в октябре, через Гилую, вернулся назад.

Между ним и отрядом Мордвинова на железной дороге в районе ст. Тыгда оперировал ещё один небольшой и, по-видимому, никому не подконтрольный отряд, так и оставшийся безымянным. В середине сентября его потрепал отряд японцев и милиции. По сообщениям газет, в бою было «убито 4 красноармейца, захвачено 5 лошадей»⁸⁵⁶. Видимо именно на этот отряд жаловались Ф.Кошелеву в декабре крестьяне Овсянковской волости, обвиняя партизан в грабежах по Зейскому тракту (Зей-Тыгда) и на Улунгинских приисках. Численность его Ф.Кошелев определял тогда приблизительно в 15 человек. Все его попытки ликвидировать этот отряд ни к чему не привели. Последний продолжал действовать вплоть до ухода японцев из г. Зеи. Опасаясь провокации с его стороны, Ф.Кошелев даже обеспечил японскую колонну своей охраной до самой ст. Тыгда⁸⁵⁷.

Время образования собственно Ольдойского отряда до конца не ясно. По-видимому, это произошло в конце июля, поскольку первое нападение на железную дорогу отряд совершил только 1 августа⁸⁵⁸. По данным А.В.Агеева, значительную часть его составили китайские приисковые рабочие под командованием Бойко. После объединения с отрядом Швецова он насчитывал до 180 человек⁸⁵⁹. Вряд ли у И.Швецова, чьими воспоминаниями пользовался А.В.Агеев, был повод занижать численность партизан. А это означает, что помещённые в газетах того времени панические сообщения со ст. Рухлово и с ближайших приисков о бродящих вокруг «шайках красных» численностью в 240, 300 и, даже, 600 человек⁸⁶⁰, являются сильным преувеличением, сделанным, очевидно, с целью привлечь на помощь как можно более многочисленные правительственные отряды или войска интервентов. Это подтверждает и сам И.Швецов, утверждая, что в этот период «японцы, имея об отряде неточные, преувеличенные сведения, отступали»⁸⁶¹. В дальнейшем, отряд, правда, несколько увеличил свою численность за счёт включения в свой состав новых рабочих и имевшихся в этом районе мелких партизанских групп⁸⁶².

В сентябре Ольдойский отряд перешёл к более решительным действиям. 3 сентября им была занята станция Ольдой⁸⁶³, после чего отряд направился к ж.д. ст. Уруша, которую занял 19-го и удерживал до 22 сентября. Затем он продвинулся к западу до ст. Ерофей Павлович, захватив её 25 сентября. Оттуда ольдойцы внезапно совершили стремительный переход к Амуру и 26 сентября с боем овладели станицей Игнашинской⁸⁶⁴.

Атакованный здесь на следующий день местными казаками, отряд отступил и разбился на три группы. Одна из них, видимо, опять вернулась к станции Ерофей Павлович, откуда была выбита японцами только 7 октября. Эту группу, вероятно, возглавлял Ф.Щербаков (Согласно воспоминаниям И.Швецова, Ф.Щербаков поздней осенью 1919 года командовал самой восточной группировкой Ольдойских партизан, расположенной на ст. Амазар, когда главные силы отряда под командованием самого И.Швецова находились на ст. Топтугары, а его кавалерия, во главе с И.Вайзером, занимала ст. Омутную)⁸⁶⁵. Вероятно, Ф.Щербаков присоединился к Ольдойскому отряду после описанного в воспоминаниях А.Гольдфингера разгрома своего взвода японцами по время одной из диверсионных операций партизан отряда Ивана Мадьяра в районе ст. Гонжа⁸⁶⁶.

Общая численность всех трёх Ольдойских отрядов насчитывала к этому времени уже около 500 человек, правда, по словам И.Швецова, они были довольно слабо вооружены. (Последнее, видимо, касалось в большей степени отряда самого И.Швецова, поскольку он был сформирован позже других и, в основном, из станционных рабочих. – Ю.Т.) На совещании командования этих отрядов в Амазаре было принято решение всем прорываться в Восточное Забайкалье на соединение с казачьими партизанскими отрядами Журавлёва. Топтугарская группа, пройдя через Хорочинские прииски, вскоре влилась в отряд Парфёнова. Через короткое время туда же прибыла и кавалерийская группа

И.Вейзера. Отряд же Ф.Швецова сильно отклонился к северу, заблудился и лишь через 18 суток, пережив немалые лишения, вышел к ст. Ксентьевской.

Затем группировка Парфёнова и Погодаева под натиском японцев вынуждена была отступить в район, занятый отрядами Журавлёва. (Этот 200-вёрстный переход состоялся, видимо, в первой половине ноября, поскольку партизанам тогда пришлось идти по свежему глубокому снегу и форсировать реку Шилку, по которой уже шёл осенний ледоход. – Ю.Т.) Возле казачьей станицы Горбица, из-за недостатка продовольствия, отряд вынужден был принять бой с находившимися там семёновцами и потерпел поражение. Потеряв убитыми 70 человек и израсходовав почти все патроны партизаны отступили. С большим трудом командованию удалось вывести их в район, занятый отрядами Журавлёва, к с. Кочугай. Там на его основе были сформированы затем 1-й пехотный и 7-й кавалерийский партизанские полки⁸⁶⁷.

г) Формирование Свободненского партизанского района: Образование районного штаба

Создание Свободненского партизанского района, ставшего впоследствии 4-м партизанским районом, началось с объединения штаба образованного в д. Рождественке партизанского отряда с группой Патрушева. Связь между ними, по утверждению Слесарева и Ракова, была установлена к концу июня⁸⁶⁸. Однако, учитывая неточно указанное ими время образования отряда, и эту дату тоже, видимо, следует отнести как минимум на две недели вперёд, то есть к концу первой половины июля. Дополнительным аргументом в пользу такого срока служат воспоминания Ф.Кошелева, в которых он утверждает, что в момент образования партизанского штаба в Моховой пади близ ст. Гондатти «в тайге ещё скрывались Патрушев, Раков, Власов и ряд других товарищей»⁸⁶⁹.

Правда, участник партизанского движения в Свободненском районе Степан Иванович Гудим утверждает, что штаб с участием Патрушева был создан ещё 25 мая, причём одним из его членов стал А.Слесарев⁸⁷⁰. Однако воспоминания самого А.Слесарева данную информацию не только не подтверждают, но даже прямо ей противоречат. Принимая во внимание, что воспоминания А.Слесарева и И.Ракова были написаны в 1927 году, а воспоминания Гудима даны в редакции 1965 года, предпочтение следует отдать первым. Тем более что С.И.Гудим в штабе играл второстепенную роль и бывал там редко, поскольку, по его собственным словам, отвечал за организацию связи партизан с деревнями⁸⁷¹, где и проводил большую часть своего времени.

К моменту воссоединения Рождественского штаба с группой Патрушева последняя, согласно свидетельству Краснянского, уже вновь находилась в верховьях Юхты. Её состав пополнился бежавшими из под ареста бывшими советскими работниками в г.Свободном Краснянским и Строяновским, а также Андреевым. Краснянский, правда, называет среди них ещё и Осипова⁸⁷², но, возможно, в данном случае он перепутал его с каким-либо другим членом штаба, например с Седельниковым или с Шестаковым, которых упоминает в своих воспоминаниях С.Кургузов⁸⁷³, и которых нет у Краснянского. Здесь, недалеко от д. Маркучи, и сформировался штаб будущего 4-го района. Тут же стал базироваться и отряд Лаптева. Численность его на тот момент А.А.Слесарев определяет в 38 человек, не считая членов штаба. Лошадей при отряде было тогда всего три⁸⁷⁴.

Первая партизанская операция отряда Наумова-Лаптева была проведена, по свидетельству Слесарева и Ракова, 4 июля. Она заключалась в разгроме Серебрянской волостной управы и конфискации в ней оружия, документов, бумаги и пишущей машинки. Попутно у зажиточных крестьян села были отобраны 8 лошадей. Газеты же сообщали тогда, что «в д.Серебрянку ... 19 июля явились 19 человек красных, разгромили волостное правление, фельдшерский пункт...»⁸⁷⁵. Таким образом, Раков и Слесарев почти правильно указали дату этой акции партизан, но только по старому стилю календаря.

Через 4 дня после налёта на Серебрянку (то есть 23 июля – Ю.Т.) в штаб прибыл Павел Власов со своим конным отрядом в 11 человек. Он был сразу же выбран командиром объединённого отряда (по данным А.В.Агеева, П.Власов имел чин офицера русской армии⁸⁷⁶), а Наумов-Лаптев, вместе с его товарищем (то есть заместителем – Ю.Т.) Шелопугиным, были прикомандированы к штабу для особо важных поручений. К 13 июля (то есть к 26 июля – Ю.Т.), отряд имел уже более 60 бойцов кавалеристов⁸⁷⁷. Отряд этот сформировался не только из отрядов Лаптева и Власова. К тому моменту, в его состав вошёл, по-видимому, и отряд Ф.Кошкина, поскольку последний, по воспоминаниям А.Слесарева и А.Краснянского, вскоре тоже стал членом штаба⁸⁷⁸. Кроме того, ещё примерно за полмесяца до этого срока к отряду Лаптева присоединилась группа из 8 добровольцев, сколоченная А.Слесаревым в Костюковке⁸⁷⁹.

Следующим этапом формирования Свободненского партизанского района стал крестьянский съезд, созванный штабом в окрестностях д. Маркучи с целью обеспечить поддержку партизанским отрядам со стороны местного сельского населения. Для вооружённой борьбы с белогвардейцами и интервентами партизанам были необходимы довольно значительные ресурсы (людские и материальные), а взять их, кроме как в деревне, оказывалось не всегда возможным. Главной задачей партизан было, с одной стороны, не восстановить против себя этими поборами большую часть крестьян, а с другой – добиться их добровольного участия и поддержки в своей борьбе. Созыв съезда и позволял легализовать в глазах крестьянства мобилизацию сил и средств деревни против колчаковского режима в Амурской области.

На съезде присутствовали 70 делегатов от крестьян и 17 от партизан. Поставленные перед съездом цели нашли своё выражение в его решениях, касающихся восстановления на своей территории Советской власти, ликвидации имеющихся колчаковских учреждений, снабжения продуктами и фуражом партизанских отрядов, их пополнения путём мобилизации людей и лошадей, объявления всеобщей мобилизации в случае начала восстания, охраны деревень от нападений казаков⁸⁸⁰.

Правда по-настоящему крестьянским съезд так и не стал. Скорее его можно назвать съездом представителей сельских подпольных групп и партизан Свободненского района. Вот как, по воспоминаниям В.Н.Грачёва, проходили выборы делегата в его деревне: «...ко мне пришёл тов. Андреев и предложил созвать актив деревни... В ночное время было собрано 7 человек. Тов. Андреев сделал доклад о работе штаба и предложил выбрать делегата на 1-й партизанский съезд 4-го района... Делегатом был избран я»⁸⁸¹. Таким образом, абсолютное большинство крестьян не приняло участия в этих выборах, что значительно снижало влияние съезда на их политическое поведение в последующий период времени.

Кроме того, на съезд было обеспечено прибытие крестьянских делегатов только из трёх волостей: Ольгинской, за организацию выборов в которой отвечал Н.Осипов, а также Серебрянской и Натальинской, где главным организатором был назначен А.Слесарев⁸⁸². Тем не менее, по предложению В.Патрушева, «для авторитета», съезд большинством голосов постановил назвать себя Областным съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Соответственно и созданный им штаб стал именоваться Амурским областным революционным штабом⁸⁸³. Только после установления связи с Амурским областным военно-полевым коллективом, и признания его более высокого статуса, указанный штаб стал называться штабом 4-го партизанского района.

Официальной датой начала съезда считается 10 августа 1919 года⁸⁸⁴. Между тем, серьёзного научного обоснования её в исторической литературе до сих пор не было. В самых первых партизанских воспоминаниях, касающихся этого вопроса, принадлежащих И.Ракову и А.Слесареву, использовалась совсем другая дата – 13 июля 1919 года⁸⁸⁵ (то есть 26 июля – Ю.Т.). Правда, рукой редактора она была исправлена в рукописи на 10 августа. Официальным, стало, видимо, мнение С.Кургузова, указавшего в своих воспоминаниях именно это число⁸⁸⁶.

Есть, впрочем, и другие варианты. М.Н.Атавин, например, относил это событие к 28 августа, однако такая поздняя дата слишком маловероятна, чтобы рассматривать её в серьёз. Другая точка зрения принадлежит Василию Никифоровичу Грачёву, который хотя и не указывает даты самого съезда, но называет время приезда в своё село инструктора из штаба для производства выборов – 13 июня⁸⁸⁷. Принимая во внимание, что сам штаб, инициировавший эти выборы, был создан не ранее конца первой половины июля, рассматривать эту версию всерьёз тоже нельзя. Однако если предположить, что в рукописи Грачёва допущена ошибка в одной букве при перепечатке («июнь» вместо «июль»), то данное свидетельство является повторением точки зрения Ракова и Слесарева.

Какая же из версий более правильная? Попробуем проверить оба варианта. 10 августа съезд не мог состояться потому, что уже 11 августа газеты зафиксировали нападение партизанского отряда из 17 человек на д. Костюковку⁸⁸⁸. Между тем, съезд продолжался три дня⁸⁸⁹, и в течение всего этого времени его охранял весь отряд Власова, а в соседних деревнях Малая Пёра, Семёновка и Маркучи были выставлены лишь дозоры по три человека, для своевременного предупреждения о приближении отрядов врага⁸⁹⁰. В Костюковке, таким образом, никаких подразделений партизан в этот момент быть не могло (других отрядов в волости не было).

Ближайшей же к 26 июля зафиксированной прессой партизанской акцией стал визит отряда Слесарева в расположенную вблизи г. Свободного д. Ивановку (Новоивановка – Ю.Т.), состоявшийся 4 августа⁸⁹¹, то есть через 9 дней после начала съезда. Этот факт вполне подтверждает датировку Ракова и Слесарева, поскольку согласно их воспоминаниям, через 7 дней после начала съезда (или через 4 дня после его окончания) Слесарев, по поручению штаба, в сопровождении небольшого отряда партизан, начал с организационными целями объезд деревень Серебрянской волости⁸⁹².

Таким образом, Маркучинский съезд начался не 10 августа, а 26 июля 1919 года. Закончился же он, соответственно, 28 июля, что явно перекликается с датировкой М.Н.Атавина (28 августа), если допустить его возможную ошибку в наименовании месяца. Поскольку воспоминания М.Атавина были написаны в 1961 году, то есть через 42 года после указанных событий, автор мог забыть в каком именно из этих двух летних месяцев проходил съезд, но календарное число, видимо, запомнил достаточно хорошо.

Место съезда тоже указано в существующих на сегодняшний день трудах амурских историков недостаточно верно. Он действительно проходил в верховьях р. Юхты, но не между Маркучи и Чудиновкой, как сказано там⁸⁹³, а на левом берегу истока речки Юхта, в 20 километрах от д. Чудиновки и в 15 километрах от д. Маркучи⁸⁹⁴. Географически это место находится между д. Маркучи и ст. Ледяной.

Не совсем точно указан историками и состав избранного на съезде Областного военно-революционного штаба района. В «Летописи Амурской области об этом сказано буквально следующее: «Избран Ревштаб: В.В.Патрушев, Л.М.Власов, К.И.Бреус, Ф.Г.Кошкин, И.И.Соловьёв, Ф.И.Красильников, А.А.Лузин»⁸⁹⁵. Между тем И.И.Соловьёва нет в сохранившихся воспоминаниях других членов этого штаба. Кроме того, в списке указаны неправильно инициалы Власова.

Лука Михайлович Власов действительно участвовал в партизанском движении Амурской области, но не мог быть одним из руководителей 4-го района. В собственных воспоминаниях, он упоминает о своём участии лишь в завершающих событиях партизанской войны в Зейском районе (район г. Зея) зимой 1920 года. Членом же штаба Свободненского района, по свидетельству А.А.Слесарева, был не Лука, а Павел Власов⁸⁹⁶, которого А.В.Агеев называет бывшим офицером русской армии⁸⁹⁷.

Председателем штаба на Маркучинском съезде был избран В.Патрушев, а его «товарищами» – К.Бреус и Красильников. После съезда в штаб были кооптированы также и другие лица, ранее принимавшие участие в его работе. Это И.Раков, вновь ставший секретарём штаба, а также Н.Осипов и Рюмочкин (М.Н.Атавин – Ю.Т.), исполнявшие всю организационно-политическую работу, и Андреев, на которого была возложена

канцелярская работа и обязанности завхоза⁸⁹⁸. Кроме того, по свидетельству Антона Исаковича Краснянского, должности при штабе получили Строяновский, ставший адъютантом командира отряда, и А.Краснянский, заведовавший оружейной мастерской⁸⁹⁹.

Меры по реализации решений Маркучинского съезда

Сразу после съезда по деревням были направлены отряды для оповещения крестьян о произошедшей смене власти и уничтожения земских учреждений на местах. В Серебрянскую волость с этим заданием отправился А.Слесарев, во главе отряда из 16 человек. По-пути А.Слесарев узнал о существовании спрятанной крестьянами д.Светиловки, на той стороне Зеи, траншейной японской пушки, и немедленно отправился на её поиски. Его усилия оказались успешными, и вскоре оружие это было доставлено в расположение штаба. Правда, хранилось оно в разобранном виде и, поэтому, было передано в мастерскую Краснянского для сборки и правки⁹⁰⁰.

Данная мастерская была организована ещё до съезда, когда А.Краснянскому, как опытному военному слесарю-оружейнику, сразу после его прибытия в отряд, штаб поручил ремонт оружия и изготовление патронов. Порох, капсюли, а также баббит и свинец, из сплава которых изготавливались партизанскими оружейниками сердечники пуль или сами пули, если не хватало медных оболочек для них, доставались подпольщиками из городских или станционных мастерских, а затем переправлялись в отряд. Стреляные гильзы сдавали в мастерскую сами партизаны⁹⁰¹.

После окончания съезда штаб организовал госпиталь на 50 коек в лесу, однако из-за отсутствия большого количества раненых им никогда не пользовались. Временный же госпиталь для наличных раненых и больных, в котором находилось на излечении 5 человек, разместили в 4-х километрах от д.Маркучи. Штаб, в целях конспирации, тоже перешёл на три километра ближе к Маркучам, на правый берег р. Юхты⁹⁰².

После утверждения фактической власти ревштаба в ближайших к нему волостях, наступила очередь и более отдалённых местностей. По сообщениям прессы, «9 августа в 13 часов дня отряд красных численностью около 60 человек, приехав в с.Черниговку, совершил нападение на волостную земскую управу*. Большевиками сожжено делопроизводство управы и книги, и увезено около 300 штук паспортных бланков, а также штемпеля и печати»⁹⁰³. В тот же день этот отряд посетил и деревню Гащенко. В обоих селениях «красные забрали лошадей, ограбили несколько крестьян, сопротивлявшихся пороли, молодёжь насильно мобилизовали»⁹⁰⁴. Черниговскую волость посетил тогда, судя по численности отряда, сам П.Власов с главными силами Свободненского партизанского района. Напуганное нападением руководство волостной управы вскоре подало заявления в областное земство о сложении с себя обязанностей «вследствие грозящей им опасности со стороны большевиков»⁹⁰⁵.

В организационном плане большое значение для штаба имело также распространение его руководства на другие отряды района и области. По свидетельству Ракова и Слесарева, первыми присоединились к организованному на съезде Патрушевскому штабу отряды Ф.Голика и В.Аксёнова с Д.Файнбергом. К моменту присоединения к штабу Патрушева эти отряды насчитывали, соответственно, 40 с лишним и до 20 человек⁹⁰⁶ (по другой версии - 30 человек при 2-х пулемётах⁹⁰⁷). При этом они сохранили относительную самостоятельность и свои особые районы действия, подчиняясь штабу, видимо, лишь в оперативном отношении.

Появление обоих отрядов в д. Маркучи может быть связано с белогвардейской карательной экспедицией полковника Суррей. Возглавляемый им отряд 35-го сибирского стрелкового полка, совершив рейд от станции Поздеевка до Мазановской волости, 6 августа уже находился в д. Таскино на р. Селемдже, после чего, через д. Сохатино,

* Черниговская волость, располагалась к северу от г.Свободного и была образована из части территории Ольгинской волости в 1918 году.

продвинулся к д. Николаевке Ольгинской волости, откуда повернул на г. Свободный, и возвратился в Благовещенск по железной дороге утром 15 августа. На всём своём пути по Мазановской и Ольгинской волостям он ни разу не встретился с партизанами⁹⁰⁸.

Возможно, отряды Ф.Голика и Аксёнова-Файнберга просто постарались на время покинуть опасную зону, укрывшись под крылом штаба Патрушева, к югу от железной дороги. На это указывает также и то, что в период с 5 по 21 августа 1919 года из газет совершенно исчезают сообщения о нападениях «красных» на Мазановские деревни, хотя до этого момента они фиксировались почти ежедневно. 21 августа они вернулись в прежние районы своей деятельности, поскольку утром этого дня «красные в числе 50 человек с 1 пулемётом около д. Ново-Уманской на Зее обстреляли пароход «Уркан». В тот же день вблизи деревни Грамматуха был обстрелян пароход «Брянта»⁹⁰⁹.

Затем, Патрушевским штабом были налажены отношения со штабом М.Круглова, связь с которым была установлена напрямую по тропе через вершину речки Джатвы⁹¹⁰. И здесь тоже сыграли свою роль вполне объективные обстоятельства. М.Круглов приехал просить помощи против досаждавших партизанам казаков ближайших амурских станиц Нововоскресеновская и др. Японское и белогвардейское командования проводили в этот период масштабную операцию против партизан по берегам реки Зеи и вдоль железной дороги. Она началась 28 июля⁹¹¹ и продолжалась более двух недель. Участвовали в ней и амурские казаки, выдвинувшие свои отряды в верхнее и среднее течение Зеи, а также на ближайшие участки Амурской железной дороги. Именно в рамках этой операции совершил свой рейд по области и отряд полковника Суррей.

Штаб, выслушав доклад М.Круглова, пообещал двинуть в Гондаттьевскую волость конные отряды Власова, Голика и Аксёнова, то есть практически все наличные силы Свободненского партизанского района. Уже через два дня соответствующее распоряжение было послано командирам отрядов⁹¹². Конкретных результатов данного выступления партизан против амурских казаков в источниках обнаружить не удалось. Раков и Слесарев сообщают только что «поход на Нововоскресеновку ... был безрезультатен»⁹¹³. Об этом же говорят и сроки операции, поскольку уже 21 августа в Мазановском районе партизаны опять обстреляли на р. Зее два парохода. Следовательно, отряды Голика и Аксёнова к этому моменту успели вернуться назад.

Исход операции против казаков сделал возможным следующий удар партизан по белогвардейским коммуникациям на реке Зее. На этот раз действовал только отряд Круглова, правда сам он упоминает об участии в этой операции и Ф.Кошелева (в тексте напечатано Кошин* - Ю.Т.). Первоначальной целью был выбран пост, защищавший склады лесного ведомства в устье реки Тыгда. Круглов выделил для этой операции 100 человек, оставив остальных 50 под командованием Слюнкина на линии железной дороги⁹¹⁴. Учитывая, что по сообщениям прессы в этом нападении участвовало свыше 150 человек⁹¹⁵, к отряду, по-видимому, успела присоединиться часть пополнения, посланного Ф.Кошелевым из Умлекана. И белогвардейский пост, и склады в устье р. Тыгды были разгромлены, согласно газетной информации того времени, 27 августа⁹¹⁶.

Затем отряд продвинулся к Новоямполью и ночью попытался занять его, но был отбит⁹¹⁷ располагавшимся там взводом 35-го сибирского стрелкового полка и местной милицией. Эти события подробно описывались на страницах областных газет. Судя по их сообщениям, партизаны дважды пытались овладеть селом. Первое нападение было сделано в ночь с 31 августа на 1 сентября. Следующей ночью партизаны вновь повели наступление на село, но опять были отбиты. Утром 3 сентября они атаковали небольшой отряд поручика Барышева из 25 человек, в 5 верстах от Новоямполья. Согласно

* Текст воспоминаний М.Круглова напечатан на машинке, причём вместо некоторых фамилий в нём проставлена только начальная буква с многоточием, что говорит о том, что они не были расшифрованы при печати. Из этого следует, что данный текст является перепечаткой с малоразборчивого (и малограмотного) рукописного оригинала, сделанной в отсутствие автора и им, видимо, не проверенной. Этим очевидно объясняется и ошибка в написании фамилии Ф.Кошкина (Кошин), и ряд других неясностей в документе.

информации прессы, и это нападение «красных» после 10-часового боя было также отражено⁹¹⁸. Несмотря на эти неудачи, результатом обеих операций стало упрочение положения партизанских отрядов в верхнем и среднем течении реки Зеи.

Партизанские же силы Свободненского района после возвращения из похода на станицу Нововоскресеновку были брошены на «усмирение» другого казачьего поселения, хутора Сычѣвский, снискавшего дурную славу среди местных крестьян набегами своих казаков на деревни в предыдущий период. Кроме того, по воспоминаниям одного из членов ревштаба К.Бреуса, «Сычѣвка к тому моменту представляла собой вооружѣнный лагерь и мешала проводить работу»⁹¹⁹. К.Бреусу, как казаку по происхождению, и было поручено руководство этой операцией. В его воспоминаниях это наступление партизан описано очень скупо. Более подробные сведения, не расходящиеся в принципе со свидетельством Бреуса, даются в сообщениях белогвардейских газет, в которых утверждалось следующее:

«2 сентября на хутор Сычевский произведено нападение отряда красных в 200 человек при 1 бомбомѣте под командой К.Бреуса. Хутор встретил красных огнѣм; всё же красные успели захватить 15 мужчин и отвести их в свой тыл. Хуторяне, мобилизовав все свои силы, атаковали красных, последние поспешно отступили. Часть пленных бежала... Со стороны хуторян убито двое»⁹²⁰. Под бомбомѣтом, в данном случае подразумевалась, видимо, траншейная пушка партизан. Неудачу Бреус объяснял тем, что некоей девушке удалось ускользнуть от партизанских дозоров и сообщить сычѣвским казакам о движении отряда⁹²¹. Потери партизан, по свидетельству К.Бреуса, были здесь очень велики.

3. Организация Областного военно-полевого коллектива

Мысль об организации единого областного координирующего центра для партизанских отрядов возникла у многих из руководителей последних после ряда чувствительных поражений, понесѣнных партизанами в районах к востоку от р.Зеи в июле - начале августа 1919 года. Первым из них, по времени, стал разгром 12 июля штаба Архаро-Буреинского отряда в д. Грибовке. Погиб командир отряда и ещё 10 партизан. Затем последовала неудача едва ли не самого крупного тогда во 2-м районе отряда А.Бутрина (Старика) в Тарбогатае. Это событие имело свою предысторию:

После присоединения в июле (видимо в начале июля — Ю.Т.) к отряду Старика бывших видных участников Мухинского восстания И.Безродных и П.Иванова, залечивавших до этого свои раны в таѣжной деревушке Малый Горбыль, командование отряда попыталось увеличить его численность за счёт частичной мобилизации крестьян ближайших деревень. По воспоминаниям И.Безродных, к тому моменту отряд Старика уже насчитывал больше 100 бойцов. Дополнительно удалось собрать до 200 крестьян. Из всего отряда конными были более 80 человек⁹²². Таким образом, общие силы отряда можно оценить примерно в 300 бойцов. Востриков, правда, утверждает, что его численность в тот момент составляла только 152 человека⁹²³, но поскольку он сам не был участником данного события, этим мнением можно пренебречь. Столь же маловероятна и цифра, приведѣнная в газете Амурская жизнь за 25 июля 1919 года, - 400 человек⁹²⁴.

Эти силы были двинуты на с. Тарбогатай, уже являвшееся к тому времени серьёзным препятствием распространению партизанского движения на территории Тарбогатайской и смежных с ней волостей. Первой в это село ворвалась конница. В завязавшемся бою партизаны, потеряли только убитыми более 30 человек и вынуждены были отступить⁹²⁵. После этого поражения большая часть мобилизованных крестьян разошлась по домам. Данный бой состоялся, по свидетельству газеты Амурская жизнь, 17

июля. Правда, в ней утверждалось, что командовал отрядом Иванов⁹²⁶. Однако П.Иванов до августа в активной борьбе не участвовал, продолжая своё лечение в д. Последней — главной базе отряда Старика.

Следующим по времени было поражение партизан в 1-м районе, после которого Прохоровский штаб вынужден был распустить большую часть своей армии, а всю конницу, под командованием Н.Д.Никитина и командующего И.И.Михненко, направить во 2-й район, для установления связи с «мифическим» отрядом Иванова, о котором докладывали ему слишком внимательно читавшие белогвардейские газеты бочкарёвские подпольщики. Отряд Никитина прибыл в расположение отряда Старика, очевидно, не раньше 10 августа, так как выехал из своего района 4-го числа и около недели блуждал по безлюдной тайге. К тому времени там уже находилась часть Архаро-Буреинского отряда под командованием Арбатского, явившегося сюда с той же целью, что и члены Прохоровского штаба.

Решение организовать съезд представителей партизанских групп и подпольных организаций области было принято на совещании штабов Старика и Михненко⁹²⁷. Затем его одобрили представители Архаро-Буреинского отряда и отряд Юшкевича. На одной из баз последнего, в д. Албазинке, и было решено этот съезд собрать. Отказался прислать своих представителей только отряд «Чёрный ворон»⁹²⁸. По уже существующей связи было, видимо, сделано предложение прислать своих представителей также городскому подполью и «крестьянским организациям». Впрочем, их присутствие, видимо, не считалось обязательным, поскольку работа Совещания в Албазинке была начата без них.

Согласно имеющимся документам, данный съезд открылся 12 августа 1919 года. И дата и содержание его известны из перепечатки вероятно подлинного протокола, сделанной не позже начала декабря этого года, поскольку на ней имеется подпись секретаря этого съезда Арбатского, который был убит в первой декаде декабря. На съезде, который в указанном документе именуется Общим собранием представителей отрядов народной армии Амурской области, присутствовали первоначально 15 человек: пятеро от отряда Михненко, четверо — от Архаро-Буреинского отряда, и по три от отрядов Юшкевича и Старика.

На следующий день к ним добавились представители от города (Мельников) и крестьянских организаций (Оськин)⁹²⁹. Поскольку успеть провести какие-либо выборы представителя от «крестьянских организаций» всего 2-го района за такой короткий срок (фактически сутки) совершенно невозможно, Оськин прибыл на съезд, очевидно, от Ивановской подпольной организации. И.Мельников также, видимо, уже находился к этому времени во 2-м районе.

Главным итогом съезда стало избрание штаба партизанских отрядов под названием «Областной военный коллектив народной армии Амурской области». Одновременно произошло изменение в партизанском районировании области: к двум районам, образованным ещё на февральском Красноярском съезде добавили 3-й — Архаро-Буреинский. От каждого района делегировалось в Коллектив по три представителя, причём каждый районный коллектив мог в любой момент отозвать своих представителей и заменить их новыми. Заведующим этого органа был избран Филиппов, а командующим «Народной армией» — П.Иванов.

Кроме того, на заседании 13 августа были разработаны оперативные принципы деятельности Коллектива, как штаба партизанских отрядов области, которые заключались в следующем: 1) Организация одновременных диверсионных действий всех отрядов на

железной дороге; 2) Концентрация сил отрядов для осуществления карательных походов в казачьи округа; 3) Ликвидация соединёнными силами партизан небольших карательных отрядов противника; 4) Проведение манёвров по области с целью вызвать панику правительства и посылку карательных отрядов; 5) В момент решающего выступления, издание приказа о приведении отрядов в боевую готовность и проведение мобилизации всего организованного населения; 6) Руководство оперативными действиями всех партизанских отрядов в случае организации восстания в городе.

В отношении не принявшего участие в создании Коллектива отряда Чёрный ворон были приняты очень жёсткие решения. Предписывалось конфисковать все имеющиеся у него деньги и «выяснить по существу деятельность этого отряда, вызывающую очень частые протесты местного населения». В случае же неподчинения его данному решению Коллектива, предполагалось принять «самые решительные меры к ликвидации этого отряда»⁹³⁰.

4. Оформление 1-го и 3-го партизанских районов

1-й район: По утверждению Я.Прохорова Д.Никитин вернулся со своим отрядом из 2-го района 16 августа⁹³¹, однако вряд ли это было возможно именно в тот день. По пути в 1-й район ехавший вместе с этим отрядом И.Михненко вступил в конфликт с командиром шедшего на задание одной с ними дорогой партизанского отряда Бутриным (Стариком), за что был арестован своими же бойцами и отправлен на суд в ОВПК⁹³². Туда это дело поступило 17 августа, следовательно, данный инцидент произошёл в тот же день или на день раньше. Причём это случилось ещё в пределах 2-го района, поскольку дальше его отряд Старика быть командирован не мог. Дальнейший обходной путь в свой район по тайге (прямой путь перекрывали дружины староверов и японские гарнизоны на железной дороге) занимал значительно больше одного дня, а это значит, что прибыть в Круглую падь отряд Никитина мог не раньше 17 августа.

Вернувшиеся вместе с ним члены штаба принесли весть о создании ОВПК. Это, по утверждению Я.Прохорова, настолько воодушевило партизан, что «через некоторое время» ими было принято решение перенести свою базу из Круглой пади в с. Верное, находящееся приблизительно в географическом центре всего района. С этого момента Верное стало столицей 1-го партизанского района⁹³³. Между тем, данное событие произошло, видимо, не раньше второй декады сентября, поскольку в опубликованном в газетах 13 сентября сообщении Верненской волостной управы говорилось только о неоднократных посещениях «красными» этого села, во время которых ими были сожжены документы управы и метрическая книга церкви⁹³⁴.

Во 2-й половине августа, силами кавалерии 1-го района, была налажена постоянная связь штаба района с ОВПК и 4-м районом через расставленных в определённых пунктах людей. Между 1-м и 2-м районами эта цепочка пунктов связи на значительном расстоянии проходила по тайге⁹³⁵, в обход Тарбогатайской волости, где хозяйничали отряды староверов. Хорошее описание устройства и работы такой связи дал впоследствии один из руководителей ОВПК С.Шилов в повести «Таёжная быль», написанной во многом на реальном материале⁹³⁶.

29-30 августа партизаны 1-го района приняли участие в операции «Капитальный ремонт Амурки». Распоряжение об этом от ОВПК поступило, судя по воспоминаниям А.Обиденко, примерно за три дня до начала операции⁹³⁷. По утверждению Я.Прохорова, для проведения этой операции штаб 1-го района направил на участки Бочкарёво-Суражевка, Бочкарёво-Екатеринославка и Бочкарёво-Благовещенск 15 подрывных групп, по 20 человек в каждой, не считая сапёрных команд Воропаева и Недорезова⁹³⁸. Между

тем, каких-либо широкомасштабных акций на железной дороге между Бочкарёво и Свободным прессой того времени не зафиксировано.

По-видимому, на самом деле одновременной атаке тогда подвергся в основном путь, связывавший Благовещенск с Хабаровском. Для диверсий на ветке Бочкарёво-Благовещенск от 1-го района направился лишь небольшой молодёжный диверсионно-террористический отряд Г.Рулёва «Неустрасимый», который, видимо, в ночь на 29 августа и сжёг 2 моста между Бочкарёво и Средне-Белой⁹³⁹. После этой акции отряд Г.Рулёва всё время оперировал в том же районе до начала октября.

3-й район: После создания ОВПК, весь комсостав отряда Арбатского вошёл в его состав в качестве представителей нового 3-го партизанского района. Остальные 11 бойцов отряда тоже остались при штабе в качестве команды связи со своим районом⁹⁴⁰. Правда, в сентябре все четверо первых представителей 3-го района в Областном штабе оказались под следствием в связи с обвинением их в том, что во время одной из карательных акций в отношении противников советской власти среди крестьян они экспроприировали и жестоко наказали ни в чём не повинного человека⁹⁴¹. Вместо них делегатами 3-го района в составе ОВПК стали Спиридон и Гавриил Воропаевы, а также М.Новиков и В.Лесной (Н.М.Власюк)⁹⁴².

К моменту прибытия М.Новикова в ОВПК, 16 сентября, численность всех Архаро-Буреинских партизан составляла, согласно его докладу, 80 кавалеристов и 30 пехотинцев. При этом лишь конный отряд непосредственно занимался оперативной работой. Пехота же несла охрану прииска Ивановского, ставшего к тому времени основной базой диверсионных действий партизан на железной дороге восточнее ст. Архары. Конечно, это была минимально достаточная численность партизан в данном районе. При необходимости она могла быть увеличена, по словам М.Новикова, до 350 человек⁹⁴³.

5. Первые мероприятия ОВПК

Одной из первых важнейших забот Коллектива стало решение проблемы, связанной с отрядом «Чёрный ворон». Основным обвинение в адрес этого отряда было дело об ограблении кооперативов в деревнях Пекалово (Романовка), Зорино и Владимировка. Лишь после визита в этот отряд заведующего Коллективом Ф.Филиппова и проведения ряда следственных действий обвинения с отряда «Чёрный ворон» были, по-видимому, сняты и наоборот, возникли подозрения в отношении некоторых партизан отряда Старика, действовавших «под фирму отряда Ворона»⁹⁴⁴.

Лишь 1-го сентября представители отряда «Чёрный ворон» вошли в состав Областного коллектива⁹⁴⁵. Это не помешало, однако, Областному штабу ещё 29 августа организовать совместный налёт отрядов «Чёрный ворон», Юшкевича и 1-й сотни отряда Старика на с. Верхне-Полтавку, где находилась квартира начальника 5-го участка милиции Мищенко. В результате налёта были убиты милиционер, тесть Мищенко и ещё один местный крестьянин, но самому начальнику участка удалось сбежать. Заодно были ограблены волостная управа (деньги, паспорта и печати), почтовое отделение (деньги), приёмный покой (медикаменты), а также взято 20 лошадей, 5 американок (повозки на рессорах) и много денег у «разных» крестьян⁹⁴⁶.

Вопрос нехватки денежной наличности с самого начала был острой темой в работе Областного коллектива. Ещё при его организации было решено позаимствовать часть средств, накопленных путём экспроприаций некоторыми отрядами. В частности у отряда Юшкевича собирались изъять деньги, взятые у крестьян д.Евсеевки, а у отряда «Чёрный

ворон» - вообще все имеющиеся у него денежные средства⁹⁴⁷. Неизвестно, правда, насколько полно удалось Областному штабу реализовать этот свой амбициозный план.

Уже в первую ночь после образования Коллектива, с 13 на 14 августа, им был послан отряд партизан в с. Борисоглебку, где была произведена экспроприация всех ценностей в кредитном кооперативе и волостной управе, а сама управа была при этом полностью разгромлена⁹⁴⁸. Данную акцию осуществил, видимо, отряд Арбатского (сам он вероятно остался в штабе), поскольку по свидетельству местного подпольщика Е.И.Давыдова разгром управы проводил Буреинский отряд во главе с Волошиным⁹⁴⁹. И.Волошин действительно числился в отряде Арбатского, а затем — в составе отряда связи при Областном Коллективе⁹⁵⁰. Спутать же Волошина с Е.Воропаевым Е.Давыдов не мог, поскольку отряд последнего оперировал в это время в Буреинском районе.

Для пополнения своих финансовых запасов и повышения авторитета среди крестьян Коллективу очень важно было прекратить несанкционированные им самим экспроприации в деревнях. 17 августа один из членов Коллектива был послан с небольшим сборным отрядом «для поимки экспроприаторов и приобретения средств для существования Коллектива»⁹⁵¹, однако это, видимо, тоже не сняло всю остроту вопроса. Тогда через 5 дней было принято решение обратиться ко всем партизанским отрядам области «об изыскании средств у крестьян посредством добровольного пожертвования или конфискации у противников Трудового Народа»⁹⁵². Одновременно продолжалась и экспроприация экспроприаторов в деревнях. Так, 1 сентября, узнав об ограблении «отдельными лицами, проживающими в Логачёвке, Антоновке, Красном Яру и др.» угольных копей, был послан отряд для изъятия этих средств в распоряжение Областного штаба⁹⁵³.

Параллельно с решением денежных проблем Коллективом принимались меры для установления более тесной связи с городскими подпольными организациями. Ещё 15 августа в Благовещенск был отправлен (видимо вместе с Мельниковым — Ю.Т.) представитель Областного штаба т. Гаврилов⁹⁵⁴. После его возвращения 24 августа было решено организовать непосредственную связь Коллектива с г.Благовещенском⁹⁵⁵. Одновременно 1-му району поручалось установить такую связь с г. Алексеевском⁹⁵⁶. Наконец, 27 августа «для совместной работы в Центральном органе г. Благовещенска» были делегированы члены Коллектива Бондаренко, Душкин и Арбатский⁹⁵⁷.

Начиная с 13 сентября в реквизитах протоколов заседаний Коллектива наблюдаются существенные изменения. В частности, там появляются сведения о председателе и секретаре каждого заседания. С 13 по 19 сентября председателем являлся В.А.Бородавкин, а с 16 сентября он стал также и товарищем председателя только что возникшего постоянного Президиума Коллектива⁹⁵⁸. Предыдущее его участие в партизанском движении особой активностью не отличалось. По информации Н.М.Гранкина, в период зимнего восстания он был послан Ф.Н.Мухиным организовывать выступление на ст. Бочкарёво и в её окрестностях, но с этим заданием не справился и затем в восстании не участвовал.

Весной и летом 1919 года Владимир Бородавкин работал сельским писарем в д. Ильиновке, где, под кличкой «Медведь», являлся одним из руководителей местной подпольной организации⁹⁵⁹, связанной с отрядом Юшкевича. 1 сентября от отряда Юшкевича он выдвигается в пропагандистский отдел Областного Коллектива⁹⁶⁰. После краткого периода председательствования в Коллективе, В.Бородавкин вновь становится его рядовым членом, а 26 сентября избирается в обновлённый состав оперативного

отдела. 9 октября Коллектив делегирует В.Бородавкина в 1-й район⁹⁶¹, где его избирают командующим войсками района. На этом посту он пробудет до второй Тарбогатайской операции, после неудачного завершения которой будет снят из-за рокового для штурмующих село отрядов «опоздания» своей пехоты к месту боя.

После В.Бородавкина, с 21 сентября⁹⁶², бессменным председателем на заседаниях Коллектива становится Степан Шилов, до 1918 года считавшийся левым эсером, а затем перешедший в ряды большевиков. Профессиональный революционер, довольно талантливый писатель и публицист он сразу же после своего прибытия 6 сентября в Коллектив становится незаменимым работником, а затем и руководителем всего Областного штаба. С.С.Шилов был делегирован туда подпольной организацией Благовещенска и городским комитетом компартии. До этого он несколько месяцев участвовал в подпольной работе, скрываясь под маской кооперативного инструктора по культуре Бострикова⁹⁶³.

После короткого периода секретарства Сергея Завьялова (А.С.Обиденко), столь же бессменным секретарём на заседаниях Коллектива, а затем редактором партизанской газеты «Красный клич» стал Б.В.Добровенский. По партийной принадлежности он был левым эсером. До своего появления вместе с С.Шиловым в Областном Коллективе, он под фамилией Алгасов около года прожил на нелегальном положении в г.Благовещенске, где принимал участие в подпольной работе с Ф.Н.Мухиным, а затем и в организации Степанова-Галайкина. Умер от тифа в январе 1920 года⁹⁶⁴.

Первой совместной операцией партизанских отрядов области, организованной Областным Коллективом стал так называемый «Капитальный ремонт Амурки», то есть одновременное разрушение Амурской железной дороги на довольно значительном её протяжении. Правда, в отечественной историографии принято считать, что нападением партизан 28-31 августа подверглись все её участки, но этот вывод не соответствует историческим фактам. В действительности серьёзный урон был нанесён лишь участку от ст. Бочкарёво до ст. Урил, где действовали отряды 2-го и 3-го партизанских районов Амурской области. Пострадали также линии, проходившие по 1-му району на участках Бочкарёво - Средне-Белая и Бочкарёво - Свободный.

На территории же 4-го района в эти дни повышенной активности партизан на железной дороге Амурской прессой отмечено не было. Она не выходила за рамки ставшими здесь уже обычными периодических диверсий на участках Шимановск — Уруша и Шимановск — Селеткан, которые примерно с середины августа производил подрывной отряд Мордвинова по заданиям штаба М.Круглова. Причина невыполнения решения Областного Коллектива заключалась в том, что последний узнал о существовании штаба Патрушева и его отрядов только 1 сентября и, поэтому, никаких указаний им дать не мог. Сам 4-й район будет формально учреждён решением Областного Коллектива только после переговоров с представителями Патрушевского штаба, также считавшего себя Областным.

6. Оформление 4-го партизанского района

О существовании за Зеей партизанских отрядов Патрушевскому штабу стало известно, по свидетельству Ракова и Слесарева, уже после съезда, во второй половине июля или в первых числах августа⁹⁶⁵. В переводе на новый стиль это первая половина августа. Впрочем, согласно воспоминаниям К.Бреуса, ещё до съезда штаб имел

«некоторые сношения с отрядом т. Махоровского»⁹⁶⁶. Поскольку в Амурской области не известно ни одного командира партизанского отряда с такой фамилией, то в данном случае, очевидно, имелся ввиду отряд Я.В.Прохорова, командиром которого примерно с середины июня до начала августа был Михненко.

Таким образом, первые, хотя и весьма слабые, взаимоотношения штаба Свободненского партизанского района с отрядом Прохорова зародились, видимо, ещё где-то в середине июля 1919 года. В связи с этим обстоятельством, пишет К.Бреус, в штабе существовали тогда разные мнения о том, стоит ли налаживать связи с другими отрядами или нет⁹⁶⁷. Возможно именно поэтому данное начинание не получило тогда своего продолжения. Зато идея объединения усилий всех партизанских отрядов под руководством главного штаба появилась, по свидетельству Я.Прохорова, в головах руководителей будущего 1-го района. Это случилось после того, как их отряд, в самом начале августа, чуть было не оказался окружённым белогвардейскими и японскими войсками к северу от д.Добрянки. Ему пришлось с боями прорываться оттуда в тайгу.

Именно с целью установления связи с другими партизанскими отрядами были отправлены в район станции Завитой часть членов Прохоровского штаба, в сопровождении кавалерийского отряда Никитина. После же возвращения остальных сил этого района на свою базу в «Круглой пади» (примерно 6-8 августа), Прохоров дал своему лучшему разведчику Герке Рулёву поручение немедленно установить связь также и со штабом Патрушева. По свидетельству И.Ракова и А.Слесарева, такое же задание было дано своим командирам отрядов штабом Свободненского партизанского района⁹⁶⁸. Благодаря такому обоюдному стремлению, связь вскоре была установлена.

Утверждение Я.Прохорова, что Г.Рулёв побывал тогда в Маркучинском штабе подтверждает в своих воспоминаниях и фельдшер партизанского госпиталя 4-го района Грачёв, который, по его словам, видел там Герку и даже разговаривал с ним⁹⁶⁹. Это могло произойти в конце 1-й или начале 2-й декады августа. Указанную дату подтверждает и другой свидетель посещения Геркой Рулёвым Патрушевского штаба А.Слесарев, сообщая, что это случилось в конце июля⁹⁷⁰ (вероятно, по старому стилю – Ю.Т.).

И.Раков и А.Слесарев, правда, в совместном своём воспоминании пишут, что в Маркучи от штаба Прохорова прибыл для переговоров Анищук, который и сообщил о разделении Зазейской части области на три партизанских района, о прошедшем там съезде «в большинстве из партизан», о существовании областной власти, выбранной этим съездом, и командующего войсками Амурской области П.Иванова, «о котором отозвался с нехорошей стороны»⁹⁷¹. Однако данное свидетельство вовсе не противоречит сообщениям Прохорова, Грачёва и того же А.Слесарева, а лишь дополняет их.

Визит Анищука в Патрушевский штаб мог состояться не раньше получения штабом Прохорова информации о создании ОВПК. Отряд Никитина, с этим известием, прибыл в распоряжение своего штаба не ранее 17 августа, то есть уже после возвращения туда Г.Рулёва. Таким образом, Анищук отправился в штаб Свободненского района с заданием известить его руководителей о произошедших изменениях в организации партизанского движения в Зазейском районе. Этот визит мог состояться в последней декаде августа.

Только после переговоров с Анищуком членам Патрушевского штаба стало известно, что и за Зеей есть штаб, который тоже именует себя областным. Сам же ОВПК вплоть до 1-го сентября не знал о существовании в Свободненском районе своего двойника. О нём сообщил ОВПК представитель Благовещенского Центрального штаба Василёк, прибывший из города для передачи шифрованной информации о планах городской подпольной организации относительно действий партизанских отрядов⁹⁷².

До своей поездки в ОВПК Василёк успел побывать в Патрушевском штабе. Это, по утверждению И.Ракова и А.Слесарева, было в конце июля, то есть около 10 августа нового стиля, почти одновременно с визитом Г.Рулёва. Василёк сделал на заседании штаба доклад о подпольной работе в Благовещенске, которая, по его заверениям, шла успешно.

Он попытался убедить членов штаба Патрушева в необходимости скорейшего наступления партизанских сил района на город. Однако члены штаба указали Васильку на слишком большие трудности проведения такой операции в данное время, и на необходимость установления более прочной связи штаба с Благовещенской подпольной организацией. Для установления такой связи и для проверки действительного состояния городской подпольной организации в Благовещенск был командирован Молотковский⁹⁷³.

Не зная о существовании Патрушевского штаба, ОВПК 24 августа принял решение поручить 1-му району установить связь с городом Алексеевском. Одновременно на правый берег Зеи для формирования там отрядов и организации населения был командирован командующий партизанскими силами области П.Иванов⁹⁷⁴. По свидетельству М.Н.Атавина, П.Иванов прибыл в штаб Патрушева в начале сентября⁹⁷⁵. На ту же дату косвенно указывают и воспоминания К.Бреуса, по смыслу которых это случилось вскоре после отступления партизанских сил района от хутора Сычёвского или же непосредственно к этому моменту⁹⁷⁶, то есть ко 2 сентября или сразу после него.

Прибыв в штаб Свободненского района, П.Иванов сразу же вступил в конфликт с его членами по вопросу о форме слияния обоих штабов. Иванов категорически, «диктаторским тоном», требовал сохранения названия ОВПК, а его оппоненты настаивали на наименовании его Революционным штабом⁹⁷⁷. 8 сентября П.Иванов был срочно отозван обратно в ОВПК⁹⁷⁸, однако, к тому времени, он уже был на пути туда, поскольку Раков и Слесарев утверждают, что поехавшие вместе с ним члены штаба Патрушева К.Бреус и Красильников прибыли на место через неделю после выезда из своего района⁹⁷⁹. На заседании ОВПК 13 сентября и тот и другой уже получили ответственные должности в областном штабе партизан⁹⁸⁰, следовательно, отправились туда они не позднее 6 сентября.

М.Н.Атавин добавляет к этой информации, что всего в ОВПК «для урегулирования вопроса о двоевластии» выехало трое представителей штаба Патрушева. Один из них, Молотковский, потом вернулся назад⁹⁸¹. К.Бреус пишет также, что решение об их делегировании было принято после прибытия в штаб Патрушева т. Мухина⁹⁸². Мухин, - это партизанский псевдоним командира взвода Прохоровского отряда Ненашева. Видимо он и переправил их во 2-й район.

Глава 5

Период крупных централизованных партизанских операций

1. Проблема Гошского боя

Как это ни странно, Гошский бой никогда не привлекал к себе внимание профессиональных историков. Нет ни одного посвящённого ему отдельного исторического исследования. Да и в более общих по содержанию трудах ему нигде не уделяется больше четырёх строк. Лишь в книге А.В.Агеева «Амурские партизаны»⁹⁸³ содержится относительно подробное его описание, которое, собственно, и представляет собой всё современное научное знание по этой проблеме. Исходя из имеющихся описаний и оценок Гошского боя, на сегодняшний день проблемными остаются следующие его вопросы:

- а) предпосылки боя;
- б) обстоятельства выбора места боя;
- в) соотношение сил в бою;
- г) соотношение потерь;

Прежде чем перейти к разбору проблем, отметим уже достаточно хорошо известные историкам время и место данного боя. Он произошёл 5 октября 1919 года на

опытном сельскохозяйственном поле Гош, в 4-х километрах восточнее села Маргаритовки современного Мазановского района.

Предпосылки боя. В числе предпосылок Гошского боя можно выделить во-первых, установление полного контроля партизан над всей территорией первого района, что не могло не вызвать ответную реакцию белогвардейских властей и интервентов, а во-вторых, увеличение боевых сил района, сделавшее возможным вступление партизан в открытое столкновение с сильным врагом.

Увеличение боевых сил 1-го района было поставлено в повестку дня после получения от ОВПК информации о готовящейся операции всех партизанских отрядов области по взятию г. Благовещенска. Я.Прохоров утверждает, что приказ о наступлении на город 25 сентября был получен штабом 1-го района 5 сентября⁹⁸⁴. Диспозиция данного наступления была утверждена ОВПК 15 сентября, а приказ о мобилизации - 21 сентября⁹⁸⁵.

Наступление с решительными целями предполагало наличие достаточно крупной группировки войск, создать которую было невозможно без мобилизации крестьян нескольких возрастов. Подготовка к выполнению этой сложной задачи в 1-м районе, видимо, и стала одной из причин передислокации штаба в с. Верное, поскольку с наступлением осени в Круглой пади просто негде было разместить такое большое количество людей. Да и поставленный 4 сентября в д. Добрянке японский гарнизон⁹⁸⁶ стал очень неудобным соседом для штаба партизан.

Предыдущий опыт мобилизации молодёжи в 1-м районе показал недостаточную эффективность проведения её только по распоряжениям партизанского штаба. Идея созыва с этой целью крестьянского съезда была, возможно, подсказана руководящему составу 1-го района проезжавшими по его территории в начале второй недели сентября в ОВПК представителями Патрушевского штаба. У себя в районе они созвали такой съезд ещё в июле.

Съезд представителей крестьян и партизан 1-го района собрался в д.Лиманной Верненской волости. Основным решением его стало объявление мобилизации мужчин в возрасте от 20 до 30 лет, а также лошадей. Некоторой проблемой является время начала этого съезда. Летопись Амурской области сообщает, что он был созван 10 сентября⁹⁸⁷. Основанием для такого утверждения послужил протокол ОВПК № 31 от 9 октября (в сохранившейся копии документа ошибочно написано 9 ноября), в котором излагался доклад прибывшего накануне представителя штаба 1-го района К.Высоцкого.

Между тем, существует датированный 28 сентября 1919 года приказ № 9 штаба армии 1-го района, предписывающий всем лицам, подлежащим мобилизации до 30 лет включительно, быть готовыми по первому требованию⁹⁸⁸. Там же указывалось, что все они должны были явиться в течение суток (видимо, после поступления соответствующего распоряжения – Ю.Т.). Подлинность этого документа не вызывает сомнения. Об этом свидетельствует и состояние бумаги, и характер шрифта (дореволюционного), и качество машинописной печати, и наличие выполненных чернилами подписей и штампа, и даже сам цвет чернил.

Может показаться, что данный документ свидетельствует о более позднем начале мобилизации, чем это было указано в докладе К.Высоцкого, и, следовательно, о более поздней дате 1-го Лиманского съезда. Кстати, Я.В.Прохоров в одном из вариантов своих воспоминаний пишет, что эта дата (10 сентября) указана им в старом стиле⁹⁸⁹. Между тем, дату 10 сентября косвенно подтверждает сообщение белогвардейских газет о том, что 17 и 18 сентября «большевики произвели в деревнях Весёлая, Ключики и Большая Сазанка мобилизацию людей в возрасте от 20 до 30 лет. Всего мобилизовано 46 человек и взято 17 лошадей»⁹⁹⁰. Все указанные деревни располагались тогда на территории 1-го района. Таким образом, мобилизация фактически началась здесь 17 сентября. Это полностью соответствует докладу К.Высоцкого, где он сообщает о недельном сроке, предписанном

съездом для начала мобилизации⁹⁹¹. Совпадает и указанная им продолжительность мобилизации – две недели. Именно такой промежуток времени прошёл с момента её начала до получения от подпольщиков 1 октября сведений о готовящемся наступлении противника на 1-й партизанский район.

Но что же тогда означает Приказ № 9? Возможно, он предназначался для уже служившего в армии мужского населения деревень, располагавшихся непосредственно в зоне расположения партизанских отрядов. Для проведения мобилизации в них не требовалось много времени. Вполне достаточно было и одних суток. Приказ штаба по их мобилизации был отдан, видимо, только 1 октября.

К моменту начала мобилизации пехота 1-го района, по свидетельству П.Е.Вшивкова, состояла из 3-х рот по 3 взвода, и насчитывала около 300 человек. Кроме того, ещё около 30 человек числились в подрывных командах, какое-то количество партизан (в основном конных) находилось на заставах, а 50 человек – в лазарете, обозе и хозчасти. О кавалерии он ничего не говорит. Ко дню начала наступления противника численность пехоты, по мнению П.Е.Вшивкова, увеличилась до тысячи с лишним бойцов, без учёта застав, подрывников, лазарета, хозчасти и штаба. Конница возросла до 300 сабель, не считая стоявших в заставах. Общая численность армии 1-го района, по его утверждению, достигала примерно полторы тысячи человек⁹⁹².

Цифры, называемые Я.Прохоровым, как обычно, более велики. К началу мобилизации он насчитал в 1-м районе 1150 бойцов, из которых 350 составляла кавалерия. За время призыва явилось около 2000 новобранцев, из которых, за неимением достаточного количества вооружения, пришлось «забраковать» по здоровью 800. Из оставшихся 1200 оружия хватило только 800. Из остальных, 156 человек отправили в хозяйственные службы, а 190 (П.Е.Вшивков определяет их количество в 150 человек⁹⁹³) оставили при штабе, проходить строевую подготовку⁹⁹⁴. Таким образом, в боевом строю, по утверждению Я.Прохорова, находилось к началу боёв почти 2000 вооружённых бойцов, в том числе 350 кавалеристов и около 1600 пехотинцев. Белогвардейская пресса тоже оценивала тогда численность партизан к северу от реки Томи цифрой около 2000 человек⁹⁹⁵.

Существует и третья точка зрения. Это сведения К.Высоцкого, изложенные в его докладе на заседании ОВПК 9 октября 1919 года. Он утверждал тогда, что к моменту окончания мобилизации армия 1-го района имела вооружённых бойцов около 700 человек в пехоте и 400 в коннице⁹⁹⁶, то есть всего – примерно 1100 человек. Эта вполне официальная оценка члена штаба 1-го района, видимо, и является наиболее близкой к истине. Что же касается сообщений прессы, то она в то время была часто склонна к сильному преувеличению партизанских сил.

Количество боевых рот в пехоте П.Вшивков и Я.Прохоров приводят тоже разное. Первый насчитал их 5 (в том числе одна резервная), а второй – 7, зачисляя, видимо, в их число и некоторые из далеко выдвинутых крупных застав, в частности заставу на р. Томи, под командованием Ненашева (Мухина), которого называет командиром 2-й роты.

Согласно утверждению Я.Прохорова, роты были сведены в 2 батальона. Наличие как минимум одного командира батальона отмечает в своей книге и П.Вшивков. В кавалерии Я.Прохоров числит 7 взводов, распределённых по 3-м эскадронам. П.Вшивков же упоминает только эскадрон Никитина. Среди команд особого назначения, помимо отряда «Неустрасимый», числилось, если верить Я.Прохорову, 2 подрывных и 3 разведки⁹⁹⁷.

Конечно, Я.Прохоров, как руководитель штаба, должен быть более компетентен в вопросах структуры своей армии, чем начальник лазарета П.Е.Вшивков, но 1-й писал свои воспоминания спустя 40 лет после описываемых им событий, а второй – лишь через 12. К тому же Я.Прохоров допускает в своей работе много анахронизмов, поэтому приведённый им состав армии 1-го района вполне может относиться к более позднему времени.

Для того чтобы одеть, обусть, накормить, вооружить и обеспечить боеприпасами такое количество бойцов, необходимо было организовать ряд хозяйственных и производственных нестроевых подразделений. Все они располагались в д. Державенке. Как пишет Я. Прохоров, в 1-м районе были созданы пошивочная, сапожная и пулелитейная мастерские*. Последняя была организована с помощью рабочих, прибывших по заданию подпольной организации вместе со всем оборудованием из железнодорожных мастерских ст. Бочкарёво. Производительность её зависела от наличия материала* (олова, свинца и баббита) и составляла от 5 до 20 тысяч патронов в сутки.

Хлебом обеспечивала на договорных условиях паровая вальцовая мельница в с. Завидное (Сапроново). С её арендатором, китайцем, штаб расплачивался фальшивыми колчаковскими 50-рублёвками очень высокого качества, которые в больших количествах печатались на собственном «монетном дворе», организованном А.И. Сафроновым. Такими же деньгами платили и крестьянам за поставляемые ими зерно и фураж. Часть денег шла на оказание помощи бедняцкому населению, а также сиротам, отцы которых погибли на войне⁹⁹⁸. Неудивительно, что партизаны в 1-м районе пользовались с этого времени полной поддержкой местных крестьян.

Обстоятельства выбора места боя. Согласно воспоминаниям Я. Прохорова, командование партизан уже за восемь дней до начала наступления противника знало, что оно будет производиться на с. Верное с трёх направлений: со стороны Бочкарёво, через д. Борисполь (Дубнячки), со стороны Тарбогатая, через д. Широкий Лог (Новомихайловка), и со стороны Свободного через сёла Мазаново и Красноярово. В силу этого обстоятельства, штабом было решено частью сил задерживать продвижение противника, а вторую половину армии отвести на опытное поле Гош, на случай, если наступление противника не будет остановлено и партизаны вынуждены будут принять бой.

Таким образом, Я. Прохоров утверждает, что Гошская позиция была намечена ещё до начала наступления, и воспринималась штабом как запасная, если не удастся сдержать противника на промежуточных рубежах. Причём все хозяйственные службы и невооружённые подразделения были заранее отведены в тайгу и за поле Гош. Такая пассивная тактика, по словам Я. Прохорова, определялась директивой ОВПК о необходимости сбережения сил и ресурсов всех партизанских районов для планируемого в скором времени наступления на г. Благовещенск⁹⁹⁹.

Совершенно иначе оценивает данную ситуацию другой непосредственный участник указанного события и член штаба 1-го района П.Е. Вшивков. По его свидетельству, бой именно на Гошском поле не был предусмотрен никаким планом, и отступления туда заранее не предполагалось. Вшивков свидетельствует, что штаб за сутки был извещён о начале наступления японцев только со стороны Бочкарёво. В дальнейшем командование партизан лишь реагировало на поступающие с застав и выдвинутых навстречу противнику отрядов сигналы о его действиях на разных участках, посылая в тех направлениях новые и новые подразделения.

Очень скоро в распоряжении штаба осталась только одна резервная рота. Остальные четыре в разное время были брошены под д. Дубнячки (Борисполь), навстречу Бочкарёвской колонне японцев и белых. В это время штаб получил извещение о переправе около 100 тарбогатайцев через р. Томь. На помощь стоящей там заставе сразу же было отправлено ещё 40 человек (видимо один взвод – Ю.Т.) из резервной роты. Бой под Дубнячками начала одна рота, а затем к ней присоединились ещё две. Бой был проигран. 4-я рота не успела подойти вовремя, и присоединилась к отступающим.

* Пули отливались здесь, по технологии И. Краснянского, которую работавшие в Державинке слесари из ст. Бочкарёво, видимо, позаимствовали в 4-м районе.

* Оловом, свинцом и баббитом, а также капсулями для гильз, снабжали партизан 1-го района подпольщики из мастерских ст. Бочкарёво, Суражевки и Благовещенска.

Штаб к этому моменту уже покинул с. Верное и отступал на д. Паутовку. К тому времени было получено известие о выступлении японцев из Мазаново¹⁰⁰⁰, что означало невозможность отхода за р. Бирму. Таким образом, направление в верх по р.Бирме оставалось единственно доступным для отступления в тайгу, поскольку Державинскому направлению уже угрожали тарбогатайцы. Только тогда штаб с помощью вестовых начал стягивать все части своей отступающей армии в Паутовку. Туда же отходил из Державинки и хозяйственный обоз. На сбор всей армии в этом месте потребовались целые сутки. Противник активно не преследовал её отступающие части¹⁰⁰¹, что, возможно, и спасло армию от разгрома в первые два дня.

Как пишет П.Е.Вшивков, лишь на совещании штаба и командного состава в д.Паутовке было решено дать бой противнику на Гошском поле. Только после этого был назначен командующим армии бывший прапорщик Задерновский¹⁰⁰². Полностью подтверждает свидетельство П.Вшивкова и В.Задерновский. По его словам, на данном совещании «тов. Прохоров ... отстаивал свою точку зрения ... боя не давать, потому что ... можем потерять большие силы ... и к моменту областного наступления можем выйти ни с чем». По мнению же В.Задерновского и его сторонников «к моменту прихода на Гож наша армия не имела ни куска хлеба, ни фуража, ничего, за исключением достаточного количества боеприпасов», поэтому отступление в тайгу грозило её распадом. С большим трудом им удалось убедить штаб в необходимости этого боя¹⁰⁰³.

Таким образом, по свидетельству П.Вшивкова, Гошская позиция была выбрана в самый последний момент, как наиболее удобное место боя сседающим врагом. Однако в случае поражения это место стало бы для армии роковым, поскольку дальнейшее отступление глубоко в тайгу грозило партизанам гибелью, так как никакого продовольствия у них уже не было. Это обстоятельство, кстати, лучше всего доказывает отсутствие у штаба заранее намеченного плана отступления на поле Гош.

Соотношение сил в бою. Несмотря на то, что в Гошском бою приняла участие подавляющее большинство вооружённых партизан 1-го района, и Я.Прохоров, и П.Вшивков исчисляют их количество там значительно меньшими цифрами. Прохоров называет 1700 человек, а Вшивков – 800-900¹⁰⁰⁴. Таким образом, вне боя оказываются у первого около 250, а у второго – не менее 400 вооружённых партизан. Белогвардейские газеты дают средние между ними цифры, сообщая о 1500-1600 или до 1500 партизан¹⁰⁰⁵.

Между тем, сам же П.Вшивков утверждает, что в бою не принимали участия лишь кавалерийский взвод, прикрывавший дорогу вдоль правого берега реки Бирмы, и застава на реке Томь, оттеснённая тарбогатайцами в тайгу и не успевшая, поэтому, присоединиться к армии вовремя¹⁰⁰⁶. Оба этих отряда вместе вряд ли составляли более 150 человек. Если же это число отнять от общей численности вооружённых партизан 1-го района по сведениям К.Высоцкого (1100), то получим 950 человек, что очень близко к расчётам П.Вшивкова. С учётом же потерь в Бориспольском бою и некоторого количества отставших во время отступления партизан, конечная цифра будет полностью соответствовать последним. Итак, в Гошском бою со стороны партизан приняло участие не более 900 человек.

Каковы же были силы противника? В воспоминаниях партизан их численность, как правило, сильно завышается. Я.Прохоров, например, называет цифру 4000 человек, П.Вшивков – 5000¹⁰⁰⁷. Между тем, амурскими историками ещё в середине 80-х годов было найдено современное данному бою газетное сообщение, благодаря которому установлено, что с японской стороны в нём принял участие только один батальон¹⁰⁰⁸. Штатная численность японского батальона составляла в то время около 950 человек. Действительный же состав его в бою был значительно меньшим (неизбежные предыдущие потери, больные, отпускники, оставленные в тылу подразделения и т.п.).

Наиболее вероятную численность японцев можно вычислить по газетному описанию этого боя, в котором утверждалось, они «атаковали большевиков,

превышающих себя численно более чем в 3 раза – то есть около 1500-1600 человек»¹⁰⁰⁹. Из этого сообщения следует, что японцев в бою участвовало не более 500 человек, то есть 2-3 неполных роты пехоты с приданными батальону подразделениями пулемётчиков и артиллеристов.

На начальной стадии Гошского боя в нём приняла участие также небольшая группа конных тарбогатайцев. Преследуя притворно отступавшую разведку партизан, она проскочила по мосту за хорошо замаскированную в глубокой канаве боевую линию отряда, после чего была окружена и вся уничтожена¹⁰¹⁰. Остальные тарбогатайцы, а также отряды других старообрядцев, белой милиции и казаков, сопровождавшие японский батальон в качестве кавалерии, в бою не участвовали. Роту же белогвардейского Краснояровского гарнизона японское командование отряда на протяжении всего боя держало в тылу, в д. Маргаритовке, и использовало только для рытья там окопов¹⁰¹¹.

Таким образом, численность противостоящих сторон в Гошском бою различалась не очень сильно. По качеству же личного состава японцы не только не имели преимущества, но и несколько уступали партизанам. Теперь им противостояли не зелёные новобранцы, бегающие от каждого снаряда, как это было летом под Пушкино и Паутовкой. Вновь, как и зимой, основу боевых сил партизан составили здесь мобилизованные штабом 20-30-летние ветераны 1-й мировой войны. Полученный на её фронтах опыт ведения позиционной войны и позволил им максимально эффективно использовать в качестве окопа глубокую осушительную канаву, проходящую поперёк поля, и таким образом нанести поражение наступающему врагу.

Сказалось и отставание японской армии в тактическом отношении сразу после мировой войны. Воевавшие в последней армии довольно быстро были вынуждены отказаться от господствовавшей до войны тактики наступления близко расположенными друг к другу в глубину густыми цепями, вследствие очень высоких потерь от пулемётного и плотного ружейного огня. Японские же войска всё ещё использовали такое построение, в том числе, по свидетельству П.Вшивкова, и в Гошском бою¹⁰¹², значительно облегчив, тем самым, задачу партизан.

В отношении боевого обеспечения японцы имели некоторое преимущество, но оно было не таким большим, как описывается в воспоминаниях партизан. Боеприпасов у японцев было, конечно, значительно больше, но и партизаны имели от 60 до 120 патронов на винтовку¹⁰¹³, чего им вполне хватило до конца боя. К вечеру же патроны стали заканчиваться не только у партизан, но и у японцев. Подвоза новых боеприпасов с тыла последние так и не дождались¹⁰¹⁴.

Единственный у партизан ручной пулемёт «Шош» был обеспечен патронами тоже в достаточном количестве (около двух мешков¹⁰¹⁵). У японцев пулемётов было больше, но точного их числа ни один из авторов воспоминаний назвать не смог. Даже П.Вшивков насчитал в бою то ли 3, то ли 4 пулемёта врага¹⁰¹⁶. На самом деле, японский батальон мог иметь только два станковых пулемёта. Такова была норма, по расчёту: 24 пулемёта на 12 батальонов дивизии. Именно по 2 пулемёта имели все батальонные отряды японской армии, действовавшие против повстанцев во время Мухинского восстания. Ручных пулемётов у японцев вообще тогда не было. Впрочем, ещё один пулемёт мог привезти с собой к месту боя мазановский отряд японцев. Его наличие у гарнизона села было отмечено источниками ещё в дни Мазановского восстания.

Две траншейных пушки японцев¹⁰¹⁷ были, конечно, тоже серьёзным оружием, но бойцов, не так давно испытывавших на себе сокрушающее действие тяжёлых германских орудий, оно испугать никак не могло. К тому же, в условиях Гошского поля эффективность траншейных пушек оказалась крайне низка. По свидетельству П.Вшивкова, снаряды глубоко врезались в болотную почву, не давая на поверхности почти никакого разрыва. Из Свободного была выслана на поддержку японскому батальону лёгкая артиллерийская батарея, но доехав до д. Каничи и узнав там о тяжёлых потерях японцев, она дальше двинуться почему-то не решилась¹⁰¹⁸.

Соотношение потерь в бою. Оборонительный и позиционный со стороны партизан характер Гошского боя решающим образом сказался и на соотношении потерь сторон. Их японцы, наступавшие по совершенно открытой местности, понесли во много раз больше, чем сидевшие в канаве партизаны. По утверждению П.Вшивкова, в течение всего дня пехота партизан потерь убитыми почти не имела¹⁰¹⁹. Основную часть таких потерь понесли кавалеристы, осуществляя прикрытие армии перед началом боя, и защищая её фланги, лёжа среди болотных кочек и кустарника, в самом бою.

Потери партизан в научных исторических работах не указаны, что объясняется, видимо, расхождением в источниках. П.Вшивков считал, что партизаны потеряли в этом бою 16 человек убитыми и 36 ранеными¹⁰²⁰. По-видимому, это была официальная точка зрения штаба 1-го района, потому что К.Высоцкий, в своём докладе ОВПК, привёл фактически те же цифры - 16 убитых и до 30 раненых¹⁰²¹. Совсем иные числа указаны в воспоминаниях Я.В.Прохорова. Он пишет, что потери партизан составили 33 убитыми и 76 ранеными¹⁰²². Эта же цифра убитых указана и на братской могиле погибших в этом бою партизан. Какой же из двух вариантов является наиболее верным?

Потери, приведённые в книге П.Вшивкова, были вычислены, по его словам, на первом же привале после отступления партизанской армии с Гошского поля. Ясно, что подсчёт был сделан по фактическому наличию бойцов в каждом подразделении, поскольку собрать перед отступлением всех своих убитых, лежавших на ничейной позиции по флангам, под обстрелом японцев партизаны конечно же не могли.

Японцы, после ухода партизан, подобрали на поле боя только своих солдат. Следовательно, захоронение убитых партизан производили почти не участвовавшие в бою кавалеристы, стоявшие на той стороне р. Бирмы, вместе с присоединившейся к ним Томской заставой, либо местные крестьяне. Те и другие, не зная всех обстоятельств боя, могли похоронить в одной братской могиле и погибших партизан, и тарбогатайцев, попавших в засаду в самом его начале и лежавших позади боевой линии партизан. По своей одежде и вооружению они вряд ли чем-нибудь отличались друг от друга. Тарбогатайцев, следовательно, было убито там 17 человек.

Что же касается раненых, то П.Вшивков учёл, видимо, только тех из них, кто был ранен серьёзно и лежал в его лазарете, который партизаны, отступая, оставили в лесу возле Гошского поля. Я.Прохоров же, возможно, имел в виду всех раненых, в том числе и оставшихся в строю.

Цифры потерь японцев историки дают разные. Авторы школьного учебника «История Амурской области» считают, что они потеряли в Гошском бою только убитыми более 800 человек¹⁰²³. Летопись Амурской области сообщает, что потери японцев убитыми и ранеными составили около 1 тысячи человек¹⁰²⁴. В.П.Малышев же утверждал, что убито во время боя было 300 японцев, а ранено 400¹⁰²⁵. Никакого обоснования этих цифр они не дают.

Также разноречивы в отношении японских потерь и исторические источники. Несмотря на то, что количества убитых и раненых японцев партизаны точно знать не могли, бывшие участники боя охотно приводят самые невероятные цифры этих потерь. Я.Прохоров, например, утверждает, что японцы потеряли убитыми и ранеными около 2000 человек. П.Вшивков «подсчитал» 700 убитых японцев и ещё не менее тысячи раненых. К.Высоцкий, в своём докладе, определяет потери японцев и белых убитыми в 600 человек¹⁰²⁶.

В реальности же, вряд ли потери японцев могли быть так велики. Ведь командование партизан отдало приказ об отступлении своей армии, имея какие-то основания опасаться ночной штыковой атаки врага¹⁰²⁷ (у партизан штыков не было). Если судить по соотношению потерь к общей численности японского отряда, то у Я.Прохорова оно составляет половину, а у П.Вшивкова – одну треть. В переводе на реальную численность японцев (500 человек), всего они могли потерять убитыми и ранеными от 170

до 250 человек. Впрочем, сами японцы озвучили тогда значительно меньшую цифру – 42 убитых (в том числе 3 офицера) и 39 раненых¹⁰²⁸, то есть всего 81 человек.

2. Первое наступление отрядов 2-го района на г. Благовещенск

Подготовка наступления. Подготовка к наступлению на г. Благовещенск всех партизанских сил началась, по свидетельству Я.Яковлева, ещё в начале сентября¹⁰²⁹. Впервые боевая задача от городского подпольного штаба была получена в Коллективе (далее — ОВПК) уже 1 сентября¹⁰³⁰. 6 сентября в ОВПК прибыли командированные Военно-революционным штабом г. Благовещенска С.Шилов и Б.Добровенский. После их доклада, на том же заседании ОВПК было намечено разработать общий план действий города и области в боевом отношении. Эта работа была поручена оперативному отделу Коллектива¹⁰³¹.

Уже 8 сентября разработанный план был утверждён на заседании ОВПК. Тогда же, в целях экономии боевых сил и боеприпасов, было предписано всем партизанским отрядам до особого распоряжения Коллектива избегать столкновений с противником и сообщать областному штабу о своих передвижениях¹⁰³². По-видимому, в согласии с этим планом на следующем заседании ОВПК 13 сентября были приняты инструкция по мобилизации населения в крестьянско-рабочую армию и написанное С.Шиловым воззвание к казакам. Одновременно констатировалось, что Область уже готова к выступлению, в связи с чем решено было поторопить городскую организацию с подготовкой восстания¹⁰³³.

Ещё через два дня, 15 сентября, военно-оперативный отдел разработал секретную диспозицию* наступления для всех районных коллективов и командиров партизанских отрядов¹⁰³⁴. По свидетельству Вострикова, этот документ, в своём более позднем варианте, предписывал отряду Старика выйти к левому берегу р. Зеи в районе перевоза, отрезая таким образом от Благовещенска японские и белогвардейские гарнизоны Ивановки, Тамбовки и ближайших казачьих хуторов. Одновременно остальные отряды 2-го и 3-го районов должны были наступать в направлении станиц Гродеково и Кани-Курган, чтобы отрезать город от амурских казачьих станиц.

В это же время по правому берегу р. Зеи к городу должны были подойти силы 4-го района и ворваться в него с севера. На отряды 1-го района возлагалась задача блокировать сильный гарнизон узловой железнодорожной станции Бочкарёво¹⁰³⁵. Часть сил 1-го и 4-го районов выделялись для организации засад по обоим берегам р. Зеи, с целью не пропустить к Благовещенску пароходы с возможной помощью из г. Свободного¹⁰³⁶. Благовещенским подпольщикам поручалась самая ответственная миссия - захват изнутри той части города, которая прилежала к Зейскому перевозу, для обеспечения переправы главных сил партизан¹⁰³⁷.

* Имеющаяся в Амурском областном архиве копия этого документа, по-видимому, недостаточно точно отражает его содержание. В её тексте заметны явные ошибки и анахронизмы. В частности, партизанские силы области именуется Рабоче-крестьянской армией Амурской области. Между тем, во всех подлинных документах и точных копиях они называются Крестьянско-рабочей революционной армией Амурской области. Упоминается в тексте диспозиции и отряд «Красных орлов», хотя такого отряда в области тогда не существовало, а отряд «Красный орёл» был создан в партизанской армии уже во время её наступления на Благовещенск, то есть в середине октября 1919 года. В других документах ОВПК, регламентирующих порядок этого наступления, данный отряд не упоминается.

19 сентября И.Мельников привёз наконец известие, что работа по организации восстания в городе подходит к концу. В тот же день было принято решение о создании при оперативном отделе контрразведки, а также об организации патронной мастерской¹⁰³⁸. Вскоре, не дожидаясь сигнала из города, ОВПК принял решение начать мобилизацию, о чём был издан соответствующий приказ, в редакции С.Шилова, утверждённый на заседании 21 сентября. Приказ не только объявлял мобилизацию в области всех крестьян и казаков в возрасте от 20 до 30 лет, но и предполагал изъятие оружия у тех, кто по каким либо причинам мобилизации не подлежал. Не подчинившиеся приказу объявлялись врагами народа и подлежали преданию Военно-революционному полевому суду, а их имущество — конфискации в пользу Народной армии¹⁰³⁹.

Выполнение этого приказа едва не было сорвано новым наступлением японско-белогвардейских отрядов на партизанские базы к северу от ст. Завитой. 21 сентября удару почти одновременно подверглись отряд Юшкевича в Авраамовке (Абрамовка, Грузовая) и стоявший в д. Верхне-Ильиновке отряд Старика¹⁰⁴⁰. Отряд Юшкевича отступил к д. Яносовке, откуда часть отряда отошла к д. Последней и, вновь столкнувшись там с японцами, ушла на древесно-угольный заводик в тайге. Отдохнув там три дня, партизаны перебрались в д. Беляковка Верхне-Бельской волости¹⁰⁴¹. Другая часть отряда Юшкевича, совместно со стоящим в д. Чаплинке (Марьяновка) отрядом Чёрный ворон, перешла в контрнаступление и навязала противнику в 3 часа ночи 23 сентября новый бой в д. Грузовой (Абрамовка), который длился почти полтора часа. Исход его неясен, поскольку каждая из сторон трактует его в свою пользу¹⁰⁴².

Нападение же кавалерийского отряда японцев и казаков на отряд Старика в Верхне-Ильиновке привело к многочасовому бою, который завершился отступлением партизан к д. Яносовке. Появившемуся здесь через три дня отряду Чёрный ворон удалось вновь изменить ситуацию в пользу партизан, которые опять вернули всю оставленную ими территорию под свой контроль¹⁰⁴³. В ходе боёв 21-23 сентября едва не был захвачен противником и сам Областной штаб партизанских отрядов, размещавшийся тогда в деревне Последней. При приближении японцев он был вынужден спешно эвакуироваться в тайгу, о чём есть косвенное упоминание в протоколах ОВПК¹⁰⁴⁴.

Вытеснив противника из своего района, партизаны сразу же сами перешли в контрнаступление. 23 сентября ими было захвачено с. Ерковцы, «где не осталось почти ни одного дома не ограбленного»¹⁰⁴⁵. Судя по всему, это вновь действовал отряд Чёрный ворон. Отступившая же в район д. Беляковки часть отрядов Юшкевича и Старика организовала 26 сентября засаду на возвращавшийся с обозом из д. Беляковки в Борисовку (Борисово) отряд японцев из 33 человек и полностью уничтожила его¹⁰⁴⁶.

В ночь на 28 сентября партизаны района произвели нападение на с. Козьмодемьяновку, где было «разграблено почтовое отделение, земская волостная управа и много частных лиц». Пресса писала тогда, что «в районе Борисоглебовки, Козьмодемьяновки, Полтавки и Тамбовки оперируют шайки красных, численностью от 200 до 300 человек, причём 2/3 из них китайцы»¹⁰⁴⁷. Такую значительную численность мог иметь тогда только один партизанский отряд 2-го района — отряд Старика. На него же определённо указывает и приведённое в газетах соотношение в нём российских партизан и китайцев, присоединившихся к отряду, как пишет сам А.Н.Бутрин, сразу после боя у Верхне-Ильиновки и Бондаревки¹⁰⁴⁸.

Ещё 26 сентября, Ткаченко привёз из Благовещенска зашифрованную записку¹⁰⁴⁹, на основании которой было, видимо, принято решение перенести общее наступление на 10

октября. В силу секретности данной записки, конкретное содержание её не сообщалось даже командирам отрядов и не было зафиксировано в протоколах ОВПК, оставшись, поэтому, совершенно неизвестным историкам. 2 октября А.Бутрин сделал запрос ОВПК о времени выступления, но исчерпывающего ответа, по-видимому, не получил, так как было постановлено делегировать в его отряд с информацией Б.Добровенского. На том же заседании было утверждено распоряжение о действиях в момент выступления пехоты 3-го района и поручено командующему П.Иванову ещё до выступления «взять броневик на линии железной дороги»¹⁰⁵⁰. «Броневик», то есть бронепоезд белых, в итоге, по утверждению А.Бутрина, пустил под откос отряд Юшкевича¹⁰⁵¹.

В это же время принимались меры по формированию новых партизанских отрядов. В конце сентября на заседании ОВПК было принято решение создать во 2-м районе, в ходе мобилизации крестьян, ряд мелких отрядов, для чего были делегированы на места члены ОВПК Свечкин и Анищук¹⁰⁵². Ответственными за мобилизацию в этом районе являлись назначенные ещё 26 сентября Перетяткин и Яценко. К мобилизационной работе в ближайших к Благовещенску волостях подключились специально делегированные туда представители отряда Чёрный ворон». Немалую активность проявляли и сами крестьяне¹⁰⁵³.

Тем не менее, из-за нехватки оружия, провести полноценную мобилизацию населения здесь так и не удалось. Была сделана лишь, так называемая, предварительная мобилизация, то есть проведён учёт военнообязанных. Те, кого удалось вооружить, в основном влились в уже существующие отряды. Были сформированы лишь 3 новых отряда: Бондаренко, Гранкина и «Красный орёл». Первый присоединился к партизанской армии 2-го района ещё до начала наступления (около середины октября — Ю.Т.), а два других — уже в ходе его. Работа по мобилизации казаков, в тот момент серьёзного результата не дала. Проявила колебание лишь станица Константиновская, но и из неё в ряды партизан вступило только 7 казаков. Параллельно в сёлах, где не было белых или японских гарнизонов, ликвидировались земские волостные учреждения, а вся их документация полностью уничтожалась¹⁰⁵⁴.

Значительно успешнее прошла мобилизация в 3-м районе. В архиве Амурской области сохранились подлинные, хотя и не датированные документы, фиксирующие детали её проведения. Правда среди охваченных ею населённых пунктов не числятся селения, расположенные поблизости от ст.Архары, возможно потому, что над ними ещё сохраняли тогда определённый контроль интервенты и органы белых властей. Всего же в 13 деревнях и 1 хуторе мобилизованными оказалось 241 человек. Однако в семи из этих деревень в число военнообязанных были включены лица до 35, а в некоторых случаях даже до 45 лет. Поскольку они, видимо, были отсеяны призывной комиссией, то из общего числа призванных их следует исключить.

Пользуясь данными шести деревень, где мобилизованы были только указанные в приказе возраста, можно для каждой из них определить процент мобилизованных по отношению к числу всех военнообязанных до 35 лет, а затем вычислить их средний процент. В итоге, с помощью несложной математической формулы - $(69 + 100 + 73 + 92 + 80 + 67) : 6 = 80$ (все цифры округлены) — находим, что призваны были в этих деревнях примерно 80 % военнообязанных крестьян.

Допуская правильность этого процента и для остальных семи деревень, приходим к выводу, что из 138 военнообязанных в них было призвано 110 человек. Прибавив к ним уже известное число мобилизованных в других населённых пунктах этого района (103

человека)¹⁰⁵⁵, получим общее число призывников — 213 человек. Это, конечно, приблизительная цифра, но она даёт определённое представление о мобилизационных возможностях 3-го района. Вместе с уже имевшимися в наличии 110 партизанами, общая численность отрядов 3-го района могла достигнуть примерно 320 человек.

Однако, несмотря на то, что данная мобилизация в Архаро-Буреинском районе проводилась на основании приказа ОВПК № 1 от 21 сентября, состоялась она, видимо, уже во второй половине ноября, о чём есть упоминания в протоколах ОВПК¹⁰⁵⁶. А к октябрьскому наступлению партизанской армии была приурочена здесь другая мобилизация, объявленная «военно-революционным полевым коллективом 3-го района» 1 октября. Она распространялась только на крестьян 20-24-летнего возраста включительно. Сбор всех мобилизованных был назначен на 9 октября в с. Кулустай, где предполагалось провести их медицинское освидетельствование. Эта мобилизация, в отличие от июльской, уже не была добровольной. За неисполнение данного приказа виновные подлежали «военно-полевому революционному товарищескому суду»¹⁰⁵⁷.

Опираясь на те же расчётные данные по шести деревням, можно определить примерное количество призванных по району крестьян указанных возрастов. Они составляли 39 % от числа военнообязанных, то есть — всего 102 человека. Таким образом, уже отмобилизованные силы 3-го района должны были насчитывать в октябре около 210 человек, а за вычетом больных, дезертиров и т.д. - около 200. Имеются в архиве и данные по отрядам. Так, в списке членов партизанского отряда Буреинского района числилось 74 человека. В Архаринском же отряде на учёте находилось к этому времени 77 человек, однако в наличии было только 61 (без больных, пропавших без вести, самовольно отсутствующих, отпускиников, откомандированных в пехоту, в отряд к Воропаеву или в ОВПК)¹⁰⁵⁸. Оба указанных отряда были конными. Таким образом, на пехотное подразделение, которым командовал Нюхалов, остаётся от 50 до 70 человек.

Предпринятое белыми и японцами 21-23 сентября наступление на партизанский район к северу от ст.Завитой и бои под селениями Верхне-Ильинка, Последняя, Яносовка, Цаплинка (Марьяновка), Грузовое (Абрамовка) и Беляковка вызвали кризис доверия партизан к своему верховному командованию, оказавшемуся не в состоянии правильно распорядиться силами трёх находившихся тогда в этом районе партизанских отрядов. Несмотря на то, что карателям пришлось вернуться ни с чем, общее собрание партизан отряда Старика возбудило перед ОВПК вопрос о несоответствии своей должности командующего партизанскими силами области П.Иванова. 7 октября вместо него был назначен В.Юшкевич.

Одновременно было решено перевести в более безопасное место районный лазарет¹⁰⁵⁹. Судя по воспоминаниям Вострикова, его разместили на Биткуловском дегтярном заводе¹⁰⁶⁰ в долине р. Желовье. На следующий день Коллектив постановил создать под председательством Б.Добровенского специальный санитарно-медицинский отдел при ОВПК для организации областного лазарета и вообще санитарного дела в масштабе области. Средства для этого предполагалось взять под расписку у кооперативов¹⁰⁶¹, часть руководства которых нелегально работало уже в тесном сотрудничестве с подпольной организацией Благовещенска и командованием партизан¹⁰⁶².

Ход наступления. 9 октября областным Коллективом была наконец получена информация из города о том, что он намерен выступить с 9 на 10 октября. Несмотря на то, что данное известие прибыло слишком поздно и времени для выхода партизанских

отрядов на подступы к Благовещенску уже не было, ОВПК всё же принял решение выступить немедленно, и начать движение к городу всеми наличными силами в 10 часов вечера 9 октября, проводя по пути мобилизацию среди крестьян и казаков¹⁰⁶³. На следующий день приказы о выступлении были разосланы по районам, а в отряды - боевые задачи согласно диспозиции. После выхода всех частей партизанской армии на свои места предполагалось объявить всеобщее восстание в Амурской области¹⁰⁶⁴.

К этому времени в диспозицию были внесены некоторые изменения. В частности, отряду Воропаева предписывалось присоединиться к ударной группировке, включавшей отряды Лавриненко (бывший Юшкевича) и «Чёрный ворон». Здесь же должен был находиться командующий В.Юшкевич, его помощник и председатель мобилизационного отдела. Остальной состав ОВПК следовал вместе с отрядом Старика. В случае же не выступления города, все операции предполагалось приостановить до 20 октября¹⁰⁶⁵.

Никаких сведений из города в последующие дни, по видимому, не поступило, поскольку ОВПК занял выжидательную позицию, всё ещё располагаясь в районе Бондаревки и Белоярово (теперь не существуют) Валуевской волости. Тем не менее, 12 октября он подтвердил коллективам 1-го, 2-го и 3-го районов решение о начале восстания, в связи с которым последним предписывалось разрушать на своих участках железную дорогу и телеграф¹⁰⁶⁶. Ударная же группировка армии 2-го района начала в это время свой манёвр по области к югу от железной дороги, во время которого, согласно докладу В.Юшкевича ОВПК, к отрядам примкнуло много молодых крестьян¹⁰⁶⁷.

Видимо во время этого марша, или непосредственно перед ним, к колонне В.Юшкевича присоединился отряд Бондаренко, поскольку 10 октября в документе ОВПК, определявшем состав данной группировки, этот отряд ещё не указан, а в последующих боевых операциях он участие уже принимал. Перед началом решающего наступления ОВПК 14 октября была принята специальная инструкция, предписывающая председателям сельских обществ приготавливать для партизанской армии в своих сёлах имеющееся оружие и тёплую одежду. Возможно по этому поводу был издан и специальный приказ № 2, поскольку именно на его основании указанная инструкция угрожала крестьянам за сокрытие оружия военно-полевым революционным судом¹⁰⁶⁸.

Видимо, сразу после издания этой инструкции ОВПК и отряд Старика тоже двинулись через линию железной дороги на юг. По утверждению В.Вострикова, этот переход происходил по маршруту Троебратская — Березянка — Платова — Вознесенка — Воскресеновка. В последней из них они простояли целый день. Здесь к отряду присоединилась небольшая группа добровольцев (35 человек) из с. Красный яр, на основе которой было решено создать отряд «Красный орёл»¹⁰⁶⁹.

По-видимому, именно в Воскресеновке 16 октября вновь произошло воссоединение отрядов Юшкевича и ОВПК, поскольку в тот же день командующий доложил Областному коллективу об итогах своего манёвра. На этом заседании ОВПК решено было предупредить город о возможном запоздании подхода к нему отрядов 4-го района, в силу чего восстание рекомендовалось отложить на два дня, то есть до 22 октября¹⁰⁷⁰.

В д. Воскресеновке партизанские силы разделились на две части¹⁰⁷¹. Ударному отряду командующего В.Юшкевича было поручено перед наступлением на Благовещенск произвести разоружение казачьих хуторов к северу от ст. Никольской¹⁰⁷². ОВПК, вопреки своим собственным предыдущим распоряжениям, остался со своим командующим. Отряд же Старика направился разоружать казачий хутор Кавказский. Вместе с ним выехала и часть Областного коллектива, которую Востриков называет районным комитетом¹⁰⁷³. В

него, вероятно, входили представители трёх старейших отрядов 2-го района, в том числе сам Востриков («Чёрный ворон») и командир отряда Старик.

Нападение партизан на Кавказский хутор произошло, по данным тогдашней прессы, 17 октября. В тот же день разведка Юшкевича наткнулась на сопротивление казаков хутора Успенского (теперь с. Успеновка)¹⁰⁷⁴. Получив донесение об этом, командующий немедленно двинул на него часть своих сил. Казаки хутора, вместе со своим скарбом, не дожидаясь подхода партизанских отрядов, устремились в бегство к станице Никольской. Партизаны преследовали их до темноты, отбив часть обоза¹⁰⁷⁵ и захватив по пути ещё один казачий хутор Винниковский (теперь с. Винниково).

Получив 18 октября известие о нападении партизан на хутор Успеновский, на помощь к нему выступил гарнизон ст. Никольской в составе одной сотни 1-го Амурского казачьего полка и отряда льготных* казаков станицы с одним пулемётом. Столкновение произошло в Винниковском хуторе, откуда партизаны (около 300 человек) были казаками выбиты. Однако вскоре подошли остальные силы группировки Юшкевича, и казаки вынуждены были отойти на рубеж в 12 верстах к северо-западу от ст. Никольской. Здесь, на следующее утро, 19 октября, они вновь подверглись атакам партизан и, под угрозой окружения, отошли к самой станице, заняв оборону на ближних подступах к ней¹⁰⁷⁶.

Ещё 18 октября ОВПК, получив сообщение о преследовании казаков передовым отрядом в направлении к ст. Никольской, и не очень точно рассчитав свои силы, принял решение взять её¹⁰⁷⁷. Тогда, вероятно, и были двинуты к ней остальные отряды ударной группировки, вовремя подоспевшие к Винниковскому хутору на помощь своему передовому отряду. По свидетельству В.Г.Замяткина, находившегося тогда при ОВПК, к станице должны были подойти также отряды Архаринский и Старика¹⁰⁷⁸. Однако вернуть отряд Старика не удалось поскольку 18 октября, в ответ на нападение партизан на хутор Кавказский, из ст. Поярковской был двинут в Михайловскую волость отряд льготных казаков с батареей и пулемётами. Отряд Старика там они уже не застали, но на время перекрыли коммуникации, связывавшие последний с ОВПК. На следующий день этот казачий отряд был отозван на помощь ст. Никольской, куда прибыл на двух пароходах уже поздно вечером. После его появления партизаны отошли от станицы, прекратив свои бесплодные атаки, продолжавшиеся до 10 часов вечера 19 октября¹⁰⁷⁹.

По данным казачьей разведки, в наступлении на ст. Никольскую принимали участие отряды Воропаева (Буреинский), Чёрный ворон, Бондаренко и Красный орёл¹⁰⁸⁰. В.Замяткин, правда, отрицает участие в бою отрядов Воропаева и Красный орёл, но зато добавляет к числу участников отряд Макарова-Зубарева. Отряд Красный орёл главные силы партизан встретили, по его утверждению, уже на обратном пути, по дороге к с. Красный яр¹⁰⁸¹. В то же время, И.Т.Воронцов включал в боевую летопись своего отряда и Никольский бой и разоружение Кавказского хутора¹⁰⁸². Вероятно, этот хутор отряд Красный орёл разоружал вместе с отрядом Старика, а затем выступил к ст. Никольской, на помощь основным силам партизан.

Что же касается Архаринского отряда, то по свидетельству бывшего командира взвода в отряде Юшкевича А.Е.Шеяна, он присоединился к остальным четырём отрядам на пути к ст. Никольской. Заняв казачий хутор Асташиху в устье р. Бурей, он отрезал станицу Никольскую от возможной помощи ей по Амуру с востока¹⁰⁸³. Правда, А.Шеян называет этот отряд Архаро-Буреинским, включая в него, таким образом, и отряд

* Льготные казаки — это казаки не состоящие в данное время на государственной службе.

Воропаева. На самом же деле, Асташиху, видимо, действительно занимал Архаринский отряд, а отряд Воропаева непосредственно участвовал в штурме ст. Никольской. В дальнейшем, согласно газетной информации, одни отряды партизан отступили от ст. Никольской в сторону с. Райчихи, а другие ушли к хут. Асташихинскому¹⁰⁸⁴ (с. Асташиха). Видимо, к Асташихе, на соединение с Архаринским отрядом, отступил отряд Воропаева, поскольку участие обоих в последующих октябрьских операциях партизанской армии ни в одном из воспоминаний не фиксируется.

Общую численность партизан в этом бою и газеты и В.Замяткин определяют довольно сходно: соответственно, 700 и 600 человек¹⁰⁸⁵. В то же время количество партизан, сосредоточившихся в Михайловской волости к моменту нападения на хутор Кавказский, то есть к 17 октября, белая разведка оценивала в 800 человек¹⁰⁸⁶. Видимо, это был отряд Старика, поскольку общую численность обеих группировок партизан газеты тогда оценивали в 1500 человек¹⁰⁸⁷. В дальнейшем этот отряд следовал по маршруту, указанному ему диспозицией. 19 октября он был уже в д. Козьмодемьяновке¹⁰⁸⁸, а 21-го занял предписанный ему участок в районе села Черёмушки (Черемхово) на берегу р. Зеи. Простояв там полсуток и не дождавшись известий ни из города, ни от ОВПК, отряд отошёл вечером на Ивановские заимки (к югу от с. Ивановки — Ю.Т.), а следующей ночью, опасаясь близкого соседства с Ивановским и Тамбовским гарнизонами японцев, отступил на заимки в 4-х километрах от с. Чуевка¹⁰⁸⁹.

Главные силы партизан 21 октября ещё занимали с. Ильиновку, где было проведено заседание ОВПК. В этот же день оперативный отдел командировал В.Г.Замяткина организовать подпольную ячейку на ст. Завитой и провести там разведку сил противника перед наступлением на неё отрядов партизан. Дату этого поручения В.Замяткин подтверждает сохранившимся у него мандатом № 14, за подписью председателя ОВПК С.Шилова¹⁰⁹⁰. По-видимому, ОВПК планировал одновременно с наступлением на Благовещенск отрезать его от Хабаровска, захватив ст. Завитую. Вероятно именно для этого в д.Харьковке был оставлен отряд Бондаренко. С ним столкнулся там В.Г.Замяткин во время выполнения своей миссии¹⁰⁹¹. Другой задачей этого отряда была, очевидно, блокада японского гарнизона на ст. Екатеринославка, поскольку до 29 октября она, по сообщению газет, была окружена «бандой красных в числе 300 человек»¹⁰⁹².

Отход партизанской армии 2-го района в 1-й район. 23 октября ударная группировка была уже в Чуевке и Козьмодемьяновке, где установила связь с отрядом Старика¹⁰⁹³. Срок подвода к Благовещенску всех партизанских сил области к тому времени уже истёк. Никаких признаков начавшегося в городе восстания заметно не было. Более того, в тот же день Тамбовский гарнизон японцев попытался атаковать главные силы партизан. Однако сразу после появления у них на фланге отряда Старика, японцы поспешно возвратились назад. Партизаны же вечером двинулись по маршруту Лазаревка — Варваровка — Константиноградовка на с. Ерковцы, которого достигли, по словам Вострикова, утром 26 октября¹⁰⁹⁴.

Между тем, существует протокол заседания ОВПК от 27 октября, на котором решался вопрос о недопустимости реквизиции партизанами лошадей у крестьян с.Андреевки¹⁰⁹⁵. Данный факт опровергает датировку Востриковым Ерковецкого боя, который он отнёс на 26 октября. Столь же неверной является и дата этого боя, указанная

в воспоминаниях В.Замяткина, — 6 ноября¹⁰⁹⁶, поскольку уже третий после него Кругловский бой, согласно газетам того времени, произошёл 5 ноября.

Наиболее правильная датировка указанного события дана, по-видимому, в книге А.В.Агеева «Амурские партизаны» и в «Хронике Амурской областной организации КПСС» - 30 октября¹⁰⁹⁷. Из этого, в свою очередь, следует, что на переход от с. Чуевки до с. Ерковцы (около 30 километров по прямой) партизанской армии 2-го района потребовалось шесть с половиной суток. В связи с этим вызывает вопросы сам маршрут движения армии. В другом своём воспоминании Востриков упоминает его дополнительные промежуточные пункты: Андреевку и Анновку¹⁰⁹⁸. В результате линия движения отрядов 2-го района приобретает зигзагообразный характер.

Судя по всему, партизанская группировка сделала длительную остановку в с. Варваровке. Только этим можно объяснить факт нахождения её в с. Андреевке 27 октября. Возможными причинами такой остановки можно считать, по-видимому, ожидание известий из Благовещенска и подготовка наступления на Завитую или Екатеринославку. Однако ОВПК по каким-то причинам отказался от этого наступления и принял решение занять Андреевку, то есть опять резко приблизиться к Благовещенску. Но и в этом селе, судя по протоколу заседания ОВПК от 27 октября, дожидаться связи с городом ему не удалось. Здесь и было принято решение всем отрядам идти в 1-й район, а связь с городской организацией попытаться восстановить через 4-й район¹⁰⁹⁹.

Только после этого партизанская армия через Анновку и Константиноградовку двинулась к с.Ерковцы. Видимо ещё во время стоянки её в Андреевке к ней примкнул отряд Н.М.Гранкина, так как данное село фигурирует в его воспоминаниях в качестве места рождения Иваново-Благовещенского отряда¹¹⁰⁰, зародышем которого и был отряд Гранкина. О том, что это произошло именно во второй половине октября свидетельствует, в частности, тот факт, что отряд этот, численностью 78 человек, сформировался из Ивановских подпольщиков и группы Благовещенских рабочих, бежавших из города после октябрьского разгрома городской подпольной организации¹¹⁰¹.

Ерковецкий бой не относится пока к хорошо изученным историками. Научные труды, как правило, ограничиваются лишь простым упоминанием его в ряду других боёв. Наиболее подробное описание данного боя дал в своих воспоминаниях непосредственный его участник И.Т.Воронцов. По его словам, в этом бою, начавшемся вскоре после вступления в село партизан, участвовали только три отряда — Красный орёл, Чёрный ворон и Макарова-Зуборева. Возможно, отряд Старика вместе с отрядом Гранкина отстали от главных сил партизанской армии и к месту боя подошли позже. Численность японцев И.Воронцов определяет в 150 человек¹¹⁰², то есть в одну неполную роту солдат. Подтверждает эту цифру и В.Г.Замяткин¹¹⁰³, видимо со слов непосредственных свидетелей, поскольку лично в данном бою он не участвовал, и вообще по уважительной причине отсутствовал в тот момент в партизанской армии.

Принято считать, что именно в этом бою партизаны впервые применили метод «выморозки» японских солдат, заключавшийся в том, чтобы заставить их как можно больше времени провести на морозе под обстрелом, лёжа неподвижно в холодном снегу. Такой способ позволял при минимальных потерях среди партизан добиваться весьма значительных результатов в борьбе с небольшими подразделениями интервентов в холодное время года. Что же касается данного конкретного случая, то, как пишет В.Г.Замяткин, после проведённых в таком положении почти целых суток, японский отряд недосчитался 37 человек убитыми и замёрзшими. Остальным каким-то образом удалось

ночью выбраться из окружения и ударить в с. Песчано-Озёрку¹¹⁰⁴. И.Т.Воронцов, правда, утверждал, что за ночь успели замёрзнуть все уцелевшие в перестрелке японцы, но этот автор часто допускает в своих воспоминаниях сильные преувеличения потерь врага.

В числе трофеев партизан В.Замяткин называет одну траншейную пушку и 2 пулемёта¹¹⁰⁵. Более же компетентный в этом вопросе П.Д.Востриков уточняет, что в Ерковецком бою кроме пушки и нескольких винтовок был захвачен только один пулемёт¹¹⁰⁶. Их потом передали в созданное на базе отряда Н.М.Гранкина пулемётно-артиллерийское подразделение партизанской армии. Всего в данном подразделении оказалось тогда два траншейных орудия, один станковый (Гочкис) и один ручной (Шош) пулемёты¹¹⁰⁷. Один из этих пулемётов (также как и одно из орудий) принадлежал прежде отряду Старика, причём это мог быть только пулемёт «Шош» (ручных пулемётов японцы не имели). Других пушек и пулемётов в партизанской армии 2-го района, по утверждению Н.М.Гранкина, не было.

На следующее утро, как пишет Востриков, взяв трофеи и несколько пленных, партизанская армия направилась к д. Ефимовке (Рогозовка), где вечером вынуждена была вступить в новый бой с подошедшим со стороны д.Климовки отрядом японцев, поддержанным конной дружиной старообрядцев с. Николаевки. На этот раз фланги японского отряда оказались надёжно прикрыты отличными стрелками-староверами, и взять их в кольцо не удалось. После четырёхчасовой перестрелки партизаны, измотанные двумя длительными боями и переходами, были вынуждены ночью отойти к с.Вознесенке, где и расположились на отдых. Долго отдыхать вблизи от противника было, конечно нельзя, и в следующие дни отряды продолжили своё движение через селения Верхне-Белое и Знаменка в 1-й партизанский район¹¹⁰⁸.

3. Действия партизан 4-го района в сентябре – ноябре 1919 года

После установления связи с ОВПК и признания более высокого статуса последнего, штаб Патрушева в документах ОВПК стал именоваться Военно-полевым коллективом* (ВПК) 4-го района¹¹⁰⁹. Для удобства управления партизанскими отрядами на подконтрольной ему довольно обширной территории, и в связи с уже сложившимися группировками отрядов, были созданы отделения района. Одно из них включало в себя Серебрянскую и Натальинскую волости. Его руководителем был назначен А.Слесарев, которому выделили отряд в 76 человек, основной функцией которого стало обеспечение сбора продуктов с населения этих волостей по мобилизации и доставки их в штаб района.

Вторым отделением, занимавшим почти всю территорию нынешнего Шимановского района (кроме казачьих земель по Амуру), заведовал М.Круглов. Определённой самостоятельностью пользовался Зейский район (юго-западная часть современного Зейского района и часть Магдагачинского района до железной дороги) во главе с Кошелевым, формально подчинённый штабу 2-го отделения в оперативном отношении. Связь между Зейским районом и 2-м отделением поддерживал специально созданный для этого отряд Г.Мордвинова, базировавшийся в районе станций Берея и Ульмин (Мухино). Ему же первоначально подчинялась и подрывная команда, переданная впоследствии Недорезову¹¹¹⁰ (осенью, до своей гибели, ею командовал Ковтун¹¹¹¹).

В этот же период, видимо по договорённости с Благовещенской подпольной организацией, примерно с конца августа развернулась подготовка 4-го района к наступлению на Благовещенск. Штабом района была начата мобилизация людей и продовольствия. В ходе этой операции А.Слесареву удалось разоружить до тех пор

* В самом же 4-м районе название ВПК не прижилось и он по-прежнему продолжал именоваться штабом.

неподконтрольную партизанам староверческую деревню Москвитино, отобрав у крестьян пулемёт «Льюис» и более 40 винтовок и бердан с большим запасом патронов. Однако доставить в штаб собранное с деревень своего отделения продовольствие Слесарев не успел так как именно в этот момент началось наступление на Маркучи с трех сторон (от Чудиновки, Свободного и Сычёвки) японских, белогвардейских и казачьих отрядов. Вероятно, это была ответная реакция властей на Сычёвский поход партизан. 160 пудов овса, 40 пудов пшеницы, 37 пудов муки и 35 пудов картофеля было свалено на землю в тайге, чтобы не досталось противнику.

Сам Слесарев отступил с отрядом на 5 вёрст севернее д. Маркучи, в тайгу, где простоял незамеченным все 6 суток, пока в ближайших деревнях хозяйничали белогвардейцы и интервенты. Штаб некоторое время находился неподалеку, по-видимому, на своём постоянном месте в верховьях р. Юхты. Не вступали в бой с противником и остальные отряды, выполняя распоряжение ОВПК о сбережении сил и ресурсов для наступления на Благовещенск¹¹¹².

Очевидно, именно в этот момент штабом было принято решение покинуть на время Серебрянскую волость и уйти с отрядом в северную часть своего района, к реке Зее. В белогвардейской прессе появление крупного отряда «красных» (около 300 человек) в д. Сохатино Мазановской волости было отнесено к 10 сентября¹¹¹³, следовательно свою базу около д. Маркучи штаб Патрушева покинул 9-го или в ночь на 10 сентября. В том, что это был именно отряд Патрушева сомневаться не приходится, так как другого такого же большого отряда в этих местах тогда не было. Скорее всего, штаб 4-го района перешёл на место расположения отряда Ф.Голика.

Слухи о появлении в этих местах крупных партизанских сил под командованием Патрушева достигли Благовещенска около середины сентября. Появилось даже соответствующее сообщение японского штаба, после чего газеты начинают интересоваться данным вопросом, опрашивая прибывающих в город из Мазановской волости крестьян. Так, приехавшие из д. Николаевки крестьяне сообщали, что «ничего не слышали о существовании вблизи их деревни землянок, где скрываются большевики, и большой красноармейский отряд, под общим командованием Патрушева». Отрицал существование вблизи своего села «отряда в 5000 человек» и приехавший из д. Угловой председатель волостной управы, признав лишь наличие в окрестностях «незначительных шаек красноармейцев», численностью не превышающих 100-150 человек¹¹¹⁴. Тем не менее, новая база штаба 4-го района в это время располагалась как раз где-то между двумя указанными деревнями, неподалёку от первой. Видимо, именно такое огромное, как минимум десятикратное, преувеличение партизанских сил (5000 человек) около месяца удерживало затем командование белогвардейцев и интервентов от походов в этот район. В течение всего этого месяца командование 4-го района постепенно накапливало силы для похода на Благовещенск.

Сигнал из Благовещенска о начале восстания в ночь с 9 на 10 октября ОВПК получил с большим опозданием, лишь 9 октября. Тем не менее, было принято решение всеобщее восстание в области начать немедленно, наличными силами, а мобилизацию проводить по пути движения к городу¹¹¹⁵. Видимо именно в этот день в штаб 4-го района была командирована из ОВПК группа командиров (И.Безродных, Е.Галыгин и Кальман) для проведения мобилизации и руководства наступлением на Благовещенск сформированной там колонны партизан по правому берегу Зеи. И.Безродных, при этом, вступил в командование этой колонной, Кальман возглавил кавалерию, а Е.Галыгину было поручено осуществление мобилизации. Диспозиция наступления для отрядов 4-го района, по свидетельству Ракова и Слесарева, была получена штабом лишь за несколько дней до этого, в начале октября¹¹¹⁶.

По-видимому, именно в это время Ф.Кошелев снова отправился из штаба 2-го отделения в верхнезейский район проводить мобилизацию крестьян. И в этом он опять преуспел. В течение месяца ему удалось собрать здесь около 240 человек¹¹¹⁷. Однако

полностью закончить свою работу Ф.Кошелеву, видимо, здесь не удалось. По сообщениям газет, «29 октября ... смешанный отряд милиционеров и японцев около Умлекана настиг шайку красных в 300 человек, занимавших укрепленную позицию, и вступил с нею в бой ... Красные, оставив убитых, разбежались в сопки... Отряд милиции, преследуя красных, настиг ... у Петропавловки, где вновь обстрелял их ... Во время боя были освобождены 80 человек насильно мобилизованных крестьян и отбиты лошади, отобранные красными у мирного населения»¹¹¹⁸. Этот случай, видимо, и заставил отряд Ф.Кошелева задержаться здесь дольше, чем было определено планом.

Ближайшие к расположению Патрушевского штаба самые многолюдные селения 4-го района на реке Зее являлись, в основном, не только староверческими по вероисповеданию, но и старожильческими, поэтому мобилизация здесь проходила очень туго. Как пишет И.Безродных, в д.Майорихе А.Слесареву приходилось даже запугивать крестьян с помощью пулемёта¹¹¹⁹. Тем не менее, несмотря на все усилия, полной мобилизации здесь провести вовремя так и не удалось. Да и качество собранного таким путём человеческого «материала», по свидетельству того же автора, никуда не годилось. С.Кургузов подтверждает такую оценку, указывая, что это был «совершенно сырой материал... Отряд, не имеющий никаких навыков»¹¹²⁰.

В д. Верхние Бузули (Новоострополь) общая численность собравшейся здесь партизанской армии 4-го района составила 800 человек пехоты и 250 конницы (отряд Ф.Кошелева к месту сбора подойти не успел – Ю.Т.). Раков и Слесарев пишут, что слияние отрядов района в единую армию произошло к 19 октября¹¹²¹. Однако, учитывая двухдневную погрешность в вычислениях данных авторов, а также их утверждение о том, что это случилось за три дня до предполагаемого восстания в Благовещенске, более точной датой следует признать 17 октября. В ту же ночь состоялось заседание штаба района, по результатам которого в ОВПК было отправлено донесение о численности отряда и о том, что к Благовещенску он сможет подойти на 2 дня позже установленного срока. Однако ОВПК уже 16 октября вынес постановление уведомить город о возможном двухдневном запоздании отрядов 4-го района¹¹²², учтя, видимо, донесение И.Безродных о трудностях с мобилизацией его населения.

Конница 4-го района, под командованием Кальмана была пущена вперёд и прибыла к городу в назначенный срок, то есть 20 октября. Она даже успела побывать на ипподроме и в конце Графской улицы, однако, не обнаружив никаких признаков восстания в городе, отошла¹¹²³ к с. Новотроицкому и, перерезав телеграфный провод, расположилась там на отдых, дожидаясь подхода основных сил¹¹²⁴.

Согласно сообщениям прессы, на следующий день, 21 октября, посланные в Новотроицкое для выяснения причин повреждения телеграфа полусотня казаков и взвод японской кавалерии внезапно «столкнулись с бандой красных численностью в 250 человек» и вступили с ним в бой¹¹²⁵. Не ожидавшие нападения партизаны в беспорядке отступили навстречу своей пехоте. Та, к тому времени, медленно продвигалась к Благовещенску, производя мобилизацию в попутных деревнях.

К вечеру 21 октября*, увеличив свою численность до 1000 человек, она находилась уже примерно в 10 верстах от д. Новотроицкой. В этот момент партизаны неожиданно увидели быстро приближающиеся к ним группы отступающих кавалеристов Кальмана. Приняв их за казаков, обоз и состоявшая большей частью из мобилизованных крестьян пехота поддались панике и обратились в беспорядочное бегство. Командному составу и конным ординарцам с большим трудом, под угрозой расстрела, удалось остановить основную массу беглецов и расположить их по гребню сопки для обороны.

Соединившись со своей кавалерией, которая сообщила о срыве восстания в г. Благовещенске, вся армия отошла к стекольному заводу, где ночью было принято решение наступать на казачьи станицы по Амуру¹¹²⁶. К этому моменту партизанская

* В воспоминаниях И.Ракова и А.Слесарева указывается 24 октября, что не совпадает с сообщениями прессы того времени о дате боя в с.Новотроицком на 3 дня.

армия располагала тремя пулемётами и одним траншейным орудием. Ни одна станица в отдельности дать отпор таким силам партизан не могла, а времени для организации совместной обороны у казаков не было.

Первой целью стала станица Екатерининская (теперь – с. Михайловка), располагавшаяся всего в 20 километрах (по прямой) от стекольного завода, и связанная с ним просёлочной дорогой. После разгрома этой станицы, двинулись на Сергеевку и Ново-Покровку, а затем к ст. Бибиково где удалось захватить значительное количество винтовок и различного боевого снаряжения. Следующей жертвой стал хутор Сычевский. Он подвергся полному разорению. По свидетельству С.Кургузова, партизанам было дано распоряжение «бери всё, что можно». Грабили даже кооперативы¹¹²⁷, что официально партизанским командованием было тогда запрещено.

Таким образом, пройдя круговым маршрутом, партизанская армия 4-го района вернулась в Серебрянскую волость. Рейд по казачьим станицам и хуторам полностью обеспечил партизанскую армию зимним обмундированием, мукой и скотом¹¹²⁸. К тому времени, Е.Галыгину удалось мобилизовать в Серебрянской волости дополнительно ещё 100 пехотинцев и 50 конных бойцов.

С учётом этих сил общая численность армии составила 1200 человек¹¹²⁹. Таким образом, принимая во внимание, что боевые потери её во время похода были не велики, 21 октября из неё дезертировали до 200 мобилизованных партизан. Для их поисков и возвращения, на следующий день после прибытия армии в Маркучи, в Ольгинскую волость был отправлен конный отряд И.Ракова в 50 человек. Ещё один отряд был придан Гудиму и Виноградову для мобилизации крестьян и казаков в старообрядческом селе Сергеевке на Амуре. Основные же силы два дня спустя без боя заняли казачий хутор Талали, пополнив там свой запас оружия, патронов и медикаментов из местной аптеки. Талалинские казаки признали власть партизанского штаба и обещали агитировать за это и соседние казачьи станицы, после чего армия вернулась обратно в д. Маркучи.

Отряд Ракова, проехав по новосельческим деревням Ольгинской волости, столкнулся затем с сопротивлением старожилов Майорихи и Желтоярово, готовившихся даже к обороне своих деревень. Они призывали к восстанию против партизан также и правобережные селения Мазановской волости Практичи и Николаевку (видимо Новоникольское), а также Белоярово. Путём напряжённых переговоров Военному совету удалось всё же заставить эти деревни признать партизан и отдать в армию 4-го района свою молодёжь, которая, правда, вся вновь разбежалась затем в Практичанском бою¹¹³⁰.

Своё оппозиционное отношение к партизанскому движению крестьяне этих сёл мотивировали тем обстоятельством, что при первых Советах в 1918 году у них конфисковывались земли в пользу соседних новосельческих деревень¹¹³¹. В то же время, накопившееся раздражение в отношении существующих белых властей и наличие в армии 4-го района значительного количества верхнезейских староверов того же толка, что в Желтоярово и Майорихе, удерживало их от решительного выступления против партизан.

В результате дополнительной мобилизации, сосредоточившаяся в деревнях Черниговка, Желтоярово и Майориха партизанская армия насчитывала уже около 1500 человек¹¹³². Она подразделялась на 3 кавалерийских эскадрона и пехотный полк из 7 рот, одна из которых была не вооружена. Командовать пехотным полком был назначен Е.Галыгин, начальником штаба у него стал Ф.Голик¹¹³³. Было намечено провести и мобилизацию лошадей, что позволило бы существенно увеличить численность кавалерии.

Штаб армии остановился в д. Черниговке, где он в тот же день и подвергся атаке со стороны подошедших казаков и японцев, поддержанных огнём казачьей артиллерии. Атака была настолько внезапной для партизан, что командующий И.Безродных оказался без своей лошади, и ему пришлось убежать из деревни пешком. После этого он вынужден был сдать командование П.Иванову, и вплоть до 7-го Таёжного съезда советов «лежал с завязанными ногами»¹¹³⁴. По видимому у него разошлись раны, полученные от разрывной японской пули ещё в Виноградовском бою.

Согласно сообщениям газет того времени Черниговские события произошли 9 ноября¹¹³⁵. После отступления из Черниговки партизанская армия сосредоточилась на позициях перед д.Практичи, намереваясь дать там бой японцам и казакам. Бой состоялся на следующий день, 10 ноября¹¹³⁶. Силы казаков, по мнению С.Кургузова, исчислялись приблизительно в 500 человек, а японцев – в 300¹¹³⁷. Между тем, В.Патрушев в своём докладе ОВПК 18 ноября 1919 года оценил численность казаков в этом бою в 600 человек, а про японцев вообще не упомянул¹¹³⁸. Большую часть казачьего отряда составляли добровольцы из разорённых партизанами амурских станиц и хуторов. Имелось в его составе и несколько небольших отрядов крестьян¹¹³⁹.

Исход боя, продолжавшегося почти весь световой день, решил обходной манёвр казаков, незаметно проведённых одним из жителей д. Практичи Калашниковым в тыл партизан¹¹⁴⁰. Е.Галыгин, узнав об обходе, отдал приказ своим ротам отходить на восточный берег реки Зеи, в 1-й район. Первой туда отступила, потеряв связь с войсками, большая часть располагавшегося в д. Практичи штаба армии и тыловые подразделения¹¹⁴¹. Основная же часть пехоты укрылась в сопках, в которые упирался правый фланг позиции партизан. При этом многие из мобилизованных местных крестьян разошлись по своим деревням, остальные же (в основном верхнезейские добровольцы) отошли к с. Ивер (около 15 км к северо-западу от Практичей по прямой) и д. Грамматухе. В Ивер же подошёл и опоздавший к месту боя отряд Ф.Кошелева¹¹⁴².

Потери армии только убитыми, по оценке Ракова и Слесарева, составили свыше 60 человек¹¹⁴³. В целом же, убитыми, ранеными и дезертировавшими, она потеряла не менее 500 человек, если учесть, что до боя её численность составляла 1500 человек, а после боя, вместе с присоединившимися отрядом Кошелева (около 200 партизан), – 1200. Белогвардейцы же полагали, что партизаны потеряли здесь одними убитыми около 200 человек, и ещё столько же в столкновении с японцами на другом берегу реки¹¹⁴⁴ (на самом деле это японская почтовая команда наткнулась на отступающих партизан в д. Каменке и была вся уничтожена¹¹⁴⁵). На этом основании они посчитали партизанскую армию 4-го района совершенно разгромленной, прекратили её преследование и отвели свои войска¹¹⁴⁶.

Воспользовавшись передышкой, разделённые в результате поражения в Практичанском бою части партизанской армии 4-го района вновь воссоединились и остановились на отдых в деревнях долины реки Бирмы: Завидное (Сапроново), Бирма и Бичура¹¹⁴⁷. 14-15 ноября эскадрон её кавалерии, под командованием П.Иванова, принял участие в Тарбогатайской операции партизанских сил¹¹⁴⁸. После её неудачного окончания вся армия 4-го района, по распоряжению областного штаба, должна была отойти в свой район и проводить боевые операции там¹¹⁴⁹. Первоначально армия двинулась к реке Селемдже, вероятно с целью вытеснения вновь появившегося здесь японо-казачьего отряда. Во всяком случае, именно его преследовали силы 4-го района на всём своём пути от р.Бирмы до деревень Путятино и Таскино на Селемдже¹¹⁵⁰. По описаниям Ф.Кошелева, с момента Практичанского боя прошло к тому времени 10 суток. Следовательно, поход начался утром 21 ноября.

4. Проблема Тарбогатайского боя

Эта проблема во многом схожа с проблемой Гошского боя. Его описание тоже можно найти только в книге А.В.Агеева. В остальных исторических работах, посвящённых теме гражданской войны на Амуре, в лучшем случае имеется лишь само упоминание о Тарбогатайском бое, без каких либо подробностей и пояснений. Причём, в отличие от Гошского боя, проблемными для истории являются все связанные с ним вопросы, кроме его даты – 14 ноября 1919 года¹¹⁵¹, которая подтверждается газетными сообщениями того времени¹¹⁵².

Одной из таких проблем можно считать датировку и оценку событий, непосредственно приведших к Тарбогатайскому бою. Согласно изложению А.В.Агеева, Военно-полевой коллектив направил в Тарбогатайскую волость «отряды центрального района для ликвидации вооружённой силы староверов, организовавшихся в довольно крупные и всё более активизирующиеся по требованию японцев отряды «дружин самоохраны»¹¹⁵³.

Между тем, оснований для такого вывода имеющиеся исторические источники не дают. По воспоминаниям И.Ф.Матвеева, целью движения отрядов 2-го района, в данном случае, была не Тарбогатайская волость, а д. Державинка, центр 1-го партизанского района. Деревня же Заливки была подвергнута нападению «по пути»¹¹⁵⁴, видимо по просьбе штаба 1-го партизанского района или местных крестьян, как одно из наиболее активных антипартизанских гнёзд.

Возникает вопрос: когда это произошло? По мнению А.В.Агеева, отряды «Старика», «Чёрный ворон», «Красный орёл» и Бондаренко, разместившиеся в с. Павловке и д. Круглой, утром 10 ноября были атакованы тарбогатайцами. Отбив их натиск, партизаны ночью захватили д. Заливку, но, получив на следующий день сведения о подошедших отрядах японцев и староверов других селений, уклонились от боя и отошли¹¹⁵⁵.

Эти сведения недостаточно верны. Во первых, отряды 2-го района село Павловку тогда не занимали. Один из руководителей отряда «Чёрный ворон» Востриков свидетельствует, что из Вознесенки они двинулись на Верхнее-Белую, Знаменку, Круглую и Заливки¹¹⁵⁶. В отношении же деревень Круглой и Заливки существует две версии. По одной, принадлежащей бывшему партизану отряда «Красный орёл» И.Воронцову, обе они были старообрядческими деревнями, и подверглись нападению партизан за то, что активно поддерживали белогвардейцев¹¹⁵⁷. По другой версии, автором которой является И.Ф.Матвеев, в то время член отряда «Чёрный ворон», д. Круглая была населена обычными крестьянами, а не староверами, и сильно пострадала от недавнего налёта последних. Поэтому партизаны, из мести за этот налёт, и разгромили старообрядческую деревню Заливку¹¹⁵⁸.

В данном случае частично правы и тот и другой, поскольку эти две деревни были заселены и староверами, и крестьянами-новосёлами основного православного вероисповедания. Именно последние в большинстве своём поддерживали партизан, за что становились жертвами погромов со стороны японцев и их союзников из числа местных крестьян-староверов. В ответ, партизаны жестоко мстили старообрядцам. И.Воронцов пишет, что после того, как д. Круглая была взята партизанами, «староверы оказались все до единого убитыми»¹¹⁵⁹. Ту же мысль он проводит несколько лет спустя и в отношении д. Заливки, утверждая, что она «была разбита, а вооружённые староверы были расстреляны»¹¹⁶⁰.

Следующими ошибками А.В.Агеева стали неверные результаты и датировка боя в Заливке. По сведениям тогдашней областной прессы, произошло следующее: «5 ноября отряд красных до 500 человек с 1-й траншейной пушкой напал на д. Заливки. Крестьяне встретили красных залпами; красным удалось занять окраину деревни и поджечь её. Крестьяне укрылись в центре деревни, упорно её защищали. На помощь заливцам подошли крестьяне с. Тарбогатай и отряд милиции в 30 человек. Красные в панике разбежались»¹¹⁶¹. Приказом атамана Кузнецова крестьянам д. Заливки, «мужественно и стойко отбившим нападение банды красных», была объявлена благодарность командующего войсками Приамурского округа¹¹⁶².

И.Ф.Матвеев также свидетельствует, что бой начался не ночью, а рано утром, и одолеть староверов «засевших в хорошо оборудованных окопах с ходами сообщения, не удалось»¹¹⁶³. Правда, И.Воронцов пишет, что д. Заливка была «взята после четырёхчасового боя»¹¹⁶⁴, но, возможно, он имел ввиду взятие лишь большей части этой деревни.

Не слишком удачное наступление на д. Заливку и последующий отход спровоцировали проявление давно копившегося недовольства в партизанских отрядах относительно полномочий ОВПК и способов его формирования. Причём, информацию об этом конфликте сохранили не только страницы белогвардейской прессы¹¹⁶⁵, но и документы самого ОВПК. Уже на следующий день после боя в д. Заливки на заседании ОВПК был поднят вопрос о «кривотолках в отрядах о роли и обязанностях Областного коллектива». В указанных «кривотолках», видимо, подвергалось сомнению и право Коллектива пополнять себя путём кооптации новых членов со стороны*, поскольку на том же заседании ОВПК было сделано разъяснение по этому поводу и, для успокоения умов, отмечено, что кооптированные пользуются правом только совещательного голоса¹¹⁶⁶.

На время уладив этот конфликт, ОВПК отправился в д. Державинку, где 9 ноября состоялось его совместное заседание со штабом 1-го района, на котором решался вопрос: куда нанести следующий удар. Вариантов было два: новое наступление на город или разгром мелких неприятельских пунктов в своём тылу (имелись в виду деревни, в которых существовали «дружины самообороны» и (или) стояли японские гарнизоны). Было решено до получения ответа из города о степени его готовности к восстанию, «по возможности уничтожать неприятельские тыловые укрепления»¹¹⁶⁷.

Дата этого заседания не подлежит сомнению, однако возникает вопрос, почему оно состоялось так поздно. Ведь от реки Томи, на правом берегу которой в одной из деревень проходило заседание 6 ноября, до д. Державинки всего несколько часов пути. Ответ на этот вопрос содержится в книге П.Е.Вшивкова. Он пишет, что в д. Державинке состоялось «конференция представителей всех действующих партизанских частей Амурской области ... Самым главным вопросом конференции было решение о наступлении на с. Тарбогатай ... Работа конференции продолжалась 3 дня ... Через 2 дня ... части, расположенные в с. Верном, выступили к Тарбогатаю».

Наступление на село началось, судя по описаниям П.Вшивкова, в ночь на 3-й день после выхода отряда из Верного¹¹⁶⁸. Таким образом, между началом конференции в Державинке и началом наступления на Тарбогатай прошло 7 дней. Следовательно, конференция была созвана 7 ноября, в день приезда в неё ОВПК. Совместное же заседание партизанских штабов явилось, видимо, завершающей фазой этой конференции, и состоялось на 3-й день её работы, то есть 9 ноября.

Между тем, японцы, вместе со староверами и белой милицией, готовились нанести ответный удар. Уже на заседании 9 ноября командующий армией 1-го района Бородавкин сообщил партизанскому штабу «о передвижении неприятельских сил в д. Тарбогатай на 70 подводах, при 6 пулемётах и 2-х трёхдюймовых орудиях»¹¹⁶⁹. Исходя из этих сведений, численность данного отряда составляла от 150 до 350 человек*.

В это время три партизанских отряда 2-го района находились в д. Саминке¹¹⁷⁰ (видимо д. Рождественка), на правом берегу р. Томи. Здесь они и были внезапно атакованы противником, численность которого И.Воронцов определяет в одну японскую роту¹¹⁷¹. В другом, более раннем, своём воспоминании он говорит об участии в бою японцев и староверов¹¹⁷². Общее командование партизанскими отрядами здесь осуществлял В.Бородавкин. По свидетельству И.Воронцова, он обратился в бегство одним из первых, а вслед за ним побежали и остальные партизаны. И хотя через 3 или 4 часа они вернулись, противник уже успел выжечь половину деревни и отступить¹¹⁷³.

По мнению М.Е.Рукусуева д. Рождественка была сожжена 9 ноября, а 10 ноября подверглась разгрому д. Широкий лог¹¹⁷⁴. Дату 9 ноября подтверждает и составленный в 1921 году список граждан д. Рождественки, погибших в период интервенции и гражданской войны. В нём указаны имена и фамилии 1-го убитого и 3-х сожжённых (в том числе 2 женщины) тарбогатайцами, заливцами и павловцами жителей этого села¹¹⁷⁵.

* Кооптировались в ОВПК обычно бывшие советские работники, не участвовавшие непосредственно в партизанской борьбе и потому не известные в отрядах, либо не пользующиеся полным доверием партизан.

* На одной подводе, вместе с возчиком, обычно размещалось 3-6 человек.

Ещё четверо (2 мужчин и 2 женщины) были сожжены в своих домах в д. Широкий лог¹¹⁷⁶. Эти зверства, скорее всего, были мстью за погром партизанами старообрядцев в деревнях Круглая и Заливки. Помимо указанных трёх деревень, примерно в то же время подверглись разорению соседние селения Воскресеновка и Старая Листвянка¹¹⁷⁷.

Согласно воспоминаниям местного жителя, подпольщика и партизана Куц, за два дня до разгрома Рождественки была полностью сожжена тарбогатайцами и д. Круглая. В таком случае, это произошло 7 ноября, через два дня после уничтожения партизанами староверческого населения этой деревни. Куц подтверждает также, что наступление белых и японцев на д. Широкий лог началось на следующий день после уничтожения д. Рождественки. Находившиеся там, по его словам, около 300 партизан дали бой, но вынуждены были отступить. Эта деревня тоже была сожжена дотла¹¹⁷⁸. Партизанские отряды 2-го района отошли к д. Озёрное¹¹⁷⁹ (Милехино).

Есть и другой вариант датировки сожжения трёх указанных сёл. В докладе С.Шилова на заседании ОВПК 15 ноября (видимо в ночь на этот день) отмечалось, что это случилось «два дня тому назад»¹¹⁸⁰, то есть – 12 ноября. Если С.Шилов был точен, то и даты сожжения Круглой и Рождественки тоже надо переносить на 2 дня вперёд, соответственно на 9 и 11 ноября. Определённым косвенным доказательством в пользу последних служит отсутствие упоминаний о сожжении д. Круглая на заседании ОВПК 9 ноября, однако эти сведения за 1-2 суток могли просто не успеть ещё дойти до штаба партизан.

Вопросы самого Тарбогатайского боя. Согласно описаниям П.Вшивкова, к утру 13 ноября партизаны 1-го района сосредоточились в д. Саминке. В это время отряды «Старика» и «Чёрный ворон» уже штурмовали укрепленную старообрядческую часть д. Листвянки (видимо Ново-Листвянка), которая была взята внезапным налётом примерно за полчаса¹¹⁸¹. Впрочем, газеты тогда сообщали, что накануне Тарбогатайского боя около 60 крестьян Ново-Листвянки перебрались на жительство в с. Тарбогатай и приняли участие в его обороне¹¹⁸². Видимо, речь здесь идёт о семьях старообрядцев, которым удалось отступить туда под натиском партизан.

К вечеру 13 ноября партизанские отряды кольцом охватили Тарбогатай. Всего, по мнению И.Воронцова, их было, как минимум, шесть¹¹⁸³. А.В.Агеев называет в их числе отряды «Старика», «Чёрный ворон», «Красный орёл», Макарова-Зубарева, Бондаренко и 1-го района под командованием Задерновского¹¹⁸⁴. По свидетельству Н.М.Гранкина, в бою участвовало и пулемётно-артиллерийское подразделение партизанской армии, на базе которого будет впоследствии создан Иваново-Благовещенский отряд. Численность его в ноябре составляла 193 человека¹¹⁸⁵. Оно подчинялось непосредственно командующему Юшкевичу и располагало 1-й траншейной пушкой, одним станковым пулемётом «Гочкис» и ручным пулемётом «Шош» (Н.Гранкин называет его 47-зарядной винтовкой)¹¹⁸⁶. Судя по всему, именно это подразделение Я.Прохоров, в своих воспоминаниях, называет группой К.И.Бреуса¹¹⁸⁷ (при создании отряда К.И.Бреус и Аксёнов были направлены из ОВПК в помощь его руководству¹¹⁸⁸).

Местный исследователь М.Е.Рукусуев добавляет к ним ещё и партизанский отряд Турукина, составленный из крестьян долины реки Томи¹¹⁸⁹. По утверждению Н.М.Гранкина, в этом отряде было тогда около 60 человек¹¹⁹⁰. А.В.Агеев ошибочно называет его отрядом «Пролетарий» под командованием Бородавкина¹¹⁹¹. И нового командира и новое название отряд приобретёт несколько позже, уже после Тарбогатайского боя.

Конница 4-го района, во главе с П.Ивановым, перекрыла дороги, ведущие в Тарбогатай со ст. Бочкарёво. Кроме того, часть кавалерии, судя по имеющейся в Амурском архиве рукописной схеме боя, расположилась пикетами от д. Заливки, на р. Томи, до с. Ромны полукругом, выгнутым в сторону железной дороги, контролируя, таким образом, все возможные пути подхода помощи к Тарбогатаю.

Таким образом, общая численность партизан, принимавших участие в данной операции, весьма внушительна – не менее двух тысяч человек (одна только партизанская армия 1-го района, по словам Прохорова, насчитывала тогда 980 человек¹¹⁹²). Между тем, непосредственно наступало на Тарбогатай, по мнению М.Рукосуева, лишь около 600-700 партизан. Остальная часть сил, не считая заслонов и оцепления, составляла общий резерв. Число защитников Тарбогатая было не столь велико. Рукосуев считал, что гарнизон села составляли 60-70 японцев и 75-80 староверов¹¹⁹³. Судя по количеству японцев, это был неполный взвод пехоты, усиленный пулемётчиками*.

Что же касается численности старообрядцев, то она явно занижена. В газетах тогда писали, что в бою приняли участие «200 граждан Тарбогатая» и 60 новолистьянцев¹¹⁹⁴. Эти цифры вполне соответствуют числу хозяйств в Тарбогатае (150) и Ново-Листвянке (39) к 1917 году¹¹⁹⁵. Общая численность защитников Тарбогатая, таким образом, составляла более 300 человек.

Не совсем точно указано у А.В.Агеева и время начала наступления на Тарбогатай. По его мнению, оно началось к полудню¹¹⁹⁶. По свидетельству же П.Вшивкова, бой разгорелся после наступления темноты¹¹⁹⁷, а М.Гранкин свидетельствует, что это случилось в 2 часа ночи¹¹⁹⁸. Газеты того времени уточняют: «14 ноября в 3 часа утра большевики, численностью до 4500 человек ... повели наступление на Тарбогатай. Ввиду ночного времени, некоторым красным через огороды удалось проникнуть к крестьянским строениям и поджечь их. Всего сгорело 16 дворов. Натиск большевиков и сильный бой продолжался до рассвета. Большевики отступили от Тарбогатая версты на полторы ... Весь день 14 ноября велась редкая перестрелка»¹¹⁹⁹.

Из бывших партизан, только М.Н.Гранкин подтверждает, что в 4-5 часов утра, по приказу главкома Юшкевича, партизанские отряды отошли из Тарбогатая и заняли позиции вокруг него, ожидая подхода пехоты 1-го района, под командованием В.Бородавкина. По утверждению того же автора, этой пехоты они так и не дождались. Также не принял участия в данном бою и местный отряд Турукина¹²⁰⁰.

Одной из причин неудачного штурма стало то, что село оказалось очень хорошо укреплено. Как пишет П.Вшивков, «свои окопы и заграждения они под руководством японских офицеров готовили всё лето, по всем правилам военной техники, с волчьими ямами, с блиндажами, бойницами из камня и ходами внутреннего сообщения ... связанными с японским отрядом, помещавшимся рядом с селом, в хорошо укрепленных бывших переселенческих бараках»¹²⁰¹. Немалое значение имело и отчаянное упорство самих жителей села, среди которых, по свидетельству И.Ф.Матвеева, наравне с мужчинами сражались и женщины.

И всё же решающую роль сыграло внезапное появление в непосредственном тылу штурмующих японского отряда, каким-то невероятным образом просочившегося незамеченным мимо многочисленных кордонов и застав партизан. В газетах об этом было написано следующее: «Одному из крестьян д. Новой удалось убежать из деревни и в 9 часов утра он прибежал в с. Александровское (ныне г. Белогорск), где доложил о происходящем. На помощь Тарбогатаю немедленно выслан отряд японцев и милиции. В 11 часов вечера отряд достиг д. Новой, находящейся в 3-х километрах от Тарбогатая. Большевики, узнав о подкреплении тарбогатайцам, бросились бежать за реку Томь...»¹²⁰²

О вызванном паникой беспорядочном отступлении партизан, откровенно написали в своих воспоминаниях только И.Матвеев¹²⁰³ и В.Г.Замяткин¹²⁰⁴. Остальные ограничились лишь констатацией самого факта неудачи. При этом почти все отмечали крайне незначительную численность неожиданно появившегося японского отряда. С.Шилов, в своём докладе ОВПК в ночь на 15 ноября, оценивал численность его, видимо со слов разведки, в 100-150 человек¹²⁰⁵. И.Матвеев же считал, что японцев было всего 70

* О наличии пулемётов в Тарбогатае говорят все авторы воспоминаний.

человек¹²⁰⁶. Вероятно, это был взвод японской пехоты, подкреплённый пулемётной командой и небольшой группой милиционеров.

И всё же, несмотря на почти суточный бой, а затем и беспорядочное отступление, партизанские силы, если верить авторам воспоминаний, понесли относительно небольшие потери в людях. И.Матвеев оценивает их в 70 человек убитыми и ранеными¹²⁰⁷. Прохоров – в 50. Куц насчитал 27¹²⁰⁸. И.Воронцов и Востриков (только убитыми) – 15¹²⁰⁹. Правда, белая пресса определяла число жертв среди партизан значительно большими цифрами. В газетах писалось, что «по рассказу служащих мельницы, одних убитых провезено было мимо мельницы до 26 подвод ... по 5-6 человек на воз. Раненых много шло пешком и много ехало на подводах ... В д. Придорожной сосредоточено до 150 раненных большевиков». Кроме того, отмечалось, что «в окрестностях Тарбогатая по кустам обнаружено много трупов большевиков»¹²¹⁰.

Оценки обеими сторонами потерь тарбогатайцев, соответственно, прямо противоположны. Если белая пресса сообщала только о двух раненых и пяти погибших крестьянах, из которых две женщины, то некоторые бывшие партизаны говорят о десятках убитых защитников села. По мнению Прохорова (в этом бою не участвовавшего) всего было убито и ранено около 90 тарбогатайцев.

Вопрос результатов Тарбогатайского боя. А.В.Агеев, ссылаясь на мнения В.А.Аксёнова, И.Т.Воронцова, В.Д.Вострикова и Я.В.Прохорова, главным результатом этого боя считает то, что он завершил разгром партизанской армией кулачества по реке Томь¹²¹¹. Между тем, эта точка зрения также совершенно не подтверждается фактами. Бой закончился несомненным поражением партизан.

О замешательстве среди партизанского командования говорит даже тот факт, что следующее заседание ОВПК состоялось только 17 ноября, причём на нём не было представителей штаба 1-го и 4-го районов¹²¹². Это было вызвано, видимо, тем, что они отступали в разных направлениях. По свидетельству Вострикова, отряды партизан отошли после боя к деревням Озёрная (Милехино), Талый ключ (Соколовка) и Придорожная¹²¹³, то есть, соответственно, на север, северо-восток и восток от Тарбогатая. Причём ОВПК оказался дальше всех, в д. Придорожной, на границе тайги, в начале таёжной тропы, ведущей во 2-й район. Факт раздробления партизанских сил при отступлении подтверждает и один из командиров штурмовых отрядов К.Бреус. Он пишет, что «мы вынуждены были эвакуироваться, пришлось разбиться на несколько частей...»¹²¹⁴.

Правда, руководство белогвардейцев и интервентов не смогло сразу же воспользоваться указанной ситуацией и дало партизанам время для приведения в порядок своих рядов. Тем не менее, ответное наступление белых и японцев всё же не слишком заставило себя ждать. Согласно воспоминаниям И.Воронцова, вскоре произошли новые столкновения с японскими и белогвардейскими частями в дд. Осиновка и Озёрная, а затем и в д. Широкий лог, закончившиеся победами партизан¹²¹⁵. Тем не менее, ОВПК было принято решение вывести партизанские силы из 1-го района во 2-й. Отряды же 4-го района отправились к р. Селемдже, а затем вверх по р. Зее. Основными мотивами ухода отрядов Куц называет, с одной стороны, подготовку новой сильной экспедиции белых, а с другой, обнищание населения района «в силу того, что такое порядочное время кормили тысячи партизан и их лошадей»¹²¹⁶.

5. Верхнезейский поход партизанской армии 4-го района

На заседании штаба 4-го района в д. Таскино было принято решение двигаться всей армией вверх по р. Зее¹²¹⁷, хотя до этого задачей ставилось продолжение наступления на Угловую и Мазаново, где располагались небольшие японские подразделения и отряды самообороны. На изменении маршрута настоял Ф.Кошелев, опасаясь, что под

руководством анархиста П.Иванова (избранного в Таскино командующим) армия может заняться грабежом занятых с бою деревень и этим дискредитировать себя в глазах местных крестьян¹²¹⁸. Численность армии, к тому времени, составляла около 1500 человек.

К вечеру следующего дня она была уже в д. Грамматуха, а утром (видимо, 23 ноября – Ю.Т.) продолжила свой поход. Дальнейший маршрут армии и его датировка из воспоминаний не ясны. В с. Новоямполь, по свидетельству Ракова и Слесарева, она прибыла 7 декабря¹²¹⁹. Следовательно, на переход от д. Грамматухи до Новоямполья (около 150 км) ей потребовалось ровно две недели (Ф.Кошелев насчитал даже около 20 дней¹²²⁰), что слишком много, если предположить, что весь путь проходил по льду реки Зеи. Решение этой загадки дают воспоминания А.Краснянского. По его утверждению, в ноябре 1919 года (уже после Практичанского боя) он, со своей патронной и оружейной мастерской, присоединился к армии 4-го района в д. Чудиновке, где она находилась в тот момент вместе со своим штабом¹²²¹.

Таким образом, армия от д. Грамматухи двинулась по маршруту: с. Ивер - разъезд Черновский – д. Чудиновка, то есть шла на юго-запад, в направлении д. Маркучи – прежней столицы 4-го района. Линию железной дороги армия перешла, по-видимому, 25 ноября, поскольку именно тогда, по сведениям газет, партизанами была повреждена телеграфная линия между Алексеевском (Свободным) и Гондатти. На следующий день были повалены телеграфные столбы и на соседнем участке Гондатти-Ушумун, а 28 ноября - подожжён мост к северу от ст. Юхты¹²²².

Этот маршрут ставит под сомнение наличие у штаба с самого начала похода намерения вести армию на Верхнюю Зею, тем более что там, в долинах рек Тыгды и Зеи, по свидетельству тех же газет, с 22 по 27 ноября оперировали части японских войск из отряда Матсуо. Видимо сначала было принято решение разместить армию на старой партизанской базе в районе Маркучей. Однако отсутствие там запасов продовольствия заставило её передвинуться во второе отделение своего района, где она вскоре была обнаружена противником. Газеты писали, что 2 и 3 декабря разведка Гондаттиевского гарнизона нашла партизанскую базу «в горах к северу от Борзинской»¹²²³. Никаких населённых пунктов с таким названием в Амурской области тогда не было. Скорее всего, речь здесь идёт о д. Базисной, расположенной в 5 км к северу от Шимановска.

Только после этого, видимо, штаб района принял решение направить армию к Новоямполью. Таким образом, весь путь армии от реки Бирмы до Новоямполья выглядит хаотичным перемещением без определённого плана, диктуемым лишь конкретной ситуацией в тот или иной промежуток времени. По пути, в д. Кухтерин Луг, местные партизаны (видимо, из числа мобилизованных в Свободненском и Шимановском районах – Ю.Т.) были распущены по домам «во временный отпуск». Как свидетельствует Ф.Кошелев, армия 4-го района уменьшилась примерно наполовину. Причиной роспуска он называет нехватку продовольствия, затишье в боевых действиях (японцы воздерживались от активных выступлений) и наступление сильных морозов, при отсутствии у многих партизан зимней одежды и обуви.

После занятия армией Новоямполья, это село на несколько дней стало столицей 4-го партизанского района. К тому времени в партизанской армии оставалось около 800 партизан. Здесь, в связи с сокращением состава, она была переформирована. Заново организовали роты, эскадроны, команды. Партизанская «армия» теперь превратилась просто в крупный отряд. Начальником связи был назначен Красовский. Мордвинов же стал командовать подрывной командой на линии железной дороги. Отряд связи состоял, по свидетельству А.Слесарева, из 20-25 конных партизан, а отряд подрывников — из 30-35 человек¹²²⁴, что подтверждает и один из бывших его бойцов А.М.Овчинников¹²²⁵. Хозчасть возглавил Зыков, а санитарную (лазарет), разместившуюся в сельской школе – фельдшер Кольцов.

В одной из комнат Новоямпольской почтово-телеграфной конторы разместилась оружейно-патронная мастерская, в другой - пошивочная, а в третьей – центральный партизанский телеграф. Телефонную линию от него провели к железнодорожной станции Гондатти (Шимановская) и в сторону г. Зеи, до с. Улунга. Проблема продовольствия была частично решена захватом складов сбежавшего лесопромышленника Смирнова, где хранились значительные запасы зерна. Зерно было обмолочено затем копытами партизанских коней и под охраной партизан отвезено на мельницу в с. Сиан, после чего хлебом отряд был на время полностью обеспечен.

На второй день к вечеру, то есть 8-го декабря, штаб получил повестку от ОВПК о выборе представителей на 7-й съезд Советов. На следующий день общее собрание отряда избрало таковыми В.Патрушева и Ф.Кошелева. Однако, в связи с получением в этот же день известия о восстании колчаковского гарнизона на одном из приисков севернее г. Зеи (по воспоминаниям его участников, первым восстал 3-й взвод, располагавшийся на прииске Тимптон¹²²⁶ (Лебединый – Ю.Т.)), Ф.Кошелев снял свою кандидатуру, а вместо него был избран И.Раков¹²²⁷. С небольшим отрядом И.Раков и В.Патрушев отправились в с. Ромны, организуя по пути выборы делегатов в зейских деревнях до Грамматухи включительно. В остальных селениях Мазановской и Ольгинской волостей выборы проводили Пурыгин и Корниенко. Видимо в это же время в Серебрянскую и Натальинскую волости был отправлен штабом 4-го района для организации выборов и А.Слесарев¹²²⁸. Руководителем же 4-го района остался (видимо временно, до возвращения В.Патрушева – Ю.Т.) Писароглу¹²²⁹.

Свой отказ от поездки на съезд Ф.Кошелев связывает с намеченным штабом манёвром основных сил отряда в сторону г. Зеи, чтобы отвлечь внимание японцев от восставших солдат¹²³⁰. Е.Галыгин, правда, объясняет этот поход партизан по-другому - тем, что «стоять на месте всей армией тоже было нельзя, поскольку запасы продовольствия и фуража подходили к концу». Было решено выделить для похода сносно одетых партизан, которых набралось 2 роты пехоты и все три эскадрона кавалерии (один из эскадронов Ф.Кошелев называет командой разведчиков). Остальных оставили в Новоямполье вместе со штабом армии.

Выделенный отряд (к тому времени командиром отряда был уже Ф.Голик¹²³¹) занял с. Сиан и затем начал наступление на волостной центр, с. Овсянку. Здесь, на подступах к Овсянке, и произошёл встречный бой с выступившим навстречу из г. Зеи японским отрядом¹²³², решивший судьбу всего похода. Согласно газетной информации того времени он состоялся 12 декабря¹²³³. По утверждению Е.Галыгина, П.Иванов, командовавший правофланговым обходным конным отрядом, отступил раньше всех, даже не приняв участия в бою, а затем вообще увёл своих людей на р. Селемджу¹²³⁴.

Однако, по свидетельству Ф.Кошелева, это был уже второй бой. Ему предшествовал ещё один, состоявшийся на двое суток раньше, то есть примерно 10 декабря. Согласно описанию Ф.Кошелева, партизаны организовали тогда засаду вышедшему им навстречу японскому отряду возле д. Улунги (теперь не существует – Ю.Т.). Эскадрон Иванова должен был пропустить японцев мимо себя, а затем ударить по ним с тыла, когда начнётся бой. Но бойцы эскадрона открыли огонь сразу же при появлении противника, чем сорвали всю операцию. Партизанский отряд, после этого, отступил в Новоямполь, а через двое суток повторил своё наступление, уже под командованием самого П.Иванова.

На поведение эскадрона П.Иванова во втором бою решающее влияние оказало стремление бойцов других подразделений отряда, составленных в основном из местных крестьян-старообрядцев, привлечь к ответственности несколько человек из этого эскадрона за грабежи и насилия, совершённые ими ранее в верхнезейских деревнях. Ф.Кошелев, от имени штаба, потребовал от Иванова выдачи этих лиц, на что получил резкий отказ. Дошло до того, что на общем собрании бойцов эскадрона Ф.Кошелеву было заявлено, что «мы эту сволочь (крестьян) защищать не хотим». В итоге, во время боя у д.

Успенówki (теперь не существует – Ю.Т.) эскадрон Иванова (70 человек) ушёл с позиций, обрекая, таким образом на поражение весь остальной отряд.

Штаб за это объявил П.Иванова вне закона, что было подтверждено затем 7-м съездом в с. Ромны. Видимо в ответ на эти действия штаба, П.Иванов со своими людьми направился в Новоямполь, где «побил телефонный аппарат, порвал линию, забрал сшитые дошки, унты и несколько кулей муки, оружие и снаряжение и ушёл через Грамматуху на Селемджу». Причём, «члены штаба от Иванова спрятались и на глаза не показывались». Далее, по утверждению Ф.Кошелева, отряд П.Иванова был ликвидирован высланным 7-м съездом отрядом Я.Прохорова в д.Таскино, однако сам П.Иванов с несколькими бойцами (16 человек) сумел бежать «в верховья Селемджи, где занялся бандитизмом и грабежами до восстановления Советской власти»¹²³⁵.

Это очень пристрастное описание Ф.Кошелевым судьбы отряда Иванова после ухода из Новоямполья не вполне соответствует показаниям других источников. Согласно воспоминаниям Я.Прохорова, бандитствующий отряд Паутова был ликвидирован им в д. Таскино перед отъездом на 7-й съезд, причём вскоре после этого Я.Прохоров встретился в д. Татарской со следовавшей на тот же съезд делегацией 4-го района во главе с В.Патрушевым. Эта встреча могла произойти, таким образом, не позже 12 декабря*, следовательно, отряд Паутова был ликвидирован ещё до боя под Успенówкой и Овсянкой. Тем самым, становится ясно, что никакого отношения к П.Иванову и его отряду последний иметь не мог.

Наступление же «отряда красных» на Угловский и Селемджинский приисковый районы (минуя с. Угловое), по сведениям газет того времени, началось только 10 января¹²³⁶. Где в течение месяца находился отряд Иванова, и чем он занимался, пока не известно. Возможно, он базировался некоторое время в окрестностях д. Таскино. По сведениям газет, «группа из 25 милиционеров, следовавшая в этой местности 17-го (декабря - Ю.Т.), была атакована небольшой партией красных»¹²³⁷. Село же Угловое было занято отрядом Прохорова лишь 22 января 1920 года. Как писали газеты, «2-й отряд красных (после отряда Иванова – Ю.Т.) в количестве 300 человек выбил угловцев (дружина самообороны с. Углового – Ю.Т.). Угловцев вышло вооружённых 23, осталось 13»¹²³⁸.

После боя у деревень Успенówki и Овсянки отряд 4-го района вынужден был отступить к д. Умлекан, куда прибыл и штаб. На следующий день (то есть 13 декабря – Ю.Т.) здесь произошёл новый бой, также закончившийся отступлением расстрелявших почти все свои патроны партизан. Преследуемые японцами они вновь отошли к Новоямполью¹²³⁹. Там отряд окончательно распался. С.Кургузов с группой из 40 партизан направился в Серебрянскую волость, М.Круглов во главе отряда в 70 человек возвратился в окрестности ст. Гондатти, а Ф.Кошелев возглавил отряд своего отделения района (Овсянковская волость) в количестве 60 человек. Кроме того, по-прежнему действовала подрывная команда на линии железной дороги, команда связи, санитарная часть и оружейная мастерская. Остальные партизаны (пехота) были распущены по домам¹²⁴⁰.

Глава 6

Решающие успехи партизанского движения

1. VII съезд трудящихся Амурской области

а) Подготовка съезда

* В с.Ромны делегация 4-го района прибыла 14 декабря

Решение о созыве очередного съезда трудящихся области было принято на объединённом заседании партизанских штабов в д. Державинке 9 ноября 1919 года¹²⁴¹. Последовавшее затем наступление противника и ответные действия партизанской армии на время отвлекли внимание её руководства от проведения в жизнь этого мероприятия, но уже через три дня после провала наступления на Тарбогатай оно вновь было поставлено им в свою повестку дня. Тут же, на совместном заседании ОВПК со штабами 1-го и 4-го районов в д. Придорожной, в присутствии представителя 3-го района, 18 ноября было решено переименовать Областной коллектив в Совет¹²⁴². Полностью новое название появляется в протоколе уже следующего его заседания 19 ноября - «Областной военно-полевой совет»¹²⁴³.

Перемена названия, с одной стороны, ясно давала всем понять главную цель руководства партизанской армии — восстановление власти Советов, а с другой — должна была продемонстрировать его уверенность в победе и решимость в самое ближайшее время довести свою борьбу до конца. Это был хорошо выверенный психологический ход, предупреждавший даже самую возможность на созываемом съезде не советского выбора для депутатов от крестьян. Однако успеху партизанской агитации, как это ни парадоксально звучит, в значительной степени поспособствовали также и органы пропаганды колчаковского режима.

Издаваемый белогвардейскими властями специально для распространения среди крестьян «Плакатный вестник» 21 ноября первым сообщил им о падении столицы Колчака г. Омска, а затем, вплоть до начала декабря, аккуратно извещал об оставлении одного за другим почти всех сибирских городов¹²⁴⁴. Партизаны до этого момента такой подробной информацией не располагали и пользовались часто самыми фантастическими слухами, которые затем распространяли среди крестьян. Указанные сообщения прессы ни у кого теперь не оставили сомнения в разгроме белой армии в Сибири и неизбежности скорой гибели колчаковского режима.

Такие известия, конечно, в первую очередь должны были подействовать на солдат и казаков. Не случайно, именно с ноября 1919 года в г. Благовещенске, как грибы после дождя, начинают образовываться и быстро расти подпольные организации в различных частях белого гарнизона, а в казачьем полку в это время даже организовывается революционный комитет¹²⁴⁵. В этот же период, а точнее со второй декады декабря, начинает быстро сокращаться активность японских и белогвардейских карательных отрядов в занимаемых партизанами районах области, что отмечается практически во всех воспоминаниях того времени. Резко учащается переход белых солдат в одиночку, группами и целыми подразделениями на сторону партизан. Этому способствовали и выпущенные областным партизанским штабом специальные воззвания к солдатам и казакам, предлагавшие последним становиться на сторону «народа» и присылать своих делегатов на съезд.

Усиливаются колебания среди казачества и органов самоуправлений. Они начинают всё более склоняться к необходимости соглашения с партизанским командованием о прекращении гражданской войны путём ликвидации белогвардейской диктатуры. Согласно докладу помощника Управляющего Амурской областью, 30 ноября в станице Николаевской даже состоялся подпольный съезд, на котором решался вопрос о присоединении казаков к восстанию против Колчака. Решения его неизвестны, но, по свидетельству Вострикова, от казаков «были депутаты на Съезде, где была вынесена

резолуция о том, что казачество примыкает к нам»¹²⁴⁶. Не ясно, правда, о каком съезде в данном утверждении Вострикова идёт речь: о Ромненском или о Николаевском?

19 декабря, когда в с. Ромны уже шёл 7-й съезд трудящихся области, состоялось секретное заседание 7-го Войскового круга Амурского казачьего войска, участники которого тайным голосованием высказались «за установления в крае народной власти, считая, что таковая должна быть избрана всем населением края...»¹²⁴⁷. Это заседание было созвано в связи с намерением атамана Семёнова, в случае падения власти Колчака, взять её в свои руки. Тем самым амурское казачество фактически отказалось поддержать установление в области семёновской диктатуры и ясно заявило о необходимости народовласти.

22 декабря, на проходившем в Благовещенске совместном заседании АОЗУ, 7-го круга Амурского казачьего войска и городской думы, было принято решение обратиться к воюющим сторонам с просьбой прекратить военные действия и создать на демократической основе подлинно демократическую народную власть. Для реализации этого постановления было решено созвать в январе областной съезд представителей всех слоёв населения¹²⁴⁸. Впрочем, все эти призывы и решения представительных органов не встречали понимания и поддержки со стороны существующих белогвардейских властей.

Началом созыва 7-го Ромненского съезда трудящихся следует считать рассылку по области инструкторов, с приданными им небольшими кавалерийскими отрядами, для сбора депутатов в закреплённых за ними участках. Отряды эти не превышали обычно 50 человек, но в районах ещё неподконтрольных партизанскому командованию этим занимались целые партизанские армии. Так, в Зазейском районе действовали главные силы областного военно-полевого совета, а на Верхней Зее - вся армия 4-го района.

По свидетельству В.Г.Замяткина, все инструктора разъехались по области 21 ноября¹²⁴⁹. На следующий день отправился «в командировку» для производства выборов и мобилизации Буреинский отряд¹²⁵⁰. Последний присоединился к партизанской армии 2-го района после событий под ст.Никольской только вечером 14 ноября. Остальные же силы 3-го района на своём общем собрании тогда постановили в 1-й район не выступать, а всех мобилизованных распустить. В Архаринском отряде остались только добровольцы, которые продолжили партизанские операции по своему району.

После получения такого известия, ОВПК ещё 17 ноября срочно направил своих представителей в 3-й район для восстановления там армии и подготовки созыва Областного съезда. Восстановление армии заключалось в проведении новой мобилизации по числу оружия¹²⁵¹. Тогда, видимо, и была проведена мобилизация 11 возрастов, документы которой хранятся в Амурском областном архиве. К моменту её окончания общая численность всех отрядов 3-го района могла достигнуть 320 человек. Кстати, именно такую численность Архаринского и Буреинского отрядов приводит в своих расчётах и Н.М.Гранкин - соответственно, 200 и 120 человек¹²⁵², а вместе — 320. Примерно такими же рамками ограничивает общую численность Архаринского и Буреинского отрядов и С.С.Кургузов (150 + 150)¹²⁵³.

Вскоре или одновременно с отрядом Воропаева выступили на юг и все силы 2-го партизанского района. Вместе с ними ушли и отряды 1-го района. Хотя, согласно одному из воспоминаний Я.Прохорова, штаб 1-го района после Тарбогатайского боя распустил почти всю пехоту по домам, а сам, вместе с кавалерией, остался в своём районе¹²⁵⁴, в другой версии его воспоминаний утверждается совершенно обратное, а именно, что «после Тарбогатаевского боя вся наша пехота ушла в 2-й и 3-й районы»¹²⁵⁵. Полностью

подтверждает вторую точку зрения Я.Прохорова и другой важнейший свидетель – командир полка пехоты 1-го района В.Задерновский¹²⁵⁶.

Впрочем, в этом походе участвовали не только пехота, но и вся конница 1-го района, а также его штаб, во главе с самим Я.Прохоровым. Доказательством этого является справка центрального государственного архива Дальнего Востока, выданная Я.В.Прохорову в 1955 году. В ней говорится, что Я.Прохоров участвовал в боях под Крутым логом, Борисоглебовской и Тамбовской¹²⁵⁷. Все перечисленные населённые пункты находились тогда во 2-м партизанском районе Амурской области. Об участии сил 1-го района в этом походе упоминают также Н.М.Гранкин¹²⁵⁸, Е.И.Давыдов¹²⁵⁹ и К.Куш, причём последний прямо пишет что «было решено перебросить все отряды в Зазейский район»¹²⁶⁰.

Начавшееся приблизительно 25 ноября наступление японско-казачьих отрядов на 1-й район пришлось, таким образом, в абсолютную пустоту. Пока отряды Хирата, Накано и Хаякава между реками Томь и Бирма совершали свои манёвры по окружению отсутствующей там партизанской армии¹²⁶¹, последняя уже продвинулась в район к югу от Тарбогатая, пополняя по пути свои оскудевшие в новосельческих деревнях запасы продовольствия и мобилизуя крестьянских лошадей. Одновременно в ближайшие волости направлялись отряды для проведения выборов на съезд.

Почти во всех районах (кроме 1-го) выборы производились, как правило, следующим образом: Партизаны окружали село, не давая возможности никому покинуть его. Затем созывался сход, на котором инструктора и агитаторы разъясняли крестьянам политическую ситуацию и предлагали выбрать на съезд своих представителей. Избранные депутаты чаще всего тут же уезжали с отрядом и следовали за ним по всему маршруту движения, до его возвращения к месту съезда¹²⁶². В некоторых же случаях они самостоятельно добивались до назначенного пункта сбора, откуда их направляли в с. Ромны, однако такие группы иногда перехватывались в пути следования дружинами самообороны или белогвардейской милицией, как это произошло, например, с большинством депутатов 4-го района.

К этому времени японское командование уже поняло свою ошибку и начало передвигать главные силы из 1-го района на юго-восток от Тарбогатая¹²⁶³, в район станций Поздеевка и Екатеринославка. Этому «прозрению», видимо, способствовали первые столкновения колонны партизан с японо-казачьим отрядом в деревнях Крутой лог (Знаменка) и Святуровка¹²⁶⁴ (в воспоминаниях И.Т.Матвеева ошибочно названа «Русская»), в 5 км восточнее ст. Поздеевка. Подробное описание этого боя дал В.Задерновский. По его свидетельству, японцы, продвигаясь утром со станции Поздеевка, случайно наткнулись на ночевавшую в д. Крутой Лог после длительного перехода партизанскую армию. Спонтанно разгоревшийся бой продолжался до вечера и закончился отступлением японского отряда (казаки ещё раньше были отогнаны артиллерийским огнём)¹²⁶⁵.

Само появление всей партизанской армии в д. Крутой Лог говорит о том, что она первоначально собиралась перейти железную дорогу, по-видимому, у разъезда Короли. Однако неожиданное появление противника заставило её на следующий день изменить маршрут, чтобы выйти к железной дороге между станциями Екатеринославка и Завитая.

4 декабря русско-японский кавалерийский отряд из группировки Хирата добрался наконец от Маргаритовки до д. Борисовки около ст. Екатеринославка, и даже вступил в бой с разведкой партизан¹²⁶⁶. Этот бой упоминается только в воспоминаниях

И.Воронцова, следовательно в нём участвовало подразделение отряда «Красный орёл». Этот отряд был оставлен здесь для охраны и продовольственного обеспечения партизанского госпиталя¹²⁶⁷, разместившегося в тайге к востоку от д. Беляковка.

Однако главные силы партизан были уже довольно далеко отсюда. Ещё 3 декабря они перешли железную дорогу и направились к югу по долине р.Завитой¹²⁶⁸. Как минимум на двое суток раньше выступил в Зезейский район для проведения выборов отряд «Чёрный ворон». 2 декабря он был уже в д. Ново-Александровке, 4-го декабря выделенный из него отряд посетил д. Верхнюю Полтавку, а 5-го — Чуевку и Козьмодемьяновку. Во всех этих деревнях партизаны также собирали приговоры крестьянских обществ и мобилизовывали для своей конницы лошадей¹²⁶⁹.

По-видимому, к этому же времени нужно отнести и образование Иваново-Благовещенского отряда на основе слияния бывшего пулемётно-артиллерийского подразделения партизанской армии 2-го района с небольшим самостоятельным отрядом имени Пережогина, действовавшим в Ивановской волости и составленным в основном из дезертиров колчаковской армии. Правда, Н.М.Гранкин пишет, что это произошло 20 ноября в д. Андреевке¹²⁷⁰. Однако 20 ноября все силы партизанской армии находились ещё на берегах р.Томи. Скорее всего, эта дата указана Гранкиным в старом стиле, что по новому означает 3 декабря.

По сообщениям белогвардейской прессы можно довольно точно установить маршрут движения основных сил армии 2-го района. 4 декабря она успела побывать в станции Поярково, а уже 5 декабря через д.Арсентьевку перешла в с. Ильиновку (в сообщениях прессы ошибочно фигурирует не существовавшая в области д. Ириновка — Ю.Т.), откуда ночью большая её часть направилась к с. Борисоглебке. 6 декабря обе части армии были атакованы японско-белогвардейскими отрядами (части отрядов Матсуо и Хирата) и, после упорных боёв, отступили в разных направлениях. Тем не менее, большая её часть оказалась на следующий день вблизи Тамбовки, которую и атаковала в ночь с 7 на 8 декабря.

По данным японского командования, в наступлении на Тамбовку участвовало до 1500 партизан¹²⁷¹. Как свидетельствует Н.М.Гранкин, это были отряд «Старика», пехота 1-го района и Иваново-Благовещенский отряд. С противоположной стороны действовали не только японский гарнизон, но и «вооружённые кулаки, которые при наступлении вместе с японцами стойко сражались против партизан»¹²⁷². Видимо, в данном случае речь идёт об отряде гражданской милиции, созданной в селе ещё в апреле этого года. Японский гарнизон составлял около 100 человек¹²⁷³, то есть 2 неполных взвода пехоты. Бой шёл с 8 часов вечера до 6 утра. Не выдержав натиска партизан на окраинах села, японцы и милиция отступили к его центру, где засели в хорошо оборудованных окопах вокруг волостного правления. Там они и продержались всю ночь, до подхода подкреплений из Благовещенска и Ивановки¹²⁷⁴. Утром партизаны отступили к Ново-Александровке¹²⁷⁵.

После отступления от с. Тамбовки, партизанские отряды, как свидетельствует В.Задерновский, отошли в район с. Натальино, где было решено опять разойтись всем по своим районам. Меньшую часть пехоты 1-го района удалось во 2-м районе пересадить на коней, а остальных вывели опять в 1-й район. Хотя в с. Верное (Сосновый Бор) к тому времени уже стоял японский гарнизон (1 рота), но в боевые столкновения с партизанами японцы старались уже не вступать. Так же миролюбиво вели себя с ними и партизаны. Проведя инструктаж населения о созыве 7-го Областного съезда трудящихся, штаб и

кавалерия 1-го района передвинулись в д. Круглую, а ещё через несколько суток выступили на охрану места съезда со стороны Тарбогатая¹²⁷⁶.

Отряды 2-го района ещё некоторое время оперировали поблизости от Благовещенска, а затем почти все вернулись за линию железной дороги, где сконцентрировались вокруг с. Ромны, обеспечивая безопасное проведение областного съезда. Туда же 17 декабря подошёл и Архаринский отряд с делегатами 3-го района¹²⁷⁷. Японское командование не предприняло никаких попыток атаковать здесь партизан, хотя 15-го и 17-го декабря получало сведения о скоплении их в этом районе как от своей собственной разведки, так и от тарбогатайцев¹²⁷⁸. Данный факт свидетельствует о полном отказе интервентов уже к этому времени от проведения каких-либо наступательных операций против партизан.

Накануне Ромненского съезда часть кавалерии 1-го района, как свидетельствует Я.Прохоров, побывала в Селемджинском районе, куда отправилась вылавливать «бандитствующий» партизанский отряд Паутова. Попутно был ликвидирован, как пишет Я.Прохоров, подобного же типа белый отряд Ушакова (видимо местная дружина самообороны — Ю.Т.) в с.Угловом¹²⁷⁹. Проведя это мероприятие, отряд Прохорова встретился в д. Татарской* (теперь не существует — Ю.Т.) с В.Патрушевым и другими депутатами 4-го района, направлявшимися на Ромненский съезд. Учитывая, что В.Патрушев и И.Раков, следуя окольными таёжными дорогами, добрались до с. Ромны 14 декабря¹²⁸⁰, встреча их с Я.Прохоровым могла произойти 11 или 12 декабря. Следовательно, в Селемджинский район Я.Прохоров прибыл в самом конце первой декады декабря. Вскоре, собрав в своём районе выбранных подпольными комитетами депутатов, отряд Прохорова тоже направился в с. Ромны.

б) Вопросы проведения съезда

Ход и результаты работы данного съезда довольно хорошо разработаны в советской историографии, однако остаются всё же некоторые не решённые до сих пор вопросы. Не ясно, в частности, общее количество депутатов и их состав. Хроника Амурской областной организации КПСС исчисляет их в 150 человек¹²⁸¹. Хрестоматия по истории Амурской области¹²⁸² и книга «Съезды Советов Амурской области» дают несколько иную приблизительную цифру* — больше 200 депутатов¹²⁸³. При этом, подразумевается, что все они были представителями от крестьян. Между тем, в воспоминаниях партизан достаточно ясно говорится, что на съезд были избраны и делегаты от каждого партизанского отряда, а также от областного и районных партизанских штабов.

Таким образом, это была расширенная копия предыдущих съездов 1-го и 4-го районов, где большинство участников составляли партизаны, их командование и члены сельских подпольных организаций. Как пишет в своих воспоминаниях Я.В.Прохоров, именно сельские подпольные организации проводили выборы на 7-й съезд всех депутатов 1-го района¹²⁸⁴. Выборы же на общих сходах крестьян организовывались лишь в тех селениях области, которые специально посещали с этой целью инструкторы ОВПС, охраняемые конными отрядами партизан. Но и там это делалось, как правило, с помощью местных подпольных комитетов.

К тому времени все выявленные подпольщиками в своих деревнях активные сторонники белых властей были уже либо уничтожены ими и партизанами в предыдущий

* Находилась между деревнями Грамматуха и Новая Уфа, в 10 км по прямой от слияния Зеи и Селемджи.

* Данный вывод принадлежит Н.А.Шиндялову, научному редактору обоих указанных книг.

период, либо бежали под защиту японских гарнизонов в соседние сёла и в города. Тайные же противники партизан, запуганные ими, не смели поднять своей головы. Тем не менее, при выборах, иногда принимались дополнительные меры предосторожности. Так, чтобы исключить в будущем возможность выдачи властям делегатов съезда, подпольщики с. Борисоглебского выдвинули в качестве председателя и секретаря общего выборного собрания самых богатых граждан села, а начальника местного почтового отделения избрали в комиссию по выработке наказов избирателей¹²⁸⁵.

Таким образом, прежде чем попасть на съезд, крестьянские депутаты проходили, как правило, через сито местных подпольных организаций, а затем дополнительно политически обрабатывались инструкторами областного партизанского штаба. Всего, по свидетельству В.Г.Замяткина, в с. Ромны собралось 236 депутатов¹²⁸⁶. Какой процент из них составляли собственно представители крестьянских обществ пока неизвестно. На съезде не было депутатов от 4-го района, большинства селений Гильчинской волости, большей части старообрядческих деревень, а также от сёл, в которых стояли японские и белогвардейские гарнизоны. Фактически не были представлены казачьи станицы, рабочие городов и городская «трудова» интеллигенция.

На съезде были зачитаны приговоры сельских сходов. Несмотря на проведённую в сёлах идеологическую работу, некоторые из них не содержали требования восстановить в области Советскую власть, а Троицкое сельское общество не признавало не только «белую», но и «красную» власть, и желало «политических свобод»¹²⁸⁷. В то же время все без исключения общины выступали за власть «народную», под которой понимали, как правило, выборную от «трудова» народа. Единодушным было и желание крестьян избавиться от присутствия интервентов.

Впрочем, соответствие данных требований воле крестьянских обществ не следует переоценивать. Всем инструкторам областного партизанского штаба, собиравшим эти приговоры, совершенно конкретно указывалось, какие именно решения они должны были содержать. Так, по свидетельству Ф.Кошелева, штаб 4-го района получил от областного штаба распоряжение, что делегаты на 7-й съезд «должны быть снабжены ... протоколами общих собраний деревень, в которых было бы указано о беспощадной борьбе против белых и японцев и окончательном изгнании японцев как из Амурской области, так и со всего Дальнего Востока, и восстановлении Советской власти»¹²⁸⁸.

Историки признают, что практически все постановления съезда были написаны одним человеком — С.Шиловым. Из всех участников съезда только он один обладал сочетанием таких качеств, как хорошее образование, незаурядный литературный талант, неплохая идеологическая подготовка и довольно широкий политический кругозор. За его плечами были и множество опубликованных ранее рассказов, и участие в революции 1905 года, и вынужденная политическая эмиграция, и партийная работа сначала в рядах левых эсеров, а потом в партии большевиков.

Депутаты конечно вносили свои поправки, но существенно изменить содержание документов это не могло. Уступкой крестьянской психологии в чисто пропагандистских целях выглядит в принятой съездом резолюции о текущем моменте оценка Колчака как «захватчика власти и ... предателя, призвавшего чуждые нам по духу, обычаям и религии войска японского императора для порабощения родного народа»¹²⁸⁹. Между тем, сам С.Шилов и большая часть других представителей штаба партизан, отлично знали, что японцев пригласил в Амурскую область не адмирал Колчак, а Песчано-Озёрский съезд самих амурских крестьян.

В тех же пропагандистских целях воздействия на колеблющуюся часть населения, в том числе и на интеллигенцию, была сделана формальная уступка в пользу буржуазно-демократических свобод. Правда, записано это было не в самих постановлениях съезда, а в ни к чему не обязывающем Обращении только что избранного исполкома «к населению с призывом о совместной борьбе» от 22 декабря. В числе стоящих перед исполкомом неотложных задач в нём упоминалось «восстановление всех свобод, а именно: свободы слова, печати, свободы собраний, союзов и неприкосновенности личности и жилища...». В этом, а также в безопасности жизни, давались гарантии «гражданам, как русским, так и иностранным»¹²⁹⁰.

В главном же С.Шилову удалось провести на съезде свою большевистскую политическую линию, направленную на безусловное признание власти Советов в той её форме, которая существовала тогда в Советской России. Это выразилось, в частности, в требовании «воссоединения с Советской Россией, законам которой всецело, беспрекословно и безоговорочно подчиниться»¹²⁹¹.

2. Последнее наступление партизан (декабрь-январь 1919 года)

Новое наступление партизан в Зазейском районе началось далеко не сразу после окончания Ромненского съезда. Во-первых, потребовала определённого времени подготовка к исполнению решения съезда о бойкоте городов и гарнизонов противника. Только 25 декабря Таёжным исполкомом было опубликовано постановление № 3, в котором обывателям предписывалось прекратить подвоз к этим пунктам продовольствия и фуража. Партизанские же отряды начали стягиваться к Благовещенску для обеспечения бойкота лишь в январе¹²⁹².

К этому времени количество партизанских отрядов в области снова увеличилось. К образованным незадолго до съезда отрядам «Пролетарий», «Иваново-Благовещенский» и «Неустрасимый», добавились после съезда отряды «Образцовый», «Беспощадный» и «Непобедимый» (Бабошина). Тогда же активизировался и действовавший с ноября 1919 года в районе станции Облучье небольшой отряд Большакова¹²⁹³.

В конце декабря был образован и новый партизанский отряд севернее г.Зеи, на прииске Владимировский. Здесь восстали три взвода 7-й роты 35 сибирского стрелкового полка, присланной в октябре из Владивостока для охраны важнейших золотых приисков в тайге. Командиром отряда был избран Скрицкий. Сразу после этого восставшие солдаты совершили 500-километровый переход в Якутию, где на прииске Тимптон присоединились к 4-му взводу этой роты, поднявшему здесь восстание ещё в ноябре. Отряд получил название повстанческий партизанский Тимптон-Владимировский. В январе 1920 года этот отряд вновь вернулся на Владимировский прииск¹²⁹⁴, и вскоре все прииски севернее г. Зеи были в руках партизан¹²⁹⁵.

После Ромненского съезда бывший отряд А.Турукина, получивший наименование «Пролетарий» и избравший к тому времени нового командира — В.Бородавкина, возвратился в свой 1-й район¹²⁹⁶. (Впрочем, название отряда сначала было, видимо, несколько иным. В Амурском архиве сохранился документ* - «Инструкция членам 1-го Амурского революционного социалистического отряда 1-го района под командой

* На его подлинность указывает, в частности, то, что выполнен он был с громадным количеством ошибок, на пишущей машинке с очень изношенным шрифтом, на оборотной стороне какой-то расписки, написанной в дореволюционном стиле и взятой, видимо, из архива волостного правления.

товарища Бородавкина»¹²⁹⁷.) По утверждению Н.М.Гранкина, В.Бородавкин принял отряд в начале декабря¹²⁹⁸. Основной задачей ему было поставлено блокада вместе с другими отрядами Бочкарёвского гарнизона и разрушение железной дороги от Благовещенска до Свободного.

Отряд «Образцовый» возник на основе кавалерийского эскадрона первоначального отряда Юшкевича. Когда Юшкевич был избран командующим партизанской армией, он, с разрешения ОВПК, оставил этот эскадрон у себя в качестве охраны штаба и для связи, а остальную часть своего отряда передал Макарову-Зубареву. После отставки на Ромненском съезде с поста командующего, В.Юшкевич со своим эскадром ушёл в прежний район деятельности и, пополнив его конными добровольцами из крестьян, создал новый партизанский отряд. Основным заданием для него было разрушение железной дороги и блокада Бочкарёвского гарнизона с юго-запада.

Отряд «Неустршимый» был сформирован в с. Семиозёрке и других деревнях Средне-Бельской волости между р. Зеей и железной дорогой. Совпадение его по названию и месту возникновения с действовавшим здесь до октября 1919 года диверсионно-террористическим отрядом Герки Рулёва заставляет предположить, что создан он был на основе некоторых входивших в состав последнего групп. Н.М.Гранкин пишет, что это произошло в конце декабря¹²⁹⁹, однако А.В.Агеев, опираясь на свидетельства бывших членов этого отряда, относит его образование к ноябрю¹³⁰⁰.

Такое расхождение в свидетельствах бывших партизан вполне объяснимо. Дело в том, что этот отряд фактически был образован дважды. Первоначально он был создан в д. Семиозёрке, по утверждению его первого командира Ф.Д.Мельникова*, в ноябре (эту дату подтверждает и другой свидетель – М.Г.Медведев, правда прибытие в отряд самого Ф.Мельникова он датирует декабрём¹³⁰¹). Тогда он насчитывал 96 человек, для которых в селе было мобилизовано 100 коней. Однако из оружия удалось собрать только 5 винтовок и 12 бердан. Крестьяне поверили тогда обещаниям командующего партизанской армией 2-го района Юшкевича, что недостающее оружие они смогут получить в столице 1-го района с. Сосновый бор¹³⁰² (Верное). Последнее обстоятельство позволяет более точно датировать время образования отряда, так как партизанская армия 2-го района находилась в непосредственной близости к Бельской волости во время своего марша от Андреевки в 1-й район в самом конце октября - начале ноября.

Поскольку отряд был почти безоружным, его провели в 1-й район под прикрытием специально выделенного взвода партизан (вероятно, из штабного эскадрона самого Юшкевича – Ю.Т.) под командованием В.Бородавкина. Лишнего оружия в Сосновом Бору, естественно, не оказалось, поэтому после месячных странствий в обозе армии, отряд, после Тамбовского боя, был расформирован. Те из его бойцов, кто имели оружие, влились в другие отряды, а остальных Шолохов увёл домой в Семиозёрку¹³⁰³. Из этой группы и был, затем, образован новый партизанский отряд с тем же названием под командованием Перцевого и Шолохова. К моменту 7-го Ромненского съезда отряд «Неустршимый», видимо, уже снова существовал, так как, согласно воспоминаниям делегата на съезде от этого отряда М.Г.Медведева, принимал участие в его охране¹³⁰⁴.

* Правда, в своих воспоминаниях Ф.Д.Мельников назвал этот отряд «Несокрушимый». Отряда с таким названием в Амурской области не было. То, что Мельников имел в виду именно отряд Неустршимый, доказывается местом его образования и фамилией помощника командира отряда Шолохова, также оставившего свои воспоминания об этом отряде.

Г.Р.Бабошин, по данным А.В.Агеева, с группой земляков по каким-то причинам отделился от отряда «Неустрасимый» и ушёл в Мазановскую волость, где в январе 1920 года сформировал свой отряд «Непобедимый», насчитывавший первоначально около 40 человек. После возвращения его в район Средне-Бельской и Александровской (видимо, имеется ввиду Томская — Ю.Т.) волостей, отряд этот увеличился до 75 человек. К концу января - началу февраля он оказывается уже в 4-м районе, где участвует в разоружении казачьих станиц по Амуру, выше Благовещенска, а затем вновь возвращается в 1-й район, и занимает вместе с отрядом Бородавкина станцию Бочкарёво¹³⁰⁵.

Самым последним по времени появился отряд «Беспощадный», который был создан на базе группы партизан отряда «Чёрный ворон» во главе с одним из руководителей последнего П.Кольжановым. Дату его образования подсказывает протокол общего собрания отряда «Чёрный ворон» за 3 февраля 1920 года. Именно на этом собрании, проходившем под председательством самого П.Кольжанова, было принято решение отпустить его в отряд «Беспощадный». Правда, это было уже повторное мероприятие по данному вопросу, поскольку речь на нём шла «о неисполнении протокола общего собрания относительно самовольного ухода во вновь сформированный отряд «Беспощадный» т.Кольжанова»¹³⁰⁶.

Таким образом, отряд этот был создан незадолго до указанного собрания. Правда, Н.М.Гранкин датирует его образование декабрём¹³⁰⁷, однако то, что уже 3 января Кольжанов на общем собрании отряда «Чёрный ворон» был избран в отрядный исполнительный комитет¹³⁰⁸, позволяет считать эту версию совершенно невозможной. К тому же сам Н.Гранкин пишет, что отряд Беспощадный был сформирован в с. Жариково¹³⁰⁹, а оно было занято отрядом Чёрный Ворон только 26 или 27 января.

Штаб 1-го района с главными своими силами стоял в это время, видимо, в с. Лебяжьем на р.Томи. Этот адрес к 28 декабря 1920 года указывает бывший подпольщик с. Суражевки И.Т.Пименов, бежавший из под ареста в партизанский отряд. Там отряд располагался довольно длительное время, а затем переместился в с. Комиссаровку¹³¹⁰. Видимо, именно этот период Я.Прохоров называет в своих воспоминаниях периодом затишья, которым был очень недоволен командир 1-го эскадрона В.Задерновский, резко осуждавший штаб за бездеятельность и требовавший рассредоточения армии и возобновления тактики диверсионных действий мелкими партизанскими отрядами¹³¹¹. Судя по воспоминаниям Я.Прохорова, единственным занятием его отряда в этот период было информирование крестьян своего района о решениях 7-го съезда трудящихся и организация продовольственной блокады ст. Бочкарёво.

Японское командование в течение всего периода подготовки партизанской армии к наступлению продолжало вести себя очень пассивно. Была даже вновь предпринята попытка начать с партизанским командованием мирные переговоры. Письмо с такими предложениями было послано начальником Бочкарёвского гарнизона майором Ушижима в штаб партизан уже 21 декабря. В ответ им был получен от решительно настроенного Таёжного исполкома резкий отказ, сопровождаемый требованием вывода из Амурской области японских войск¹³¹².

Видимо сразу после этого главные силы 2-го района сконцентрировались к югу от железной дороги, в таёжных деревнях по среднему течению реки Завитой. На это указывает, в частности, удостоверение, выданное 31 декабря председателем исполнительного комитета С.Шиловым ревкому деревни Харьковки в том, что в ней «стояли с 24 по 31 декабря включительно отряд т. Зубарева и 130 партизан отряда

Старика»¹³¹³. Судя по воспоминаниям И.Т.Воронцова, примерно в этот же период в соседней деревне Платовке располагался и отряд «Красный орёл»¹³¹⁴. Эти отряды расположились, таким образом, линией вдоль р. Завитой. В нынешнем Ромненском районе, для прикрытия типографии и госпиталя на р.Жиловое, был оставлен, видимо, только Архаро-Буреинский отряд, поскольку именно он, по свидетельству П.Е.Вшивкова, вступил оттуда на ст. Екатеринославку в феврале 1920 года¹³¹⁵.

Наступление партизанских отрядов 2-го района к г. Благовещенску с целью блокировать подвоз к нему продовольствия и фуража из Зазейских сёл и станиц, началось, по-видимому, в самом конце декабря. Косвенно, время выступления в поход некоторых партизанских отрядов можно установить по указанному удостоверению Харьковскому ревкому. Из этого документа ясно, что оба отряда покинули деревню уже 31 декабря.

Между тем, главные силы выступили несколько раньше. Газеты сообщали тогда, что «31 декабря начальник гарнизона д. Песчаноозёрская, узнав, что в д. Варваровке находятся красные, послал туда взвод с пулемётом; при приближении японцев 400 красных разбежались; остальные вступили в бой; в результате – красные разбитые разбежались...»¹³¹⁶. Это столкновение, согласно воспоминаниям Вострикова, произошло на следующий день после занятия главными силами партизан д. Зорино. По его словам, японцы, опасаясь окружения, отступили тогда обратно в с. Песчано-Озёрку, а отряды партизан, не ввязываясь в бои с ними, двинулись дальше обходными маршрутами.

Таким образом, наступление партизан началось ещё 30 декабря. Силы 2-го района двинулись в поход одной колонной, составленной из отрядов «Чёрный ворон», «Юшкевича» (видимо имеется ввиду отряд Макарова-Зубарева), «Бондаренко» и «Старика». Отряды «Красный орёл» и «Образцовый» остались на месте, блокируя гарнизоны станций Завитая, Екатеринославка и Бочкарёво.

Основные силы направились к д.Максимовке и с. Варваровке, а отряд «Чёрный ворон» был послан через Ефимовку (Рогозовку), Ерквцы, Константиноградовку, Алексеевку (Ново-Алексеевку), Богородское и Черёмушки (Черемхово) к ледовой Зейской переправе у г.Благовещенска. На некоторое время ему удалось полностью прекратить подвоз продовольствия и фуража к городу из-за р. Зеи, после чего, по приказу областного штаба, он отошёл к д. Анновке, а затем — к Варваровке, где соединился со стоявшими там отрядами «Старика» и «Юшкевича» (Макарова-Зубарева). Японцы, окопавшиеся в своих гарнизонах, полностью прекратили в это время какие-либо активные действия против партизан, одновременно предпринимая попытки начать с ними мирные переговоры.

Несколько дней спустя отряд «Чёрный ворон», ставший в этот период главной ударной силой партизанской армии 2-го района, был направлен через Лазаревку и Андреевку к д. Чуевка, в которой опять простоял целую неделю, готовясь к наступлению на Тамбовку, где располагался японский гарнизон. Однако в последний момент, не желая срывать уже введущихся переговоров с японцами, областной штаб переменил своё решение и двинул отряд через сёла Ново-Александровку и Жариковку на с. Гильчин¹³¹⁷.

Н.М.Гранкин, правда, утверждает, что в с. Гильчин тоже стоял японский отряд, и партизанам пришлось выдержать с ним серьёзный бой, потеряв убитыми 27 человек, после чего гильчинцы выкинули белый флаг и сдали всё своё оружие (170 винтовок)¹³¹⁸. Между тем, по свидетельству Вострикова, это село, которое защищали только местные вооружённые крестьяне и казаки, удалось занять после не большой перестрелки с крайне незначительными потерями (1 разведчик) со стороны партизан. Однако тот факт, что вокруг Гильчина располагались казачьи станицы и Тамбовский гарнизон японцев,

заставило отряд оставить его уже через несколько часов, и вновь отойти в д. Жариковку¹³¹⁹.

Такие серьёзные расхождения в показаниях Н.Гранкина и Вострикова можно объяснить, вероятно, лишь тем, что они описывали разные события. Возможно, отряд Иваново-Благовещенский действовал совместно с отрядом «Чёрный ворон» уже при повторном взятии этого села. В первый же раз дело обошлось лишь вытеснением из него отряда гражданской милиции и казаков, отступивших в ближайшие казачьи станицы. Как пишет Востриков, через трое суток партизаны вновь заняли Гильчин, откуда начали переговоры с казаками соседней станицы Николаевки¹³²⁰. Этот момент был зафиксирован в документах, что позволяет датировать все ближайшие к нему события завершающего этапа партизанской борьбы.

Просьба николаевских казаков прислать делегатов для переговоров 2 февраля 1920 года рассматривалась на общем собрании командного состава отряда «Чёрный ворон» и его отрядного комитета, где было решено отправить к ним с этой миссией Муратова и Уляшева¹³²¹. Учитывая, что занятие с.Гильчин, а затем и обмен парламентёрами со станицей Николаевкой, должно было потребовать определённого времени, можно предположить, что Гильчин был занят во второй раз 1 февраля. Тогда первое занятие этого села состоялось 28 января, в Чуевке отряд «Чёрный ворон» стоял примерно с 19 по 26 января, а из с.Варваровки выступил 16 января. Судя по протоколу общего собрания отряда от 3 февраля, в этот день он ещё оставался в Гильчине¹³²², но затем, видимо 4 февраля, был направлен штабом в д.Толстовку, откуда, после установления на переговорах с японцами 50-километровой зоны вокруг Благовещенска, отошёл вновь в д. Чуевку, где и оставался вплоть до входа партизанских отрядов в г. Благовещенск¹³²³.

Областной исполком в течение всего наступления постепенно передвигался к Благовещенску вслед за основными партизанскими силами 2-го района. Первоначальной ставкой его в этот период (примерно в первой половине января – Ю.Т.), судя по воспоминаниям В.Г.Замяткина, стала д. Софиевка (Максимовка). Именно сюда прибыли для переговоров представитель Амурского комитета РСДРП (меньшевиков) Даниленко и представитель правых эсеров (и земства) Решетнёв. Они заявили о признании власти Советов при условии объединения земства и исполкома. После обсуждения данного предложения исполком вынес постановление о желательности такого союза¹³²⁴.

Возможно, именно в ответ на эти переговоры АОЗУ с Таёжным исполкомом атаман Семёнов издал распоряжение, как писала газета «Амурская жизнь» 28 января, «о предании суду Областной земской и городской управы за какие-то мифические преступления»¹³²⁵. Таким образом, соглашение между земством и исполкомом было достигнуто ещё в начале или в первой половине января*, а официальное слияние этих органов должно было произойти, видимо, на «крестьянско-казачьем съезде» 28 января. Видимо, не случайно именно к этому дню было приурочено первое занятие партизанами села Гильчин.

Указанный съезд был сорван атаманом Семёновым, который в том же своём постановлении о предании суду земцев объявил о переносе съезда с назначенного ранее срока 28 января на один месяц вперёд¹³²⁶. В ответ, земская, войсковая и городская управы

* На это указывает и названное В.Г.Замяткиным место переговоров – Максимовка, где исполком располагался приблизительно в первой половине января.

заключили соглашение о созыве съезда 5 февраля. Однако семёновцы намеренно задержали на телеграфе телеграмму с извещением населения о времени его созыва.

Факт принятия исполкомом предложения земства подтверждает также И.Т.Матвеев, хотя по его словам делегация земцев прибыла в партизанский штаб приблизительно в конце января¹³²⁷. М.Н.Атавин же утверждал в своих воспоминаниях, что после многодневных переговоров соглашение было исполкомом всё же отклонено¹³²⁸. Возможно, в данном случае, правы обе стороны. Дело в том, что в конце января в исполком явился представитель ЦОШ Рыбка (Рыбкин – Ю.Т.) и сообщил, что в городе всё готово к взятию власти силами подпольной организации (то есть без участия правых эсеров и меньшевиков). После такого известия исполком отдал приказ о стягивании всех крупных отрядов для занятия г.Благовещенска¹³²⁹. О своих же обещаниях правым социалистам он, видимо, предпочёл забыть.

Между тем, лидеры земства, вероятно, продолжали надеяться на заключённое соглашение. Этим обстоятельством и можно объяснить тот факт, что, по свидетельству И.Ф.Матвеева, в начале февраля земство именно Таёжному исполкому добровольно передало всю свою власть. Почти одновременно Благовещенская подпольная организация создаёт 4 февраля в казачьих конюшнях Временный исполком, который на следующий день захватывает власть в городе¹³³⁰.

К тому времени исполком 7-го областного съезда трудящихся уже обосновался в селе Гильчин. Это произошло сразу после заключения перемирия с японцами¹³³¹, завершения переговоров с Николаевскими казаками и перед самым уходом отряда «Чёрный ворон» в д. Толстовку¹³³², то есть 3 февраля. Там он и будет оставаться до переезда в Благовещенск 14 февраля. Между Максимовкой и Гильчином, штаб на некоторое время останавливался в с.Варваровке (почти всю вторую половину января) и Чуевке (конец января — начало февраля).

Параллельно с наступлением главных сил 2-го района к г. Благовещенску, на железную дорогу вышли подрывные группы действующих в её полосе партизанских отрядов «Пролетарий», «Неустршимый» и «Образцовый». «Неустршимый» разрушал железную дорогу от разъезда Белогорье до разъезда Томичи, поддерживая связь с действующими поблизости отрядами Бородавкина, «Непобедимым», Старика и Задерновского (видимо главным отрядом штаба 1-го района). Им было совершено 42 поджога мостов (одни и те же по несколько раз) и не менее 9 нападений на мелкие подразделения противника. Дважды приходилось самим отбиваться от нападений врага.

Отряд «Пролетарий» к февралю 1920 года располагался в с.Ключи на р.Томи. Там, по свидетельству бывшего начальника штаба отряда К.Л.Куш, партизаны и получили предложение командования японского гарнизона ст. Бочкарёво о начале переговоров¹³³³. С.М.Демидов, правда, утверждает, что переговоры состоялись 25 января, а вступление партизан на ст. Бочкарёво — 2 февраля¹³³⁴. Однако такая датировка этих событий слишком маловероятна, поскольку японцы заявили о своём нейтралитете только 3 февраля (по мнению авторов энциклопедического словаря «Амурская область» это случилось 2 февраля¹³³⁵, а остальные научные труды указывают на 4 февраля¹³³⁶), а власть Временного исполкома была установлена на контролируемой японцами территории 6 февраля. Скорее всего, даты в очерке С.М.Демидова указаны по старому стилю, а в новом стиле это, соответственно, 7 и 15 февраля. Данный вывод подтверждается также и тем, что именно 7 февраля в Благовещенске была получена телеграмма со ст. Бочкарёво о признании Советской власти¹³³⁷.

Станция Екатеринославка, по свидетельству П.Е.Вшивкова, была занята партизанами 3-го района через четыре дня после вступления Таёжного исполкома в г. Благовещенск, то есть 18 февраля (сам Вшивков ошибочно считает, что эти события произошли, соответственно, 4 и 8 февраля — Ю.Т.). Накануне туда был доставлен из тайги партизанский госпиталь, а ещё четыре дня спустя перевезён в г. Благовещенск¹³³⁸. Приказ о его перемещении и занятии Екатеринославки был отдан главкомом партизанской армии 12 февраля¹³³⁹. 8 февраля партизанский отряд Большакова разместился в п. Облучье¹³⁴⁰.

Параллельно таким же образом развивались и события в 4-м районе. 26 января, по предписанию Таёжного исполкома, там был созван районный съезд трудящихся, главной задачей которого было утверждение решений 7-го областного съезда, поскольку крестьянские делегаты 4-го района в работе последнего не участвовали. Съезд прошёл с 26 по 28 января 1920 года в д. Грамматухе и, в целом, своё предназначение оправдал, продублировав лишь с незначительными изменениями все постановления областного съезда. На съезде был избран райисполком, в составе 6 человек, и 3 члена облисполкома от 4-го района: Кургузов, Голик и Нижегородцев¹³⁴¹.

Сразу после окончания съезда Облисполком дал распоряжение армии 4-го района двигаться к г. Благовещенску¹³⁴². Вскоре вновь избранный районный штаб-исполком вместе с партизанскими отрядами 1-го и 2-го отделений прибыли в д. Рогачёвку. В очередной раз проводилась спешная мобилизация населения в партизанскую армию района. Получив от подпольщиков г. Свободного сведения об объявлении японцами нейтралитета, районный штаб 4-го февраля послал туда своих представителей А.Слесарева и Наумова-Лаптева для ведения переговоров с японцами и принятия города. 5 февраля 1920 года в г. Свободном была практически восстановлена Советская власть¹³⁴³. В тот же день сбежал волостной старшина п. Суражевки Попель, а 7 февраля, по инициативе Суражевской подпольной организации, в посёлке прошли выборы в Совет, к которому и перешли все функции местной власти¹³⁴⁴. Одновременно власть официально была передана Совету и в г. Свободном¹³⁴⁵.

Армия 4-го района вскоре после этого двинулась к Благовещенску, но в с. Натальино 12 февраля получила приказ главкома И.Безродных о возвращении её к г.Свободному¹³⁴⁶, который был занят ею 20 февраля¹³⁴⁷. В Суражевку же вошли переброшенные сюда из Средне-Белой главные силы штаба 1-го района¹³⁴⁸.

В районе, прилегающем к г. Зее, распущенные «в отпуск» с середины декабря партизаны были вновь собраны Ф.Кошелевым сразу после того, как им были получены со ст. Гондатти сведения о подготовке японцев к выезду из Амурской области, то есть уже после объявления японцами нейтралитета 3 февраля. Одновременно в г. Зее был образован Временный исполком Советов с участием земцев. 22 февраля партизанский отряд Ф.Кошелева торжественно вошёл в г. Зею, уже занятый партизанами другого отряда¹³⁴⁹ (Тимптон-Владимирского — Ю.Т.).

Станцию Магдагачи, согласно воспоминаниям Гольдфингера, отряд Ивана Мадьяра занял по договорённости с командованием японского гарнизона 5 февраля, а покинули её японцы 10 февраля¹³⁵⁰. После ухода японцев со станции отряд Ивана Мадьяра поменял своего командира. С этого момента им стал командовать бывший руководитель подпольной группы на ст. Магдагачи М.Бобылёв (начальник участка белой милиции). В дальнейшем изменилось и название отряда: на Семёновском фронте он стал именоваться «1-й Байкальский партизанский кавалерийский отряд»¹³⁵¹.

Глава 7

Дополнительные вопросы, касающиеся партизанского движения в Амурской области

1. Вопросы Благовещенского подполья после гибели Ф.Н.Мухина

Со смертью Ф.Н.Мухина оказалось, что практически только на нём держалась до этого единство организованной подпольной работы как в городе Благовещенске, так и по всей области. Без него, как свидетельствует Я.И.Яковлев, городская организация сразу же распалась¹³⁵². Несмотря на то, что подавляющее большинство её членов и, даже, руководителей смогли избежать ареста во время мартовских событий, подпольная работа в городе на некоторое время замерла¹³⁵³. Правда, произошло это не сразу. По воспоминаниям И.И.Янисова, наиболее активные члены организации попытались вскоре возобновить совместную работу городского подполья. На квартире у Полякова им удалось собрать представителей самых крупных рабочих подразделений организации, но никто из приглашённых членов её военно-революционного штаба на это собрание не пришёл¹³⁵⁴.

Одной из главных причин приостановки работы стало отсутствие денежных средств, поскольку деньги в Китайский банк были положены Ф.Н.Мухиным только на своё имя и на имена В.В.Патрушева (максималист) и И.А.Бутина (левый эсер). Патрушев в это время скрывался в тайге, поэтому смерть Мухина, а вскоре и Бутина сразу лишили организацию её финансовой базы. По свидетельству И.Янисова, делались попытки установить связь с В.Патрушевым и Ф.Кошкиным (лидером анархистов) с целью получения от них средств (у Ф.Кошкина было золото), но в тот момент они оказались безуспешными¹³⁵⁵.

Как пишет И.Безродных, ввиду чрезвычайно тяжёлого материального положения организации было принято решение провести экспроприации ценностей у буржуазии. И.Безродных утверждает, что это была инициатива партийной организации, под которой, очевидно, подразумевал коммунистов. Между тем, такого рода действия всё же больше характерны для максималистов и анархистов. Да и собственной партийной организации у коммунистов в городе до 27 мая не было. Исполнитель этой акции Никита Прутовых и его оставшийся неизвестным помощник сделали своё дело, видимо, в конце марта или в первых числах апреля, поскольку уже в начале апреля (возможно по старому стилю) Н.Прутовых был послан для связи во Владивосток.

Ограбление одного из артельщиков и купца Игнатова дало подпольщикам свыше 400 тысяч рублей, в том числе более 200 тысяч золотом. Эти средства пошли на работу «паспортного стола», организацию и содержание конспиративных квартир, а позднее — на покупку оружия, патронов и создание запасов для партизан¹³⁵⁶. В этой связи совсем не случайным выглядит факт возрождения работы единой подпольной организации г. Благовещенска именно в апреле¹³⁵⁷. После же установления в августе связи со штабом Патрушева начали также, возможно, поступать золото от Ф.Кошкина и средства со счетов Патрушева в Китайском банке.

Подпольная организация возродилась опять в форме «исполкома партий», переименованного в оперативный штаб (другое название — Центральный оперативный штаб или ЦОШ — Ю.Т.). В него вошли и несколько коммунистов (Яницкий,

Вершанский, Коншин и др.), однако преимущественное влияние в нём имели анархисты и максималисты (главными представителями которых были, соответственно, Галайкин-Степанов и Рыбкин)¹³⁵⁸, что и не удивительно, так как основные финансовые источники организации в тот период, судя по всему, находились в их руках.

После образования ОВПК связь с ним, по свидетельству Я.И.Яковлева, поддерживалась «по двум линиям: был представитель и в штабе и у нас — в комитете партии». Правда, написав это признание в своих воспоминаниях, Я.Яковлев затем чего-то испугался и зачеркнул его (текст в кавычках), а сверху написал: «выражалась она, прежде всего, в делегировании представителей из штаба в комитет и из комитета в штаб»¹³⁵⁹. Осталось неясным, какой именно штаб он имел здесь в виду: ЦОШ или ОВПК? По-видимому, зачёркнутая фраза всё же лучше передавала его мысль. Однако, к моменту подготовленного в октябре восстания в городе военная связь, по утверждению Я.Яковлева, полностью находилась уже в руках коммунистов¹³⁶⁰.

В августе ЦОШ удалось установить прочную связь и с Центральным Бюро профсоюзов (ЦБП) города. Этому помогла устроенная в Благовещенске 16 августа всеобщая забастовка. Созданный тогда большевиками стачечный комитет направил свои экономические требования работодателям через голову ЦБП. В ответ колчаковские власти распустили ЦБП, находившийся тогда под контролем меньшевиков. После удовлетворения многих требований рабочих, забастовка 27 августа была прекращена¹³⁶¹, а выборы нового ЦБП позволили большевистскому подпольному комитету провести в него около десятка своих людей¹³⁶². В комитет компартии даже вошёл один член Президиума ЦБП¹³⁶³.

Я.Яковлев утверждает также, что уже в это время «молодое казачество, находящееся в городе на военной службе, проявляет большой интерес к революционному движению и находится под исключительно нашим (то есть коммунистов — Ю.Т.) влиянием»¹³⁶⁴. Небольшую часть казаков удалось даже вовлечь в работу большевистской организации. По словам того же автора, «из среды казаков в течение месяца (очевидно, после создания комитета — Ю.Т.) к нам в партию пришло человек до 10»¹³⁶⁵, а Товбич даже входил в состав партийного комитета¹³⁶⁶. Правда, в опубликованном варианте воспоминаний Я.Яковлева Товбич оказывается на службе в 35-м сибирском стрелковом полку¹³⁶⁷.

История неудавшегося октябрьского восстания в Благовещенске представляет собой настоящую головоломку, полностью распутать которую историкам, работавшим над этой проблемой, не удавалось до сих пор. В описании этих событий бывшие подпольщики и бывшие партизаны противоречат друг другу. Участники городской подпольной организации все как один пишут, что партизанские отряды опоздали прибыть к городу в условленный момент восстания и этим сорвали его. Руководители же отрядов 2-го и 4-го районов наоборот утверждают, что специально выделенные передовые группы вовремя подошли к городу, а конница 4-го района даже вошла ночью на его улицы, но никаких признаков восстания в нём не увидели, почему и вынуждены были отойти обратно.

Между тем, объясняется эта загадка достаточно просто. Городские повстанцы и партизаны не могли встретиться друг с другом потому, что последние оказались в Благовещенске на несколько суток позже провала восстания. Этот кажущийся совершенно нелепым вывод вытекает, тем не менее, из всех имеющихся на сегодняшний день подлинных свидетельств данного происшествия.

Согласно протоколам ОВПК, партизанские отряды 2-го и 3-го районов выступили в поход 15 октября с намерением к 20 октября прибыть на подступы к Благовещенску, чтобы в ночь с 20 на 21 октября поддержать восстание в городе. Именно 21 октября к Зейскому перевозу подошёл с этой целью отряд Старика. Именно в ночь с 20 на 21 октября в город вошёл кавалерийский отряд 4-го района, о чём свидетельствует газетное сообщение о разгроме 21 октября этого отряда в с. Ново-Троицком¹³⁶⁸, куда партизаны отступили после безрезультатной ночной прогулки по спящему Благовещенску.

Между тем, все научные труды последнего времени, касающиеся данной проблемы, отмечают, что восстание в городе должно было произойти в ночь с 12 на 13 октября¹³⁶⁹. В этом своём заключении они опираются на вполне официальный источник — выдержку из агентурных сводок белогвардейской разведки, опубликованную в сборнике документов «Октябрь на Амуре». В нём совершенно ясно сказано, что провалившееся восстание в Благовещенске предполагалось в ночь на 13 октября¹³⁷⁰. Таким образом, между неудачным восстанием и подходом к городу партизан имеется временной промежуток длиной ровно в 8 дней. Как же такое вообще могло произойти, и почему об этом никто ничего не говорил до сих пор?

Проанализируем факты. Судя по содержанию протоколов ОВПК, между 9 октября и 6 ноября на его заседаниях, в отличие от предыдущего и последующего периодов, не обсуждалось получение каких-либо сообщений из города. Последнюю информацию из Благовещенска ОВПК получил 9 октября. В ней сообщалось о том, что восстание в городе произойдёт с 9 на 10 октября, то есть в ту же ночь¹³⁷¹. Мало того, что указанные сведения поступили с недопустимым опозданием, они, к тому же, расходятся с действительными на целых 3 дня.

Наиболее вероятным объяснением такого несоответствия можно считать следующее: Отдав 10 октября распоряжение отрядам немедленно двигаться всеми силами к городу¹³⁷², ОВПК сразу же отправил уведомление об этом в ЦОШ, который на этом основании и дал указание низовым организациям начинать задержанное 10 октября восстание в ночь на 13 октября. Учитывая, что передача информации в город через цепочку связников должна была занять не менее суток, она была получена там не ранее 11 октября. Однако до низовых подразделений городской подпольной организации указание о восстании, согласно воспоминаниям С.Н.Куртина, дошло лишь за несколько часов до его начала¹³⁷³, то есть днём 12 октября.

Убедившись, что партизанские отряды не успеют выйти на места указанные им диспозицией к заданному сроку, ОВПК 11 или 12 октября, видимо, известил город о переносе выступления на резервную дату — 20 октября. Однако даже если ЦОШ и успел получить эту информацию, никакой возможности вовремя предупредить об этом боевые группы подпольщиков у него уже не было. После же провала выступления, ЦОШ не сообщил ОВПК об этом вследствие ареста его руководителя Н.Галайкина и наступившего сразу за тем временного паралича всей работы подпольной организации. По той же самой причине оставшиеся на свободе руководители подполья в течение двух или трёх недель не получали никакой информации от партизанского штаба и, поэтому, ничего не знали о подходе партизанских сил к городу в период с 20 по 23 октября.

Как свидетельствует Я.Яковлев, «притихли мы недели на две. Затем с новой силой и энергией взялись за работу»¹³⁷⁴. Новый период существования городской подпольной организации проходил уже под руководством комитета компартии. Очевидно, сыграло свою роль восстановление в ноябре связи с возглавляемым коммунистом С.Шиловым

Областным партизанским штабом, который уже заполучил в свои руки печатный станок и начал широкий выпуск фальшивых колчаковских денег.

«Удалось расшевелить широкие массы. - пишет Я.Яковлев. - С рабочими районами установилась крепкая непосредственная, прямо-таки органическая связь». Вскоре уже на всех самых крупных предприятиях города действовали партийные коммунистические ячейки. В ноябре был создан нелегальный революционный комитет в казачьем полку. В состав ЦОШ вошли три представителя от него. Налаживалась работа среди солдат местного батальона, в конвойной команде, в белой милиции¹³⁷⁵. К концу этого периода как в центральной организации, так и на местах 90 % влияния, по утверждению Я.Яковлева, было уже в руках компартии¹³⁷⁶.

Но появился и пример противоположного рода. Видимо, дала некоторый результат запоздавшая переориентация белогвардейской прессы в декабре 1919 года с информации о положении Колчаковского фронта на описание ужасов большевизма в Советской России. Единственными кто отреагировали на неё стали анархисты, поспешившие выйти из состава ЦОШ, видимо для того, чтобы начать собственную компанию политической пропаганды среди рабочих. Я.Яковлев глухо упоминает о начавшейся борьбе с ними¹³⁷⁷. Максималисты пока не были готовы поверить в перерождение Советской власти. Они, по-видимому, всё ещё пытались вернуться в 1918 год. Отрезвление начнётся для них несколько позже, вскоре после ликвидации Колчаковского режима.

К началу февраля для Белой власти всё было уже кончено. Потеряв опору даже среди собственных казаков, атаман Кузнецов 3 февраля объявил о начале переговоров с земством о передаче последнему политической власти¹³⁷⁸. Одновременно японцы начали переговоры с партизанским командованием о нейтралитете. Таким образом, с 4 февраля в Благовещенске возникла ситуация междувластия, когда старая колчаковская власть уже фактически сдала свои полномочия, а новая земская ещё не успела её полностью принять. У ЦОШ и возглавлявшего его комитета РКП(б) появилась реальная возможность для бескровного захвата власти полностью в свои руки.

Все обстоятельства были в пользу подпольного штаба: Белогвардейцы уже начали свою эвакуацию из Благовещенска в Китай. Японцы 4 февраля уже объявили о своём невмешательстве в дела русских, если не будет пролития крови¹³⁷⁹. Земцы уже договорились с Таёжным исполкомом о своём участии в будущей власти и вряд ли были настроены рисковать этим соглашением вступая в вооружённый конфликт с городским подпольем. На подступах к городу стояли крупные партизанские силы.

Дальнейшие события развивались стремительно. 5 февраля в казачьих конюшнях собрались представители рабочих организаций, ЦОШ и перешедших под его контроль воинских подразделений гарнизона. Ими был избран временный исполком Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов г. Благовещенска. Весь этот день и всю ночь на окраинах формировались и вооружались с захваченных военных складов новые воинские части из рабочих, писалось воззвание к населению о взятии власти, печатался первый номер газеты Амурская правда¹³⁸⁰. Оставалось выполнить самое главное и рискованное дело — бескровно захватить власть.

Утром 6 февраля крохотный вооружённый отряд подпольщиков, во главе с назначенным временным исполкомом начальником милиции и комиссаром охраны города С.Н.Куртиным, предъявив мандат исполкома беспрепятственно занял здание милиции, предлагая всем сотрудникам продолжать исполнение своих обязанностей. Размещавшийся там конный резерв милиции, ошеломлённый и дезориентированный

наглостью большевиков, не оказал никакого сопротивления и тут же пустился в бегство на китайскую сторону Амура. Одновременно, по всему городу развешивались красные флаги и воззвания о переходе власти к Советам.

Вскоре та же кучка красных милиционеров, тем же способом и с тем же успехом заняла Городскую управу и Губернаторский дом. Заседавший в последнем белогвардейский штаб, вместе со своей охраной, сбежал в японские казармы при одном виде вооружённых «красных»¹³⁸¹. Располагавшееся тут же земское правительство пыталось вступить в переговоры с появившимся затем здесь временным исполкомом, но поставленное перед фактом уже состоявшегося захвата власти Советами, согласилось сложить свои полномочия.

После захвата власти в городе, - как утверждал Яницкий - Временный исполком, слившись с Центральным бюро профессиональных союзов и включив в свой состав выпущенных из тюрьмы бывших членов совета, а также железнодорожников, объявил себя Временным Советом рабочих, крестьянских и казачьих депутатов¹³⁸². Тем самым, этот новый орган автоматически противопоставил себя 7-му Таёжному съезду и его исполкому, демонстрируя более представительный состав (на Ромненском съезде не было делегатов от рабочих и казаков) и намекая, таким образом, на своё значительно большее право на власть.

По свидетельству Яницкого, исполком этого съезда начал прямые переговоры с японским командованием¹³⁸³, то есть фактически в обход Таёжного исполкома и штаба партизанской армии. Видимо, воспользовавшись этим обстоятельством японцы попытались вывезти 513 слитков золота (87 пудов¹³⁸⁴), оставшегося от первых Советов, из г. Зеи, получив разрешение на эвакуацию её гарнизона от Временного исполкома. Однако Ф.Кошелев заявил японским парламентам, что подчиняется только Областному партизанскому штабу и золото без его указаний вывезти не позволит. В итоге, после долгих переговоров, золото удалось сохранить¹³⁸⁵.

После переезда Таёжного исполкома в г. Благовещенск встал вопрос о том, кому же всё таки принадлежит большая власть. Как пишет в своих воспоминаниях П.Востриков, «заняв город, мы получили два исполкома: городской и областной. В первое время были некоторые трения, а потом вопрос уладился, так как больше шансов на стороне Областного исполкома»¹³⁸⁶. По-видимому, главным аргументом в итоге стало наличие за спиной последнего армии партизан. Председателем объединённого исполкома стал С.Шилов, а его заместителем Я.Яковлев. Городские большевики на время уступили, отложив окончательное формальное решение вопроса о власти до очередного Областного съезда Советов, который был назначен на 27 марта 1920 года. Фактическая же власть после переворота с самого начала довольно быстро стала сосредотачиваться в руках Обкома РКП(б).

2. Партизанский тыл

Самым надёжным тылом для всех Дальневосточных партизан была безлюдная и труднопроходимая тайга. Именно в ней или в непосредственной близости от неё располагались, как правило, базы и штабы партизан. В тайге, где не было никаких дорог, они всегда могли укрыться от преследования белогвардейских и японских войск. В то же время, именно по её тропинкам и под её прикрытием партизаны имели возможность незаметно и в почти полной безопасности перемещаться на значительные расстояния и внезапно появляться там, где их никто не мог ожидать.

Первое время самостоятельные партизанские отряды базировались в притаёжных новосельческих деревнях и в непосредственной близости от них. Так, например, отряд Патрушева чаще всего находился в д. Маркучи, отряд Старика — в д. Последней, отряд Чёрный ворон — в д. Марьяновке, Архаринский — в д. Грибовке и т.д. С образованием Областного и районных партизанских штабов создаются специальные тыловые службы и подразделения: госпитали, патронные и оружейные мастерские, типографии и т.д. Под давлением карательных экспедиций, посылаемых в партизанские районы, они отходят в тайгу: госпиталь 4-го района — в верховья р. Юхты, его оружейная мастерская — в окрестности деревни Чудиновки, госпиталь 1-го района — за д. Маргаритовку, госпиталь 2-го района (он же областной) — на старый дегтярный заводик за д. Биткуловкой, типография и мастерские Областного штаба — на безлюдную таёжную речку Желовье.

Из-за довольно малых потерь партизан госпитали обычно почти пустовали. Значительный прилив раненых и больных произошёл в 1-м районе только после Гошского боя, когда в госпиталь поступило 35 партизан. К январю 1920 года все они возвратились в отряды или разошлись по своим домам. Критическая ситуация сложилась зимой в Областном госпитале. Туда поступило довольно много партизан 2-го и 1-го районов, раненных и заболевших во время октябрьских рейдов к Благовещенску и в казачие округа, а также после ряда ноябрьских боёв в Томских деревнях и, особенно, в с. Тарбогатай. По утверждению И.Безродных, в лазарете находилось 200 человек¹³⁸⁷.

Госпиталь располагался в летних бараках, совершенно не приспособленных для лечения людей. Не было ни одного врача, санитаров не хватало. Недостаточно хорошо было организовано снабжение продовольствием, медикаментами и перевязочным материалом. Вскоре начался тиф, от которого умерла большая часть медперсонала и больных. Заразились и некоторые посещавшие его члены штаба, в том числе и редактор партизанской газеты Б.Добровенский, умерший 30 января. Спасать положение был направлен в конце декабря начальник санитарной службы 1-го района П.Е.Вшивков, но вскоре заболел и он сам. Только в конце января, после установления контакта с земством, стали прибывать из Благовещенска врачи, начали в достаточном количестве поступать необходимые для лечения средства и продовольствие.

Решение о создании патронной мастерской при Областном партизанском штабе было принято 19 сентября, очевидно, сразу после того, как Коллектив узнал о существовании таковой в 4-м районе от недавно прибывших его представителей К.Бреуса и Красильникова. Не удивительно, что именно Красильникову и было поручено «приготовить чертежи и планы, вызвать своего помощника и войти в соглашение с тов. Мельниковым»¹³⁸⁸. Под помощником, в данном случае, подразумевался, видимо, А.И.Краснянский, создатель оружейной мастерской при штабе В.Патрушева, слесарь-оружейник очень высокого класса. Мельников же должен был обеспечить доставку из Благовещенска нужного числа рабочих со всем необходимым оборудованием.

Неизвестно когда именно начала свою работу Областная патронная мастерская. Однако А.Краснянского в ней не было. Он до конца войны продолжал трудиться в своём 4-м районе. Видимо, в Благовещенске нашлись другие мастера подобного уровня. Между тем, изготовление патронов в полевых условиях было связано с целым рядом трудностей. Первая попытка создать такую мастерскую в сентябре 1919 года в 1-м районе провалилась. По словам члена штаба этого района К.К.Высоцкого «пули баббитовые или свинцовые плавилась в канале ствола и при вылете ... не делали траекторию». Кроме того, взятый в местных охотничьих магазинах порох был разного качества и плохо

подходил для боевых патронов. Изготовив до 100 штук таких патронов, дело прекратили и, по его словам, больше к этому не возвращались¹³⁸⁹.

Более правильным решением было изготовление пуль из смеси свинца и баббита, при строго определённом соотношении между ними. По этому пути, судя по воспоминаниям А.И.Краснянского, пошли в мастерской 4-го района¹³⁹⁰. Ту же методику, видимо, освоили позже и в 1-м районе. Во всяком случае Я.В.Прохоров пишет, что «заведующий мастерской Миланич для отливки пуль применял 70 процентов баббита и 30 процентов олова и свинца»¹³⁹¹. К.К.Высоцкий, правда, всё это отрицает, но в с 5 октября он являлся представителем своего района в ОВПК, и находился во 2-м районе вплоть до переезда областного штаба 8 ноября в 1-й район. За месяц его отсутствия там вполне могла появиться новая мастерская.

В областной же мастерской смешанный с баббитом свинец заливали в «ненормированные оболочки из под пуль», которые доставлялись из Благовещенска¹³⁹². По видимому, делались попытки даже самостоятельно изготавливать в мастерской медные оболочки для пуль, поскольку Благовещенские подпольщики привозили по заказу партизанского штаба, в числе других материалов, не только олово и свинец, но и медь¹³⁹³.

Тем не менее, и такие пули тоже засоряли канал ствола. Однако выход всё же был найден. В обойму поочерёдно вкладывались патроны с самодельными пулями и с пулями никелированными. После этого особых проблем со стрельбой уже не возникало¹³⁹⁴. Только для пулемётов делали исключение. Их обеспечивали исключительно фабричными патронами¹³⁹⁵. Стрелянные гильзы для патронной мастерской собирали обычно с населения и у самих партизан. Капсюли доставляли подпольщики из городов. Помимо набивки патронов, патронные мастерские занимались, по свидетельству И.Безродных, и ремонтом неисправного оружия, а некоторые из них даже изготавливали «нечто похожее на ручные гранаты (бомбы)»¹³⁹⁶.

Организация при ОВПК собственной типографии потребовала значительно большего времени, чем создание патронной мастерской. Первый номер газеты в ней был выпущен только 14 декабря, накануне открытия 7-го съезда трудящихся в с. Ромны. Гораздо раньше удалось издать свою газету штабу 1-го района. По утверждению Я.В.Прохорова, это случилось в конце октября¹³⁹⁷, то есть перед 2-м районным съездом крестьян и партизан в с.Лиманном. Называлась эта газета «Красное знамя», а редактором её был А.И.Сафонов¹³⁹⁸.

Областной Коллектив, после прибытия в 1-й район, забрал типографию в своё распоряжение, однако сразу печатать новую газету не стал, а дождался доставки подпольщиками Благовещенска ещё одного пуда шрифта. Таким образом, причиной почти месячной задержки могло стать количество или качество имевшегося у 1-го района типографского шрифта. Между тем, для издания двух номеров газеты «Красное знамя» его вполне хватило, следовательно, дело может быть только в его качестве.

Учитывая, что 1-я газета ОВПК «Красный клич» была напечатана шрифтом, введённым в обращение Советским правительством в 1918 году, областной штаб не устраивал поначалу именно устаревший тип шрифта, а точнее несколько его букв, которые и были заменены. По утверждению историка Малышева, дополнительный пуд шрифта привёз в тайгу подпольщик М.А.Коншин в октябре 1919 года. Между тем, сам же Малышев говорит, что предыдущая газета «Красное знамя» была напечатана в конце этого месяца¹³⁹⁹. Получается, что она печаталась старым дореволюционным шрифтом в тот момент, когда новый советский уже был в распоряжении партизан.

С точки зрения психологии такая «экономия» выглядит совершенно невозможной для руководителей движения за Советскую власть. Получить же шрифт в день выхода газеты или сразу после него ОВПК не мог по той причине, что с момента неудачи восстания в Благовещенске 13 октября и ареста ряда руководителей подпольной организации города, работа последней замерла, как минимум, на две недели, и связь с ней надолго прервалась. Первое сообщение из города после восстановления там подпольной работы было получено Коллективом только 6 ноября.

Таким образом, получить шрифт в октябре Областной штаб не мог. Настоящее же время его доставки подсказывает сама дата выхода новой газеты — 14 декабря, откуда следует, что шрифт для неё был получен в 1-й половине декабря. Именно в этот период партизанские отряды опять подходили максимально близко к Благовещенску, чем и могли воспользоваться городские подпольщики для передачи шрифта в ОВПК.

Ещё одним ценным приобретением Коллектива в 1-м районе стал созданный А.И.Сафоновым печатный станок по выпуску фальшивых денег колчаковского образца. Напечатанные на нём деньги были фактически неотличимы от настоящих, что давало в руки Областного партизанского штаба практически неограниченные финансовые ресурсы. Даже представитель Колчака в Амурской области И.Д.Прищепенко не располагал такими правами и возможностями. В этом и состоит один из главных секретов стремительного роста в последующий период авторитета и влияния среди населения как самого Областного штаба, так и патронируемого им Благовещенского ЦОШ.

По свидетельству Я.В.Прохорова, этот печатный станок мог выпускать в сутки до 25 тысяч колчаковских денежных знаков достоинством в 25 рублей¹⁴⁰⁰. Он работал на нужды партизан не переставая в течение всех последующих двух с половиной месяцев оставшихся до краха колчаковского режима. И.Безродных утверждал, что денег было выпущено тогда несколько миллионов¹⁴⁰¹. Учитывая, что и на протяжении предыдущих двух месяцев станок тоже не стоял без дела, этого было вполне достаточно, чтобы обрушить экономику даже довольно развитого небольшого государства. Применительно же к Амурской области, давно вступившей в полосу затяжного финансового кризиса, такое огромное вливание ничем не обеспеченных денег окончательно обанкротило правящий режим и привело его к настоящей экономической катастрофе.

Хорошо понимая, что фальшивомонетчество является в глазах основной массы населения недостойным делом и может повредить авторитету Областного штаба и связанных с ним подпольных организаций, о существовании печатного станка знала тогда лишь очень небольшая группа руководителей партизан. Как пишет И.Безродных, «мы решили никому не говорить, что делаем деньги, потому что мы не имели никакого права какую-то бумажку пускать в оборот. Так об этом деле никто и не знал»¹⁴⁰².

3. Проблема численности партизанских отрядов в области

Ответ на данный вопрос не может быть однозначным, так как с течением времени и численный состав каждого партизанского отряда в области и их общее количество постоянно менялись. Исходя из этого неоспоримого факта, численность партизан для каждого определённого периода времени нужно устанавливать отдельно. Начнём с завершающего периода партизанской борьбы в Амурской области, то есть с начала февраля 1920 года.

Количество партизан области к этому времени (в январе) современные историки определяют цифрой 8 тысяч человек, а число отрядов — более 30¹⁴⁰³. Данная точка зрения была введена в научный оборот профессором Н.А.Шиндяловым, который опирался на свидетельство одного из членов таёжного исполкома В.Г.Замяткина¹⁴⁰⁴. До этого господствовала другая версия, оценивавшая численность партизан к началу 1920 года более чем в 10 тысяч человек¹⁴⁰⁵. Г.Куцый в конце 60-х годов писал даже, что общая численность партизанской армии на Амуре к концу 1919 года составляла более 20 тысяч человек¹⁴⁰⁶. Ещё ранее С.С.Кургузовым была выдвинута идея о существовании к концу данного периода 27-тысячной армии амурских партизан¹⁴⁰⁷. Таким образом, прогресс исторической науки в данном вопросе шёл по линии сокращения оценки общей численности партизан.

Однако насколько верна цифра 8 тысяч? Сам В.Г.Замяткин рассчитывал её довольно приблизительно. По его мнению, 1-й район имел тогда до 2000 человек, 2-й — до 3000, 3-й — до 500, а 4-й — до 2500¹⁴⁰⁸. Попробуем уточнить эти цифры. Практически все действовавшие на территории 1-го района партизанские отряды, кроме отряда при штабе Прохорова, В.Замяткин причисляет к силам 2-го района. Точно также он поступает и с силами двух других районов. От 4-го района он отнимает во 2-й район уже не существовавшие в то время отряды Голика, Файнберга, Громова (М.Круглова), а также отряд Иванова, а от 3-го — отряд Воропаева.

Численность отряда Прохоровского штаба определить довольно сложно. Сам Я.В.Прохоров оценивает её в ноябре-феврале цифрой 1965 человек, в том числе 1500 пехоты и 465 кавалерии¹⁴⁰⁹. Однако пехотный полк 1-го района даже в начале декабря насчитывал, по свидетельству его командира В.Задерновского, только 1000 с лишним бойцов. Эту цифру подтверждает и тот факт, что штурмовавшие с Тамбовку 7-8 декабря 1919 года отряды Старика и Иваново-Благовещенский, вместе со всей пехотой 1-го района, в совокупности не превышали своей численностью 1500 человек. Затем небольшую часть полка Задерновского удалось пересадить на коней. К моменту вступления в Свободный и Бочкарёвку пехота 1-го района составляла уже не полк, а только батальон¹⁴¹⁰, что говорит об её значительно меньшей численности по сравнению с декабрём. Таким образом, весь отряд Прохоровского штаба («1-й революционный отряд»¹⁴¹¹) к началу февраля вряд ли превышал 1200 человек.

Если считать состоявшими в 1-м районе также отряды Бородавкина («Пролетарий») и Бабошина («Непобедимый»), то, по данным Н.М.Гранкина, в первом из них было тогда всего 60 бойцов¹⁴¹², а во втором — 701413. Впрочем, первая цифра относится, скорее всего, к ноябрю-началу декабря, когда сам Н.Гранкин ещё имел возможность лично общаться с бойцами этого отряда. Другие источники указывают на цифру 180 человек, однако Н.Гранкин категорически отрицает такую возможность. Тем не менее, оперируя в течение двух месяцев на значительной территории 1-го района, отряд Бородавкина действительно мог увеличить свою численность до такой величины. Других данных по обоим отрядам нет. В итоге, общую численность партизанских сил 1-го района можно определить приблизительно в 1450-1500 человек.

Силы 3-го района подразделялись на 2 части: Архаринский и Буреинский отряды. В первом, по мнению Н.М.Гранкина, было 180 человек, а во втором — 200¹⁴¹⁴. Согласно сентябрьскому докладу делегата 3-го района на заседании ОВПК, численность обоих отрядов составляла тогда 110 человек и могла быть увеличена в случае надобности до 350 бойцов¹⁴¹⁵. В реальности же мобилизационные возможности партизанских деревень этого

района позволяли увеличить данные отряды только до 320 человек. Кстати, именно эту цифру называл Н.М.Гранкин в другой своей работе, оценивая совместную численность Архаринского и Буреинского отрядов (200 + 120)¹⁴¹⁶. К февралю штаб 3-го района установил свой контроль ещё над 4 или 5 селениями, ранее не охваченными партизанскими мобилизациями, близ ст. Архары. Это могло дать прибавку около 100 человек. Приплюсовав к архаринцам и буреинцам Облучинский отряд Большакова в 70 человек¹⁴¹⁷, получим общую численность отрядов 3-го района — до 500 партизан.

Значительно сложнее понять общую численность воссозданной в январе армии 4-го района. С.Кургузов оценивает её в этот период приблизительно в 5000 человек¹⁴¹⁸, однако полностью доверять всем вычислениям этого автора нельзя, поскольку в большинстве случаев они преувеличивают действительные цифры в несколько раз. Январский состав партизанской армии 4-го района по численности вряд ли мог значительно превышать её октябрьский вариант.

С.Кургузов, в своих воспоминаниях 1931 года, определяет октябрьскую численность армии в 1700 человек¹⁴¹⁹. Однако в 20-е годы И.Раков и А.Слесарев исчисляли её на момент Практичанского боя в 1500 человек¹⁴²⁰. Видимо, это и есть максимальная для неё численность, правда, без учёта отряда, приведённого в ноябре Ф.Кошелевым с Верхней Зеи, состав которого он сам оценивал в 240 человек¹⁴²¹. В сумме получается около 1740 человек. Безвозвратные потери (убитыми и тяжело ранеными) в Практичанском бою составили около 100 человек. Примерно вдвое меньше – во всех декабрьских боях и столкновениях.

Таким образом, партизанское командование 4-го района могло рассчитывать к началу февраля примерно на 1600 ранее мобилизованных крестьян и старых партизан-добровольцев. Причём, не менее 400 из них были представителями верхнезейских деревень¹⁴²². Все они в январе-феврале вновь были призваны в отряд Кошелева, что вместе с постоянным отрядом (60 партизан) составит до 500 человек. На армию Патрушева остаётся, таким образом, около 1100 человек. К ним добавилось неопределённое количество новых добровольцев из числа подпольщиков и лиц, ранее уклонявшихся от мобилизации в партизанскую армию (Ф.Кошелев выделил их в отдельный список¹⁴²³), но вряд ли во всём 4-м районе их могло быть более 300. Итого, к середине февраля, в отряде Кошелева могло числиться приблизительно 600 человек, а в армии Патрушева – 1300. Такое распределение в целом соответствует описанному Ф.Кошелевым составу его отряда на момент вступления в г. Зею* – 4 эскадрона, 3 роты и ряд тыловых подразделений¹⁴²⁴.

К силам 4-го района следует прибавить также подконтрольные его штабу отряды Ивана Мадьяра и Мигунова. Отряд Ивана Мадьяра уже к началу лета, по данным А.Гольдфингера, достигал 120 человек. Однако другие источники (газеты и воспоминания Ф.Кошелева) даже к концу июля оценивают этот отряд всего в 32-37 человек. По-видимому, он никогда не имел более 40 бойцов. Отряд Мигунова, по свидетельству Гольдфингера, оперировал к концу 1919 года в районе ст. Талдан. Согласно газетной информации, в нападении на эту станцию 16 сентября участвовало около 20 партизан. Это и есть, видимо, полная численность данного отряда.

* Такое большое количество подразделений было создано с целью ввести в заблуждение японцев относительно истинной численности отряда.

Кроме этого, вне подчинения штабу 4-го района, но в пределах Амурской области существовали тогда отряды Некрасова, Флотского, Тимптон-Владимирский и П.Иванова. Ольдойский же отряд ещё в конце сентября перебрался на территорию Забайкалья. Отряд Некрасова, по данным В.Р.Колпина, был конным и небольшим. Он пришёл с севера и влился в отряд Ф.Кошелева незадолго до вступления последнего в г.Зею. Отряд Флотского, по сведениям того же автора, к этому времени вошёл в состав Тимптон-Владимирского отряда. Численность его достигала тогда около 80 человек¹⁴²⁵. Такой численности этот отряд достиг, видимо, только в первой декаде января, когда, по свидетельству Зейских золотопромышленников, после восстания и ухода колчаковского гарнизона с прииска Владимирский «весь округ остался без охраны, чем воспользовались бродячие шайки красных и в течение 10 дней заняли весь район».

Тимптон-Владимирский повстанческий партизанский отряд, по свидетельству его участников И.Кочерга и С.Поленого, образовался из восставших солдат 7-й роты 35-го сибирского полка, к которым присоединилось много рабочих с Верхне-Зейских приисков. Всего в роте было около 200 человек (по другим данным – 219¹⁴²⁶). Однако к моменту вступления в г. Зею в отряде числилось уже до 500 партизан (Это может быть преувеличением – Ю.Т.). Отряд был разбит на два батальона, несколько рот, хозяйственные и другие тыловые подразделения¹⁴²⁷.

Дату образования отряда этот источник не называет, но она становится ясной из сохранившихся телеграмм местных золотопромышленников в Благовещенск. В одной из них сообщалось, что «первого января 1920 года солдаты русского отряда изменили присяге, перебили офицеров, захватили оружие и ушли в Тимптонский район...»¹⁴²⁸. В данном случае, речь идёт о восстании солдат на Владимировском прииске (в долине реки Гиллюй), где располагались тогда 1-й, 2-й и 4-й взводы 7-й роты 35-го стрелкового полка (3-й взвод восстал на Лебедином прииске ещё в начале декабря).

Численность отряда П.Иванова, который к тому времени фактически уже вышел из подчинения какого-либо партизанского штаба, составляла, по оценкам Н.Гранкина, до 90 человек¹⁴²⁹, а по мнению Ф.Кошелева, около 70¹⁴³⁰. Других отрядов в 4-м районе не было. Таким образом, общая численность партизан 4-го района Амурской области составляла не более 2700 человек.

Подобным же образом подсчитаем и число партизан во 2-м районе. Н.Гранкин определяет численность отряда Старика на момент окончания военных действий в 600 человек, Чёрный ворон — в 500, Иваново-Благовещенский — 270, Красный орёл — в 260, Бондаренко — в 200, Зубарева-Макарова — в 170, Образцовый — в 160, Беспощадный — 100, Неустрашимый — в 90¹⁴³¹. Наиболее точно Н.Гранкин, скорее всего, рассчитал состав своего собственного отряда (Иваново-Благовещенского), январскую численность которого в другом своём воспоминании он определяет в 274 бойца¹⁴³².

Достойна доверия, по-видимому, и его приблизительная оценка численности отряда «Беспощадный». Наступление отряда Гранкина на Гильчин производилось из с. Жариково, где именно в это время и формировался отряд Беспощадный. Ту же оценку его численности давал и С.Кургузов в 1931 году. Отряд Образцовый последний оценивал в 150 человек, а Красный орёл — в 300¹⁴³³. Более предпочтительной, всё же, в отношении этих двух отрядов выглядит точка зрения Н.Гранкина, поскольку С.Кургузов был членом штаба 4-го района, и во 2-м оказался только в самом конце января — начале февраля, когда его на Граматухинском съезде выдвинули в состав Таёжного исполкома. Что же

касается «Чёрного ворона», то его командир Востриков определял максимальную численность своего отряда в 400 человек¹⁴³⁴.

Менее очевидна здесь численность отряда Старика (А.Бутрина). Согласно удостоверению, выданному С.Шиловым обществу с. Харьковка в конце декабря, в этом селе размещалось тогда 130 партизан отряда Старика¹⁴³⁵. В г.Благовещенск первым вошёл отряд Старика в 140 человек¹⁴³⁶. Вероятно, это и есть настоящая численность кавалерии этого отряда. Пехоту же его составляла, по-видимому, китайская сотня, состав которой В.Г.Замяткин определяет в 200 человек¹⁴³⁷, С.Кургузов — в более 200¹⁴³⁸, а Г.С.Куцкий пишет, что в отряде Бутрина «сражалось до 250 иностранных рабочих»¹⁴³⁹. О других подразделениях этого отряда ничего не известно. Таким образом, в сумме отряд насчитывал около 400 человек. Правда Я.И.Яковлев утверждал, что в Благовещенске отряд Старика, при его разоружении за неподчинение командованию, составлял уже около 500 человек¹⁴⁴⁰. Видимо, к тому времени пехота отряда увеличилась ещё на сотню бойцов.

Численность отряда «Неустршимый» Н.М.Гранкиным явно занижена. Возможно, он определил её в момент создания этого отряда. К февралю же 1920 года последний насчитывал, по свидетельству Н.Е.Шолохова, 230 человек¹⁴⁴¹. Итого, во всех боевых отрядах было около 2300 человек. 70 человек насчитывал штаб с обслуживающим персоналом. Кроме того В.Г.Замяткин упоминает в составе района батарею, команду связи, подрывную команду и охрану лазарета¹⁴⁴². Численный состав их не известен, но вряд ли каждое из этих подразделений имело более 30 человек. Артиллерийская батарея располагала всего двумя траншейными орудиями, подрывные команды имелись также и в ряде отрядов (Чёрный ворон, Неустршимый и др.), а внешнюю охрану лазарета и всей партизанской базы на р. Жилowie нёс отряд Красный орёл.

Таким образом, общая численность партизан во 2-м районе не могла превышать 2500 человек. В целом же по Амурской области их было в феврале 1920 года не более 7200 человек, а число отдельных отрядов – 23 (не считая подчинённых районным штабам служб и команд). Это был пик партизанского движения. Для более ранних периодов цифры были значительно меньше.

Например, к моменту окончания Ромненского съезда численность партизан в области более чем в полтора раза уступала февральской. Этому были свои причины:

Армия 4-го района в середине декабря была распущена. От неё остались только отряд Ф.Кошелева, численность которого С.Кургузов определяет в 40 человек¹⁴⁴³, а сам Ф.Кошелев — в 60¹⁴⁴⁴, отряды Мордвинова (25 человек), Недорезова (35), П.Иванова (90), а также Круглова (70) и самого Кургузова (40¹⁴⁴⁵). В последнем случае Ф.Кошелев, видимо, имел в виду штаб 4-го района. К ним следует прибавить небольшой отряд А.Слесарева, ещё 9 декабря отправленный в своё отделение района для производства выборов на 7-й съезд трудящихся, и отряд, сопровождавший В.Патрушева и И.Ракова на этот же съезд. Итого — несколько более 400 человек, то есть почти вся конница армии 4-го района.

Кроме того, в районе находились отряды Ивана Мадьяра и Мигунова, общей численностью не более 70 человек, а также отряды Флотского и, по-видимому, Некрасова, зимовавшие на Верхнезейских приисках. Ф.Кошелев ни того, ни другого не упоминает, зато сообщает о том, что именно в это время отправил на север группу своих партизан под командованием Зыкова для установления связи с Тимптонским партизанским отрядом на Алдане. Однако Зыков дошёл только до прииска «Золотая гора» и остался там, образовав

собственный партизанский отряд. Именно его отряд занял в феврале посёлки Дамбуки и Бомнак, ограбив там местных купцов (китайцев). После вступления партизан в г. Зею Ф.Кошелев упоминает Флотского, как близкого товарища Зыкова¹⁴⁴⁶. В.Р.Колпин, правда, считает, что п. Бомнак был занят отрядом А.Флотского, а Зыкова он называет его комиссаром¹⁴⁴⁷.

Таким образом, упоминаемый В.Р.Колпиным отряд А.Флотского – это и есть отряд Зыкова. Численность отряда Зыкова в момент ухода Ф.Кошелев определяет всего в 10 человек¹⁴⁴⁸, а В.Р.Колпин оценивает отряд Флотского, в момент его создания, в 50 человек¹⁴⁴⁹. Если отряд Некрасова к тому времени существовал, вряд ли он был больше отряда Флотского (Зыкова). Максимальную совокупную численность этих двух отрядов можно определить примерно в 100 человек. Восстание колчаковских солдат на Владимировском прииске ещё не произошло, а на Тимптоне (Лебединый) находилось лишь около 50 восставших солдат 3-го взвода, к которым присоединилась часть местных приисковых рабочих. Последних зимой не могло быть здесь больше нескольких десятков человек (из-за трудности снабжения). Таким образом, всего в 4-м районе, с учётом никому не подконтрольного отряда в районе ст. Тыгда (15-20 человек), имелось тогда не более 700 партизан.

1-й и 2-й районы тоже располагали тогда значительно меньшими силами, чем в феврале. Отрядов «Непобедимый», «Беспощадный» и «Образцовый» ещё не было создано. Отряд Иваново-Благовещенский в момент его создания (то есть в конце ноября или в начале декабря — Ю.Т.) насчитывал 193 человека¹⁴⁵⁰. К 20 декабря его численность вряд ли существенно превышала 200 человек. Отряд «Неустршимый» насчитывал тогда, по свидетельству Н.М.Гранкина, 90 человек. Штаб охранял эскадрон Юшкевича, численность которого составляла, видимо, около 100 бойцов. Даже если состав отрядов Старика, Чёрный ворон, Красный орёл, Бондаренко и Макарова-Зубарева, вспомогательных и тыловых подразделений представить неизменным, общая численность партизан 2-го района составит чуть более 2000 человек.

Отряд Бородавкина насчитывал тогда около 60 бойцов. Таким образом, в 1-м районе было не более 1300 партизан. Численность партизан 3-го района не могла составлять тогда более 400 бойцов. Таким образом, все партизанские силы Амурской области к 20 декабря 1919 года насчитывали в лучшем случае около 4400 человек.

В то же время, к началу декабря 1919 года, после всех сентябрьско-ноябрьских партизанских мобилизаций, они были несколько более внушительными. Хотя, по словам Ф.Кошелева армия 4-го района составляла тогда около 1500 человек¹⁴⁵¹, настоящая её численность вполне официально была озвучена в середине ноября 1919 года самим председателем штаба 4-го района В.Патрушевым на заседании ОВПК. Он оценивал её тогда в 1200 человек¹⁴⁵².

Пехота 1-го района насчитывала чуть более 1000 человек, а численность его конницы вряд ли увеличилась со времён Гошского боя (до 400 человек). Скорее, наоборот сократилась из-за гибели лошадей в боях и от естественных причин. Восполнить же потери конского состава в 1-м районе было довольно затруднительно. Следовательно, вся армия этого района имела около 1400 бойцов. Менее 1900 человек составляли силы 2-го района. С учётом отрядов Ивана Мадьяра, Мигунова, Флотского и Некрасова, а также сил 3-го района, вся Амурская область имела тогда до 5000 партизан.

К началу октября 1919 года партизан в области было в два раза меньше. В 3-м и 4-м районах мобилизация на основании приказа ОВПК от 21 сентября ещё не была

произведена. В 3-м районе, согласно докладу начальника его штаба М.Новикова, числилось 110 партизан. В 1-м районе перед Гошским боем имелось в наличии около 1100 вооружённых бойцов. Общую численность партизан 2-го района на тот момент рассчитать можно только приблизительно. В нём имелись тогда лишь три настоящих партизанских отряда: Старика, Юшкевича и «Чёрный ворон».

По данным В.Замяткина, на ст. Никольскую 18 октября наступали отряды Юшкевича, Бондаренко и «Чёрный ворон», всего около 600 партизан. Отряд Бондаренко, по свидетельству того же В.Замяткина, насчитывал в то время до 150 человек. Таким образом, на остальные два приходится 450 бойцов. К тому времени во 2-м районе уже была проведена мобилизация крестьян в партизанскую армию. Следовательно, численность отрядов должна была, в результате её, значительно возрасти. Даже если пополнение составило около трети общего числа партизан, к началу октября их было в обоих отрядах не более 300 человек. Отряд Старика к тому времени, вместе с китайцами, составлял около 200 человек. С учётом членов ОВПК, санитарной службы и 30 - 40 связистов, общая численность партизан района составит не более 600 человек.

Таким же образом можно рассчитать и количество партизан в 4-м районе. Согласно воспоминаниям А.Слесарева, в августе под управлением штабов Патрушева и Круглова числилось тогда более 500 партизан¹⁴⁵³. К началу сентября (Новоямпольский бой) прибавилось ещё около 150 человек. Таким образом, с учётом потерь в боях, к началу мобилизации в 4-м районе могло находиться около 600 партизан. Отряды И.Мадьяра, Мигунова, Флотского, Некрасова и Тыгдинский вместе — около 150. Итого в 4-м районе — менее 750 человек. Всего же в Амурской области — чуть более 2500 партизан.

4. Антипартизанское движение в Амурской области

До сих пор в отечественной историографии принято было считать, что партизанское движение в Амурской области изначально поддерживалось абсолютным большинством её сельского населения. Однако целый ряд фактов говорит о том, что с самых первых своих шагов оно встретилось здесь с враждебной оппозицией, а порой даже и с вооружённым сопротивлением довольно значительной части деревни. Если первую партизанам удалось со временем почти полностью подавить с помощью жестокого террора и репрессий против наиболее заметных её представителей, то со вторым им так и не удалось справиться до самого конца существования в области белой власти.

Колчаковское правительство в Амурской области решилось по настоящему активно использовать этот свой резерв только осенью 1919 года. До этого ставка в борьбе с партизанами делалась почти исключительно на белую милицию. Однако сил её было явно недостаточно, чтобы справиться с быстро растущими в области партизанским движением. Численность всей уездной милиции к концу августа местная пресса оценивала всего в три с лишним сотни человек¹⁴⁵⁴. Согласно агентурным сведениям краевой милиции, в Амурской области милиция к первой декаде июля «не имела в достаточном количестве ни патронов, ни снабжения пулемётами, частью вооружена берданками».

Созданный в марте в помощь ей «Отряд особого назначения», насчитывавший, по утверждению И.Безродных, от 780 до 1000 человек¹⁴⁵⁵, на самом деле к июлю имел большой некомплект в людях¹⁴⁵⁶. «Амурский отряд» летом, согласно информации

белогвардейской разведки, «закончив свою зимнюю работу ... был переформирован в стрелковый полк, комплектуемый молодыми солдатами, только что начавшими обучение»¹⁴⁵⁷. Первое время не могло быть даже речи об использовании последних против партизан. Лишь с конца июля колчаковские стрелковые части и подразделения начали эпизодически отправлять в экспедиции по партизанским районам, а также ставить гарнизонами в некоторых сельских населённых пунктах.

Ещё одной силой, задействованной в борьбе с «большевиками» на территории Амурской области было казачество. Весной оно довольно деятельно участвовало в вылавливании бывших участников Мухинского восстания по крестьянским сёлам и деревням, однако к лету и его активность существенно снизилась. Мобилизованные отряды льготных казаков были опять распущены по домам, а малочисленные строевые казачьи части, как правило, стояли гарнизоном в г. Благовещенск. Разбросанные же по некоторым сёлам и станциям железной дороги японские гарнизоны не могли гоняться за партизанами из-за отсутствия у большинства из них кавалерии. К тому же, до конца июля японские отряды использовались в борьбе с партизанами лишь в исключительных случаях¹⁴⁵⁸. Видимо командование 14-й японской дивизии, сменившей здесь в начале лета прежнее 12-ю, не сразу смогло разобраться в сложившейся ситуации.

Привлечение некоторых представителей местного населения к преследованию «красных» и наведению «порядка» производилось сначала почти исключительно традиционным способом — обещанием награды за выдачу большевиков. Таким образом в Зейском районе, по свидетельству Ф.Кошелева, часто использовали зимой 1918-1919 годов кочевых охотников и скотоводов манегров для розыска скрывающихся в тайге советских работников и красногвардейцев¹⁴⁵⁹. Весной планка была опущена ещё ниже — большие деньги обещали даже за головы и другие части тела убитых руководителей повстанческих и партизанских отрядов. Однако к существенным результатам и это не привело¹⁴⁶⁰.

Сразу после поражения Мухинского восстания два ближайших к Благовещенску самых богатых селения Амурской области (Гильчин и Тамбовка) изъявили желание вооружиться для защиты от «большевиков». Власти пошли им навстречу и уже в апреле в этих сёлах были созданы отряды «добровольной милиции» из местных крестьян¹⁴⁶¹. В начале июня колчаковские власти выявляют намерение распространить этот опыт для борьбы с мелкими группами партизан и на другие деревни, одновременно угрожая репрессиями тем сельским обществам, которые не оказывают никакого сопротивления набегам «красных»¹⁴⁶².

В результате в ряде старожильческих селений области летом действительно удалось создать добровольческие дружины самообороны, однако далеко не все из них оправдали надежды белогвардейского правительства. Во многих случаях выданное им оружие вскоре без какого-либо серьёзного сопротивления изымалось отрядами партизан. Большинство же сельских обществ такие отряды создавать вообще отказались. И этому были вполне объективные причины. На территории Амурской области можно было найти тогда очень немного сёл и деревень, значительную часть населения которых составляли бы воинствующие противники большевизма.

Только в горных округах, в основном в г. Зея, имелось довольно много людей по настоящему ненавидевших Советскую власть. Это была местная буржуазия, тесно связанная с золотопромышленностью. Именно её представители осенью и зимой 1918-1919 годов, по свидетельству Ф.Кошелева, «организовали из своей молодёжи конные

карательные отряды по вылавливанию советских работников и красногвардейцев»¹⁴⁶³. Весной и летом 1919 года они часто действовали против партизан совместно с милицией и отрядами интервентов¹⁴⁶⁴.

Более серьёзной социальной базой белого режима могли стать старожильческие селения, но нежелание колчаковского правительства пойти навстречу политическим требованиям среднего крестьянства (перевыборы местного самоуправления и созыв областного учредительного собрания), а также провал его финансово-экономической политики склоняли старожилов к нейтралитету в происходящей в области вооружённой борьбе. Фактически участие в этой борьбе приняли только некоторые из тех сёл, где преобладало молоканское или старообрядческое население. При этом молоканские селения (Гильчин и Тамбовка) ограничились только самообороной, а дружины ряда старообрядческих сёл (в основном старожильческих – Ю.Т.) принимали участие даже в боевых действиях и карательных экспедициях на территории соседних волостей.

Участие молокан в антипартизанской борьбе можно объяснить капиталистическим характером значительной части их хозяйств, для которых несло реальную угрозу восстановление власти большевиков. Причины же вступления в противостояние с партизанами некоторых старообрядческих общин более сложны. Одной из таких причин стали религиозные представления самих староверов. По утверждению К.Куш, непосредственного участника этого противостояния, жертвой которого стал его отец и, частично, он сам, старообрядцы села Тарбогатай видели в лице партизан «антихриста, каковой якобы по их старообрядческому писанию и появился в точности в XX веке. Дабы искоренить антихриста появление они взялись за искоренение партизанского движения»¹⁴⁶⁵.

Подобное же объяснение дал движению тарбогатайцев и П.Е.Вшивков. По его словам тарбогатайцы «почти поголовно добровольцами выступили «в помощь Иисусу войску, для борьбы с антихристом», и организовали особый отряд»¹⁴⁶⁶. Однако, эта причина всё же не могла быть главной, поскольку не даёт ответа на вопрос: почему большинство других старообрядческих общин того же толка (семейские) в Амурской области не приняли участия в вооружённой борьбе с «антихристом» в образе партизан? Более точно первопричину конфликта между тарбогатайцами и партизанами разъясняет в своих воспоминаниях один из его виновников А.Обиденко.

По его утверждению, в Мухинском восстании Тарбогатайские крестьяне ... соблюдали «нейтралитет». Затем, в апреле 1919 года, на село налетел «неизвестный партизанский отряд и потревожил кулаков». А.Обиденко считает, что это был отряд П.Иванова¹⁴⁶⁷, однако П.Иванов в это время лечил раненную руку в одной из таёжных деревень и ни в каких налётах не участвовал. По данному району курсировали тогда небольшие конные отряды Богданова, Г.Дрогошевского и самого А.Обиденко.

Причину набега партизан объяснил один из первых местных исследователей этого вопроса М.Е.Рукосуев. Согласно его сведениям, несколько промышлявших в тайге тарбогатайцев в апреле убили из-за полбутылки золота двух «товарищей», скрывавшихся у них в бараче после падения первых Советов. Третьему же удалось убежать и сообщить об этом происшествии партизанам. Некоторое время спустя «отряд Иванова» «потребовал от тарбогатайцев выдачи указанных граждан», но те, не зная в чём дело, отказали. Тогда и был произведён налёт партизан, отбитый совместными усилиями милиции и вооружённых жителей села¹⁴⁶⁸.

Далее, как пишет А.Обиденко, тарбогатайцы обратились за помощью к японскому командованию, которое поставило в этом селе свой гарнизон, а тарбогатайцев вооружило и обязало вылавливать в ближайших деревнях бывших повстанцев и большевиков¹⁴⁶⁹. По сообщениям амурской прессы, гарнизон в Тарбогатае и ряде других сёл был поставлен японцами после их экспедиции в данный район в конце первой недели мая¹⁴⁷⁰. Таким образом, нападение партизан на Тарбогатай произошло, видимо, в самом начале этого месяца.

После первых же карательных акций староверов (массовые порки, расстрелы, грабёжи и сожжение домов «большевиков») в деревнях Талый Ключ (Соколовка) и Широкий лог, на другом берегу р. Томи, скрывавшаяся выше по течению этой реки группа партизан, во главе с М.Ф.Анищук и А.С.Обиденко, разогнала в тайге тарбогатайских лесорубов, чем сорвала их сезонный сплав леса. Тогда, пишет А.Обиденко, тарбогатайцы переключились на поимку «красной банды Молоканчика», имея в виду самого А.Обиденко, хотя, по его уверению, никакого отношения к молоканской секте ни он, ни другие партизаны этой группы не имели. В результате группа была вынуждена на время прекратить свою партизанскую деятельность и, оставив лошадей у надёжных крестьян, укрыться на островах реки Томи¹⁴⁷¹.

Именно в этот период, видимо, и была подведена лидерами Тарбогатайских староверов религиозная база под преследование ими большевиков (этому способствовали и соответствующие материалы, опубликованные осенью в краевой прессе¹⁴⁷²). Вскоре к ним присоединилось ещё целый ряд старообрядческих селений (Ново-Листвянка, Заливка, Павловка), а также старообрядческая часть населения остальных деревень (Новое, Круглое, Васильевка, Высокое), составлявших компактную полосу вдоль южного берега реки Томи от ст. Бочкарёво почти до самой тайги. Этот клин естественным образом разделил формирующееся между Зеей и Буреей партизанское движение на два района, сообщение между которыми стало возможно только обходным путём, по почти безлюдной тайге.

К юго-западу от «Томского клина» тогда же образовался ещё один антипартизанский союз старообрядческих общин во главе с с. Николаевкой, на р. Белой. Эти два блока оставались самыми надёжными опорами белого правительства на сельской территории области в течение всего периода партизанского движения. Несмотря на все старания, партизанским отрядам так и не удалось разгромить их. Они вынуждены были капитулировать и сдать партизанам своё оружие только после объявления нейтралитета японцами и прекращения существования самой белой власти в начале февраля 1920 года¹⁴⁷³.

Остальные селения старообрядцев-старожилов, как правило, старались воздерживаться от прямых столкновений с партизанами. Некоторые ближайшие к партизанским базам, а потому и наиболее потенциально опасные для них сёла (с. Москвитино в 4-м районе и с. Бирма в 1-м) партизанам удалось вовремя разоружить летом 1919 года. Ещё в апреле такую же операцию в старообрядческом селении Куликовка на реке Бурее провёл только что образованный партизанский отряд Воропаева, предотвратив намечавшееся там создание антипартизанской организации и расстреляв её инициатора¹⁴⁷⁴.

Нейтралитет старообрядцев, живших в среднем течении р. Зеи, едва не был разрушен в октябре, когда в 4-м районе началась мобилизация в партизанскую армию для похода на Благовещенск. Старообрядцы-старожилы сёл Желтоярово, Практичи и Заган

наотрез отказывались воевать за Советы. По свидетельству И.Безродных, мобилизацию здесь приходилось проводить под дулами пулемётов¹⁴⁷⁵. С большим трудом мобилизованная в этих сёлах часть молодёжи сбежала из армии под с. Ново-Троицким и вернулась домой.

Когда же в конце октября штабом Патрушева был выслан отряд для возвращения дезертиров, эти сёла вступили в переговоры с ближайшими старожильческими селениями для образования фронта против партизан. Лишь явное на тот момент численное превосходство последних заставило старообрядцев отдать своих сыновей в партизанскую армию, при условии, что они сохранят за собой собственное вооружение¹⁴⁷⁶. Однако воспользовавшись первой же неудачей партизан под д. Практичи староверы опять разошлись по своим домам¹⁴⁷⁷.

Впрочем, почти столь же неохотно в партизанскую армию 4-го района шла тогда по мобилизации и молодёжь большинства остальных, даже новосельческих, сёл.

5. Вопрос политической направленности партизанского движения

Партизанское движение в Амурской области с самого начала (с весны 1919 года) развивалось под лозунгом восстановления Советской власти. Этот факт подчёркивают все без исключения авторы партизанских воспоминаний. Подтверждают его и другие источники. Вопросом является лишь то, что именно подразумевали участники партизанского движения под термином «Советская власть».

Та Советская власть, которая сформировалась к весне 1919 года в центральных районах России, населению Дальнего Востока была совсем не знакома. Оно не связывало это понятие ни с продотрядами, ни с комбедами, ни с налогами, ни с продразвёрсткой, ни с принудительной мобилизацией в армию, ни с уже начавшимся наступлением государства на единоличные крестьянские хозяйства («Закон о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому землепользованию» от 13 февраля 1919 года). Все эти мероприятия Советской власти были амурскому крестьянину совершенно неизвестны.

В памяти же населения амурской деревни осталось подчёркнутое уважение здешних Советских органов власти к трудящемуся крестьянину, к его жизни, личному достоинству и политическим правам. Запомнились меры, принимаемые к обеспечению наиболее бедной части деревни семенами и сельскохозяйственным инвентарём, государственное финансирование сельских органов власти, школ, землеустройства. Главное же, о чём с ностальгией вспоминали все крестьяне, была фактическая автономия сельских общин и реальная возможность не платить никаких сборов, податей и налогов в чью-либо казну.

Эти свои призрачные привилегии и действительные, завоёванные ещё февральской революцией права (на жизнь, свободу, неприкосновенность имущества и уважение к своей личности), грубо растоптанные кровавой колчаковской диктатурой, и стремились вернуть крестьяне, причём не только новосельческая беднота, но и большинство старожилов.

Впрочем, основную массу амурских крестьян вполне устраивало и возвращение досоветских демократических властей, в период правления которых они получили большую часть своих прав. С такими настроениями партизанское командование постоянно боролось как с помощью политической пропаганды, так и путём физического

уничтожения антисоветских идеологов в крестьянской среде, как правило, под предлогом обвинения их в шпионаже и предательстве своих односельчан.

Свои собственные представления о Советской власти имели также представители всех борющихся за её восстановление партий и политических групп. Для анархистов-коммунистов она была необходимым промежуточным этапом построения безгосударственного общества коммунистического типа. Левые эсеры и максималисты видели в ней органы диктатуры трудового народа, создающего наиболее справедливый общественный строй — социализм. При этом сами Советы мыслились и теми, и другими, и третьими как внепартийные органы, объединяющие рабочие и крестьянские массы, отражающие их чаяния и воплощающие их собственное революционное творчество.

Длительная оторванность от Советской России оставила анархистов-коммунистов, левых эсеров и максималистов Дальнего Востока в неведении о фактически установившейся там однопартийной диктатуре большевиков, партия которых к тому времени уже осуществляла полный контроль над всеми Советами сверху донизу и навязывала народу свои собственные представления о социализме и путях его построения. Незнание представителями этих партий подлинной ситуации в РСФСР и обеспечивало возможность их совместной с коммунистами борьбы против колчаковского режима на территории Дальневосточного края.

Да и сами амурские большевики по тем же причинам, в большинстве своём, весьма слабо разбирались в подлинной политике своего ЦК. Абсолютное их большинство знали содержание этой политики лишь в форме первых Декретов Советской власти, а с идеологией большевизма были знакомы в лучшем случае только по Манифесту коммунистической партии и Апрельским тезисам Ленина. Многие из них, поэтому, мало отличались своими политическими взглядами от анархистов и максималистов, с которыми им довольно легко было найти точки соприкосновения для борьбы против общего врага.

Так, например, считавший себя большевиком В.Г.Замяткин добивался на июльском окружном съезде горнорабочих в 1918 году национализации горной промышленности с тем условием, что действительными хозяевами её должны стать сами горнотрующиеся через свои коллективы на местах. То есть фактически он выступал за передачу управления горной промышленностью соответствующим отраслевым профсоюзам, что делало его прямым союзником анархо-синдикалистов. В итоге был создан Окружной Верхне-Амурский горный коллектив с резиденцией в г. Благовещенске, который и вступил в управление всей золотопромышленностью округа¹⁴⁷⁸.

Подобные съезды с такими же результатами прошли тогда и в других горных округах края. В результате, даже краевым комиссаром по горному делу был избран анархист-коммунист М.Ф.Новиков. Наличие в Союзе горнорабочих сильного анархо-синдикалистского уклона отмечалось даже в июне 1920 года на краевой конференции коммунистов, где было принято решение открыть с ним решительную борьбу¹⁴⁷⁹.

В партизанских отрядах различия между представителями разных советских партий были мало заметны. Политических споров между ними в этот период, по-видимому, не было. Во всяком случае, о них ничего не говорится в партизанских воспоминаниях. Все усилия этих партий были направлены исключительно на свержение колчаковского режима и восстановление в области Советской власти, причём именно в той её форме, какая существовала здесь в 1918 году. Это политическое единство получило своё выражение, в частности, в удивительном смешении лексики разных партий и политических групп иногда в одних и тех же документах партизанских штабов.

Например, часто используемый в них термин «узурпатор», по отношению к адмиралу Колчаку¹⁴⁸⁰, носит явно эсеровский оттенок. Советские средства пропаганды в большевистской России никогда не использовали его по очень простой причине - Колчак не захватывал власть у большевиков. Он совершил свой государственный переворот в Сибири, когда там уже находилось у власти правительство эсеров, кадетов и меньшевиков. Именно эсеры и меньшевики считали его узурпатором власти, поскольку в свергнутое им правительство входили члены Учредительного собрания России от этих партий, которые, следовательно, являлись на тот момент законно избранными представителями страны и её народа.

Последний факт частично признавали на Дальнем Востоке также и левые эсеры, что и обусловило, видимо, использование данного термина в политических воззваниях ОВПК. К тому же, председатель Областного коллектива, а по совместительству - автор или редактор подавляющего большинства воззваний, обращений и приказов ОВПК, большевик С.Шилов и сам, в недавнем прошлом, был левым эсером.

Попавший в Коллектив почти одновременно с С.Шиловым анархист-коммунист МФ.Новиков тоже приложил руку к составлению некоторых документов штаба. 13 сентября ОВПК была принята разработанная им инструкция «об организации временной власти среди крестьян и рабочих во всех трудовых населённых местах Амурской области»¹⁴⁸¹. Таким образом, можно считать, что по крайней мере до Ромненского съезда гражданская власть в контролируемых партизанами районах строилась в соответствии с принципами анархизма.

Даже само название Областного партизанского штаба — Коллектив — не использовалось в тот период в терминологии большевиков Советской России для обозначения каких-либо созданных ими органов управления. Это явная уступка анархистам, отрицавшим все традиционные формы власти (иногда даже и их названия). В структуре же этого органа заметно влияние также эсеров-максималистов, всегда отстаивавших строгое соблюдение принципа коллегиального правления на всех уровнях власти при постоянном контроле со стороны народных низов над своими представителями в нём. Тот же принцип, в сочетании с анархистским принципом передачи власти непосредственно коллективам трудящихся, прослеживается и в организации партизанских отрядов, где все текущие дела вёл выборный комитет или совет отряда, а наиболее важные вопросы решались общим собранием партизан. На долю же командира отряда фактически оставалось только командование им в бою.

Участие эсеров заметно также в немногих сохранившихся документах, касающихся работы крестьянско-партизанских съездов. Так, в резолюции 2-го Лиманновского съезда 1-го района используется термин «хлеборобы», часто встречающийся в публикациях эсеров и, в том числе, максималистов, но совершенно не характерный для политической лексики большевиков. Там же был применён фразеологический оборот «за землю и волю», являющийся давним лозунгом народовольцев и их прямых наследников - эсеров, но никогда не используемый коммунистами.

Явно не большевистского происхождения и наименование областного съезда который указанная резолюция предписывала созвать в самое ближайшее время. Она называет его съездом крестьян и рабочих, то есть в полном соответствии с той ролью этих групп населения в революции, которая декларировалась в программах эсеровских партий. То же касается и наименования партизанской армии во всех подлинных документах ОВПК и в резолюции 7-го Областного съезда трудящихся¹⁴⁸². Чисто эсеровским по

существо можно считать и требование резолюции 7-го Ромненского съезда «удаления от власти самозванца Колчака, как захватчика власти и ... (изменника заветам революции)*»¹⁴⁸³.

Столь же не характерно для Советской России в 1919 году и содержащиеся в резолюциях съезда и многих воззваниях Областного партизанского штаба, требование так называемых буржуазных свобод: свободы слова, печати, собраний, союзов, стачек, митингов «и вообще политических свобод». В большевистской России все они были уже фактически уничтожены. В то же время, несомненно под влиянием коммунистов, в резолюцию 7-го съезда было включено требование «воссоединения с Советской Россией, законам коей всецело, беспрекословно и безоговорочно подчиниться»¹⁴⁸⁴.

Имеются и косвенные свидетельства участия на некоторых крестьянских съездах сторонников правых эсеров. Так, согласно докладу представителя 1-го района Областному коллективу, на 1-м Лиманновском съезде 10 сентября в числе прочих «обсуждался вопрос о контакте работ с земством». Районный штаб, поэтому, сообщал ОВПК, что «первому району необходимо знать отношение Областного Коллектива к земству и вообще о возможности каких бы то ни было переговоров с ним»¹⁴⁸⁵.

Вплоть до осени 1919 года документальные источники ничего не говорят о руководящей роли коммунистов в партизанском движении области. Наоборот, они свидетельствуют о более заметном влиянии на него анархистов и максималистов. Из протоколов ОВПК, например, следует, что первым главнокомандующим партизанской армией области был избран П.Иванов, являвшийся по утверждению многих бывших партизан, анархистом. Первый командующий войсками 1-го района Михненко — то же. Остальные ключевые посты в Областном штабе занимали первоначально лица, в партии большевиков не состоявшие и партийность которых не известна. По-видимому, большинство из них были беспартийными. Единственный поначалу в штабе коммунист И.Безродных получил относительно рядовую должность члена ОВПК¹⁴⁸⁶.

В 3-м районе первым начальником штаба являлся анархист-коммунист М.Ф.Новиков. Остальные руководители партизанского движения в этом районе были тогда либо беспартийными либо их партийная принадлежность осталась неизвестной. В штабе 1-го района летом тоже не числилось ни одного коммуниста, также как и представителей других советских партий. С лёгкой руки Малышева, правда, принято считать коммунистом Герку Рулёва, однако действительных доказательств этого у историков нет. Председателем штаба 4-го района был избран максималист В.Патрушев, а его товарищем — соратник по партии Красильников. Председателем крестьянско-партизанского съезда, на котором был утверждён этот штаб, выбрали анархиста Ф.Кошкина. Он же затем вошёл в состав штаба. Чуть позже в него попал и единственный коммунист — В.К.Аксёнов.

В первой декаде сентября в ОВПК появились ещё два представителя компартии В.А.Бородавкин и С.С.Шилов, анархист М.Ф.Новиков и левый эсер Б.В.Добровенский. С этого времени начинается постепенное утверждение коммунистического лидерства в совместной работе представителей разных советских партий в Областном Коллективе. Сначала коммунисты получили большинство в оперативном отделе штаба: в него вошли И.Г.Безродных и В.А.Бородавкин, а в конце сентября — С.Шилов и М.И.Власюк

* Текст, отмеченный мною скобками, бдительный редактор зачеркнул в документе карандашом (Ю.Т.).

(Лесной)¹⁴⁸⁷. Уже в середине сентября должность председателя Коллектива переходит к коммунисту В.Бородавкину, а к началу октября его занимает С.Шилов.

К началу первого наступления партизан на г. Благовещенск складывается своеобразный межпартийный триумvirат в руководстве ОВПК под главенством С.Шилова: М.Новиков является его казначеем, а Б.Добровенский — секретарём. Анархист П.Иванов к тому времени уже заменён беспартийным и политически малограмотным В.Юшкевичем. Все трое одновременно входят в агитационный отдел штаба, закрепляя тем самым совместное политическое руководство партизанским движением в трёх первых районах (штаб 4-го района оставался под контролем максималистов и, частично, анархистов). Представитель 4-го района в ОВПК максималист Красильников был определён во второстепенный в политическом отношении отдел продовольствия и снабжения.

В ноябре триумvirат превращается в дуумvirат: М.Новиков был обвинён в невыполнении поручения ОВПК и предстал перед товарищеским судом. В ответ М.Новиков обвиняет С.Шилова в несоответствии должностному положению, но ОВПК с ним не соглашается и оставляет С.Шилова председателем Коллектива. Казначеем ОВПК вместо М.Новикова был избран беспартийный С.Завьялов (А.С.Обиденко)¹⁴⁸⁸. Вскоре создаётся партизанская газета «Красный клич», редактором которой становится Б.Добровенский, а его товарищем (заместителем) — коммунист А.Сафронов.

Ещё с октября Б.Добровенский являлся одновременно и руководителем санитарного отдела штаба, в обязанности которого входило обеспечение работы областного партизанского лазарета в тайге. Штаб же всё время перемещался вместе с основными силами партизанской армии. Таким образом, к середине декабря Б.Добровенский практически потерял возможность постоянно находиться при штабе. Тем не менее, дуумvirат не превратился в полный контроль коммунистов над Областным штабом, поскольку товарищем председателя исполкома на 7-м съезде был избран максималист И.Ф.Матвеев. И всё же, влияние большевиков в Исполкоме стало определяющим, особенно после того, как в состав его вошёл ещё один коммунист — В.Г.Замяткин, а командующим армией был избран съездом И.Безродных.

Беспартийные члены Областного Коллектива, а затем Таёжного Исполкома вряд ли были сознательными участниками этой закулисной борьбы. Уровень их политического образования был очень невысок. По утверждению Н.М.Гранкина, «об идеях Маркса и Энгельса тогда в области никто не имел понятия, за исключением немногих товарищей»¹⁴⁸⁹. Да и обычное начальное образование было далеко не у всех. Все они ориентировались в своих действиях на политических лидеров штаба, среди которых в конечном итоге остались в основном коммунисты.

6. Проблема подлинности документов ОВПК

История деятельности Амурского областного штаба партизанских отрядов изучается историками преимущественно на основании копий протоколов его заседаний, выполненных разными людьми и, по-видимому, в разное время. Первые 14 копий были подготовлены бывшим первым Заведующим Коллектива Филипповым. Изготовители остальных не известны. Уже копии Филиппова значительно расходятся с подлинным протоколом организационного собрания Коллектива от 12-13 августа 1919 года. Различаются, в частности, названия этого органа. По версии Филиппова, он назывался

«Областной Военно Полевой Коллектив Рабоче-Крестьянской Армии Амурской Области»¹⁴⁹⁰.

В последующих протоколах преобладает та же формулировка, но часто встречается обратный порядок слов в обозначении названия армии: «Крестьянско-Рабочая» вместо «Рабоче-Крестьянская». Таким образом, возникает вопрос: как именно назывались на самом деле сам Коллектив и возглавляемая им партизанская армия? Был Коллектив военным или военно-полевым? Была армия Народной, Рабоче-крестьянской или Крестьянско-рабочей? При этом, если форма обозначения Коллектива не столь существенна, то название армии во многом определяет её политическое лицо.

Кроме того, вопрос точности или неточности копий прямо влияет на степень доверия к тексту документа. В этой связи привлекает внимание ещё одна категория хранящихся в архивах документов, относящихся к деятельности Областного Коллектива. Это документы, не снабжённые пометкой «копия» и часто содержащие настоящие подписи должностных лиц партизанского штаба, а иногда даже его печать. В основном они представляют собой различные воззвания, протоколы заседаний и выписки из них. Они в такой же степени, что и копии, страдают разноречием в написании полного названия Областного партизанского штаба.

К сожалению и эти документы тоже являются всего лишь копиями. На такой вывод наталкивает сравнение их с единственным бесспорно подлинным документом Областного Коллектива — «Обращение к тарбогатайцам»¹⁴⁹¹. Обращение также напечатано на машинке, но отличается от других документов и шрифтом и качеством бумаги. Среди букв заметно наличие отменённых после Октябрьской революции вариантов «и» и «е». Бумага плотная, сильно потемневшая, местами повреждена. Другие же документы ОВПК напечатаны на однотипной тонкой светлой бумаге, одним и тем же «советским» шрифтом, иногда с ошибками, которые аккуратно исправлены ручкой с фиолетовыми чернилами.

Возникает, правда, вопрос наличия на этих копиях подписей и печатей, в свою очередь, напрямую связанный со временем их изготовления. Ответ на этот вопрос помогает найти ещё один документ - «Резолюция районного съезда Хлеборобов Амурской области 1-го района». Данный съезд был созван 30 октября, то есть более чем на полмесяца раньше появления «Обращения к тарбогатайцам». Однако Резолюция съезда напечатана была несколько позже этого «Обращения», поскольку под её текстом стоит следующее наименование: «Областная типография Военно-полевого Совета революционной рабоче-крестьянской армии Амурской области»¹⁴⁹².

Решение о переименовании Коллектива в Совет было принято на его заседании 18 ноября¹⁴⁹³. Поскольку Резолюция съезда 1-го района была напечатана уже в типографии Областного военно-полевого Совета, случиться это могло не намного раньше выхода в свет первого номера газеты «Красный клич», который датируется 14 декабря 1919 года. В обоих случаях шрифт использовался уже современный, «советский». Он был привезён в распоряжение Областного штаба Благовещенскими подпольщиками незадолго до 7-го Ромненского съезда. С того же времени, видимо, в ОВПК стали пользоваться только «правильными» буквами и при работе на печатной машинке. Стиль текста «Резолюции» и указанных выше документов штаба практически идентичен, и данному шрифту полностью соответствует.

Факт частичной фальсификации содержания «Резолюции» обнаружил ещё бывший начальник штаба 1-го района Я.В.Прохоров. По его утверждению, в тексте этого

документа, опубликованного в сборнике «Октябрь на Амуре»¹⁴⁹⁴, имеется не менее 4-х несоответствий с оригиналом:

Во-первых, неправильно приведено название документа. Следует читать «Резолюция 2-го съезда партизан и крестьян 1-го района, состоявшегося в селе Лимановке Амурской области». Во-вторых, не соответствуют действительности большинство фамилий доизбранных на съезде членов штаба. Вместо «Шаповалов, Лопатин, Бабинский и Игнатов» следует читать «Самуил Шаповалов и Алексей Митрофанов». В-третьих, на вручённом командованию войск 1-го района в конце съезда знамени было написано «Войскам 1-й Амурской народно-революционной армии 1-го района», а не «Войскам 1-го Амурского социалистического отряда 1-го района», как было напечатано в опубликованном документе. И, наконец, неточно воспроизведено наименование должности самого Я.Прохорова. Она называлась не «Заведующий штабом», а «Начальник штаба»¹⁴⁹⁵.

Мотивы этой фальсификации достаточно понятны. Они продиктованы задачами политического момента. Лишние фамилии появились в тексте, видимо, после кооптации в состав штаба новых лиц, рангу которых нужно было придать легитимный характер (кооптированные лица формально могли пользоваться в тот период лишь совещательным голосом). Слово «Социалистический» на флаге войск 1-го района должно было продемонстрировать политические цели командования партизанской армии. Особую важность это приобретало перед 7-м съездом трудящихся, когда, видимо, и была сделана попытка убедить население области в том, что крестьянское движение в 1-м районе уже давно имеет социалистический характер. Что же касается названия должности Я.В.Прохорова, то его просто изменили в соответствии со стандартами, принятыми в Областном штабе как обязательные и для районных штабов. Между тем, ни в 1-м, ни в 4-м районах на эти стандарты внимания не обращали и продолжали именовать своих должностных лиц так, как было утверждено решениями местных съездов.

Правда, не все указания Я.В.Прохорова на ошибки данного документа действительно правильны. В названии резолюции съезда всё же присутствовало слово «хлеборобы». Об этом свидетельствует копия Обращения штаба 1-го района к японскому командованию, написанного 2 ноября 1919 года, то есть всего через три дня после съезда в с. Лиманном. В нём ясно сказано, что вместе с этим обращением в японский штаб была направлена и выработанная 30 октября резолюция Народного союза хлеборобов. Подлинность текста документа в данном случае подтверждается тем, что копия эта была снята уже в Архивном бюро с другой копии, сделанной непосредственно с подлинника в каком-то белогвардейском учреждении (она заверена поручиком Венчаевым)¹⁴⁹⁶, у которого не могло быть никакой необходимости фальсифицировать указанное обращение.

По-видимому, такого же рода фальсификаций как в Резолюции Лиманского съезда следует ожидать и от изготовленных, вероятно, в период непосредственно перед 7-м съездом копий предыдущих документов Областного штаба. Их возможная цель - представить депутатам отчёт штаба уже в политически «чистом» виде. Тогда же, очевидно, была изготовлена и проставленная на некоторых из них печать. Печати и штампы для партизанских штабов, по свидетельству их изготовителя А.А.Потрепалова, производились им нелегально в г. Благовещенске, сначала в типографиях «Эхо» и «Чурин и К^о», а затем в тайной штампельной мастерской¹⁴⁹⁷.

Фальсификации в первую очередь должно было подвергнуться, конечно, само название Областного штаба, поскольку в нём отражаются политические цели всего

движения. Каким же оно было в действительности можно определить только по подлинному документу, то есть по тексту Обращения к тарбогатайцам, а также по копии протокола самого первого заседания Областного Коллектива, текст которого, судя по всему, изменить не решились. Этим и объясняется расхождение между первым и последующими текстами документов Областного штаба.

Согласно первому протоколу, штаб получил название «Областной военной коллектив народной армии Амурской области»¹⁴⁹⁸. В Обращении к тарбогатайцам, написанном сразу после 2-го Тарбогатайского боя, он именуется уже «Областной военно-полевой коллектив крестьянско-рабочей революционной армии Амурской области»¹⁴⁹⁹. Таким же остаётся его название в ряде копий протоколов, воззваний и приказов, самый ранний из которых (приказ о мобилизации) был создан 21 сентября¹⁵⁰⁰.

Время изменения наименования Коллектива и партизанской армии можно приблизительно определить по реквизитам сохранившихся подлинных документов 3-го района, имевшего наиболее тесную связь с Областным штабом и 2-м районом. В самом раннем списке членов Архаро-Буреинского отряда, составленном не позже 11 июля 1919 года, в названии его фиксируется принадлежность партизан к Крестьянско-рабочей армии¹⁵⁰¹. В Объявлении штаба 3-го района от 1 октября используется то же обозначение, а сам штаб уже именуется военно-революционным полевым коллективом¹⁵⁰². Таким образом, слово «полевой» в обозначении военного штаба партизан стало использоваться здесь достаточно рано, не позже конца сентября, а в областном штабе — не позже 21 сентября.

Термин «рабоче-крестьянская», применительно к названию партизанской армии, в 1-м районе использовался ещё в сентябре, о чём свидетельствует безусловно подлинный Приказ № 9 «военно-полевого революционного штаба» этого района от 28 сентября¹⁵⁰³. После же 2-го Лиманновского съезда, согласно Обращению штаба района к японскому командованию от 2 ноября, её сменило наименование «народная армия 1-го района»¹⁵⁰⁴. В резолюции съезда она названа «народной добровольческой».

Рабоче-крестьянской именуется партизанская армия в заголовке списка членов Буреинского отряда¹⁵⁰⁵, датировать который можно только в очень широких рамках от середины октября до начала декабря 1919 года. Впрочем, подлинный протокол общего собрания этого отряда от 21 ноября всё расставляет по своим местам. Армия в нём названа «Народной рабоче-крестьянской»¹⁵⁰⁶.

Вся партизанская армия Амурской области в воззвании ОВПС к казакам от 20 ноября также названа Народной, однако в реквизитах этого же документа по-прежнему значится «крестьянско-рабочая революционная армия»¹⁵⁰⁷. Промежуточной формой возможно было именование её «крестьянско-народной». Именно так, по сообщениям газет, она называлась в распространённом примерно в первой декаде сентября приказе партизанского штаба, запрещавшем под угрозой расстрела крестьянам области платить подати и налоги земству и правительству¹⁵⁰⁸. В резолюции же, принятой Ромненским съездом, партизанская армия именуется революционной крестьянской¹⁵⁰⁹. Позже некий цензор чернилами надписал над этой фразой слово «рабочая».

Таким образом, использование термина «рабоче-крестьянская» применительно к названию всей партизанской армии Амурской области в копиях ранних (до конца ноября) документов ОВПС, является, по всей видимости, фальсификацией с целью устранить явное несоответствие с одной из основных идеологических догм большевизма о роли пролетариата в социалистической революции. Однако в 3-м районе он вошёл в

употребление с ноября 1919 года, а в 1-м — какое-то время применялся в начальный период создания партизанской армии.

В значительно меньшей степени фальсификация могла быть допущена в отношении основного фактического содержания этих документов, поскольку все упоминавшиеся в них лица находились в тот период при штабе или поблизости от него и могли в любой момент обнаружить касающееся себя искажение или подделку. Да и особой политической необходимости в таких подлогах тогда не было.

Заключение

Партизанское движение в Амурской области возникло в первую очередь как реакция на попытки белых властей аннулировать значимые для крестьян результаты февральской буржуазно-демократической революции (возвращение владельцам частнособственнических земель, восстановление дореволюционной судебной системы, лишение политических прав местного самоуправления, подчинение милиции военным властям) и ликвидировать установленные ещё в царские времена исконные привилегии дальневосточных крестьян (владение нарезным оружием, право не платить государственные налоги). Поскольку крестьяне составляли большинство населения Амурской области, основным первоначальным лозунгом повстанцев стало требование «народоправия», то есть власти избранных всем народом представителей, установить которую предполагалось через созыв «учредительного собрания» на областном, краевом или общесибирском уровне сразу после свержения белого режима.

Важнейшими предпосылками крестьянских восстаний, помимо ухудшения экономического положения деревни и ограничения социальных и политических прав её населения, стали сопровождавшиеся многочисленными злоупотреблениями жестокие действия карательных отрядов по конфискации оружия и вылавливанию противников режима в деревнях. Именно после двух волн карательных экспедиций по Амурской области в октябре и в конце ноября 1918 года там произошли первые вспышки крестьянских волнений, а мелкие группы подпольщиков в амурских сёлах после этих событий стали быстро превращаться в крупные разветвлённые подпольные организации.

Началом партизанского движения в Амурской области, в широком значении этого термина, следует считать Мазановское восстание, состоявшееся 7 - 11 января 1919 года. Партизанское же движение в узком смысле фактически начинается здесь в начале-середине апреля 1919 года, то есть сразу после окончания Мухинского восстания. При этом, повстанческое движение стало важнейшей предпосылкой собственно партизанского движения. Другой его предпосылкой стало начавшееся в апреле наступление Восточного фронта Советской республики. С этого времени каждый значимый успех Красной армии на восточном направлении отражался очередным скачком в развитии партизанского движения в Амурской области.

По своему социальному характеру собственно партизанское движение было отчасти продолжением повстанческого, хотя прямой и полной поддержки со стороны зажиточного и среднего крестьянства к тому времени уже не имело. Причиной последнего можно считать, видимо, советские лозунги, открыто выдвинутые руководителями партизан с начала весны 1919 года. В силу этого обстоятельства, успехи партизанского движения стали возможны здесь только ввиду сохранявшейся враждебности основной массы амурских крестьян колчаковскому режиму и поддерживающим его интервентам, хотя некоторая часть крестьянства (в основном старообрядцы и молокане) даже принимала участие в борьбе против партизан.

Советская направленность повстанческого, а затем партизанского движения определялась абсолютным преобладанием в его руководстве представителей партий,

принимавших активное участие в становлении на Амуре власти первых Советов в 1918 году (коммунистов, левых эсеров, эсеров-максималистов и анархистов-коммунистов). По договорённости, достигнутой между ними ещё до начала восстания, эти партии выступали общим фронтом, объединившись на условиях взаимного временного отказа от собственной партийной деятельности (то есть пропаганды от имени своих партий) до полной победы над Колчаком. Правда, с момента возобновления в мае деятельности Благовещенского партийного комитета большевиков этот пункт соглашения ими, а возможно и другими сторонами, фактически игнорировался. Хотя общий штаб продолжал существовать.

Повстанческое и партизанское движение в Амурской области сыграло довольно важную роль во всей гражданской войне в России. Оно фактически сорвало мобилизацию в колчаковскую армию на Амуре и отвлекло на себя местные формирования белых и интервентов, серьёзно ограничив, тем самым, пополнение их фронтовых сил, что стало одной из причин поражения войск Колчака в переломных весенне-летних сражениях 1919 года в Поволжье и на Урале, а это, в свою очередь, позволило Советской республике осенью того же года сосредоточить большую часть своих сил для разгрома армий Деникина, непосредственно угрожавших самой Москве.

Приложение № 1**Исправленная или установленная автором датировка некоторых событий партизанского движения в Амурской области (1919 – февраль 1920 гг.)**

п/п	События	Принятые даты	Исправленные даты
1.	Занятие повстанцами с. Мазаново	7 января ¹⁵¹⁰	8 января
2.	Отступление повстанцев из с. Мазаново	11 января ¹⁵¹¹	9 января
3.	Первый съезд в с. Красный Яр	1-2 февраля ¹⁵¹²	4-5 февраля
4.	Второй съезд в с. Красный Яр	7 февраля ¹⁵¹³	9-10 февраля
5.	Демьяновский бой	-	11 февраля
6.	Кутиловский бой	16 февраля ¹⁵¹⁴	15 февраля
7.	Начало восстания в 1-м районе	23 февраля ¹⁵¹⁵	22 февраля
8.	Малопёрский (Сукромлинский) бой	26 февраля ¹⁵¹⁶	25 февраля
9.	Чудиновский бой	27 февраля ¹⁵¹⁷	26 февраля
10.	Переговоры повстанцев с делегатами оппозиции	-	1-2 марта
11.	Паруновский бой	-	2 марта
12.	Роспуск повстанческой армии в с. Красноярово	-	17 марта
13.	Бой у с. Красный Яр	6 апреля ¹⁵¹⁸	29 марта
14.	Образование отряда «Чёрный ворон»	22 апреля ¹⁵¹⁹	5 мая
15.	Разгром белыми отряда Богданова	-	30 мая
16.	Нападение партизан на каз. хутор Михайловский	-	4 июля
17.	Грибовский бой	-	12 июля
18.	Маркучинский съезд	10-13 августа ¹⁵²⁰	26-28 июля
19.	Сычёвский бой	-	2 сентября
20.	ОВПК принял план наступления на Благовещенск	-	15 сентября
21.	Бои в районе Абрамовка-Верхнеильиновка	5-6 сентября ¹⁵²¹	21-23 сентября
22.	Японцы отбили у партизан ст. Ерофей Павлович	-	7 октября
23.	Партизаны выбили казаков с хутора Успеновка	16 октября ¹⁵²²	17 октября
24.	Отряд Старика вышел к реке Зее у Благовещенска	-	21 октября
25.	1-й Умлеканский бой	-	29 октября
26.	Ерковецкий бой	25 октября ¹⁵²³	30 октября
27.	Бой в д. Заливки	-	5 ноября
28.	Нападение казаков на партизан в с. Черниговка	6 ноября ¹⁵²⁴	9 ноября
29.	Областная конференция партизан в д.Державинка	-	7-9 ноября
30.	Бой в д. Листвянка	-	13 ноября
31.	Борисоглебовский бой	-	6 декабря
32.	Партизаны заняли с. Новоямполь	-	7 декабря
33.	Улунгинский бой	-	10 декабря
34.	Бой у д. Овсянка	-	12 декабря
35.	2-й Умлеканский бой	-	13 декабря
36.	Начало наступления партизан на Благовещенск	-	30 декабря
37.	Бой у с. Варваровка	-	31 декабря
38.	Грамматухинский съезд	-	26-28 января
39.	Бой за с. Гильчин	-	1 февраля
40.	Вступление партизан в г. Свободный	-	20 февраля
41.	Вступление партизан в г. Зею	-	22 февраля

Приложение № 2

Социально-экономические характеристики сёл Амурской области, ставших центрами подпольного движения и Мухинского восстания зимой 1918-1919 гг.

Таблица 1: Данные за 1911 год¹⁵²⁵.

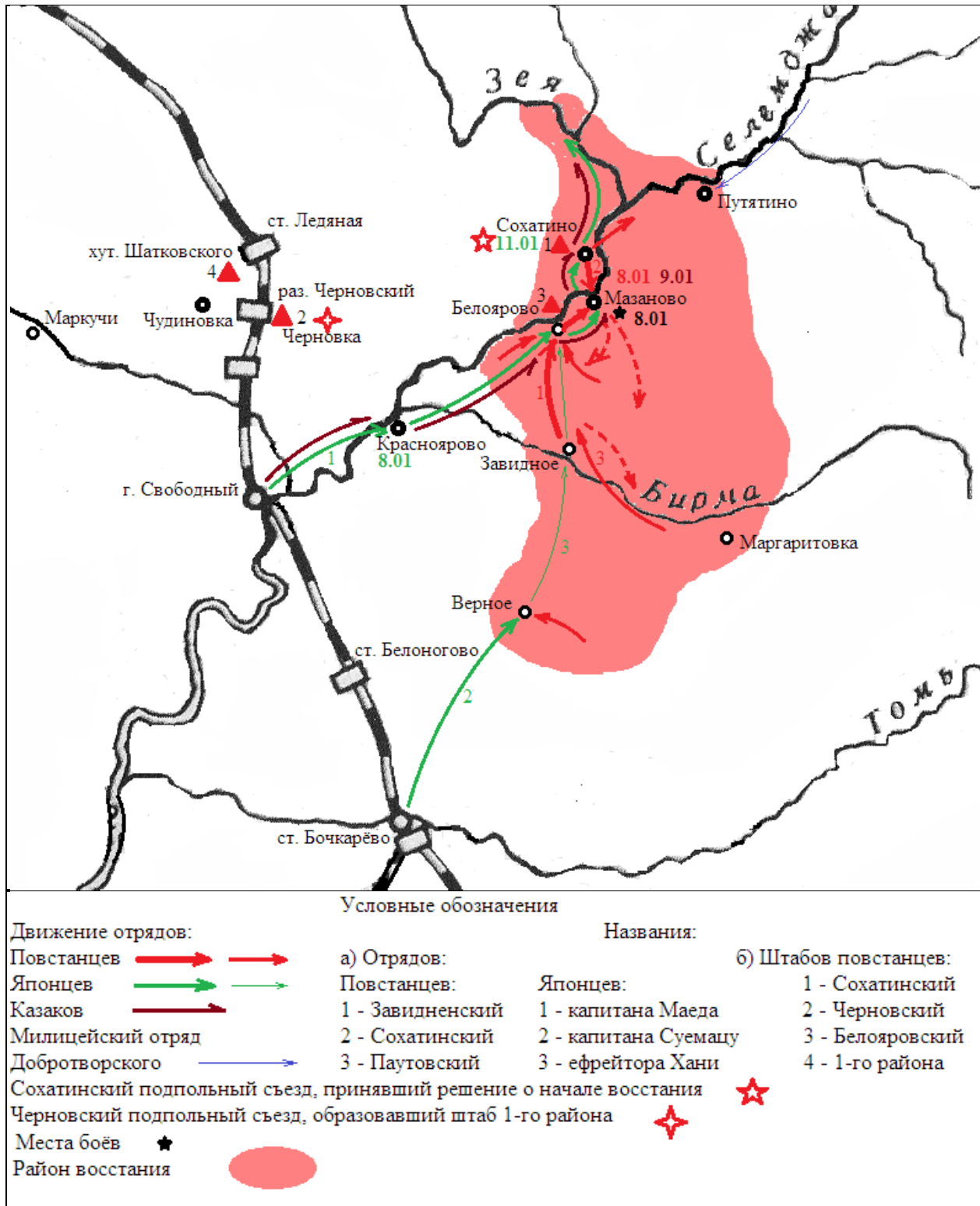
Название села	Количество приписных хозяйств	Количество приписных хозяйств, имеющих:						Кол-во прип. хоз-в без посева
		Более четырёх рабочих лошадей	Более двух коров	Более десяти десятин посева	Сено-косилки	Жатки	Веялки	
Красный Яр	59	41	37	47	20	23	28	3
Ивановка	511	278	226	402	164	204	252	28

Таблица 2: Данные за 1917 или 1918 год¹⁵²⁶.

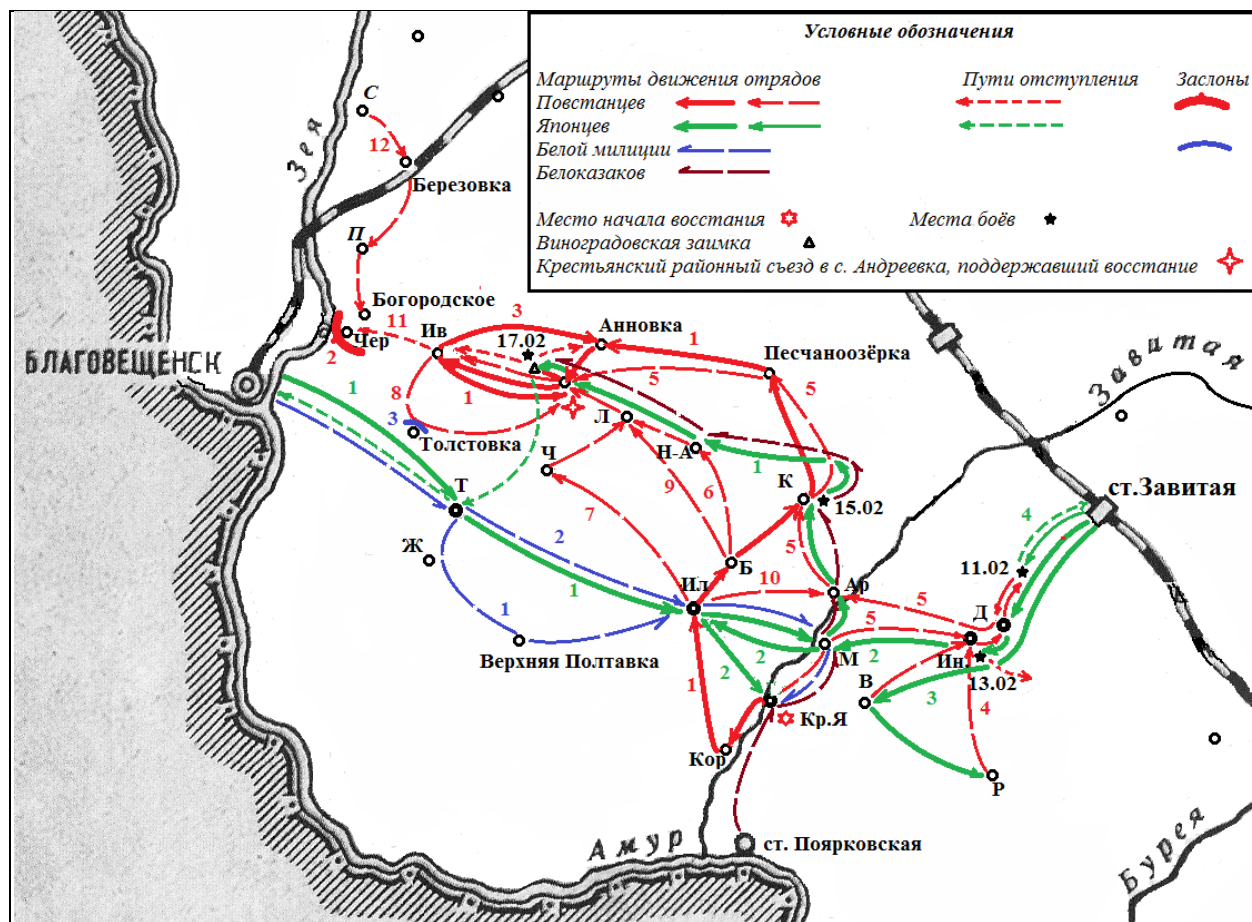
Название села	На одно хозяйство приходится в среднем		
	десятин посева	рабочих лошадей	коров
Красный Яр	34,2	5,7	2,7
Ивановка	30,7	5,4	2,0
Жариковка	49,7	5,9	2,5
Борисоглебовка	31,2	5,2	2,2
Андреевка	47,1	5,7	2,4
Ильиновка	45,3	-	-

Примечание: Знак (-) означает отсутствие или неясность данных

Приложение № 3: Карта-схема Мазановского восстания (7-11 января 1919 г.)

Приложение № 4: Карта-схема Мухинского восстания. Этап I (10-20 февраля 1919 г.)

Расшифровка названий:

Ар – Арсентьевка
 Б – Борисоглебовка
 В – Воскресеновка
 Д – Демьяновка
 Ж – Жариковка
 Ив – Ивановка
 Ил – Ильиновка
 Ин – Иннокентьевка
 К – Кутилово
 Кор – Коршуновка
 Кр.Я – Красный Яр
 Л – Лазаревка
 М – Михайловка
 Н-А – Николо-Александровка
 П – Петропавловка
 Р – Радчиха
 С – Семиозёрка
 Т – Тамбовка
 Ч – Чуевка
 Чер – Черемхово

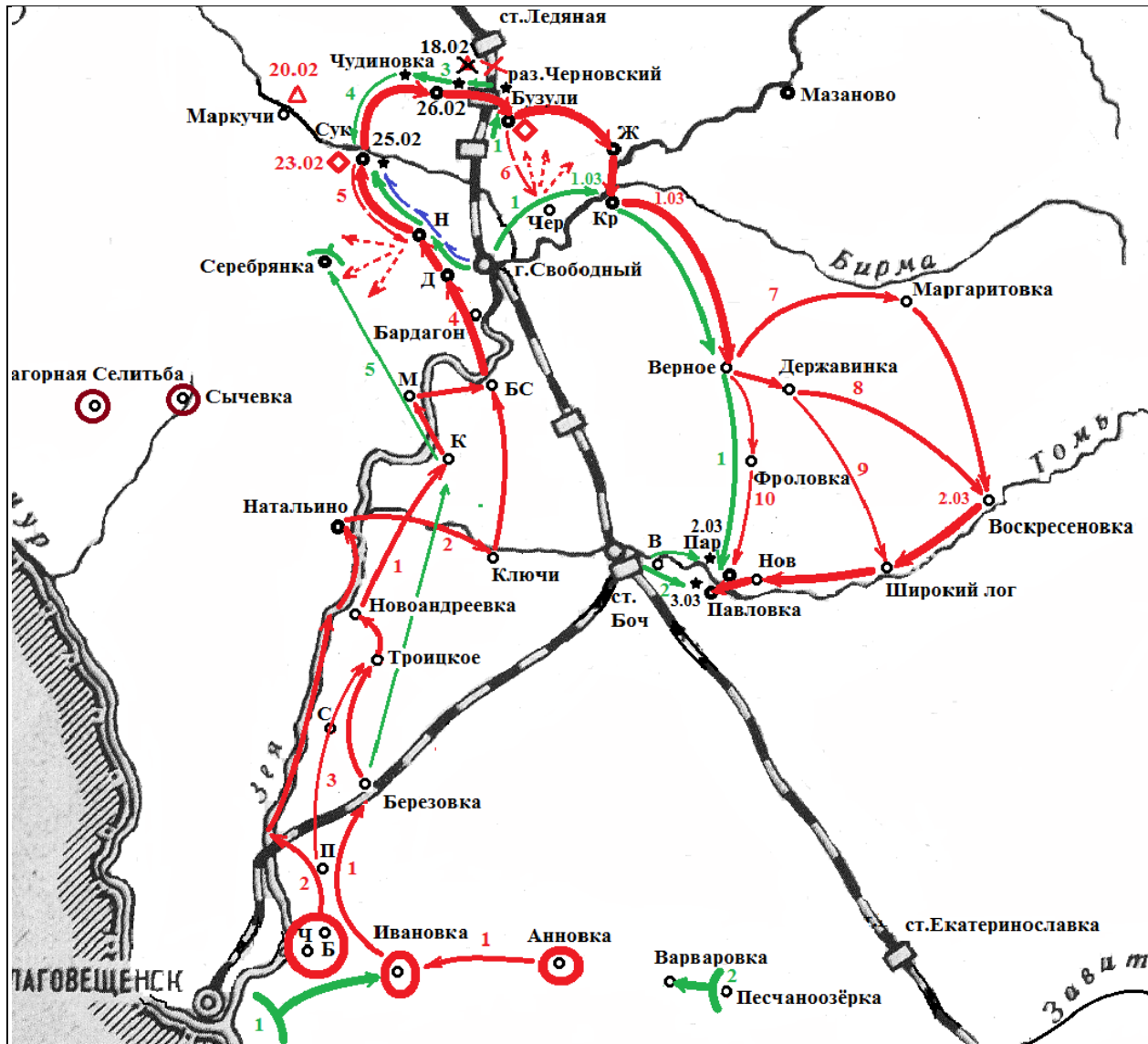
Отряды повстанцев:

1 – Основной отряд и штаб Ф.Мухина
 2 – Отряд Ф.Кошкина
 3 – Отряд Г.Дрогошевского
 4 – Отряд Дьяченко
 5 – Красноярская рота
 6 – Борисоглебские и Ильиновская роты
 7 – Отряд И.Матвеева
 8 – Рота Оскина
 9 – Отряд М.Бочко
 10 – Подразделение красноярцев, отделившееся от основного отряда
 11 – Бегство штаба и части повстанческой армии из Ивановки в Богородское
 12 – Семиозёрский отряд

Японские отряды:
 1 – Отряд Хори
 2 – Отряд Такахаси
 3 – Отряд Ямадо и резерв из Хабаровска
 4 – Рота Ионатани

Отряды белой милиции: 1 – Отряд Барышева
 2 – Отряд Станьковского

Приложение № 5: Карта-схема Мухинского восстания. Этап II (21 февраля – 3 марта)

Условные обозначения

Расположение сил сторон и передвижения отрядов:

Повстанцев

Японцев

Белой милиции

Казачков

Место разгрома подпольного штаба 1-го района

Место создания штаба повстанцев 1-го района

Места сосредоточения повстанцев 1-го района

Места боёв

Расшифровка названий:

а) Населённых пунктов:

Б - Богородское

БС - Большая Сазанка

Боч - Бочкарёво

В - Васильевка

Д - Дубовка

Ж - Желтоярово

К - Казанка

Кр - Краснояррово

М - Москвитино

Н - Новоивановка

Нов - Новостепановка

П - Петропавловка

Пар - Паруновка

С - Семхозёрка

Сук - Сукромли

Ч - Черемхово

Чер - Черниговка

б) Отрядов:

Повстанцев:

1 - Армия Дрогошевского

2 - Отряд штаба армии

3 - Семхозёрский отряд

4 - Объединённая армия

5 - Отряд Круглова

6 - Отряд Аксёнова

7 - Отряд Дрогошевского

8 - Основной отряд и обоз

9 - Красноярская рота

10 - Отряды Иванова и

Богданова

Японцев:

1 - Отряд Ямадо

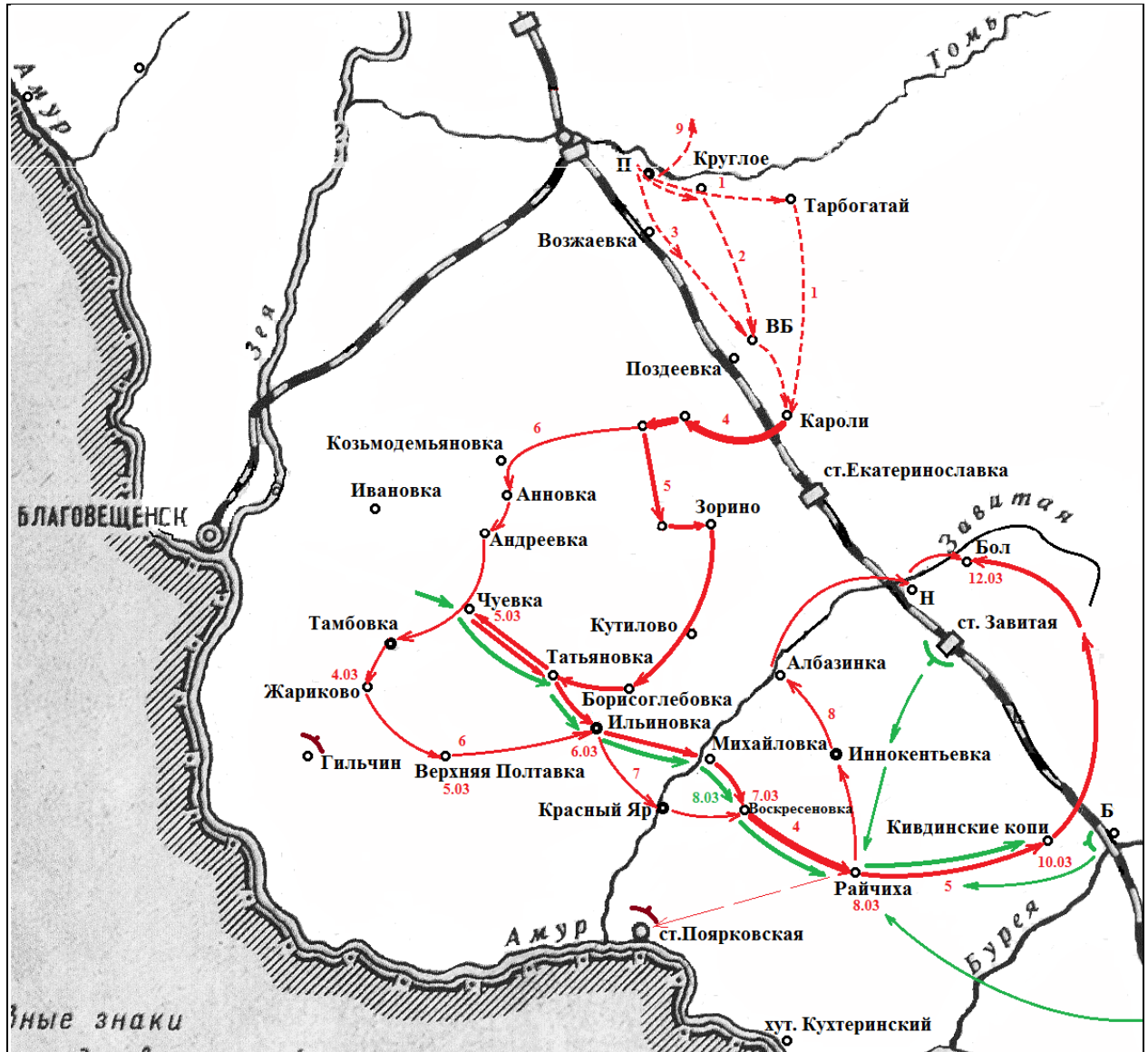
2 - Отряд Такахаси

3 - Отряд Танака

4 - Разведка отряда Танака

5 - Преследующий отряд

Приложение № 6: Карта-схема Мухинского восстания. Этап III (3–13 марта 1919 г.)

Условные обозначения

Заслоны и движения отрядов:

Повстанцев Японцев Казачков Отступление повстанцев Мирная делегация повстанцев к казакам

Расшифровка названий:

а) Населённых пунктов:

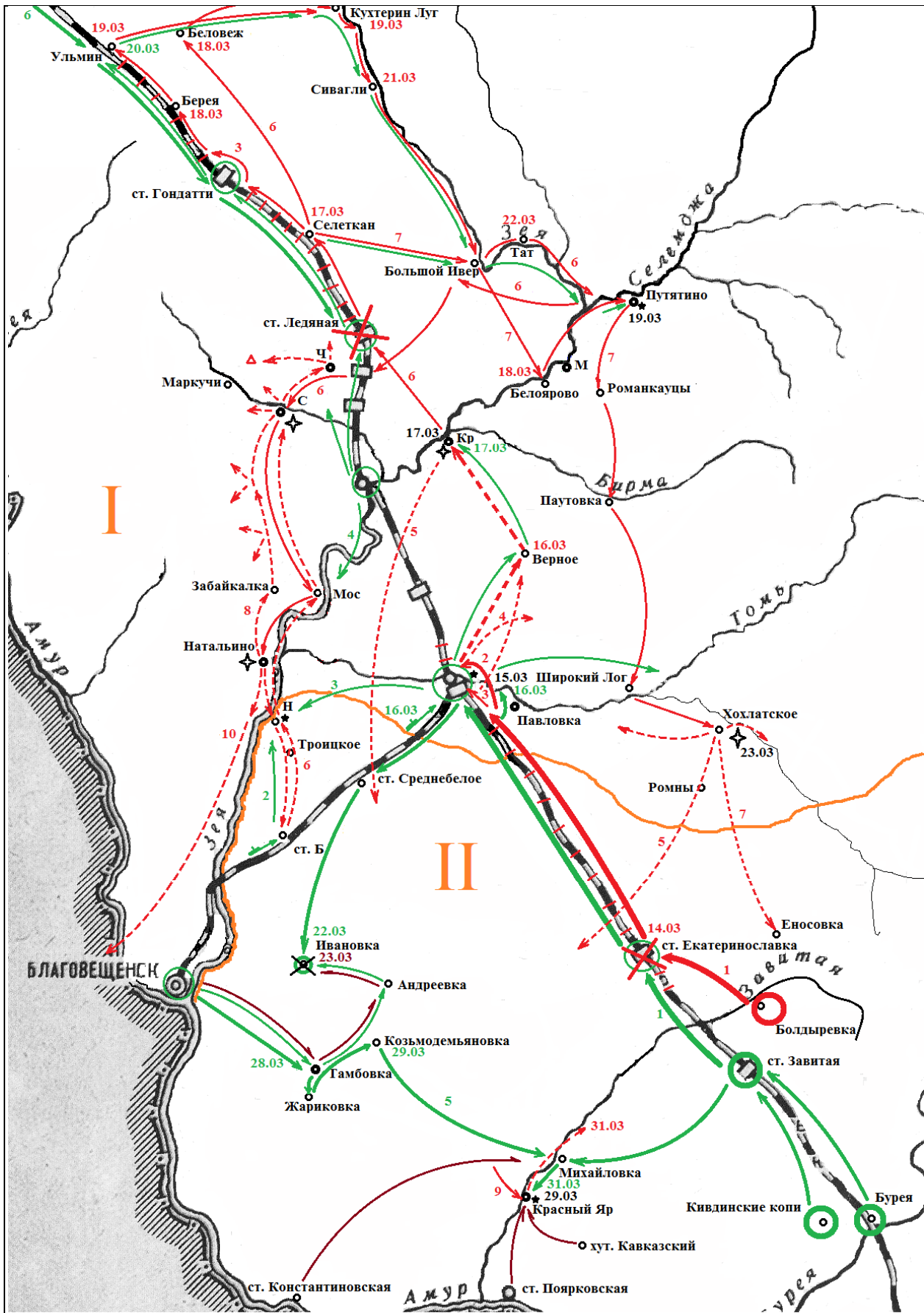
Б - Буряя
 Бол - Болдыревка
 ВВ - Верхнебелое
 Н - Новоалексеевка
 П - Паруновка

б) Отрядов повстанцев:

1 - Тылы и штаб армии
 2 - Группа Дрогошевского
 3 - Группа Иванова и Богданова
 4 - Вся армия
 5 - Основной отряд
 6 - 3-я рота и лазарет
 7 - Красноярская рота
 8 - Отряд Иванова
 9 - Отряд Патрушева

Приложение № 7:

Карта-схема Мухинского восстания. Этапы IV и V (14 марта – начало апреля 1919 г.)

Условные обозначения

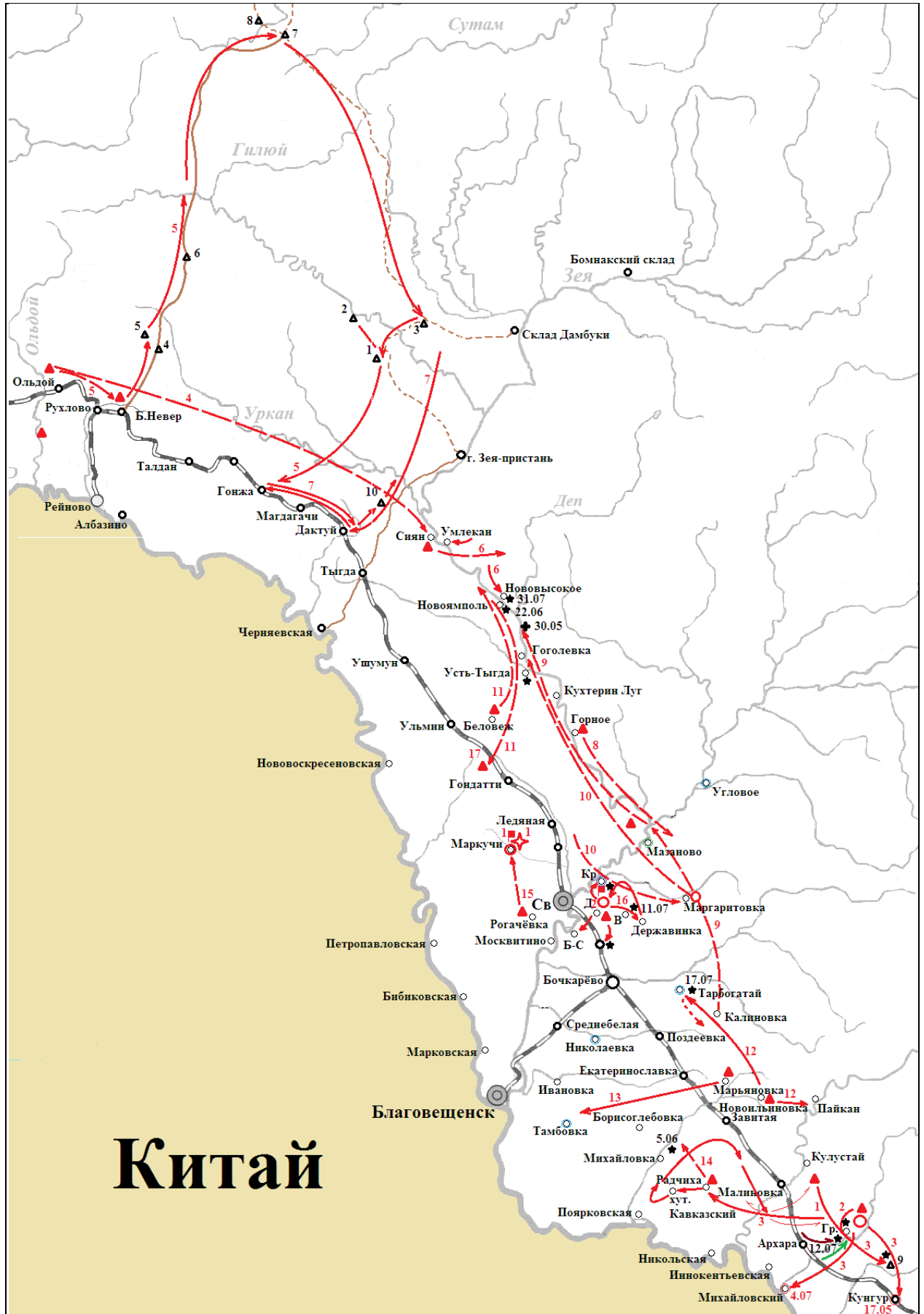
Движение отрядов:		Расшифровка названий:	
повстанцев		а) Населённых пунктов:	б) Отрядов:
японцев		Б - Березовка	Повстанцев:
казаков		Кр - Красноярово	1 - Вся армия
		М - Мазаново	2 - Основной отряд
Отступление и роспуск		Мос - Москвитино	3 - Отряд Иванова
отрядов повстанцев		Н - Новоандреевка	4 - Томский отряд
		С - Сукромли	5 - Зазейские группы
Места боёв	★	Тат - Татарское	6 - Отряд Дрогошевского
		Ч - Чудиновка	7 - Отряд Емельянова
Места роспуска отрядов повстанцев			8 - Отряд Патрушева
Место укрытия штаба 1-го района			9 - Красноярская группа
Японские гарнизоны и их ликвидация повстанцами			10 - Китайский отряд
Разгром с. Ивановки			
Японские бронепоезда			
Уничтожение повстанцами железнодорожных мостов			
Границы повстанческих районов			
Номера повстанческих районов	I, II		

Приложение № 8: Карты-схемы партизанского движения в Амурской области

Условные обозначения:

Условные знаки:		Расшифровка названий:	
Перемещения отрядов		а) Отрядов партизан:	б) Населённых пунктов:
Налёты и рейды партизан		1 - Воропаева	Аб - Абрамовка
Движение отрядов:		2 - Стрыкова	Ан - Андреевка
Японцев		3 - Архаро-Буреинский	В - Верное
Белых		4 - Щербакова	Вар - Варваровка
Казачков		5 - Дрогалина (Швецова)	Б-С - Бол. Сазанка
Староверов		6 - Яноша Ковача	Гр - Грибовка
Отступления		7 - Номоконова	Д - Добрянка
		8 - Паутова	Ер - Ерковцы
Места боёв		9 - Богданова	К - Козмодемьяновка
Места съездов		10 - Аксёнова	КЛ - Крутой Лог
Прииски		11 - Кошелева	Кр - Красноярово
Партизанские отряды		12 - Старика	Л - Лиманное
		13 - Чёрный Ворон	Пр - Практичи
Крупнейшие отряды самообороны		14 - Юшкевича	П-О - Песчаноозёрка
		15 - Лаптева	Р - Рождественка
Гарнизоны в сёлах:		16 - Прохорова	С-Б - Среднебелое
Японские		17 - Круглова	Св - Свободный
Белые		18 - Никитина	Х - Харитоновка
		19 - Гранкина	Ч - Черёмухово
Партизанские базы		20 - Рулёва	Чер - Черниговка
		21 - Власова	
Заставы партизан		22 - Голика	в) Прииски:
		23 - Штаба Патрушева	1 - Золотая Гора
Партизанские заслоны		24 - Мордвинова	2 - Миллионный
		25 - Громова	3 - Владимирский
Селения захваченные партизанами		26 - Мигунова	4 - Соловьёвский
		27 - Ольдойский	5 - Стрелка
Место гибели отряда Богданова		28 - Вайзера	6 - Евгеньевский
		29 - Красный Орёл	7 - Лебединный
Областной партизанский лазарет		30 - Армия 2-го района	8 - Скобельцинский
		31 - Армия 4-го района	9 - Ивановский
Районные партизанские штабы		32 - Бондаренко	10 - Воеводинский
		33 - Тимптонский	г) Съезды:
Областной партизанский штаб		34 - Армия 1-го района	1 - Маркучинский
		35 - Армия 1-2 районов	2 - Лиманновский
Места партизанских конференций		36 - Пехота 3-го района	3 - Ромненский
		37 - Слесарева	4 - Граммахухинский
Районные партизанские армии		38 - Иванова	
		39 - Владимирский	д) Штабы:
Границы партизанских районов		40 - Флотского	1 - 4-го района
		41 - Некрасова	2 - 1-го района
Антипартизанский район		42 - Бобошина	3 - 2-го отд. 4 района
		43 - Неустрашимый	4 - 3-го района
		44 - Бородавкина	5 - ОВПК
		45 - Образцовый	
		46 - Беспощадный	
		47 - Большакова	

Карта-схема I: Апрель – июль 1919 г.

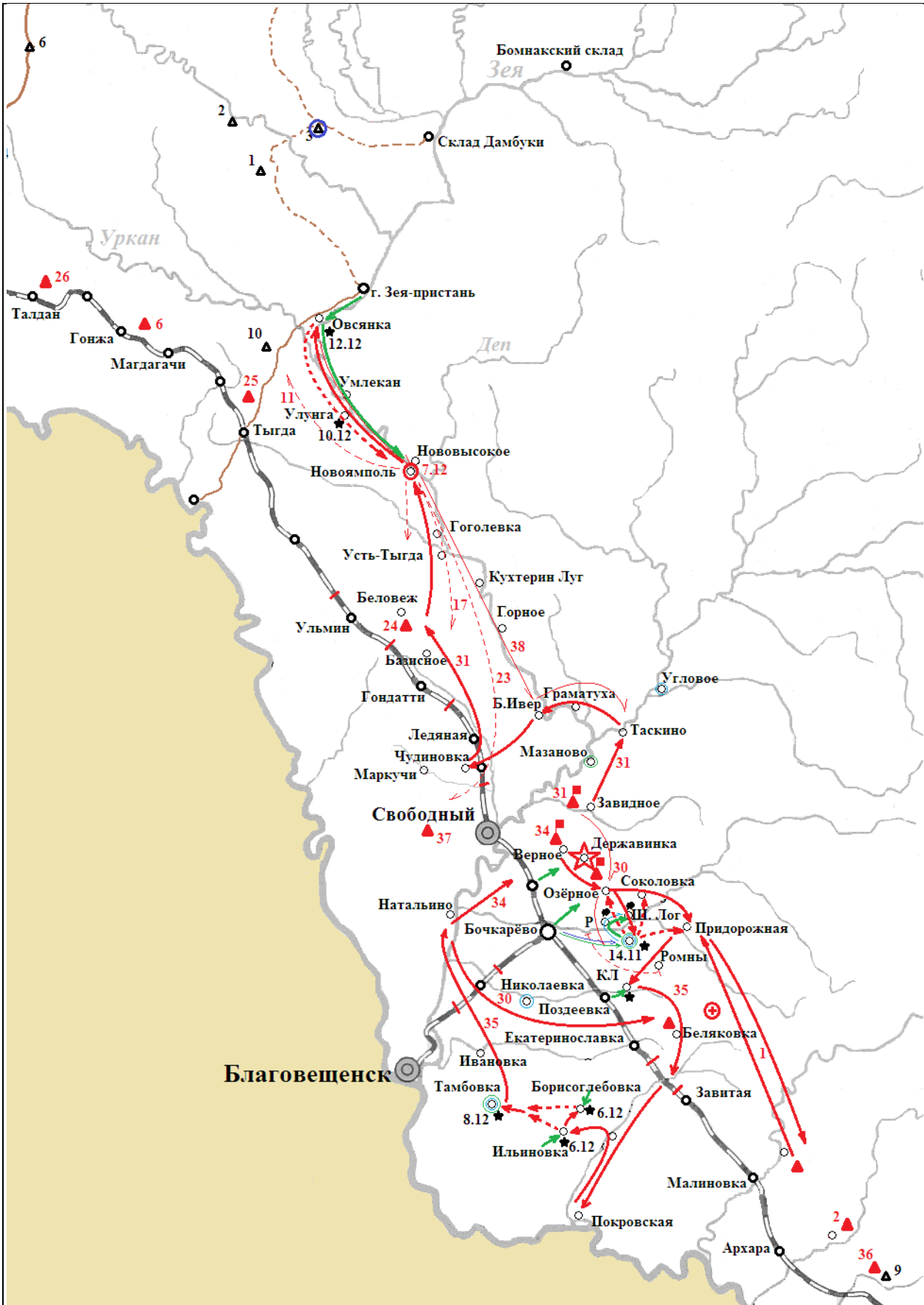
Карта-схема II: Август – сентябрь 1919 г.

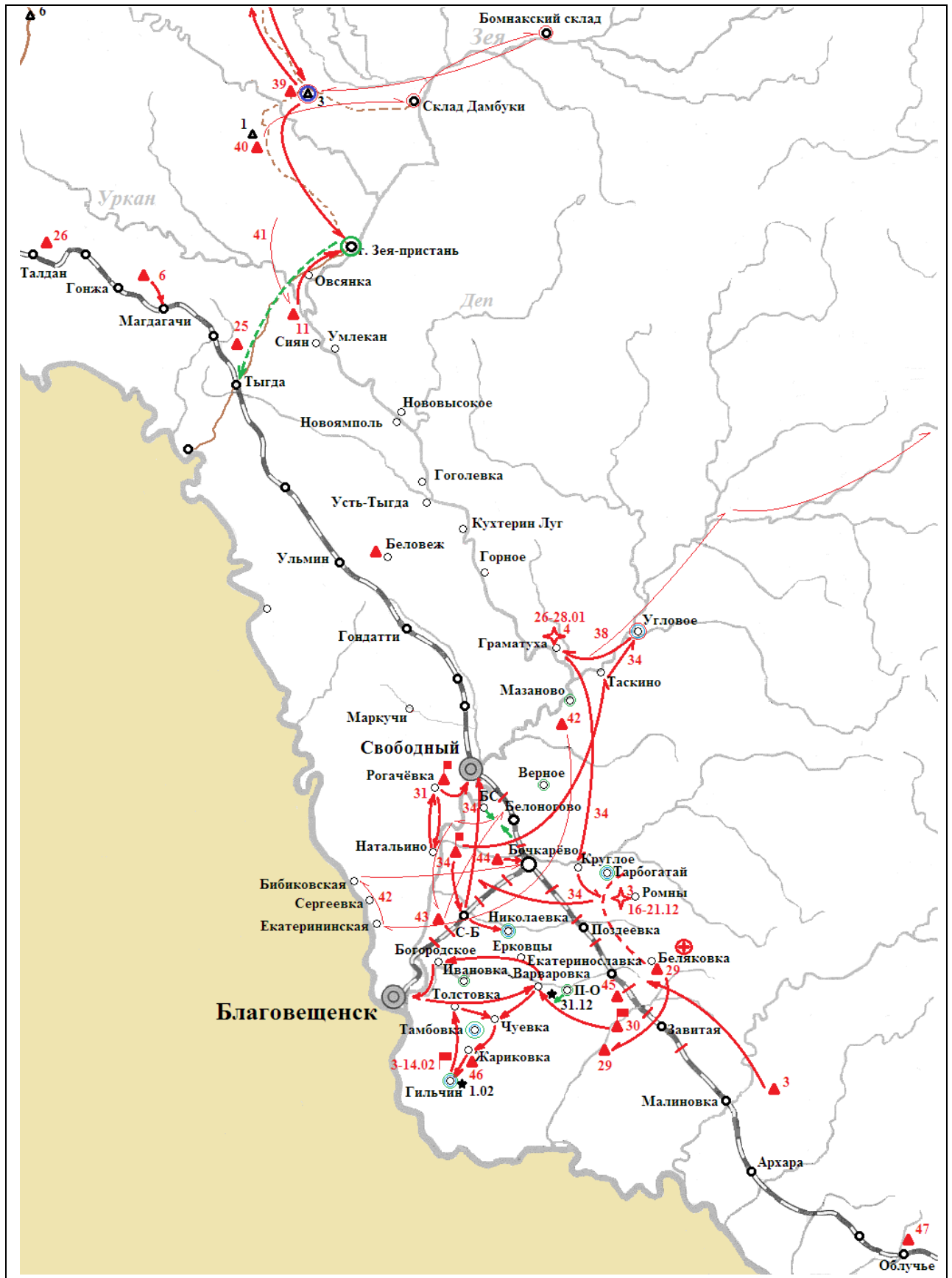
Карта-схема III: Октябрь – 12 ноября 1919 г.

Карта-схема IV: Середина ноября – середина декабря 1919 г.

Карта-схема V: Середина декабря 1919 г. – середина февраля 1920 г.

- ¹ Е.А.Лыкова, Л.И.Проскурина. Крестьянство Дальнего Востока в годы гражданской войны: постановка проблемы / Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Сборник научных трудов. Владивосток, 1994. С.75
- ² Амурская правда. 1921. 18 февраля.
- ³ Бузин (Бич) Д.С. Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура 1919-1920 гг. / Революция на Дальнем Востоке. Вып. 1. М.-Петроград, 1923; Степан Серышев. Вооружённая борьба за власть Советов на Дальнем Востоке / Там же.; Ярёмченко А.Н. Дневник коммуниста / Там же.
- ⁴ Кургузов С. Амурские партизаны. Воспоминания о партизанском движении в Амурской области за 1918-1919 гг. Хабаровск: Книжное дело, 1929
- ⁵ Наумов И.В. У истоков. Иркутск, 1993. С. 17
- ⁶ Там же. С. 15
- ⁷ Безродных И. Амур в огне. Дальгиз, 1932 (Второе издание — Хабаровск: Дальгиз, 1935).
- ⁸ Вшивков П. Боевые дни Амура. Дальгиз, 1932 (Второе издание — М. - Хабаровск, 1934).
- ⁹ Шиндялов Н. Когда снижается требовательность. Рецензия на книгу В.П.Малышева «Борьба за власть Советов на Амуре» / Дальний Восток. 1963. № 1; Старков М. Погрешности полезной книги / Амурская правда. 1962. 13 мая
- ¹⁰ Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской войны. М., 1968. С. 110-112
- ¹¹ Там же. С. 109
- ¹² Там же. С. 113
- ¹³ Н.Авдеева, Г.Чечулина. Пять лет героической борьбы. Благовещенск, 1972
- ¹⁴ Агеев А.В. Амурские партизаны. Очерк по истории партизанского движения в Амурской области. Благовещенск, 1974
- ¹⁵ Шиндялов Н.А. Фёдор Мухин. Благовещенск, 1979
- ¹⁶ П.М.Никифоров. Записки премьера ДВР. М., 1963
- ¹⁷ Губельман М.И. Борьба за Советский Дальний Восток (1918-1922 гг.). М., 1958
- ¹⁸ А.И.Крушанов. Борьба за власть Советов на Дальнем востоке и в Забайкалье (1917 –март 1920 гг.). Владивосток, 1962. С. 169, 173
- ¹⁹ Там же. С. 224
- ²⁰ А.И.Крушанов. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. 1918-1920 гг. Кн. 1. Владивосток, 1972
- ²¹ Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке 1918-1922 гг. М., 1957; Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961; и др.
- ²² Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии (середина 1950-х — середина 1980-х гг.). Иркутск, 1991. С. 54-55
- ²³ Там же. С. 50
- ²⁴ Там же. С. 10, 66
- ²⁵ Хитрый В.Г. Первые партизанские отряды в Амурской области / Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Сборник научных статей. Вып. 5. Хабаровск, 2007. С. 21-31
- ²⁶ ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 174. Л. 52
- ²⁷ Е.А.Лыкова, Л.И.Проскурина. Крестьянство Дальнего Востока в годы гражданской войны: постановка проблемы / Вопросы истории гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке России. Сборник научных трудов. Владивосток, 1994. С. 75
- ²⁸ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября. Благовещенск, 1962. С. 72
- ²⁹ Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. V. Новосёлы, наделённые по душевой норме (таблицы и текст). Сост. А.Меньшиков. Владивосток, 1914. С. 207
- ³⁰ Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. II. Частновладельческие хозяйства в Амурской области. Т. III. СПб., 1913. С. 31-32
- ³¹ Протоколы заседаний исполнительного комитета Песчаноозёрского съезда Амурской области./ ГААО Ф. 564. Оп. 1. Д. 1. Л. 85
- ³² Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. V. ... С. 198
- ³³ ГАХК Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 103
- ³⁴ Протоколы 2-го очередного собрания Амурского областного земства. 1919 г. С. 25
- ³⁵ Там же. С. 29
- ³⁶ Трофимов И.П. Становление лесной промышленности на Дальнем востоке в дореволюционные годы. / Учёные записки. Т. XXVIII, 1970. С. 88
- ³⁷ Галлямова Л.И., Ковальчук М.А. Транспортное освоение Дальнего Востока во 2-й половине XIX - начале XX в. / Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С. 119
- ³⁸ Там же. С. 120
- ³⁹ Протоколы 2-го очередного собрания Амурского областного земства. С. 17
- ⁴⁰ Амурская жизнь. 1919. 25 января. С. 2
- ⁴¹ Из докладов делегатов 3-й Всесибирской подпольной конференции РКП(б). / Красный остров. Хабаровск,

1967. С. 311
- ⁴² Протоколы 2-го очередного собрания Амурского областного земства. С. 7
- ⁴³ Там же. С. 26, 28
- ⁴⁴ Там же. С. 16, 17
- ⁴⁵ Там же. С. 37, 53, 54
- ⁴⁶ Общее описание боевых действий японских войск в России с июля 1918 года по январь 1919 года (официально от военного министерства). / Амурское эхо. 1919 г. 8 марта (23 февраля)
- ⁴⁷ Протоколы заседаний исполнительного комитета Песчаноозёрского съезда Амурской области. Л. 14
- ⁴⁸ Протоколы заседаний Амурской областной земской управы. / ГААО Ф. 63-И. Оп. 1. Д. 5. Л. 1
- ⁴⁹ Летопись Амурской области. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 21
- ⁵⁰ Протоколы заседаний исполнительного комитета Песчаноозёрского съезда. Л. 28
- ⁵¹ Безродных И. Амур в огне. Дальгиз, 1932. С. 39
- ⁵² Протоколы заседаний исполнительного комитета Песчаноозёрского съезда. Л. 14, 33, 38, 39
- ⁵³ Там же. Л. 26-28
- ⁵⁴ Там же. Л. 48, 49, 67, 75, 87
- ⁵⁵ Там же. Л. 31, 32
- ⁵⁶ Безродных И. Амур в огне. С. 29
- ⁵⁷ Гранкин Н.М. Воспоминания об Ивановской подпольной организации. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 16. Л. 2
- ⁵⁸ Безродных И. Амур в огне. С. 36-38
- ⁵⁹ Воспоминания Куликова П.В. Ивановская подпольная организация в период 1918-1919 гг. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 14. Л. 7; Замечания участников гражданской войны на рукопись А.В.Агеева «Амурские партизаны». 1966 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 31. Л. 25; Рукопись (без подписи). / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 43-об
- ⁶⁰ Гранкин Н.М. Воспоминания об Ивановской подпольной организации. Л. 1
- ⁶¹ Протоколы заседаний исполнительного комитета Песчаноозёрского съезда. Л. 38, 39
- ⁶² Там же. Л. 70
- ⁶³ Ципкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917-1922 гг. М., 1933. С. 92; С.Н.Шишкин. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918-1922 гг. Москва, 1957. С. 59; В.Г.Хитрый. Первые партизанские отряды в Амурской области в 1918 году. / Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Сб. науч. ст. Вып.5. Хабаровск, 2007. С. 26
- ⁶⁴ Материалы по истории гражданской войны на Амуре. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 29
- ⁶⁵ Свидетельские показания бывшего председателя Томского сельсовета Григория Федосеевича Ермоленко. / Серышевский краеведческий музей
- ⁶⁶ Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 131
- ⁶⁷ Протоколы заседаний исполнительного комитета Песчаноозёрского съезда. Л. 32-об.
- ⁶⁸ Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. С. 131
- ⁶⁹ Воспоминания Куликова П.В. Ивановская подпольная организация. Л. 7
- ⁷⁰ Протоколы заседаний исполнительного комитета Песчаноозёрского съезда. Л. 34, 36, 37
- ⁷¹ Воспоминания Куликова П.В. Ивановская подпольная организация. Л. 7; Замечания участников гражданской войны на рукопись А.В.Агеева. Л. 25
- ⁷² Рукопись (без подписи). / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 44
- ⁷³ Гранкин Н.М. Воспоминания об Ивановской подпольной организации. Л. 4, 5
- ⁷⁴ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 76. Л. 11
- ⁷⁵ Яковенко Г.Н. Подготовка 2-го Зазейского района к борьбе. / В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1927. С. 108
- ⁷⁶ Воспоминания Бреуса. / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-оборот, 3
- ⁷⁷ Воспоминания т. Галыгина. / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 1. Л. 7
- ⁷⁸ Амурские областные ведомости. 1918. 22 (9) ноября. С. 2
- ⁷⁹ Протоколы заседаний исполнительного комитета Песчаноозёрского съезда. Л. 77
- ⁸⁰ Протоколы заседаний Амурской областной земской управы. Л. 32
- ⁸¹ Там же. Л. 40
- ⁸² Яковенко Г.Н. Подготовка 2-го Зазейского района к борьбе. С. 108; Воспоминания Безлепкина от 3 марта 1925 года. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 50, 50-оборот; Протокол 1-го политического Борисоглебского съезда Амурской губернии. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 521. Л. 2
- ⁸³ Дальневосточное обозрение. 1919. 28 января. С. 2
- ⁸⁴ Протоколы заседаний Амурской областной земской управы. Л. 53-об.
- ⁸⁵ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 16-об, 17
- ⁸⁶ Дальневосточное обозрение. 1919. 28 января. С. 2
- ⁸⁷ Далёкий край. 1919. 28 января. С. 2
- ⁸⁸ Воспоминания т. Галыгина. Л. 8
- ⁸⁹ Далёкая окраина. 1919. 28 января. С. 2

- ⁹⁰ Воспоминания т. Галыгина. Л. 8
- ⁹¹ Безродных И. Амур в огне. С. 38, 39
- ⁹² Воспоминания И. Безродных. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 116
- ⁹³ Протокол комиссии по ознакомлению с происходившими в области событиями. / ГАО Ф. 63-И. Оп. 1. Д. 9. Л. 1
- ⁹⁴ Протоколы заседаний Амурской областной земской управы. Л. 41
- ⁹⁵ Там же. Л. 53-об.-57-об.
- ⁹⁶ Протокол комиссии по ознакомлению с происходившими в области событиями. Л. 1
- ⁹⁷ Безродных И. Амур в огне. С. 44-51; Воспоминания Куликова П.В. Ивановская подпольная организация. Л. 12, 13
- ⁹⁸ Воспоминания Кутового. 1965 г. / Историко- краеведческий музей г. Свободного. Папка № 1. Конверт № 5
- ⁹⁹ Воспоминания Мельникова Ф.Д. 1932 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 386. Л. 104
- ¹⁰⁰ Воспоминания Г.А.Бойко. / ГАО Ф. 987. Оп. 1. Д. 5. Л. 2
- ¹⁰¹ Летопись Амурской области. Благовещенск, 2002. С. 21
- ¹⁰² Воспоминания К.Кидал от 6 июня 1927 года. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 245. Л. 12, 13
- ¹⁰³ Протокол допроса тов. Мухина. / Дальистпарт. Т. 2. Владивосток, 1924. С. 212
- ¹⁰⁴ Из докладов делегатов 3-й Всесибирской подпольной конференции РКП(б). / Красный остров. Хабаровск, 1967. С.311
- ¹⁰⁵ Воспоминания К.Кидал от 6 июня 1927 года. Л. 13-оборот
- ¹⁰⁶ Яковлев Я.И. Революционное движение 1918-1920 гг. в Амурской области и наша партия. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 57
- ¹⁰⁷ Из докладов делегатов 3-й Всесибирской подпольной конференции РКП(б). С. 311
- ¹⁰⁸ Летопись Амурской области. С. 26
- ¹⁰⁹ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 12-13-оборот
- ¹¹⁰ И.Матвеев. Рукопись. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 1
- ¹¹¹ Гранкин Н.М. Воспоминания об Ивановской подпольной организации. Л. 2, 3
- ¹¹² Воспоминания Куликова П.В. Ивановская подпольная организация. Л. 8
- ¹¹³ Протокол комиссии по ознакомлению с происходившими в области событиями. Л. 1
- ¹¹⁴ Воспоминания И. Безродных. Л. 116
- ¹¹⁵ Воспоминания т. Галыгина. Л. 7
- ¹¹⁶ Выступление т. Волкодава на вечере воспоминаний в день 25-летнего юбилея РКП(б). / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 245. Л. 64
- ¹¹⁷ Голик И.Г. Первое выступление Амурских крестьян (Мазановское восстание). / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 144
- ¹¹⁸ Партизанские воспоминания т.Кургузова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 128
- ¹¹⁹ Воспоминания Файнберга о революционных событиях в Приамурье. / ГАО Ф. 242. Оп. 1. Д. 4. Л. 8
- ¹²⁰ Воспоминания Бреуса. Л. 2-оборот, 3
- ¹²¹ Там же. Л. 2-оборот, 3
- ¹²² Партизанские воспоминания т. Кургузова. Л. 127
- ¹²³ Раков. Партизанская борьба на Амуре. / В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1927. С. 118
- ¹²⁴ Партизанские воспоминания т. Кургузова. Л. 127
- ¹²⁵ Раков. Партизанская борьба на Амуре. С. 118
- ¹²⁶ Партизанские воспоминания т. Кургузова. Л. 127
- ¹²⁷ Воспоминания Круглова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 145
- ¹²⁸ Там же. Л. 145
- ¹²⁹ Воспоминания Бреуса. Л. 2-оборот, 3
- ¹³⁰ Воспоминания Круглова. Л. 146; Партизанские воспоминания т. Кургузова. Л. 128
- ¹³¹ Партизанские воспоминания т. Кургузова. Л. 128
- ¹³² Там же. Л. 129
- ¹³³ Юлия Шестакова. Шестаковы. Страницы семейной хроники. /Дальний Восток. Март. 2010. С. 206
- ¹³⁴ Там же. С.206
- ¹³⁵ Воспоминания Круглова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 146
- ¹³⁶ Там же. Л. 146
- ¹³⁷ С.Ципкин, А.Шурыгин, С.Булыгин. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917-1922 гг. Москва, 1933. С. 96
- ¹³⁸ Там же. С. 96
- ¹³⁹ Летопись Амурской области. С. 22
- ¹⁴⁰ Безродных И. Амур в огне. С. 36
- ¹⁴¹ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 12-13-оборот
- ¹⁴² Там же. Л. 12-13-оборот
- ¹⁴³ Воспоминания Безлепкина от 3 марта 1925 года. Л. 50-оборот

- ¹⁴⁴ Восстановленный протокол съезда со слов его участников в 1925 году. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 521. Л. 2
- ¹⁴⁵ Дальневосточное обозрение. 1919. 28 января. С. 2
- ¹⁴⁶ Там же
- ¹⁴⁷ Протоколы заседаний Амурской областной земской управы. Л. 53-оборот – 57-оборот
- ¹⁴⁸ Воспоминания Безлепкина от 3 марта 1925 года. Л. 51
- ¹⁴⁹ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 12-13-оборот
- ¹⁵⁰ Воспоминания Вострикова от 10 февраля 1929 года. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 36-39
- ¹⁵¹ Воспоминания Ф.И.Безлепкина от 14 февраля 1929 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 20, 21
- ¹⁵² Воспоминания Безлепкина от 3 марта 1925 года. Л. 51
- ¹⁵³ Воспоминания Ф.И.Безлепкина от 14 февраля 1929 г. Л. 20, 21
- ¹⁵⁴ Воспоминания Безлепкина от 3 марта 1925 года. Л. 51
- ¹⁵⁵ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 14-оборот - 15-оборот
- ¹⁵⁶ Воспоминания Безлепкина от 3 марта 1925 года. Л. 51
- ¹⁵⁷ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 13-оборот, 14
- ¹⁵⁸ Безродных И. Амур в огне. С. 42
- ¹⁵⁹ Там же
- ¹⁶⁰ Иогансон О. В годы подполья. / В огне революции. Благовещенск, 1958. С. 26
- ¹⁶¹ И.Матвеев. Рукопись. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 2
- ¹⁶² Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 14-оборот - 15-оборот
- ¹⁶³ Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 268. Л. 1
- ¹⁶⁴ И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 248. Л. 171
- ¹⁶⁵ Рукопись Кремеца А.М. / Историко-краеведческий музей г.Свободного. Папка № 14
- ¹⁶⁶ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 15-оборот, 16
- ¹⁶⁷ И.Воронцов. Мухинское восстание. / Красный остров. Хабаровск, 1967. С. 56
- ¹⁶⁸ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 15-оборот, 16
- ¹⁶⁹ И.Воронцов. Мухинское восстание. С. 56
- ¹⁷⁰ Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 15-оборот, 16
- ¹⁷¹ Воспоминания Безлепкина от 3 марта 1925 года. Л. 52
- ¹⁷² Воспоминания Ф.И.Безлепкина от 14 февраля 1929 г. Л. 21
- ¹⁷³ Воспоминания Безлепкина от 3 марта 1925 года. Л. 52
- ¹⁷⁴ И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. Л. 172
- ¹⁷⁵ Голик И.Г. Первое выступление Амурских крестьян (Мазановское восстание). / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 144
- ¹⁷⁶ Сапронов. Мазановское восстание. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 34 -43
- ¹⁷⁷ Наше дело. 1919. 29 января. С. 2
- ¹⁷⁸ Далёкий край. 1919. 28 января. С. 3
- ¹⁷⁹ Телеграмма земского инструктора Перца из Мазаново. / Амурская жизнь. 1919 г. 26 января
- ¹⁸⁰ Раков. Партизанская борьба на Амуре. / В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1927. С. 119
- ¹⁸¹ Далёкий край. 1919. 28 января. С. 3
- ¹⁸² Голик И.Г. Первое выступление Амурских крестьян. Л. 145, 146
- ¹⁸³ Наше дело. 1919. 29 января. С. 2
- ¹⁸⁴ Голик И.Г. Первое выступление Амурских крестьян. Л. 145, 146
- ¹⁸⁵ Список памятников историко-революционного значения в Амурском и Зейском округах ДВК. / Записки Амурского окружного музея. Вып.1. 1930. С. 36
- ¹⁸⁶ Наше дело. 1919. 29 января. С. 2
- ¹⁸⁷ Е.Гальгин. Пережитое. / В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1927. С. 99; Воспоминания С.Кургузова на вечере воспоминаний 9 февраля 1929 года. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 28, 29
- ¹⁸⁸ Далёкий край. 1919. 4, 9 февраля. С. 2
- ¹⁸⁹ Доклад начальника Амурской уездной милиции. / ГААО Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 12
- ¹⁹⁰ Рукопись И.Матвеева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 3; Иван Матвеев. «Мухинское восстание». / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 258
- ¹⁹¹ Доклад И.Матвеева на заседании дальневосточного землячества бригады амурских партизан от 13. 02. 1932 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 33
- ¹⁹² Приамурская жизнь. 1919. 13 февраля. С. 2
- ¹⁹³ И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 248. Л. 172
- ¹⁹⁴ Доклад начальника Амурской уездной милиции. / ГААО Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л.
- ¹⁹⁵ Дальневосточное обозрение. 1919. 4 марта. С. 2
- ¹⁹⁶ Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 12
- ¹⁹⁷ Воспоминания Е.И.Давыдова. / ГААО Ф. 494. Оп. 1. Д. 82. Л. 11, 12
- ¹⁹⁸ И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. Л. 172

- 199 Там же
- 200 Воспоминания Вострикова от 10 февраля 1929 года. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 36-39
- 201 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре (1918-1920 гг.). / ГАО Ф. 194. Оп. 1. Д. 76. Л. 17-оборот
- 202 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 17-оборот; Воспоминания Вострикова от 10 февраля 1929 года. Л. 36-39
- 203 Матвеев. Революционное повстанческое и партизанское движение на Амуре. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 2
- 204 Воспоминания И. Безродных. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 118; Безродных И. Амур в огне. Дальгиз, 1932. С. 58-60; Протокол допроса тов. Мухина. / Дальистпарт. Т. 2. Владивосток, 1924. С. 213
- 205 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 268. Л. 1
- 206 Приамурская жизнь. 1919. 12 февраля. С. 2
- 207 Безродных И. Амур в огне. С. 61
- 208 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 19
- 209 Дальневосточное обозрение. 1919. 4 марта. С. 2
- 210 И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. Л. 172
- 211 Приамурская жизнь. 1919. 21 февраля. С. 2
- 212 Там же
- 213 Там же
- 214 Документы о борьбе партизан д. Иннокентьевки. / ГАО Ф.194. Оп.1. Д.134. Л.7
- 215 Приамурская жизнь. 1919. 21 февраля. С. 2
- 216 Там же
- 217 Там же
- 218 Там же
- 219 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 19-оборот
- 220 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 2, 3
- 221 Приамурская жизнь. 1919. 22 февраля. С. 2
- 222 Там же
- 223 Иван Воронцов. Красный орёл / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 268
- 224 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 12
- 225 Иван Воронцов. Красный орёл. С. 268
- 226 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 12
- 227 Там же
- 228 Иван Воронцов. Красный орёл. С. 269
- 229 Там же
- 230 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 20, 21
- 231 Приамурская жизнь. 1919. 22 февраля. С. 2
- 232 Воспоминания Вострикова от 10 февраля 1929 года. Л. 36-39
- 233 Доклад И.Матвеева на заседании дальневосточного землячества. Л. 32, 33
- 234 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 17-оборот, 18; Воспоминания Вострикова от 10 февраля 1929 года. Л. 36-39
- 235 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 10-оборот
- 236 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 17-оборот, 18
- 237 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 3
- 238 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 11
- 239 Цитируется по: Доценко Н.В. Страницы истории гражданской войны (Кутиловский бой). / Амурский краевед (информационный вестник) № 1 (16). Благовещенск, 1999. С. 13
- 240 Воспоминания Бочкова об организации подполья в с. Ивановке. / ГАО Ф. 194. Оп. 1. Д. 71. Л. 7, 8
- 241 Протокол допроса тов. Мухина. С. 211
- 242 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 17-оборот, 18-оборот
- 243 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 10-оборот
- 244 Воспоминания Куликова П.В. Ивановская подпольная организация. Л.16
- 245 Там же
- 246 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 11
- 247 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 17-оборот, 18-оборот
- 248 Садчиков Г.П.Падение власти Советов в 1918 году. Л. 143
- 249 Безродных И. Амур в огне. С. 60
- 250 Доклад И.Матвеева на заседании дальневосточного землячества. Л. 32, 33
- 251 Приамурская жизнь. 1919. 25 февраля. С. 2
- 252 Воспоминания Е.И.Давыдова. Л. 12
- 253 Приамурская жизнь. 1919. 25 февраля. С. 2

- 254 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 12-об
- 255 Автобиография С.И.Меркулова. Историко-краеведческий музей г. Свободного. Папка № 4. Автобиографии
- 256 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 18-оборот
- 257 Воспоминания Е.И.Давыдова. Л. 12
- 258 Там же. Л. 13
- 259 Доклад И.Матвеева на заседании дальневосточного землячества. Л. 35; Безродных И. Амур в огне. С. 62
- 260 Протокол допроса тов. Мухина. С. 210
- 261 Там же
- 262 Садчиков Г.П.Падение власти Советов в 1918 году. Л. 143
- 263 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 12-об
- 264 Иван Воронцов. Красный орёл. С. 269
- 265 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 20-оборот
- 266 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 13
- 267 Следственное дело Г. Драгошевского. / ГААО Ф. 987. Оп. 1. Д. 9. Л. 61
- 268 Доклад И.Матвеева. Л. 37
- 269 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 12-Об
- 270 Приамурская жизнь. 1919. 4 марта. С. 2
- 271 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 21
- 272 Гранкин Н. Так было. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 30. Л. 3
- 273 Бойко Г.А. Автобиографическая справка. / ГААО Ф. 987. Оп. 1. Д. 5. Л. 4
- 274 Безродных И. Амур в огне. С. 62
- 275 Воспоминания Янисова. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 113. Л. 23
- 276 Безродных И. Амур в огне. С. 60
- 277 Воспоминания Бочкова об организации подполья в с. Ивановке. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 71. Л. 8
- 278 Яковлев Я. Подпольный обком действует. / Красный остров. Хабаровск, 1967. С. 124
- 279 Из докладов делегатов III Всесибирской подпольной конференции РКП(б) о работе на местах. 20-21 марта 1919 года. / Красный остров. Хабаровск, 1967. С. 311
- 280 Яковлев Я.И. Революционное движение 1918-1920 гг. в Амурской области и наша партия. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л.57
- 281 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 21, 23
- 282 Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. / ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.246. Л. 173
- 283 Шиндялов Н.А. Комментарии к главе 1-й. / А.В.Агеев. Партизанское движение в Амурской области. Благовещенск, 1970. С. 79
- 284 Воспоминания Янисова. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 113. Л. 23, 24
- 285 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 23-оборот
- 286 Шиндялов Н.А. Комментарии к главе 1-й. / А.В.Агеев. С. 79
- 287 Безродных И. Бои повстанческой армии. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 265
- 288 Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. Л. 173
- 289 Рукопись И.Матвеева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 6
- 290 Приамурская жизнь. 1919. 7 марта. С. 2
- 291 Из воззвания генерал-майора Ямада / Газета «Эхо». 1919. № 35. г.Благовещенск. Цитируется по: Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 145
- 292 Агеев А.В. Амурские партизаны. Хабаровск, 1974. С. 54
- 293 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 61
- 294 Иван Воронцов. Красный орёл. С. 270
- 295 Безродных И. Бои повстанческой армии. С. 265
- 296 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 61
- 297 Обиденко А.С. Восстание в Амурской области. 1919-1920 гг. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 1
- 298 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 61-оборот
- 299 Воспоминания Е.И.Давыдова. Л. 14
- 300 Гранкин Н.М. Замечания участников гражданской войны на рукопись А.В.Агеева «Амурские партизаны». 1966 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 31. Л. 7
- 301 Шолохов. Описание революционного движения из 1918 года. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 40-оборот, 41
- 302 Рукопись И.Матвеева. Л. 6
- 303 Безлепкин Ф.И. Воспоминания амурского партизана. Л. 23
- 304 Наше дело. 1919. 4 марта. С. 2
- 305 Журнал объединённого заседания районного штаба, Маркучинского волостного и Маркучинского сельского, и Малопёрского, и членов Главного штаба. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 111. Л. 78-81

- 306 Раков И. Партизанская борьба на Амуре. С. 121
- 307 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 13-об.
- 308 Воспоминания Круглова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 146
- 309 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 13
- 310 Там же
- 311 Журнал объединённого заседания. Л. 80
- 312 Там же. Л. 78, 80
- 313 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 13
- 314 Воспоминания С.Кургузова на вечере воспоминаний 9 февраля 1929 года. Л. 31
- 315 Воспоминания Круглова. Л. 147
- 316 Раков И. Партизанская борьба на Амуре. С. 120; Воспоминания С.Кургузова на вечере воспоминаний. Л. 30
- 317 Раков И. Партизанская борьба на Амуре. С. 120; Воспоминания Круглова. Л. 146;
- 318 Раков И. Партизанская борьба на Амуре. С. 120
- 319 Там же. С. 121
- 320 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 23, 23-оборот
- 321 Раков И. Партизанская борьба на Амуре. С. 120
- 322 История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Владивосток, 2003; История Амурской области. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. Благовещенск, 2005
- 323 Безродных И. Амур в огне. С. 77; Безлепкин Ф.И. Воспоминания амурского партизана. Л. 26; Рукопись И.Матвеева. Л. 6
- 324 Журнал объединённого заседания. Л. 80
- 325 Воспоминания Е.И.Давыдова. Л. 14
- 326 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 5
- 327 Воспоминания Е.И.Давыдова. Л. 14
- 328 Раков И. Партизанская борьба на Амуре. С. 121
- 329 Воспоминания С.Кургузова на вечере воспоминаний 9 февраля 1929 года. Л. 31
- 330 Агеев А.В.Амурские партизаны. С. 57
- 331 Летопись Амурской области. С. 24
- 332 Раков И. Партизанская борьба на Амуре. С. 122
- 333 Там же
- 334 Там же
- 335 Воспоминания Круглова. Л. 149
- 336 Агеев А.В. Генрих Драгошевский. Хабаровск, 1967. С. 48
- 337 Агеев А.В.Амурские партизаны. С. 58
- 338 Памятники истории и культуры Амурской области. Благовещенск, 1991. С. 108
- 339 А.Шурьгин, З.Карпенко. Гражданская война в Дальневосточном крае. / Борьба за Советский Дальний Восток (1918-1922 гг.) Дальгиз, 1938. С. 54
- 340 Воронцов И. Мухинское восстание / Красный остров. Хабаровск, 1967. Л. 59
- 341 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14
- 342 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 6
- 343 Воспоминания Е.И.Давыдова. Л. 16
- 344 Безлепкин Ф.И. Воспоминания амурского партизана. Л. 33; Обиденко А.С.. Восстание в Амурской области. Л. 2; Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 22
- 345 Приамурская жизнь. 1919. 9 марта. С. 3
- 346 Там же. 7 марта. С. 2
- 347 Следственное дело Драгошевского. Л. 62
- 348 Воспоминания А.Ф.Гольдфингера / ГАХК Ф. П-442. Оп. 2. Д. 235. Л. 21
- 349 Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. Л. 174
- 350 Ф.И.Безлепкин. Воспоминания амурского партизана. Л. 33; Рукопись И.Матвеева. Л. 13
- 351 Там же
- 352 Ф.И.Безлепкин. Воспоминания амурского партизана. Л. 33
- 353 Там же
- 354 Воспоминания А.Ф.Гольдфингера. Л. 21
- 355 Рукопись И.Матвеева. Л. 13
- 356 Воспоминания Е.Гальгина / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 1. Л. 8
- 357 Мальшев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 178
- 358 Партизанские воспоминания т. Кургузова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 134
- 359 Безлепкин Ф.И. Воспоминания 1929 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 34
- 360 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 6. Л. 28
- 361 Воспоминания Е.Гальгина / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 1. Л. 9

- 362 Партизанские воспоминания т. Кургузова. Л. 134
- 363 Воспоминания Бочкова об организации подполья в с. Ивановке. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 71. Л. 12
- 364 Рукопись И.Матвеева. Л. 14; Безлепки Ф.И. Воспоминания 1929 г. Л. 34
- 365 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 6
- 366 Рукопись И.Матвеева. Л. 14; Безлепки Ф.И. Воспоминания 1929 г. Л. 34
- 367 Воспоминания Е.Галыгина / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 1. Л. 9
- 368 Воспоминания С.С.Кургузова. Л. 33
- 369 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 7
- 370 С.Ципкин, А.Шурыгин, С.Булыгин. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917-1922 гг. Москва, 1933. С. 105
- 371 Воспоминания Е.Галыгина. Л. 9
- 372 Там же. Л. 8-9
- 373 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 7
- 374 Воспоминания Е.И.Давыдова. Л. 16
- 375 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 7
- 376 Безлепки Ф.И. Воспоминания 1929 г. Л. 34
- 377 Приамурская жизнь. 1919. 7 марта. С. 2
- 378 Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. Л. 175
- 379 Обиденко А.С. Восстание в Амурской области 1919-1920 гг. Л. 3
- 380 Воспоминания Бочкова об организации подполья в с.Ивановке. Л. 13
- 381 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 23
- 382 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 67
- 383 Рукопись И.Матвеева. Л. 14
- 384 Безлепки Ф.И. Воспоминания амурского партизана. Л. 35
- 385 Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. Л. 175; Следственное дело Г.Драгошевского. Л. 62-Об
- 386 Воспоминания Е.Галыгина. Л. 9
- 387 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 23
- 388 Безлепки Ф.И. Воспоминания амурского партизана. Л. 35
- 389 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14
- 390 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 23
- 391 Там же
- 392 Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. Л. 175
- 393 Следственное дело Г.Драгошевского. Л. 62-Об
- 394 Приамурская жизнь. 1919. 12 марта. С. 3
- 395 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 23
- 396 Летопись Амурской области. Т.2. Благовещенск, 2001. С. 24
- 397 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14
- 398 Партизанские воспоминания т.Кургузова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 135
- 399 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14
- 400 Амурское эхо. 1919. 12 марта
- 401 Следственное дело Г.Драгошевского. Л. 62-Об
- 402 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 6. Л. 35
- 403 Следственное дело Г.Драгошевского. Л. 63
- 404 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 25-оборот
- 405 Безлепки Ф.И. Воспоминания амурского партизана. Л. 35; Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 26-оборот
- 406 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14
- 407 Там же. Л.36
- 408 Там же. Л.14
- 409 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 27-оборот
- 410 Летопись Амурской области. С. 24
- 411 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14-Об; Следственное дело Г.Драгошевского. Л. 63
- 412 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14-Об
- 413 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 69
- 414 Воспоминания Мельникова Ф.Д. 1932 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 386. Л. 107
- 415 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 32
- 416 Иван Воронцов. Красный орёл. С. 270; Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. Л. 175
- 417 Рукопись И.Матвеева. Л. 16
- 418 Безлепки Ф.И. Воспоминания амурского партизана. Л. 35
- 419 Воспоминания Бочкова об организации подполья в с.Ивановке. Л. 13
- 420 Следственное дело Г.Драгошевского. Л. 63

- 421 Воспоминания Меркулова С.И. Л. 2
- 422 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14-Об; Амурское эхо. 1919. 28 марта; Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 63
- 423 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 63
- 424 Амурское эхо. 1919. 25 марта. С. 2
- 425 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 63
- 426 Амурское эхо. 1919. 25 марта. С. 2
- 427 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 16
- 428 Гранкин Н. Так было. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 30. Л. 7
- 429 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 16
- 430 Там же. Л. 16, 16-Об
- 431 Амурское эхо. 1919. 29 марта. С. 2
- 432 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 74
- 433 Там же. Л. 63
- 434 Там же
- 435 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14-Об
- 436 Амурское эхо. 1919. 25 марта. С. 2
- 437 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 15
- 438 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 74-Об
- 439 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 15
- 440 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 63
- 441 Там же
- 442 Амурское эхо. 1919. 29 марта. С. 2
- 443 Летопись Амурской области. С. 25
- 444 Раков И. Партизанская борьба на Амуре. / В огне революции. Сб. статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1927. С. 123
- 445 Партизанские воспоминания т. Кургuzова. Л. 136
- 446 Савва Кургузов. В тайге (из партизанских былей). // ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 270. Л. 2, 3
- 447 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 51, 63-Об
- 448 Амурское эхо. 1919. 1 апреля. С. 3
- 449 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 17
- 450 Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 63-Об
- 451 Иван Воронцов. Красный орёл. Л. 270
- 452 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 82
- 453 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 16-Об
- 454 Там же
- 455 Там же. Л. 17
- 456 Летопись Амурской области. С. 25
- 457 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 16-Об
- 458 Воронцов И. Мухинское восстание. С. 62-63
- 459 Приказы по Амурскому казачьему войску / ГААО Ф. 10-И. Оп. 1. Д. 169 а. Л. 17
- 460 Амурское эхо. 1919. 8 марта. С. 3
- 461 Сорокин А.И. Русско-японская война 1904-1905 г. М.: Воениздат, 1956. С. 45
- 462 Общее описание боевых действий японских войск в России с июля 1918 года по январь 1919 года (официально от военного министерства). / Амурское эхо. 1919 г. 8 марта (23 февраля)
- 463 А. Шурьгин, З. Карпенко. Гражданская война в Дальневосточном крае. Краткий очерк. / Борьба за Советский Дальний Восток (1918-1922 гг.). Дальгиз, 1938. С. 54
- 464 Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 168
- 465 Шиндялов Н.А. Комментарии к странице 13. / Агеев А.В. Амурские партизаны. Хабаровск, 1974. С. 14
- 466 Приамурская жизнь. 1919. 25 февраля. С. 2
- 467 История Амурской области. Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. Благовещенск, 2005. С. 184
- 468 Съезды Советов Амурской области. 1918-1936 гг. Сборник документов и материалов. Благовещенск, 1987. С. 50
- 469 Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. С. 175
- 470 Хрестоматия по истории Амурской области. Сборник документов и материалов. Благовещенск, 1980. С. 120
- 471 Агеев А.В. Амурские партизаны. Хабаровск, 1974. С.
- 472 История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Владивосток, 2003. С. 323
- 473 С. Кургузов. Амурское партизанское движение (1918-1920 гг.). 1931 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 270. Л. 18
- 474 Партизанские воспоминания т. Кургuzова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 136
- 475 Воспоминания Безродных И. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 119

- ⁴⁷⁶ Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 6. Л. 20, 21
- ⁴⁷⁷ Безродных И. Амур в огне. Дальгиз, 1932. С. 62
- ⁴⁷⁸ Там же. С. 73
- ⁴⁷⁹ Там же. С. 65
- ⁴⁸⁰ Безлепкин Ф.И. Воспоминания амурского партизана о борьбе 1918-1920 гг. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 24
- ⁴⁸¹ Кургузов С. Амурская партизанская армия (отряд Драгошевского). / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 172. Л. 127
- ⁴⁸² Следственное дело Г. Драгошевского. / ГААО Ф. 987. Оп. 1. Д. 9. Л. 60-оборот
- ⁴⁸³ Воспоминания И. Безродных. Л. 118
- ⁴⁸⁴ Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 60-оборот, 61
- ⁴⁸⁵ Безродных И. Амур в огне. С. 66
- ⁴⁸⁶ Там же. С. 71
- ⁴⁸⁷ Воспоминания Давыдова Е.И. / ГААО Ф. 494. Оп. 1. Д. 82. Л. 12
- ⁴⁸⁸ Бойко Г.А. Автобиографическая справка / ГААО Ф. 987. Оп. 1. Д. 5. Л. 3
- ⁴⁸⁹ Кургузов С. Амурская партизанская армия. Л. 127
- ⁴⁹⁰ А. Шурыгин, З. Карпенко. Гражданская война в Дальневосточном крае. С. 54
- ⁴⁹¹ Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. С. 170
- ⁴⁹² Садчиков Г.П. Падение власти Советов в 1918 году. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 248. Л. 143
- ⁴⁹³ Доклад начальника Амурской уездной милиции. / ГААО Ф. 750. Оп. 1. Д. 1. Л. 10-оборот
- ⁴⁹⁴ Автобиография С.И. Меркулова. Историко-краеведческий музей г. Свободного. Папка № 4.
- Автобиографии
- ⁴⁹⁵ Следственное дело Г. Драгошевского. Л. 61
- ⁴⁹⁶ Там же. Л. 62
- ⁴⁹⁷ Ф.И. Безлепкин. Воспоминания амурского партизана. Л. 32
- ⁴⁹⁸ Воспоминания И.Т. Воронцова от 10 июля 1937 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 268. Л. 5
- ⁴⁹⁹ Иван Воронцов. Красный орёл. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 269
- ⁵⁰⁰ Приамурская жизнь. 1919. 7 марта. С. 2
- ⁵⁰¹ Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 21
- ⁵⁰² Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 173
- ⁵⁰³ Иван Воронцов. Красный орёл. С. 270
- ⁵⁰⁴ Рукопись И. Матвеева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 8
- ⁵⁰⁵ Обиденко А.С. Восстание в Амурской области 1919-1920 гг. (27 мая 1927 г.). / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 1
- ⁵⁰⁶ Шолохов Н.Е.. Описание революционного движения из 1918 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 41
- ⁵⁰⁷ Амурская жизнь. 1919. Приложение к № за 11 апреля
- ⁵⁰⁸ Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14
- ⁵⁰⁹ Там же. Л. 13-Об.
- ⁵¹⁰ Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 23; Гранкин Н.М. Воспоминание о Чудиновском бое. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 20. Л. 4
- ⁵¹¹ Воспоминания И.Т. Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 4
- ⁵¹² Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в амурской области. Л. 21
- ⁵¹³ Раков И. Партизанская борьба на Амуре. / В огне революции. Сб. статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1927. С. 120; Воспоминания Круглова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 149
- ⁵¹⁴ Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 21
- ⁵¹⁵ Воронцов И. Мухинское восстание. / Красный остров. Хабаровск, 1967. С. 59-60
- ⁵¹⁶ Ф.И. Безлепкин. Воспоминания амурского партизана. Л. 33
- ⁵¹⁷ Там же. Л. 33
- ⁵¹⁸ Галыгин Е. Пережитое. / В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1927. С. 99
- ⁵¹⁹ Воспоминания Давыдова Е.И. Л. 16
- ⁵²⁰ Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 23
- ⁵²¹ Приамурская жизнь. 1919. 7 марта. С. 2
- ⁵²² Раков И. Партизанская борьба на Амуре. С. 120
- ⁵²³ Приамурская жизнь. 1919. 7 марта. С. 2
- ⁵²⁴ Воспоминания С.С. Кургузова на вечере воспоминаний 9 февраля 1929 года. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 33

- 525 Безродных И. Амур в огне. С. 82
- 526 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 30
- 527 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 13; Он же. Критические замечания на выпущенные книги по истории гражданской войны на Амуре. 1957 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 31. Л. 6
- 528 Воспоминания т.Галыгина. / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 1. Л. 8
- 529 Воспоминания А.Ф.Гольдфингера / Ф. П-442. Оп. 2. Д. 235. Л. 21
- 530 Приамурская жизнь. 1919. 7 марта. С. 2
- 531 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в амурской области. Л. 34
- 532 Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. Л. 175
- 533 Безлепкин Ф.И. Воспоминания. 1929 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 6
- 534 Бойко Г.А. Автобиографическая справка / ГААО Ф. 987. Оп. 1. Д. 5. Л. 4
- 535 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 66
- 536 Приамурская жизнь. 1919. 11 марта. С. 2
- 537 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в амурской области. Л. 33
- 538 Воспоминания Мельникова Ф.Д. 1932 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 386. Л. 105
- 539 Н.А.Шиндялов. За власть Советов (1917-1922 гг.). Благовещенск, 1971. С. 31; История Амурской области. С. 185
- 540 Красный остров. Хабаровск, 1967. С. 312
- 541 Безродных И. Амур в огне. С. 42
- 542 Вооружённые силы Японии. История и современность. М.: Наука, 1985. С. 18
- 543 История Первой Мировой войны 1914-1918. Т.1. М.: Наука, 1975. С. 102
- 544 Иван Воронцов. Красный орёл. С. 268
- 545 Рукопись И.Матвеева. Л. 14
- 546 Воспоминания Е.Галыгина. Л. 9
- 547 Воспоминания А.Ф.Гольдфингера. Л. 22-23
- 548 Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. С. 179 (со ссылкой на документ: ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д.32. Л.42-44.)
- 549 Кургузов С.С. Амурская партизанская армия. Л. 128
- 550 Воспоминания Бочкова об организации подполья в с.Ивановке. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 74. Л. 9
- 551 Кургузов С. Амурская партизанская армия. Л. 128
- 552 Партизанские воспоминания т.Кургузова. Л. 137
- 553 Там же
- 554 Ф.И.Безлепкин. Воспоминания амурского партизана. Л. 22; Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре (1918-1919 гг.). 1932 г. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 76. Л. 21
- 555 Автобиография И.Т.Воронцова / Краеведческий музей г.Свободного
- 556 Кургузов С.С. Виноградовский бой / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 172. Л. 130
- 557 Безродных И. Амур в огне. С. 75
- 558 Рукопись И.Матвеева. Л. 6
- 559 Бойко Г.А. Автобиографическая справка. Л. 4
- 560 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в амурской области. Л. 34
- 561 Воспоминания Ф.И.Безлепкина. Л. 52-Об.
- 562 Там же.
- 563 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 4
- 564 Приамурская жизнь. 1919. 25 февраля. С. 2
- 565 Безродных И. Амур в огне. С. 64
- 566 Следственное дело Драгошевского. Л. 61
- 567 Иван Воронцов. Красный орёл. С. 268
- 568 Строков А.А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца I Мировой войны 1914-1918 гг.). М.: Воениздат, 1967. С. 58
- 569 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 12-Об.
- 570 Приамурская жизнь. 1919. 25 февраля. С. 2
- 571 Воспоминания Ф.И.Безлепкина. Л. 52-Об.
- 572 Ф.И.Безлепкин. Воспоминания амурского партизана. Л. 24
- 573 Кургузов С.С. Амурская партизанская армия. Л. 130
- 574 Там же
- 575 Там же
- 576 Безродных И. Амур в огне. С. 71

- 577 Бойко Г.А. Автобиографическая справка. Л. 4
- 578 Воспоминания Давыдова Е.И. Л. 13
- 579 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 20
- 580 Документы о борьбе партизан д. Иннокентьевки. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 134. Л. 9-оборот
- 581 Партизанские воспоминания т.Кургузова. Л. 133
- 582 Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. С. 177
- 583 Безродных И. Амур в огне. С. 78
- 584 Строков А.А. История военного искусства. С. 168
- 585 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 60
- 586 Строков А.А. История военного искусства. С. 58
- 587 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в амурской области. Л. 24
- 588 Рукопись И.Матвеева. Л. 8; Партизанские воспоминания т. Кургузова. Л. 132
- 589 Ф.И.Безлепкин. Воспоминания амурского партизана. Л. 31; Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. Л. 174; Воспоминания Давыдова Е.И. Л. 15
- 590 Автобиография И.Т.Воронцова. Л. 1
- 591 Следственное дело Драгошевского. Л. 62
- 592 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 14
- 593 Следственное дело Драгошевского. Л. 62
- 594 Ф.И.Безлепкин. Воспоминания амурского партизана. Л. 32
- 595 Следственное дело Драгошевского. Л. 62
- 596 Автобиография И.Т.Воронцова. Л. 1
- 597 Наше дело. 1919. 4 марта. С. 3
- 598 А.Шурыгин, З.Карпенко. Гражданская война в Дальневосточном крае. С. 54
- 599 Воспоминания Бочкова об организации подполья в с.Ивановке. Л. 11
- 600 Воспоминания С.С.Кургузова. Л. 32
- 601 Там же
- 602 Рукопись И.Матвеева. Л. 11; Воспоминания С.С.Кургузова. Л. 33
- 603 С.Ципкин, А.Шурыгин, С.Булыгин. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий 1917-1922 гг. Москва, 1933. С. 104
- 604 С.Ципкин, А.Шурыгин, С.Булыгин. С. 109
- 605 В.Гревс. Американская авантюра. / Им не убить идеала. По документам и воспоминаниям. Хабаровск, 1990. С. 123, 124
- 606 Приамурская жизнь. 1919. 9 марта. С. 3
- 607 Там же. 7 марта. С. 2
- 608 Там же
- 609 Воспоминания С.С.Кургузова. Л. 33
- 610 Юлия Шестакова. Шестаковы. Страницы семейной хроники. /Дальний Восток. Март. 2010. С. 212
- 611 Ф.И.Безлепкин. Воспоминания амурского партизана. Л. 31-32
- 612 Рукопись И.Матвеева. Л. 9
- 613 Шолохов. Описание революционного движения из 1918 года. Л. 42
- 614 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 3, 4
- 615 Воспоминания С.С.Кургузова. Л. 33
- 616 Рукопись И.Матвеева. Л. 14
- 617 Воронцов И. Мухинское восстание. С. 60
- 618 Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 7
- 619 Автобиография И.Т.Воронцова. Л. 2
- 620 Шолохов. Описание революционного движения из 1918 года. Л. 42
- 621 Обиденко А.С. Восстание в Амурской области. 1919-1920 гг. Л. 3
- 622 Приамурская жизнь. 1919. 7 марта. С. 2
- 623 Рукопись И.Матвеева. Л. 14
- 624 Автобиография И.Т.Воронцова. Л. 2
- 625 Воронцов И. Мухинское восстание. С. 60
- 626 Воронцов И.Т. Партизанское движение на Амуре. Л. 175; Воспоминания И.Т.Воронцова от 10 июля 1937 г. Л. 7
- 627 Воспоминания Е.Галыгина. Л. 9
- 628 Шолохов. Описание революционного движения из 1918 года. Л. 42
- 629 Воронцов И. Мухинское восстание. С. 60
- 630 Куц. Зачатки партизанского движения в Александровском районе / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 1-Об.
- 631 Список памятников историко-революционного значения в Амурском и Зейском округах ДВК. / Записки

- Амурского окружного музея. Вып.1. 1930. С. 37
- 632 Приамурская жизнь. 1919. 7 марта. С. 2
- 633 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 33
- 634 А.Шурыгин, З.Карпенко. Гражданская война в Дальневосточном крае. С. 54
- 635 Воспоминания Бочкова об организации подполья в с.Ивановке. Л. 8
- 636 Доклад И.Ф.Матвеева на заседании Дальневосточного землячества амурских партизан 13.02.1932 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 34-оборот
- 637 Безродных И. Амур в огне. С. 74; Воспоминания Бочкова об организации подполья в с.Ивановке. Л. 9
- 638 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 12
- 639 Безродных И. Амур в огне. С. 72; Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 20
- 640 Воспоминания С.Кургузова на вечере воспоминаний 9 февраля 1929 года. Л. 32
- 641 Безлепкии Ф.И. Воспоминания 1929 г. Л. 35; Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре (1918-1919 гг.). 1932 г. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 76. Л. 22-оборот
- 642 Кургузов С.С. Амурская партизанская армия. Л. 128
- 643 Гранкин Н.М. Замечания участников гражданской войны на рукопись А.В.Агеева «Амурские партизаны». 1966 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 31. Л. 9
- 644 Доклад начальника Амурской уездной милиции. Л. 13-Об
- 645 Протокол допроса тов. Мухина. / Дальистпарт. Т.2. Владивосток, 1924. С. 212
- 646 Воспоминания С.С.Кургузова на вечере воспоминаний 9 февраля 1929 года. Л. 34
- 647 Шолохов Н.Е. Описание революционного движения из 1918 г. Л. 41
- 648 Гранкин Н.М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области. Л. 37
- 649 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 26
- 650 Воспоминания Мельникова Ф.Д. 1932 г. Л. 105
- 651 История Амурской области. С. 181
- 652 Воспоминания И.Т.Воронцова. 1937 г. Л. 3
- 653 А.В.Агеев. Справка о характере партизанской войны на Амуре. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 31. Л. 32
- 654 Безлепкии Ф.И. Воспоминания Амурского партизана. Л. 21
- 655 Воспоминания И.Т.Воронцова. 1937 г. Л. 4
- 656 А.В.Агеев. Справка о характере партизанской войны на Амуре. Л. 32
- 657 Таблица 1. Хозяйства крестьянского типа. / Поселенные итоги сельскохозяйственной переписи в 1917 г. Благовещенск, 1918, С. 56
- 658 Экономические очерки Амурской области. Таблицы. Благовещенск, 1920. С. 86-87
- 659 В.И.Ленин. Соч., Т. 3, С. 96 (Цитируется по: Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября. Благовещенск, 1962. С. 69); А.И.Крушанов. Особенности развития народного хозяйства Дальневосточного региона России в период империализма / Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в период капитализма. Владивосток, 1989. С. 18
- 660 В.И.Ленин. Соч., Т. 3, С. 96
- 661 Труды ... Амурской экспедиции. Т. 1. Ч. 1. Поселенческие таблицы. С-Птб, 1912. С. 290
- 662 Воспоминания Щепа. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 110-113
- 663 Приложение к газете Амурское эхо. № 1005.1919. 1 апреля.
- 664 Летопись Амурской области. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 23
- 665 ГААО Ф. 114. Оп. 1. Д. 54. Л. 1
- 666 Приамурская жизнь. 1919. 27 февраля. С. 2
- 667 ГААО Ф. 114. Оп. 1. Д. 54. Л. 1
- 668 Воспоминания Бочкова об организации подполья в с.Ивановке. Л. 8
- 669 Воспоминания И.Т.Воронцова. 1937 г. Л. 4
- 670 С.Кургузов. Амурское партизанское движение. Л. 19
- 671 Воспоминания И.Т.Воронцова. 1937 г. Л. 3
- 672 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 23
- 673 История Дальнего Востока России. С. 324; Летопись Амурской области. Т. 2. С.25; Амурская областная организация КПСС. 1899-1986 гг. Хроника. Благовещенск, 1986. С. 47, 48; и пр.
- 674 Бой с большевиками. Сообщение японского штаба. / Амурское эхо. 1919. 25 (12) марта
- 675 Амурская жизнь. 1919 г. 28 марта
- 676 Протокол заседания Комиссии по исследованию событий, происшедших в с.Ивановке Амурской области. / ГААО Ф. 63-И. Оп. 1. Д. 10. Л. 11-оборот
- 677 О сожжении японцами села Ивановки (из сообщения «Дальта»). / Дальневосточная правда. 1921. 21 марта. № 63. Цитируется по: Борьба за Советский Дальний Восток (1918-1922 гг.). Дальгиз, 1938. С. 65, 66
- 678 Протокол заседания Комиссии по исследованию событий, происшедших в с. Ивановке. Л. 11
- 679 История Дальнего Востока России. С. 324

- ⁶⁸⁰ Памятники истории и культуры Амурской области. Благовещенск, 1991. С. 75
- ⁶⁸¹ Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. С. 145
- ⁶⁸² Шиндялов Н.А. За власть Советов. Благовещенск: Хабаровское кн. изд., 1971. С. 31
- ⁶⁸³ Амурская областная организация КПСС. Благовещенск: Амурское отделение Хабаровского кн. изд. С. 47, 48
- ⁶⁸⁴ Гранкин Н. Дополнение по с. Ивановка. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 30. Л. 74-об; Воспоминания Куликова П.В. Ивановская подпольная организация в период 1918-1919 гг. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 14. Л. 17
- ⁶⁸⁵ Гранкин Н. Дополнение по с. Ивановка. Л. 74-об
- ⁶⁸⁶ Метрическая книга Ивановской церкви. 1918-1919 гг. Л. 233-241
- ⁶⁸⁷ Убытки и жертвы Ивановского пожара. / Амурское слово. 1919. 26 (13) августа. № 48. С. 4
- ⁶⁸⁸ Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. С. 145
- ⁶⁸⁹ О сожжении японцами села Ивановки. Цитируется по: Борьба за Советский Дальний Восток. С. 65, 66
- ⁶⁹⁰ ГААО Ф. 63-И. Оп. 1. Д. 10. Л. 41
- ⁶⁹¹ Борьба за Советский Дальний Восток (1918-1922 гг.). Дальгиз, 1938. С. 68
- ⁶⁹² Малышев В.П. Борьба за власть Советов на Амуре. С. 145
- ⁶⁹³ История Дальнего Востока России. С. 324
- ⁶⁹⁴ Октябрь на Амуре. Сборник документов. 1917-1922 гг. Благовещенск, 1961. С. 113
- ⁶⁹⁵ С.Ципкин, А.Шурыгин, С.Булыгин. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. С. 110
- ⁶⁹⁶ ГААО Ф. 63-И. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 2
- ⁶⁹⁷ ГААО Ф. 63-И. Оп. 1. Д. 10. Л. 41
- ⁶⁹⁸ Следственное дело Г.Драгошевского. / ГААО Ф. 987. Оп. 1 Д. 9. Л. 63-оборот
- ⁶⁹⁹ Там же. Л. 80
- ⁷⁰⁰ Воспоминания М.Н.Атавина о партийно-политической работе в партизанских отрядах Амурской области. / ГААО Ф. 1816. Оп. 1. Д. 2. Л. 6
- ⁷⁰¹ Следственное дело Г.Драгошевского. Л. 80
- ⁷⁰² Там же. Л. 74-оборот
- ⁷⁰³ Воспоминания И.Безродных. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 119
- ⁷⁰⁴ Воспоминания П.Вострикова. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 76. Л. 31
- ⁷⁰⁵ Амурское эхо. 1919. 22 мая
- ⁷⁰⁶ Воспоминания И.Безродных. Л. 119
- ⁷⁰⁷ Приамурская жизнь. 1919. 7 июня
- ⁷⁰⁸ Обиденко А.С. Партизанское движение в Амурской области. 1927 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1 Д. 246. Л. 6
- ⁷⁰⁹ Амурское эхо. 1919. 22 мая
- ⁷¹⁰ Обиденко А.С. Партизанское движение в Амурской области. Л. 6, 7
- ⁷¹¹ Воспоминания И.И.Богатырёва. 1927 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1 Д. 246. Л. 71-73
- ⁷¹² Воспоминания Прохорова. / Свободненский историко-краеведческий музей. Л. 57
- ⁷¹³ Амурское эхо. 1919. 22 мая
- ⁷¹⁴ Воспоминания Прохорова. Л. 58
- ⁷¹⁵ Воспоминания А.Ф.Гольдфингера. / ГАХК Ф. П-442. Оп. 2. Д. 235. Л. 24
- ⁷¹⁶ Там же. Л. 25
- ⁷¹⁷ А.Ф.Гольдфингер. Венгерские партизаны. / Этих дней не смолкнет слава. Сборник воспоминаний участников гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск. 1957. С. 136
- ⁷¹⁸ Приамурская жизнь. 1919. 7 июня
- ⁷¹⁹ Наши дни. 1919. 17 мая
- ⁷²⁰ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 240. Л. 89-92
- ⁷²¹ Наши дни. 1919. 21 мая. С. 3
- ⁷²² Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении. Л. 92, 92-об
- ⁷²³ Голос тайги. 1919 г. 24 (11) июня
- ⁷²⁴ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении. Л. 94-об
- ⁷²⁵ Воспоминания М.Круглова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 149
- ⁷²⁶ Кошелев. Подготовительная работа к партизанскому движению в г. Зее. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 240. Л. 21
- ⁷²⁷ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении. Л. 94-об
- ⁷²⁸ Воспоминания М.Круглова. Л. 150
- ⁷²⁹ Там же. Л. 149
- ⁷³⁰ И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 246
- ⁷³¹ Приамурская жизнь. 1919. 6 августа
- ⁷³² Воспоминания М.Круглова. Л. 149, 150
- ⁷³³ Воспоминания И.С.Фролова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 109-оборот
- ⁷³⁴ Амурское слово. 1919. 13 августа
- ⁷³⁵ И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 229

- 736 Там же. Л. 233
- 737 Письмо А.А.Слесарева Н.М.Гранкину. 1962 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 35
- 738 Хрестоматия по истории Амурской области. Благовещенск, 1980. С. 121
- 739 История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Владивосток, 2003. С. 348
- 740 Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 40
- 741 И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 248. Л. 177
- 742 Там же
- 743 Наши дни. 1919. 17 мая. С. 3
- 744 Автобиография А.Н.Бутрина. 1961 г. / ГААО Ф. 987. Оп. 1. Д. 6. Л. 7
- 745 Шульман Н.К. География Амурской области. Благовещенск, 1991. С. 156
- 746 Наши дни. 1919. 24 мая. С. 3
- 747 Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 76-оборот
- 748 Там же. Л. 75-оборот
- 749 Воспоминания Вострикова. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 76. Л. 32
- 750 Там же. Л. 31-32
- 751 Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 76
- 752 Наши дни. 1919. 24 мая. С. 3
- 753 Доклад т. Юшкевича о партизанском движении на Амуре. 1932 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 58-61
- 754 ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 214. Л. 60-61 (Цитируется по: Агеев А.В. Амурские партизаны. Благовещенск, 1971. С. 119)
- 755 А.Е.Шеян. В непрерывных боях. / Этих дней не смолкнет слава. Сборник воспоминаний участников гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1957. С. 107
- 756 Автобиография Воронцова И.Т. / Фонд Историко-краеведческого музея г.Свободного. Папка 3
- 757 Амурское слово. 1919. 3 сентября. С. 3
- 758 История Дальнего Востока России. С. 348
- 759 Летопись Амурской области. Т.2. Благовещенск, 2001. С. 25
- 760 Агеев А.В. Амурские партизаны. Благовещенск, 1971. С. 229
- 761 Евсей Воропаев. За свободу. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 312
- 762 Евсей Воропаев. За свободу. С. 301-303
- 763 Шульман Н.К. География Амурской области. С. 156
- 764 Евсей Воропаев. За свободу. С. 303-314
- 765 Там же. С.313
- 766 Шульман Н.К. География Амурской области. С. 156
- 767 Рецензии на статьи и книги о гражданской войне. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 30. Л. 11
- 768 Воспоминания В.Г.Замяткина. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 10-12
- 769 Евсей Воропаев. За свободу. С. 305, 310, 313
- 770 Там же. С. 313
- 771 Там же
- 772 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 13, 14
- 773 Евсей Воропаев. За свободу. С. 313
- 774 Там же. С. 316
- 775 Наши дни. 1919. 17 мая. С. 3
- 776 Шульман Н.К. География Амурской области. С. 156
- 777 Наши дни. 1919. 21 мая. С. 3
- 778 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 2. Л. 24, 27, 27-оборот,
- 779 Приамурская жизнь. 1919. 22 июля
- 780 Выписка из памятной книжки партизана И.Ф.Мосич. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 214, 215
- 781 Приамурская жизнь. 1919. 22 июля
- 782 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 2. Л.2, 4
- 783 Там же. Л. 1, 3, 5, 7
- 784 Там же. Л. 6
- 785 Выписка из памятной книжки партизана И.Ф.Мосич. Л. 215
- 786 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 19
- 787 Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд историко-краеведческого музея п.Серышево. Л. 35
- 788 Воспоминания Прохорова Я.В., март 1960 г. / Фонд Историко-краеведческого музея г.Свободного. Папка № 1. Конверт № 7. Л. 16
- 789 Яков Прохоров. 1-й партизанский район. /Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 275
- 790 Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд историко-краеведческого музея п.Серышево. Л. 36
- 791 Воспоминания Кутового. / Фонд Историко-краеведческого музея г.Свободного. Папка № 1. Конверт № 5
- 792 Автобиография С.Л.Воробьева. / Фонд историко-краеведческого музея п. Серышево. Автобиографии бывших партизан. Л. 105
- 793 Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд историко-краеведческого музея п.Серышево. Л. 9, 10

- ⁷⁹⁴ Воспоминания Прохорова Я.В., март 1960 г. / Фонд Историко-краеведческого музея г. Свободного. Папка № 1. Конверт № 7. Л. 21
- ⁷⁹⁵ Куговой М.К.. Организация подпольных групп в Свободненском уезде. 1965 г. Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд Свободненского историко-краеведческого музея. Воспоминания участников гражданской войны. Папка № 5. Л. 4
- ⁷⁹⁶ Амурское эхо. 1919. 22 мая
- ⁷⁹⁷ Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 275
- ⁷⁹⁸ Там же. С.277; Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд историко-краеведческого музея п.Серышево. Л. 10, 11
- ⁷⁹⁹ Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 5
- ⁸⁰⁰ Там же. Л. 5
- ⁸⁰¹ Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 275, 277; Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд историко-краеведческого музея п.Серышево. Л. 42
- ⁸⁰² Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 5, 7
- ⁸⁰³ Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 52
- ⁸⁰⁴ Приамурская жизнь. 1919. 27 июля. С. 2
- ⁸⁰⁵ Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 52, 53
- ⁸⁰⁶ Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 7
- ⁸⁰⁷ Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 278
- ⁸⁰⁸ Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 7
- ⁸⁰⁹ Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 278; Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 55-57
- ⁸¹⁰ Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 7
- ⁸¹¹ Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 54
- ⁸¹² Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 8
- ⁸¹³ Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 279
- ⁸¹⁴ Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 8
- ⁸¹⁵ Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 54, 58
- ⁸¹⁶ Амурское слово. 1919 г. 9 августа (27 июля)
- ⁸¹⁷ Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 60
- ⁸¹⁸ Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 8
- ⁸¹⁹ Амурское слово. 1919 г. 21 (8) августа
- ⁸²⁰ Воспоминания Я.В.Прохорова. 1957 г. Л. 60
- ⁸²¹ Амурское слово. 1919 г. 19 (6) августа
- ⁸²² Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 9
- ⁸²³ Там же. Л. 8
- ⁸²⁴ Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С.279; Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 61, 62
- ⁸²⁵ Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 9
- ⁸²⁶ Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 279; Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 62, 63
- ⁸²⁷ Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 280; Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 63
- ⁸²⁸ Амурское слово. 1919. 5 сентября
- ⁸²⁹ Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 68, 69
- ⁸³⁰ Там же. Л. 68
- ⁸³¹ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 94
- ⁸³² Воспоминания М.Круглова. Л. 151
- ⁸³³ Кошелев. Подготовительная работа к партизанскому движению в г. Зее. Л. 22
- ⁸³⁴ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 94-95-об
- ⁸³⁵ Воспоминания А.Ф.Гольдфингера. Л. 25, 26
- ⁸³⁶ Там же. Л. 5
- ⁸³⁷ Там же. Л. 27
- ⁸³⁸ Фёдор Кошелев. На Зее. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 324, 325
- ⁸³⁹ Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 141, 142; Швецов И.П. Партизанскими тропами. / Зейские огни. 1977. 15 марта. С. 2
- ⁸⁴⁰ Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 142; Швецов И.П. Партизанскими тропами. С. 2
- ⁸⁴¹ Голос тайги. 1919 г. 11 июня (29 мая)
- ⁸⁴² Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 142
- ⁸⁴³ В.Е.Кириллов, П.Ю.Афанасьев. На золотых приисках дальней России. С. 124, 169
- ⁸⁴⁴ Дальневосточное обозрение. 1919. 12 августа. С. 3
- ⁸⁴⁵ Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 142
- ⁸⁴⁶ Голос тайги. 1919 г. 7 августа (25 июля)
- ⁸⁴⁷ Дальневосточное обозрение. 1919. 12 августа. С. 3
- ⁸⁴⁸ Швецов И.П. Партизанскими тропами. С. 2
- ⁸⁴⁹ Голос тайги. 1919 г. 7 июня (25 мая); Летопись Амурской области. С. 26

- 850 Голос тайги. 1919 г. 3 июля (20 июня)
- 851 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 142
- 852 Наш край. 1919. 22 августа
- 853 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 142, 143
- 854 Амурское слово. 1919 г. 5 сентября (23 августа)
- 855 Амурское слово. 1919 г. 26 (13) августа
- 856 Наш край. 1919. 24 сентября. С. 1
- 857 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 106-об, 116-об
- 858 Летопись Амурской области. С. 26
- 859 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 143
- 860 Амурское слово. 1919 г. 16 (3), 21 (8), 26 (13) августа
- 861 Швецов И.П. Партизанскими тропами. С.2
- 862 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 143
- 863 Летопись Амурской области. С. 28
- 864 Летопись Амурской области. С. 28, 29
- 865 Швецов И.П. Партизанскими тропами. С. 2
- 866 Воспоминания А.Ф.Гольдфингера. Прежде всего дисциплина. / ГАХК Ф. П-442. Оп. 2. Д. 235. Л. 32
- 867 Швецов И.П. Партизанскими тропами. С. 2
- 868 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 232
- 869 Кошелев. Подготовительная работа к партизанскому движению в г. Зее. Л. 21
- 870 Воспоминания Гудим С.И. / Фонд Свободненского историко-краеведческого музея. Биографии и воспоминания. Папка № 6. Л. 10
- 871 Воспоминания Гудим С.И. Л. 11
- 872 Воспоминания Краснянского А.И. / Фонд Свободненского историко-краеведческого музея. Биографии и воспоминания. Папка № 10. С. 23, 24
- 873 Партизанские воспоминания тов. Кургузова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 137
- 874 Письмо А.А.Слесарева Н.М.Гранкину. 1962 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 33
- 875 Приамурская жизнь. 1919. 29 июля. С. 3
- 876 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 134
- 877 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 232, 233
- 878 Воспоминания Краснянского А.И. С. 26; Письмо А.А.Слесарева Н.М.Гранкину. Л. 33-об
- 879 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 232
- 880 Там же. Л. 234
- 881 Воспоминания Грачёва В.Н. / Фонд Свободненского историко-краеведческого музея. Воспоминания участников гражданской войны. Папка № 1. Л. 2
- 882 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 233
- 883 Там же. Л. 234
- 884 Летопись Амурской области. С. 27
- 885 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 234
- 886 Партизанские воспоминания т. Кургузова. Л. 137
- 887 Воспоминания Грачёва В.Н. Л. 2
- 888 Амурское слово. 1919. 19 августа
- 889 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 234
- 890 Там же. Л. 233, 234
- 891 Амурское слово. 1919. 9 августа (Цитируется по: Летопись Амурской области. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 26)
- 892 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 235
- 893 Амурская областная организация КПСС. 1899-1986 гг. Хроника. Благовещенск, 1986. С. 49; Летопись Амурской области. С. 27
- 894 Воспоминания Грачёва В.Н. Л. 2
- 895 Летопись Амурской области. С. 27
- 896 Письмо А.А.Слесарева Н.М.Гранкину. Л. 33-об
- 897 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 134
- 898 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 235
- 899 Воспоминания Краснянского А.И. С. 26
- 900 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 235-237
- 901 Воспоминания Краснянского А.И. С. 26, 27
- 902 Воспоминания Грачёва В.Н. Л. 2
- 903 Амурское слово. 1919. 21 августа
- 904 Амурская жизнь. 1919. 12 августа
- 905 Амурское слово. 1919. 21 августа
- 906 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 237

-
- 907 Письмо А.А.Слесарева Н.М.Гранкину. Л. 35
908 Амурское слово. 1919. 9 августа; Там же. 19 августа
909 Амурское слово. 1919. 23 августа
910 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 246
911 Дальневосточное обозрение. 1919. 12 августа
912 И.Раков, А.Слесарев. Наши воспоминания. Л. 246
913 Там же. Л.247
914 Воспоминания М.Круглова. Л.150
915 Амурское слово. 1919. 3 сентября
916 Там же
917 Воспоминания М.Круглова. Л. 150
918 Амурское слово. 1919. 6 сентября; Там же. 10 сентября
919 Воспоминания К.Бреуса. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 108
920 Амурское слово. 1919. 10 сентября
921 Воспоминания К.Бреуса. Л. 108
922 Воспоминания Безродных И. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 120
923 Воспоминания Вострикова. Л. 77
924 Амурская жизнь 1919. 25 июля
925 Воспоминания Вострикова. Л. 77; Воспоминания Безродных И. Л. 120
926 Амурская жизнь 1919. 25 июля
927 Воспоминания Безродных И. Л. 120
928 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 6. Л. 7
929 Там же. Л.7, 54
930 Там же. Л.7, 54
931 Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 281
932 Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 10
933 Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 281, 282
934 Амурское слово. 1919 г. 13 сентября (31 августа)
935 Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 10
936 Степан Шилов. Таёжная быль // Месть Сухой протоки. Благовещенск, 1976. С. 31-45
937 Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. Л. 10
938 Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 283; Воспоминания Я.В.Прохорова. Л. 75
939 Амурское Слово. 1919. 5 сентября
940 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 2. Л. 11-оборот
941 Там же. Д. 3. Л. 22; Там же. Д. 2. Л. 22; Там же. Л. 11-оборот
942 Там же. Л. 11-оборот
943 Там же. Д. 3. Л. 28
944 Там же. Л. 55, 57, 61
945 Там же. Л. 60
946 Амурское слово. 1919. 3 сентября. С. 3; Там же. 5 сентября. С. 3
947 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 6. Л. 54
948 Амурское слово. 1919. 21 августа. С. 3
949 Воспоминания Давыдова Е.И. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 17
950 Список Архаринского отряда. 20 сентября 1919 года. / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 2. Л. 11-оборот
951 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 56
952 Там же. Л. 58
953 Там же. Л. 61
954 Там же. Л. 56
955 Там же. Л. 57
956 Там же. Л. 58
957 Там же. Л. 59
958 Там же. Л. 28
959 Воспоминания Давыдова Е.И. Л. 17
960 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 61
961 Там же. Л. 10, 29
962 Там же. Л. 2
963 С.Днепровский. На путях к Октябрю. / Амурская правда. 1966. 9 января.
964 Голос максималиста. 1920. 20 мая. № 5. С. 13, 14
965 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 238
966 Воспоминания К.Бреуса. Л. 108
967 Там же
968 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 238

- 969 Воспоминания Грачёва В.Н. Л. 3
970 Письмо А.А.Слесарева Н.М.Гранкину. 1962 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 35-об
971 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 238
972 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 61
973 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 239, 240
974 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 58
975 Воспоминания М.Н.Атавина о партийно-политической работе в партизанских отрядах Амурской области. 1961 г. / ГААО Ф. 1816. Оп. 1. Д. 2. Л. 9
976 Воспоминания К.Бреуса. Л. 109
977 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 240
978 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 64
979 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 241
980 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 42
981 Воспоминания М.Н.Атавина о партийно-политической работе. Л. 9
982 Воспоминания К.Бреуса. Л. 109
983 Агеев А.В. Амурские партизаны. Хабаровск, 1974. С. 168-170
984 Воспоминания Я.В.Прохорова. / Историко-краеведческий музей п. Серышево. С. 84
985 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 45
986 Амурское слово. 1919. 10 и 11 сентября
987 Летопись Амурской области. Т. 2. Благовещенск, 2002. С. 28
988 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 64
989 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 77
990 Амурское слово. 1919 г. 23 (10) сентября
991 ГААО Ф. 249. Оп. 1. Д. 3. Л. 28
992 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. Хабаровск, 1934. С. 130, 138, 139
993 Там же. С. 143
994 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 71, 83, 84
995 Наш край. 1919. 8 октября. С. 3
996 Доклад К.Высоцкого. / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 28
997 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 143, 144; Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 71
998 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 72, 73
999 Там же. С. 84, 85
1000 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 142-146
1001 Там же. С. 146
1002 Там же. С. 147-149
1003 Стенограмма заседания Бюро Приамурской группы Дальневосточного землячества по докладу Задерновского. 1933 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 353. Л. 2
1004 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 88; Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 156
1005 Наш край. 1919. 8 октября. С. 3; Приамурская жизнь. 1919. 18 октября. С. 3
1006 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 153, 155
1007 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 86; Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 156
1008 Амурская жизнь. 1919. 9 октября. (цитируется по: Амурская областная организация КПСС. 1899-1986 гг. Хроника. Благовещенск, 1986. С. 50)
1009 Наш край. 1919. 8 октября. С. 3
1010 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 151
1011 Там же. С. 154
1012 Там же. С. 151
1013 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 88
1014 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 155
1015 Там же. С. 149
1016 Там же. С. 152
1017 Там же. С. 152; Воспоминания А.Обиденко. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 13
1018 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 152, 154
1019 Там же. С. 155
1020 Там же. С. 156
1021 Доклад К.Высоцкого. Л. 28
1022 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 92
1023 История Амурской области. Благовещенск, 2005. С. 188
1024 Летопись Амурской области. С. 29
1025 В.П.Мальшев. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 207
1026 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 92; Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 156; Доклад К.Высоцкого. Л. 28

- 1027 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. Хабаровск, 1934. С. 156
- 1028 Наш край. 1919. 8 октября. С. 3
- 1029 Я.И.Яковлев. Революционное движение 1918-1920 гг. на Дальнем Востоке и наша партия. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 58
- 1030 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 61
- 1031 Там же. Л. 63
- 1032 Там же. Л. 63
- 1033 Там же. Л. 42
- 1034 Там же
- 1035 Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 80-оборот, 81
- 1036 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л.
- 1037 Воспоминания Вострикова. Л. 81
- 1038 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 22
- 1039 Там же. Л. 2, 3, 113
- 1040 Воспоминания Вострикова. Л. 80, 80-оборот; Амурское слово. 1919. 27 сентября. С. 3
- 1041 А.Е.Шеян. В непрерывных боях. / Этих дней не смолкнет слава. Сборник воспоминаний участников гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1957. С. 108, 109
- 1042 Воспоминания Вострикова. Л. 80, 80-оборот; Амурское слово. 1919. 30 сентября. С. 3
- 1043 Воспоминания Вострикова. Л. 80-оборот; Амурское слово. 1919. 27 сентября. С. 3
- 1044 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 10
- 1045 Амурское слово. 1919. 30 сентября. С. 3
- 1046 А.Е.Шеян. В непрерывных боях. С. 109; ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 12
- 1047 Амурское слово. 1919. 30 сентября. С. 3
- 1048 Автобиография А.Н.Бутрина. 1961 г. / ГААО Ф. 987. Оп. 1. Д. 6. Л. 8
- 1049 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 10
- 1050 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 12
- 1051 Автобиография А.Н.Бутрина. Л. 8
- 1052 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 13
- 1053 Там же. Л. 32
- 1054 Там же. Л. 29
- 1055 Там же. Д. 2. Л. 29-36, 38-41
- 1056 Там же. Д. 3. Л. 8
- 1057 Там же. Д. 2. Л. 8
- 1058 Там же. Л. 12-оборот — 14, 18, 19
- 1059 Там же. Д. 3. Л. 65
- 1060 Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 40
- 1061 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 34
- 1062 С.Днепровский. На путях к Октябрю. / Амурская правда. 1966. 9 января.
- 1063 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 30
- 1064 Там же. Л. 7
- 1065 Там же. Л. 6
- 1066 Там же.
- 1067 Там же.
- 1068 Там же.
- 1069 Воспоминания Вострикова. Л. 81
- 1070 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л.
- 1071 Воспоминания Вострикова. Л. 81
- 1072 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л.
- 1073 Воспоминания Вострикова. Л. 81
- 1074 Амурская жизнь. 1919. 23 октября. С. 3
- 1075 Воспоминания В.Г.Замяткина. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 21
- 1076 Амурская жизнь. 1919. 23 октября. С. 3
- 1077 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 24
- 1078 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 22
- 1079 Амурская жизнь. 1919. 23 октября. С. 3
- 1080 Там же
- 1081 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 22
- 1082 И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 248. Л. 177
- 1083 А.Е.Шеян. В непрерывных боях. С. 112
- 1084 Амурская жизнь. 1919. 23 октября. С. 3
- 1085 Там же; Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 21
- 1086 Амурская жизнь. 1919. 23 октября. С. 3

- 1087 Наш край. 1919. 29 октября. С. 2
- 1088 Амурская жизнь. 1919. 23 октября. С. 3
- 1089 Воспоминания Вострикова. Л. 81-оборот
- 1090 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 22, 23
- 1091 Там же. Л. 23
- 1092 Наш край. 1919. 29 октября. С. 2
- 1093 Воспоминания Вострикова. Л. 81-оборот
- 1094 Там же
- 1095 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 38
- 1096 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 35
- 1097 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 174; Амурская областная организация КПСС 1899-1986. Хроника. Благовещенск, 1986. С. 50
- 1098 Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 41
- 1099 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 38
- 1100 Гранкин Н.М. Материалы по истории гражданской войны на Амуре. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 10
- 1101 Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 16. Л. 15
- 1102 И.Т.Воронцов. Боевые рейды отряда «Красный орёл». / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С. 171
- 1103 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 35
- 1104 Там же
- 1105 Там же
- 1106 Воспоминания Вострикова. Л. 82
- 1107 Гранкин Н.М. Замечания на рукопись А.В.Агева. 1966 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 31. Л. 18
- 1108 Воспоминания Вострикова. Л. 82
- 1109 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 241
- 1110 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 243
- 1111 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 240. Л. 96
- 1112 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 244, 245
- 1113 Амурское Слово. 1919. 16 сентября
- 1114 Амурское слово. 1919. 20 сентября
- 1115 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 30
- 1116 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 247
- 1117 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 96, 96-об
- 1118 Амурские областные ведомости. 1919. 17 ноября. С. 2
- 1119 Воспоминания И.Безродных. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 122
- 1120 Партизанские воспоминания т.Кургузова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 138
- 1121 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 247
- 1122 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 37
- 1123 Илья Безродных. Амур в огне. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 347
- 1124 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 248
- 1125 Амурская жизнь. 1919. 23 октября. С. 3
- 1126 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 248-250
- 1127 Партизанские воспоминания т. Кургузова. Л. 138; Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 250
- 1128 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 250
- 1129 Воспоминания т. Галыгина. / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 1. Л. 13
- 1130 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л.251-253
- 1131 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 52
- 1132 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Д. 243. Л. 253
- 1133 Воспоминания т. Галыгина. Л. 13
- 1134 Воспоминания И.Безродных. Л. 122
- 1135 Новый путь 1919. № 3. 19 ноября. С. 2
- 1136 Новый путь 1919. № 3. 19 ноября. С. 2
- 1137 Партизанские воспоминания т.Кургузова. Л. 139
- 1138 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 52
- 1139 Приказ Амурскому казачьему войску № 928. 6 декабря. / Амурская жизнь. 1919. 11 декабря. С. 2
- 1140 Краснянский А.И. Воспоминания бывшего красного партизана. / Фонд Свободненского историко-краеведческого музея. Биографии и воспоминания. Папка № 10. С. 33
- 1141 Воспоминания т.Галыгина. Л. 14
- 1142 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 96-об., 97
- 1143 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 253
- 1144 Новый путь. 1919. № 3. 19 ноября. С. 2

- 1145 Воспоминания т.Галыгина. Л. 14
- 1146 Приказ Амурскому казачьему войску № 928. 6 декабря. / Амурская жизнь. 1919. 11 декабря. С. 2
- 1147 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 254; Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 97-99-об
- 1148 Воспоминания т.Галыгина. Л. 14
- 1149 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 100
- 1150 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 254
- 1151 Летопись Амурской области. С. 31; Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 178
- 1152 Новый путь. 1919. 2 декабря. С. 3
- 1153 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 177
- 1154 Воспоминания И.Ф.Матвеева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 23
- 1155 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 177, 178
- 1156 Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 82
- 1157 И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 248. Л. 177
- 1158 Воспоминания И.Ф.Матвеева. Л. 23
- 1159 И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. Л. 177
- 1160 Воспоминания красного партизана И.Т.Воронцова. 1937 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 268. Л. 9
- 1161 Новый путь. 1919. № 3. 19 (?) ноября. С. 2
- 1162 Плакатный вестник. 1919. № 9. 19 ноября.
- 1163 Воспоминания И.Ф.Матвеева. Л. 23, 24
- 1164 И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. Л. 177
- 1165 Новый путь. 1919. № 3. 19 (?) ноября. С. 2
- 1166 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 40
- 1167 Там же. Л. 15
- 1168 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 248-250
- 1169 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 15
- 1170 Воспоминания красного партизана И.Т.Воронцова. Л. 9
- 1171 Там же
- 1172 И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. Л. 177
- 1173 Воспоминания красного партизана И.Т.Воронцова. Л. 9
- 1174 Рукосуев. Как были разорены селения Заливки, Круглое, Ново-Михайловка и Новгородка. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 166
- 1175 ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 208. Л. 156-оборот
- 1176 Рукосуев. Как были разорены селения Заливки, Круглое, Ново-Михайловка и Новгородка. Л. 167
- 1177 Там же
- 1178 Куц. Зачатка партизанского движения в Александровском районе. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 2
- 1179 Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 82-оборот
- 1180 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 8
- 1181 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 248, 249
- 1182 Новый путь. 1919. 2 декабря. С. 3
- 1183 Воспоминания красного партизана И.Т.Воронцова. Л. 9
- 1184 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 178
- 1185 Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 16. Л. 15
- 1186 Гранкин Н.М. Замечания на рукопись А.В.Агеева «Амурские партизаны». / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 31. Л. 18
- 1187 Воспоминания Я.В.Прохорова. / Историко-краеведческий музей п.Серышево. С. 99
- 1188 Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. Л. 15
- 1189 Рукосуев. Как были разорены селения Заливки, Круглое, Ново-Михайловка и Новгородка. Л. 166
- 1190 Гранкин Н.М. Замечания на рукопись А.В.Агеева «Амурские партизаны». Л. 21
- 1191 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 178
- 1192 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 100
- 1193 Рукосуев. Как были разорены селения Заливки, Круглое, Ново-Михайловка и Новгородка. Л. 166
- 1194 Новый путь. 1919. 2 декабря. С. 3
- 1195 Поселенные итоги сельскохозяйственной переписи в 1917 году. Табл. 1. Благовещенск, 1918. С. 122, 128
- 1196 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 178
- 1197 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 250
- 1198 Гранкин Н.М. Замечания на рукопись А.В.Агеева «Амурские партизаны». Л. 20
- 1199 Новый путь. 1919. 2 декабря. С. 3
- 1200 Гранкин Н.М. Замечания на рукопись А.В.Агеева «Амурские партизаны». Л. 20, 21
- 1201 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 249
- 1202 Новый путь. 1919. 2 декабря. С. 3
- 1203 Воспоминания И.Ф.Матвеева. Л. 24, 25

- 1204 Воспоминания Замяткина В.Г. Л. 25
- 1205 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 8
- 1206 Воспоминания И.Ф.Матвеева. Л. 25
- 1207 Там же
- 1208 Куш. Зачатка партизанского движения в Александровском районе. Л. 3
- 1209 Воспоминания красного партизана И.Т.Воронцова. 1937 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 268. Л. 9;
Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 82-оборот
- 1210 Новый путь. 1919. 2 декабря. С. 3
- 1211 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 179
- 1212 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 18
- 1213 Воспоминания Вострикова. Л. 82-оборот
- 1214 Воспоминания К.И.Бреуса. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 110
- 1215 Воспоминания красного партизана И.Т.Воронцова. Л. 9; И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. Л. 177
- 1216 Куш. Зачатка партизанского движения в Александровском районе. Л. 3
- 1217 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 254
- 1218 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 100-об
- 1219 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 254, 255
- 1220 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 100-об
- 1221 Краснянский А.И. Воспоминания бывшего красного партизана. С. 34
- 1222 Дальневосточное обозрение. 1919. 4 декабря (21 ноября). С. 3
- 1223 Там же. 10 декабря
- 1224 Воспоминания А.Слесарева. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 35-оборот
- 1225 Воспоминания Овчинникова А.М. (письмо)/Фонд Историко-краеведческого музея г. Свободного. Папка 6.
- 1226 И.Кочерга, С.Поленов. Восстание на приисках. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 335
- 1227 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 100-об-102-об
- 1228 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 254, 255
- 1229 Воспоминания т. Галыгина. Л. 15
- 1230 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 102-об
- 1231 Там же. Л. 103
- 1232 Воспоминания т. Галыгина. Л. 14, 15
- 1233 Новый путь. 1919. 21 декабря. С. 3
- 1234 Воспоминания т. Галыгина. Л. 15, 16
- 1235 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 103-105
- 1236 Амурские областные ведомости. 1919. 31 января. С. 2
- 1237 Дальневосточное обозрение. 1919. 26 декабря. С. 3
- 1238 Амурские областные ведомости. 1919. 31 января. С. 2; Амурская жизнь. 1919. 25 января. С. 2
- 1239 Воспоминания т.Галыгина. Л. 15, 16
- 1240 Фёдор Кошелев. На Зее. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 326
- 1241 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 15
- 1242 Там же. Л. 52
- 1243 Там же. Л. 48
- 1244 Плакатный вестник. 1919. 21 ноября — 1 декабря
- 1245 Яковлев И.Я. Революционное движение 1918-1920 гг. в Амурской области и наша партия. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 58-оборот
- 1246 Доклад Вострикова на вечере воспоминаний 9 февраля 1929 года. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 42
- 1247 Амурская жизнь 1919. 31 января. С. 2
- 1248 Летопись Амурской области. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 32
- 1249 Воспоминания В.Г.Замяткина. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 27
- 1250 Протокол общего собрания Буреинского партизанского отряда. / ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 4. Л. 1
- 1251 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 18
- 1252 Гранкин. Рецензии на статьи и книги о гражданской войне. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 30. Л. 11
- 1253 С.Кургузов. Амурское партизанское движение. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 270. Л. 21-23
- 1254 Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд историко-краеведческого музея п.Серышево. С. 100
- 1255 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 16
- 1256 Стенограмма заседания Бюро Приамурской группы Дальневосточного землячества по докладу Задерновского. 1933 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 353. Л. 3-6
- 1257 Воспоминания Я.В.Прохорова. Приложения. / Фонд историко-краеведческого музея п.Серышево. С. 207
- 1258 Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. / ГААО Ф. 1415 Оп. 1. Д. 16. Л. 17
- 1259 Воспоминания Давыдова Е.И. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 82. Л. 18
- 1260 К.Куш. Зачатка партизанского движения в Александровском районе. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 3

- 1261 Дальневосточное обозрение. 1919. № 207. 4 декабря. С. 3
- 1262 Рукопись И.Матвеева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 25, 26; Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 27, 28
- 1263 Дальневосточное обозрение. 1919. № 207. 4 декабря. С. 3
- 1264 Рукопись И.Матвеева. Л. 25; К.Куш. Зачатка партизанского движения в Александровском районе. Л. 3
- 1265 Стенограмма заседания Бюро Приамурской группы Дальневосточного землячества по докладу Задерновского. Л.3-6
- 1266 Дальневосточное обозрение. 1919. № 210. 10 декабря
- 1267 И.Т.Воронцов. Партизанское движение на Амуре. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 248. Л. 178
- 1268 Дальневосточное обозрение. 1919. № 210. 10 декабря
- 1269 Там же
- 1270 Гранкин Н.М. Рецензии на статьи и книги о гражданской войне. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 30. Л. 10, 29
- 1271 Дальневосточное обозрение. 1919. № 210. 10 декабря; Дальневосточное обозрение. 1919. № 213. 13 декабря
- 1272 Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. Л. 16
- 1273 К.Куш. Зачатка партизанского движения в Александровском районе. Л. 3
- 1274 Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. Л. 17
- 1275 Дальневосточное обозрение. 1919. № 213. 13 декабря
- 1276 Стенограмма заседания Бюро Приамурской группы Дальневосточного землячества по докладу Задерновского. Л.10
- 1277 Выписка из памятной книжки партизана И.Ф.Мосича. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 216
- 1278 Дальневосточное обозрение. 1919. № 223. 26 декабря. С. 3
- 1279 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 102
- 1280 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 255
- 1281 Амурская областная организация КПСС. 1896-1986. Хроника. Благовещенск, 1986. С. 51
- 1282 Хрестоматия по истории Амурской области. Благовещенск, 1980. С. 123
- 1283 Съезды Советов Амурской области. 1918-1936. Сб. док. и мат. Благовещенск, 1987. С. 52
- 1284 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 104
- 1285 Воспоминания Давыдова Е.И. Л. 19
- 1286 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 28
- 1287 Фоминых Л.А. Приговоры сельских сходов 7-му съезду. / Амурский краевед. 1995. С. 30
- 1288 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 240. Л. 102
- 1289 Съезды Советов Амурской области. 1918-1936. С. 55
- 1290 Хрестоматия по истории Амурской области. С. 137
- 1291 Съезды Советов Амурской области. 1918-1936. С. 55
- 1292 Воспоминания М.Н.Атавина. / ГААО Ф. 1816. Оп. 1. Д. 2. Л. 18
- 1293 Агеев А.В. Амурские партизаны. Благовещенск, 1974. С. 206
- 1294 И.Кочерга, С.Поленов. Восстание на приисках. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 335-338
- 1295 В.Р.Колпин. О партизанском движении в Зейском районе (1918-1920 гг.). / Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. Т. 5. Благовещенск, 1961. С. 70, 71
- 1296 К.Куш. Зачатка партизанского движения в Александровском районе. Л. 3
- 1297 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 4. Л. 2
- 1298 Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. Л. 21
- 1299 Гранкин Н.М. Замечания на рукопись А.В.Агеева. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 31. Л. 22
- 1300 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 202
- 1301 М.Г.Медведев. Партизанский отряд «Неустрасимый». / За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1981. С. 174
- 1302 Воспоминания Мельникова Ф.Д. 1932 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 386. Л. 110
- 1303 Воспоминания Мельникова Ф.Д. Л. 110, 111
- 1304 М.Г.Медведев. Партизанский отряд «Неустрасимый». С. 175
- 1305 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 205
- 1306 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 4. Л. 13
- 1307 Гранкин Н.М. Рецензии на статьи и книги о гражданской войне. Л. 11
- 1308 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 4. Л. 4
- 1309 ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 11
- 1310 Воспоминания Пименова И.Т. / Фонд Историко-краеведческого музея г.Свободного. Папка 2. Конверт 10. Л. 10
- 1311 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 108
- 1312 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 6. Л. 5, 6
- 1313 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 6. Л. 2
- 1314 Воспоминания бывшего красного партизана И.Т.Воронцова. 1937 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 268. Л. 10
- 1315 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. Дальгиз. 1934. С. 264

- 1316 Амурская жизнь. 1919. 11 января. С. 2
- 1317 Воспоминания Вострикова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 83
- 1318 Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. Л. 19
- 1319 Воспоминания Вострикова. Л. 83
- 1320 Там же
- 1321 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 4. Л. 12
- 1322 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 4. Л. 13
- 1323 Воспоминания Вострикова. Л. 83-оборот
- 1324 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 35-37
- 1325 Амурская жизнь. 1919. 28 января. С. 2
- 1326 Там же
- 1327 Рукопись И.Матвеева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 261. Л. 29
- 1328 Воспоминания М.Н.Атавина. Л. 19
- 1329 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 37; Воспоминания М.Н.Атавина. Л. 19
- 1330 Рукопись И.Матвеева. Л. 30
- 1331 История Дальнего Востока России. Т. 3. Владивосток, 2003. С. 352
- 1332 Воспоминания Вострикова. Л. 83-оборот
- 1333 К.Куш. Зачатка партизанского движения в Александровском районе. Л. 3-оборот
- 1334 Демидов С.М. Партизаны за дипломатическим столом. / Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Воспоминания ветеранов. М., 1973. С. 192-194
- 1335 Амурская область. Опыт энциклопедического словаря. Благовещенск, 1989. С. 289
- 1336 Хрестоматия по истории Амурской области. Благовещенск, 1980. С. 124; Летопись Амурской области. С. 33. (Ссылка на: Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. С. 115)
- 1337 Хрестоматия по истории Амурской области. С. 139
- 1338 Вшивков П.Е. Боевые дни Амура. С. 264, 265
- 1339 ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 270. Л. 80
- 1340 Агеев А.В. Амурские партизаны. С. 206
- 1341 Кургузов С.С. Армия 4-го района Амурской области. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 172. Л. 70
- 1342 Кургузов С.С. Армия 4-го района Амурской области. Л. 70
- 1343 Воспоминания А.Слесарева. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 38-оборот
- 1344 Воспоминания т.Кутового. / Фонд Историко-краеведческого музея г.Свободного. Папка 1. Конверт 5. С. 8, 9
- 1345 Хрестоматия по истории Амурской области. С. 138
- 1346 Кургузов С.С. Армия 4-го района Амурской области. Л. 70
- 1347 Воспоминания А.Слесарева. Л. 38, 38-оборот; Автобиография П.П.Петриченко. / Фонд Историко-краеведческого музея г.Свободного. Папка 13. Л. 3; Автобиография А.И.Краснянского. / Фонд Историко-краеведческого музея г. Свободного. Папка 10. С. 4
- 1348 Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд историко-краеведческого музея п.Серышево. С. 109; Воспоминания Пименова И.Т. / Фонд Историко-краеведческого музея г. Свободного. Папка 2. Конверт 10. Л. 10
- 1349 Ф.Кошелев. На Зее. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 332
- 1350 Воспоминания Гольдфингера. / Л. 39
- 1351 Там же
- 1352 Я.И.Яковлев. Революционное движение 1918-1920 гг. на Дальнем Востоке и наша партия. 1927 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 57-оборот
- 1353 Яковлев Я. Подпольный обком действует. / Красный остров. Благовещенск, 1967. С. 124
- 1354 Воспоминания Янисова. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 113. Л. 26
- 1355 Воспоминания Янисова. Л. 30
- 1356 Воспоминания И.Безродных. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 270. Л. 35
- 1357 Летопись Амурской области. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 25
- 1358 Я.И.Яковлев. Революционное движение 1918-1920 гг. на Дальнем Востоке и наша партия. Л. 57-оборот, 58
- 1359 Там же. Л. 58
- 1360 Там же
- 1361 Воспоминания И.Безродных. Л. 38, 39
- 1362 Яковлев Я. Подпольный обком действует. С. 124
- 1363 Я.И.Яковлев. Революционное движение 1918-1920 гг. на Дальнем Востоке и наша партия. Л. 57-оборот
- 1364 Там же. Л. 58
- 1365 Яковлев Я. Подпольный обком действует. С. 124
- 1366 Я.И.Яковлев. Революционное движение 1918-1920 гг. на Дальнем Востоке и наша партия. Л. 57-оборот
- 1367 Яковлев Я. Подпольный обком действует. С. 124
- 1368 Амурская жизнь. 1919. 23 октября. С. 3

- 1369 Летопись Амурской области. С. 29; История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Владивосток, 2003. С. 350. и др.
- 1370 Октябрь на Амуре. Сборник документов 1917-1922 гг. Благовещенск, 1961. С. 166
- 1371 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 30
- 1372 Там же. Д. 6, 7; Там же. Д. 3. Л. 30
- 1373 С.И.Куртин. Флаги над городом. / Этих дней не смолкнет слава. Сборник воспоминаний о гражданской войне на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1957. С. 118
- 1374 Яковлев Я. Подпольный обком действует. С. 125
- 1375 Яков Яковлев. Восстание в Благовещенске. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 351
- 1376 Я.И.Яковлев. Революционное движение 1918-1920 гг. на Дальнем Востоке и наша партия. Л. 58-оборот
- 1377 Там же
- 1378 Информация о положении в Амурской области. 19 февраля 1920 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 177. Л. 133
- 1379 Яковлев Я. Подпольный обком действует. С. 129
- 1380 Там же. С. 128
- 1381 С.И.Куртин. Флаги над городом. С. 122-126
- 1382 Протокол заседания Дальневосточного комитета РКП(б). 20 февраля 1920 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 164. Л. 84
- 1383 Протокол заседания Дальневосточного комитета РКП(б). Л. 84
- 1384 Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 240. Л. 117
- 1385 Фёдор Кошелев. На Зее. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 329-332
- 1386 Воспоминания Вострикова. 1929 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179
- 1387 Воспоминания И.Безродных. Л. 48
- 1388 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 23
- 1389 Материалы по истории гражданской войны на Амуре. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 8
- 1390 Воспоминания бывшего красного партизана Краснянского А.И. / Фонд Историко-краеведческого музея г. Свободного. Папка 10. С. 24
- 1391 Яков Прохоров. 1-й партизанский район. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 282
- 1392 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 76. Л. 48-оборот
- 1393 Воспоминания Бурыхина Н.Я. / ГАХК Ф. 442. Оп. 2. Д. 227. Л. 21
- 1394 Воспоминания Вострикова о партизанском движении на Амуре. Л. 49
- 1395 Воспоминания И.Безродных. Л. 46
- 1396 Там же
- 1397 Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд Историко-краеведческого музея п.Серышево. С. 127
- 1398 Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 282
- 1399 Комментарий к стр. 128. / Октябрь на Амуре. Сб. док. 1917-1922 гг. Благовещенск, 1961. С. 392
- 1400 Яков Прохоров. 1-й партизанский район. С. 282
- 1401 Воспоминания И.Безродных. Л. 48
- 1402 Воспоминания И.Безродных. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 121
- 1403 История Дальнего Востока России. С. 350; Амурская область. Опыт энциклопедического словаря. Благовещенск, 1989. С. 288
- 1404 Воспоминания В.Г.Замяткина. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 84. Л. 37
- 1405 Хрестоматия по истории Амурской области. Благовещенск, 1980. С. 124
- 1406 Куцый Г. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции. 1918-1920 гг. Владивосток, 1967. С. 246
- 1407 Воспоминания С.С.Кургузова. 1929 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 179. Л. 35
- 1408 Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 37
- 1409 Воспоминания Я.В.Прохорова. С. 192
- 1410 Стенограмма заседания Бюро Приамурской группы Дальневосточного землячества по докладу Задерновского. 1933 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 353. Л. 10
- 1411 Стенограмма заседания Бюро Приамурской группы Дальневосточного землячества по докладу Задерновского. Л. 10
- 1412 ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 10
- 1413 Гранкин Н.М. Рецензии на статьи и книги о гражданской войне. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 30. Л. 13
- 1414 ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 11
- 1415 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 28
- 1416 Гранкин Н.М. Рецензии на статьи и книги о гражданской войне. Л. 11
- 1417 ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 11
- 1418 Кургузов С.С. Армия 4-го района Амурской области. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 172. Л. 70
- 1419 Кургузов С.С. Амурское партизанское движение (1918-1920 гг.). 1931 г. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 270. Л. 21

- ¹⁴²⁰ Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 253
- ¹⁴²¹ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 96-об
- ¹⁴²² Воспоминания М.Круглова. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 151
- ¹⁴²³ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 117-об
- ¹⁴²⁴ Фёдор Кошелев. На Зее. С. 332
- ¹⁴²⁵ В.Р.Колпин. О партизанском движении в Зейском районе (1918-1920 гг.). / Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. Т.5. Благовещенск, 1961. С. 71
- ¹⁴²⁶ Кочегарова Е.Д. Золотодобывающая промышленность Дальнего Востока в условиях гражданской войны (период 1918-1920 гг.). / Международная научно-практическая конференция, посвящённая 80-летию окончания гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. 23-25 октября 2002 г. Благовещенск, 2002. С. 104
- ¹⁴²⁷ И.Кочерга, С.Поленов. Восстание на приисках. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 335-338
- ¹⁴²⁸ Цитируется по: Кочегарова Е.Д. Золотодобывающая промышленность Дальнего Востока в условиях гражданской войны. С. 104
- ¹⁴²⁹ ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 11
- ¹⁴³⁰ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 105
- ¹⁴³¹ ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 10, 11
- ¹⁴³² Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. / ГААО Ф. 1415 Оп. 1. Д. 16. Л. 15
- ¹⁴³³ Кургузов С.С. Амурское партизанское движение. Л. 21
- ¹⁴³⁴ Воспоминания Вострикова. / ГААО Ф. 194. Оп. 1. Д. 76. Л. 32
- ¹⁴³⁵ ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 6. Л. 2
- ¹⁴³⁶ История Дальнего Востока России. С. 352
- ¹⁴³⁷ Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 38
- ¹⁴³⁸ Кургузов С.С. Амурское партизанское движение Л. 21
- ¹⁴³⁹ Куцкий Г. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервентов и внутренней контрреволюции. С. 227
- ¹⁴⁴⁰ Яковлев И.Я. Революционное движение 1918-1920 гг. в Амурской области и наша партия. Л. 60
- ¹⁴⁴¹ Шолохов Н.Е. Описание революционного движения с 1918 года. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 43-оборот
- ¹⁴⁴² Воспоминания В.Г.Замяткина. Л. 37
- ¹⁴⁴³ Кургузов С.С. Амурское партизанское движение. Л. 21
- ¹⁴⁴⁴ Ф.Кошелев. На Зее. С. 326
- ¹⁴⁴⁵ Там же
- ¹⁴⁴⁶ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 107-об
- ¹⁴⁴⁷ В.Р.Колпин. О партизанском движении в Зейском районе (1918-1920 гг.). С. 70, 71
- ¹⁴⁴⁸ Кошелев. Мои воспоминания о партизанском движении в Амуро-Зейском районе. Л. 107-об
- ¹⁴⁴⁹ В.Р.Колпин. О партизанском движении в Зейском районе (1918-1920 гг.). С. 70
- ¹⁴⁵⁰ Гранкин Н.М. От подразделения до партизанского отряда. Л. 15
- ¹⁴⁵¹ Ф.Кошелев. На Зее. С. 325
- ¹⁴⁵² ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 52
- ¹⁴⁵³ Письмо А.А.Слесарева Н.М.Гранкину. 1962 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 15. Л. 35
- ¹⁴⁵⁴ Амурское слово. 1919. 28 августа. С. 2
- ¹⁴⁵⁵ Воспоминания И.Безродных. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 270. Л. 34
- ¹⁴⁵⁶ Сводка агентурных сведений. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 152. Л. 1-оборот
- ¹⁴⁵⁷ Октябрь на Амуре. Сб. док. С. 165
- ¹⁴⁵⁸ Сводка агентурных сведений. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 152. Л. 1-оборот
- ¹⁴⁵⁹ Фёдор Кошелев. На Зее. С. 321, 322
- ¹⁴⁶⁰ Обиденко. Партизанское движение в Амурской области. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 4
- ¹⁴⁶¹ Амурское эхо. 1919. Приложение к № 1005; Амурское эхо. 1919. 16 апреля. № 1006. С. 3
- ¹⁴⁶² Голос тайги. 1919. 4 июня. С. 4; Голос тайги. 1919. 6 июня. С. 3
- ¹⁴⁶³ Фёдор Кошелев. На Зее. С. 321
- ¹⁴⁶⁴ В.Е.Кириллов, П.Ю.Афанасьев. На золотых промыслах Дальней России. К истории золотодобычи на юге Российского Дальнего Востока. Благовещенск, 2003. С. 199, 200
- ¹⁴⁶⁵ Куц. Зачатка партизанского движения в Александровском районе. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 243. Л. 1-оборот
- ¹⁴⁶⁶ П.Е.Вшивков. Боевые дни Амура. Хабаровск, 1934. С. 241
- ¹⁴⁶⁷ Антон Обиденко. Быль-воспоминание. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 292, 293
- ¹⁴⁶⁸ Рукосуев. Как были разорены селения Заливка, Круглое, Ново-Михайловка и Райгородка. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 246. Л. 164, 165
- ¹⁴⁶⁹ Антон Обиденко. Быль-воспоминание. С. 292, 293
- ¹⁴⁷⁰ Амурское эхо. 1919. 22 мая. С. 5
- ¹⁴⁷¹ Антон Обиденко. Быль-воспоминание. С. 292, 293

- 1472 Старообрядцы и большевизм. / Наш край. 1919. 3 октября. С. 2
- 1473 Стенограмма заседания Бюро Приамурской группы Дальневосточного землячества по докладу Задерновского. Л. 14-16
- 1474 Евсей Воропаев. За свободу. / Таёжные походы. Хабаровск, 1972. С. 309
- 1475 Воспоминания И.Безродных. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 257. Л. 121, 122
- 1476 Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 252, 253
- 1477 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 52; Воспоминания И.Ракова и А.Слесарева. Л. 252
- 1478 Статья В.Г.Замяткина. / ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 193. Л. 1, 2
- 1479 ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 175. Л. 73, 74
- 1480 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 31
- 1481 Там же. Л. 44
- 1482 ГАХК Ф. 44. Оп. 1. Д. 174. Л. 53
- 1483 Там же. Л. 52
- 1484 Там же. Л. 53
- 1485 ГААО Ф. 429. Оп. 1. Д. 3. Л. 29
- 1486 Там же. Л. 55
- 1487 Там же. Л. 10, 62
- 1488 Там же. Л. 18, 49, 53, 54
- 1489 Замечания участников гражданской войны на рукопись А.В.Агеева. 1966 г. / ГААО Ф. 1415. Оп. 1. Д. 31. Л. 3
- 1490 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.3. Л.64
- 1491 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.6. Л.25, 25-оборот
- 1492 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.6. Л.26, 26-оборот
- 1493 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.3. Л.54
- 1494 Октябрь на Амуре. 1917-1922 гг. Благовещенск, 1961. С.133-159
- 1495 Воспоминания Я.В.Прохорова. / Фонд историко-краеведческого музея п.Серышево. С.97
- 1496 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.6. Л.3,4
- 1497 А.А.Потрепалов. Воспоминания печатника. / Этих дней не смолкнет слава. Хабаровск, 1957. С.221-224
- 1498 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.6. Л.7
- 1499 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.6. Л.25, 25-оборот
- 1500 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.6. Л.2
- 1501 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.2. Л. 27
- 1502 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.2. Л. 8
- 1503 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.6. Л.17
- 1504 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.6. Л.3,4
- 1505 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.2. Л. 18
- 1506 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.4. Л.1
- 1507 ГААО Ф.429. Оп.1. Д.6. Л.1
- 1508 Амурское слово. 1919. 14 сентября. С.3
- 1509 ГАХК Ф.44. Оп.1. Д.226. Л.5-оборот
- 1510 История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 323
- 1511 Летопись Амурской области. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 22
- 1512 Летопись Амурской области. С. 23
- 1513 История Дальнего Востока России. С. 323
- 1514 Летопись Амурской области. С. 23
- 1515 Там же. С. 23
- 1516 Там же. С. 24
- 1517 Там же
- 1518 Там же. С. 25
- 1519 Там же
- 1520 Там же. С. 27
- 1521 Там же. С. 28
- 1522 Там же. С. 29
- 1523 Там же. С. 30
- 1524 Там же. С. 31
- 1525 Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. II. Материалы статистико-экономического обследования казачьих и крестьянских хозяйств Амурской области. Т. 1., ч. 1. Поселенческие таблицы. СПб, 1912. С. 290
- 1526 Экономические очерки Амурской области. Благовещенск, 1920. С. 88, 90, 94

Лицензия ЛР № 040326 от 19 декабря 1997 г.
Подписано в печать 18.02.13. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе. Усл. печ. л. 27,7. Уч.-изд. л. 27,7.
Тираж 66 экз. Заказ 3048

Издательство Благовещенского государственного
педагогического университета.
Типография Благовещенского гос. пед. университета 675000,
Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Ленина, 104